Florence Hartmann

MIR I KAZNA

TAJNI RATOVI MEDUNARODNE POLITIKE I PRAVOSUDA

Флоренс Хартманн

МИР И НАКАЗАНИЕ

ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВОСУДИЯ

Автор вступительной статьи и научный редактор перевода
кандидат юридических наук, доцент
А. П. Евсеев

Перевод с сербско-хорватского языка
кандидата филологических наук **В. В. Близнюка**

Харьков
«Юрайт»
2018

УДК 341.36
ББК 67.51
Х 22

Хартманн Ф.

Х 22 **Мир и наказание: Тайные войны международной политики и правосудия**: научно-публицистическое издание / Вступ. ст. и науч. ред. А. П. Евсеева. Пер. с серб. В. В. Близнюка. 2-е изд. перераб. – Харьков : Юрайт, 2018. – 304 с.

ISBN 978-617-7450-05-3

В книге пресс-секретаря Прокуратуры Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии Ф. Хартманн в увлекательной форме повествуется о «скрытых пружинах» отправления международного уголовного правосудия. Приводятся политические портреты главных военных преступников, осужденных Трибуналом, в частности Р. Караджича и Р. Младича. Даются емкие психологические зарисовки взаимоотношений внутри Прокуратуры Трибунала, а также судейского корпуса, передается атмосфера протекания судебных разбирательств в целом. Особое место уделено судебному процессу по делу бывшего президента Сербии С. Милошевича.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-617-7450-05-3

УДК 341.36
ББК 67.51

© В. В. Близнюк, перевод, 2018
© А. П. Евсеев, вступительная статья и научное редактирование, 2018
© «Юрайт», оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.....5

ПРИМЕЧАНИЕ.....15

ПРЕДИСЛОВИЕ
РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....18

Глава I. СОГЛАШЕНИЕ НАДЕЖДЫ, ИЛИ КОГДА ПОЛИТИКА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЕЙСТВУЮТ В УНИСОН.....40
Соглашение Джинджич – дель Понте.....43
Об аресте Милошевича.....45
Европейское сопротивление.....48
Вклад международных конференций доноров.....50
Решающее вмешательство Джинджича.....54
Зависимость МТБЮ от великих держав.....58

Глава II. ЗА КУЛИСАМИ ПРОЦЕССА СЛОБОДАНА МИЛОШЕВИЧА.....73
Карла дель Понте против инертности Прокуратуры.....77
Продолжение следствия.....82
Схватка Блуитт – дель Понте.....85
Обвинительный акт против Милошевича: фон жестокой борьбы.....87
Гонка со временем.....90
Сараево и Сребреница: трудный поиск доказательств.....97
Отсутствие сотрудничества между великими державами.....104
Обсуждения обостряются.....106
В поисках неопровержимых доказательств: протоколы Высшего совета обороны Югославии.....111
Обвинение в преступлениях геноцида.....121
Доказательства, которые тяжко обвиняют.....128
Победа Карлы дель Понте.....135
Истинное лицо Слободана Милошевича.....137

Попытки сокрытия доказательств..... 143
Опасности возврата назад..... 149
Промахи Международного суда ООН..... 153

Глава III. ДЕЙТОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ..... 157
Консенсус ничего не даст..... 158
Франко-американское соперничество..... 171
Караджич – богатый и влиятельный беглец..... 182
Охота на Младича..... 189
«Дело Караджича»..... 194
Игра в «кошки-мышки»..... 206
Последние уступки..... 219
«Сребреницкий позор»..... 224

Глава IV. КОНЕЦ ИГРЫ..... 233
Закончить, как можно быстрее..... 236
Правовая угроза со стороны
Международного уголовного суда для США..... 244
Слишком дорогие суды..... 246
Карла дель Понте вытолкнута
из Международного трибунала по Руанде..... 256
Гамбургский счет и закрытие МТБЮ..... 264
Никаких больше новых обвинений..... 271
Взять Карлу дель Понте под контроль..... 276
Стратегия завершения..... 278
Право не может править миром..... 280
Гонка со временем за счет справедливости..... 285
Справедливость как символ..... 291

ЭПИЛОГ
НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ..... 297

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

31 декабря 2017 года завершил свою работу Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (далее – МТБЮ; Трибунал). По мере становления и функционирования последнего обнаруживались такие изменения в технологиях отправления международного уголовного правосудия, в профессиональном и обыденном правосознании людей, вовлеченных в его орбиту, проявлялись такие черты национального характера некогда единого югославского народа, возникали такие социально-психологические эффекты, которые должны быть описаны и проанализированы не только юристами, но и философами, историками, психологами и даже культурологами.

К сожалению, украинский читатель не избалован качественными переводами зарубежной литературы, посвященной деятельности Трибунала. Определенное исключение составляет, пожалуй, только недавно увидевшая свет книга «Они б и мухи не обидели», принадлежащая перу хорватской писательницы С. Дракулич[1]. В ней в яркой и запоминающейся форме дана характеристика судебных процессов, состоявшихся в МТБЮ над Милошевичем, Крстичем, Эрдемовичем, Елисичем и многими другими военными преступниками, запятнавшими свои руки кровью в нескончаемой череде Югославских войн: в 1991 году в Хорватии, с 1992 по 1995 годы в Боснии и Герцеговине и, наконец, с 1998 по 1999 годы в Косово. Однако данное сочинение носит исключительно публицистический характер и по своему содержанию относится скорее к жанру судебной хроники, нежели научному исследованию.

Книга, которую читатель держит в руках, представляет собой работу совершенно иного плана. Еще в 2015 году усилиями представителей харьковской юридической школы был осуществлен перевод и последующее издание широко известной в кругах ученых-международников книги диалогов первого председателя МТБЮ А. Кассезе и профессора Утрехтского университета, бывшего судьи Токийского международного военного трибунала Б. Релинга[2]. В этой книге они

[1] Дракуліч С. Вони б і мухи не скривдили. Воєнні злочинці на суді в Гаазі. К.: Комора, 2018. 192 с.

[2] Релинг Б., Кассезе А. За кулисами Токийского процесса: размышления «поджигателя мира» / Пер. с англ. А. П. Евсеева. Х.: Юрайт, 2015. 192 с.

не только делились своими соображениями относительно будущего международного права и правосудия, но и освещали любопытные, доселе неизвестные широкому кругу читателей подробности отправления правосудия в ходе Токийского судебного процесса над японскими милитаристами 1946-1948 годов. Тем самым раскрывались хотя и не фигурирующие непосредственно в судебных актах, однако витающие в совещательной комнате мотивы принятия тех или иных решений, традиционно скрытые от глаз публики. Предлагаемый читателю перевод на русский язык книги Ф. Хартманн «Мир и наказание: тайные войны международной политики и правосудия», впервые опубликованной во Франции в 2007 году издательством *Flammarion*, продолжает эту, надо признать, весьма полезную для украинской науки международного права традицию.

Почему же для перевода была выбрана книга именно Ф. Хартманн ?

Прежде всего чрезвычайно привлекательной представляется личность самого автора, не понаслышке знающего «скрытые пружины» функционирования Гаагского Трибунала, которого имеет смысл чуть подробнее представить отечественному читателю.

Флоренс Хартманн родилась в 1963 году в Париже – городе, с которым, за исключением периода работы в МТБЮ, была связана вся ее последующая жизнь. Несмотря на увлечение в школьные годы математикой и биологией, Хартманн тем не менее специализируется на литературе и международных отношениях, которые изучает в университете Парижа (тема ее магистерской диссертации была посвящена отношениям между Мексикой и США). Успешно закончив в 1985 году университет, Хартманн начинает сотрудничать с различными средствами массовой информации в качестве фрилансера. В самом начале 1990 года она становится специальным корреспондентом влиятельной французской газеты *Le Monde* в социалистической Югославии, в которой уже начинаются необратимые центробежные процессы. Фактически всю войну 1991-1995 годов, вплоть до мая 1994 года, Хартманн проводит в зоне боевых действий, информируя французских читателей о происходящем в этой стране. Ей первой среди своих коллег удается обнаружить месторасположение массового захоронения в Овчаре (Хорватия), содержащего останки 263 погибших бойцов «Хорватских сил обороны», вывезенных сербами из вуковарского госпиталя в ноябре 1991 года и там же казненных. Спустя 15 лет она будет свидетельствовать перед

МТБЮ о произошедшей резне, будучи привлеченной в качестве свидетеля по делу *Прокурор против Мркшича, Радича и Шливанчанина*. В 1994 году Хартманн вернулась в парижскую редакцию своей газеты, в которой проработала вплоть до осени 2000 года. В 1999 году внимание читателей всего мира привлекла ее первая книга – биография президента Сербии С. Милошевича «Диагональ сумасшедшего», обвиненного в том же году в тягчайших преступлениях против человечества и геноциде. На книгу обратили внимание в Гаагском трибунале, находившемся тогда на пике своего могущества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в октябре 2000 года тогдашний главный обвинитель МТБЮ легендарная К. дель Понте предложила ей стать пресс-секретарем Прокуратуры Трибунала, на должности которого Хартманн проработала ровно шесть лет до момента своей отставки в октябре 2006 года. Именно тесные связи с прокурором, чья книга, кстати сказать, была опубликована на русском языке в 2008 году и почти сразу стала библиографической редкостью[1], позволили Хартманн войти в «святую святых» - внутреннюю кухню Гаагского Трибунала, в особенности его Прокуратуры, с близкого расстояния увидеть многочисленные «подводные камни», обычно недоступные стороннему наблюдателю, на собственном опыте ощутить механику международного уголовного правосудия. Но самое главное, что К. дель Понте, искренне симпатизировавшая Хартманн и надеявшаяся, что та когда-нибудь поведует *urbi et orbi* о тех сложных условиях, в которых приходилось существовать Прокуратуре Трибунала, предоставила ей доступ даже к тем документам (отдельным доказательствам, стенограммам совещаний обвинения и судебных камер, секретным материалам югославского руководства), о которых, строго говоря, Хартманн не имела права знать.

Гром грянул уже после отставки, в 2007 году, когда увидела свет вторая книга журналистки - «Мир и наказание», перевод которой читатель держит в руках. Резонанс от опубликованного был настолько силен, что МТБЮ был вынужден отойти от своей практики и впервые привлечь к ответственности не за военные преступления, преступления против человечества или геноцид, а за разглашение тайны совещательной комнаты и неуважение к правосудию. В результате Хартманн была приговорена к неделе тюремного заключения и штрафу в 7 тысяч евро.

[1] Дель Понте К. Охота. Я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008. 640 с.

Помимо множества увлекательных деталей, которыми изобилует книга, но к которым крайне негативно отнеслись в Гааге, Хартманн впервые пролила свет на темную историю, касавшуюся рассмотрения дела *Босния и Герцеговина против Сербии* в Международном Суде ООН. Как известно, для того, чтобы Сербия несла ответственность перед Боснией за нарушение Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 года, в судебном порядке было необходимо доказать, что Сербия осуществляла «эффективный контроль» за подразделениями боснийских сербов, стремившихся любой ценой выдавить мусульманское население с тех земель Боснии, которые сербы считали своими, апогеем чего стала печально известная резня в Сребренице летом 1995 года, где за несколько дней было уничтожено более 8 тысяч мусульман. Пролить свет на степень контроля могли бы протоколы Высшего совета обороны Югославии – коллегиального совещательного органа тех лет, куда входили политические и военные лидеры сербско-черногорской федерации. Однако новое сербское руководство, опасавшееся необходимости расплачиваться за грехи Милошевича и выплачивать гигантские репарации Боснии, предварительно заручившись поддержкой великих держав (прежде всего США и Великобритании), смогло надавить на МТБЮ с тем, чтобы эти протоколы, хорошо известные и неоднократно исследованные в Гаагском Трибунале, не были переданы их коллегам в Международный Суд ООН, находящийся на расстоянии трех трамвайных остановок от Трибунала по бывшей Югославии. Тем самым МТБЮ позорно поддался политическому давлению, Международный Суд ООН согрешил против истины, а Босния осталась в горестном недоумении.

Немало страниц книги, в частности последней главы, посвящено также закулисной борьбе, которую вели США после прихода к власти республиканской администрации Дж. Буша-младшего, направленной на скорейшее закрытие МТБЮ и реализацию так называемой «Стратегии завершения» деятельности Трибунала. Это было связано, в первую очередь, с опасениями американского руководства, ведущего захватнические по своей природе войны в Афганистане и Ираке, касательно того, что наработанный Трибуналом прецедентный багаж рано или поздно будет использован против американских военнослужащих. Особенно эти опасения усилились с началом работы в 2002 году

постоянного Международного уголовного суда в той же Гааге. Самые сильные страницы книги – те, в которых Хартманн описывает закулисную борьбу, развернувшуюся между западными демократиями вокруг попыток скрыть собственную ответственность за произошедшее на Балканах. Ссылаясь на секретные документы, автор описывает, как, например, за несколько дней до резни в Сребренице президент Франции Ж. Ширак предупреждал президента США Б. Клинтона, к тому времени уже допустившего резню в Руанде и провалившего годом ранее военную операцию в Сомали, Совет Безопасности ООН, Генерального секретаря Организации о том, какую участь сербы подготовили плененным боснийцам. Ширак был даже готов собственными силами остановить готовящийся геноцид и поддержать дрогнувший голландский батальон миротворцев, дислоцировавшийся в тех краях. Однако мир не внял его мольбам. Санкции Совета Безопасности ООН на активные действия добиться так и не удалось. Результат известен.

В завершение хотелось бы отметить, что несмотря на пережитые трудности, Хартманн пользуется в Боснии почетом и уважением, лишним свидетельством чего является присуждение ей в 2015 году звания «Почетного гражданина города Сараево». Она часто привлекается международными неправительственными организациями в качестве эксперта по вопросам международного правосудия, ведет активную литературную деятельность. Она – счастливая мать двух уже совсем взрослых детей.

Мы подробно остановились на биографии Ф. Хартманн, но фактически ничего не сказали о содержании ее книги. В принципе особой надобности в этом нет – читатель и сам с ней скоро познакомится. Но несколько соображений позволим себе все-таки высказать.

Книга разбита на обширное предисловие и четыре главы. В предисловии автор подробно останавливается на истории создания Трибунала. Проводится мысль, что изначально никто не предполагал, что МТБЮ превратится в столь активного игрока на мировой юридической авансцене. На первых порах у Трибунала не было даже собственного помещения и минимального штата служащих. Финансирование же нового учреждения было предусмотрено международным сообществом только на первые три месяца его работы. В момент своего создания в 1993 году Трибунал мыслился скорее как некий громоотвод для государств-членов Совета Безопасности ООН, призванный, с од-

ной стороны, показать, что «хоть что-то делается», а с другой – избежать прямой военной интервенции в Боснию и Герцеговину, а ранее – в Хорватию, чреватую риском человеческих потерь в контингентах миротворцев и, как следствие, падением популярности национальных лидеров государств, которые могли бы туда послать свои войска. И только усилиями таких энтузиастов международного правосудия, как уже упоминавшийся нами А. Кассезе и сменившие его на посту председателя Трибунала Г. К. Макдональд и К. Жорда, прокуроры Трибунала Р. Голдстоун, Л. Арбур и, конечно же, К. дель Понте, удалось хотя бы частично восполнить «лакуну безнаказанности» и привлечь к ответственности всех мало-мальски значимых акторов противоборствующих сторон. Со всеми этими выдающимися людьми, грешниками и праведниками, читатель непременно встретится на страницах этой книги. Заметим попутно, что в общей сложности МТБЮ за 24 года своей деятельности обвинил в военных преступлениях 161 человека. Из них 94 были сербами, 29 – хорватами, 9 – албанцами и по 2 – македонцами и черногорцами. Процессы были завершены в 111 случаях (например, тот же Милошевич умер в камере предварительного заключения в Схевенингене, так и не дождавшись вынесения вердикта Трибуналом) и лишь в 21 из них подсудимые были оправданы.

В первой главе, названной «Соглашение надежды, или когда политика и справедливость действуют в унисон», раскрывается подоплека экстрадиции бывшего президента Сербии С. Милошевича в Гаагу. Дело в том, что после «Бульдозерной революции» 5 октября 2000 года, когда Милошевич отказался признать свое поражение на президентских выборах, тысячи людей заполонили улицы Белграда с требованием его отставки. В конечном итоге, спустя несколько дней диктатор был вынужден подчиниться. Победителем был официально объявлен профессор конституционного права В. Коштуница, не порвавший тем не менее с сербской националистической повесткой. В декабре того же года в Сербии прошли парламентские выборы, по результатам которых премьер-министром этой страны был избран доктор философии, ученик крупнейшего немецкого философа Ю. Хабермаса, видный политик демократической ориентации З. Джинджич, ставший подлинным мотором демократических преобразований в Сербии. Именно Джинджич одним из первых в новом белградском руководстве осознал ту простую истину, что перед ним стоит двуединая задача. С одной стороны, порвать с преступлениями прежнего режима, признав совершенные военные преступления таковыми, а не «борьбой с сепаратизмом» (именно по инициативе Джинджича были проведены раскопки в пригородах Белграда, в которых были найдены останки косовских албанцев), а с другой – усилить позиции демократической коалиции, все еще вынужденной сталкиваться с людьми Милошевича в государственном аппарате, полиции и вооруженных силах. А для достижения этой задачи необходимо было избавиться от присутствия Милошевича в Сербии. На этой основе сформировался консенсус между международной и национальной элитами в отношении его передачи МТБЮ. В этой связи любопытно, что вездесущие США обещали Сербии многомиллионную материальную поддержку в обмен на выдачу своего бывшего лидера. Хартманн описывает удивление министра иностранных дел Германии в правительстве Г. Шредера Й. Фишера, кстати, шапочно знавшего Джинджича в пору учебы последнего в Германии, заметившего однажды: «Никогда не думал, что Милошевич будет передан в обмен на деньги».

Вторая глава подробно, в деталях описывает ход и печальный исход судебного разбирательства по делу С. Милошевича. Особое внимание в работе уделено тем дискуссиям, которые шли в недрах самой Прокуратуры МТБЮ касательно степени личного участия Милошевича в «совместной преступной деятельности», осуществляемой с целью этнической чистки территории Хорватии, Боснии и Герцеговины и, в меньшей степени, Косово, а также поведению на процессе самого подсудимого. Мы говорим «в меньшей степени», поскольку в период боевых действий 1998-1999 годов Косово входило в состав Сербии на правах автономного края, а потому проследить все приказы Верховного Главнокомандующего своим военно-полицейским силам не представляло для МТБЮ особого труда. В отношении же конфликтов в Хорватии и Боснии Милошевич пытался действовать чужими руками, опираясь в большей степени на местных сепаратистов и представляя названные конфликты как гражданскую войну, но не как скрытую интервенцию Сербии, стремившуюся вернуть соответствующие земли под контроль проживавших там сербов. Со ссылкой на засекреченные ранее архивные материалы Хартманн убедительно доказывает, что все военнослужащие армии боснийских сербов были поставлены на довольствие в Белграде, оттуда же шла колоссальная финансовая

и материально-техническая поддержка, без которой было бы невозможно вести боевые действия, и даже генеральское звание Р. Младичу было присвоено не лидером боснийских сербов Р. Караджичем, а тогдашним президентом сербско-черногорской федерации Лиличем. Поразительно, но многие сотрудники Прокуратуры, а также многочисленные аналитики, объединенные в специальные проблемные группы при Прокуратуре, закрывали глаза на добытые с таким трудом доказательства прямой вовлеченности в обозначенные процессы Милошевича, стремясь заставить К. дель Понте отказаться от обвинения по двум наиболее ярким эпизодам Боснийской войны – осаде Сараево и геноциде в Сребренице. Хартманн замечает, что скорее всего сотрудники Прокуратуры, на 90 % укомплектованные из американцев и представителей Британского Содружества, в отличие от швейцарки К. дель Понте банально выполняли заказ своих правительств, не желавших афишировать свою осведомленность об актах геноцида еще в период их совершения. Кроме того, после заключения Дейтонского мирного соглашения 1995 года Милошевич рассматривался зарубежными дипломатами не как активный участник, а, напротив, как посредник в благородном деле урегулирования югославского кризиса, которого всегда можно было попросить каким-то образом повлиять на хорватских и боснийских сербов.

При чтении книги необходимо учитывать, что она увидела свет в 2007 году и с тех пор не переиздавалась. Однако за прошедшее десятилетие в жизни МТБЮ и его судебного близнеца – Международного уголовного трибунала по Руанде – произошли серьезные изменения. В 2010 году с прицелом на завершение деятельности обоих трибуналов был создан так называемый «Международный остаточный механизм для уголовного правосудия», который сегодня является полноправным преемником названных трибуналов, рассматривая оставшиеся после закрытия в конце 2017 года дела МТБЮ. Так, в настоящее время он рассматривает дело по обвинению руководителей сербских спецслужб времен войны Й. Станишича и Ф. Симатовича, на стадии апелляции находятся дела политического и военного лидеров боснийских сербов Р. Караджича и Р. Младича соответственно, безрезультатным поискам которых в течение долгих лет посвящена вся третья глава книги.

В этой связи отметим, что 24 марта 2016 года Судебная камера МТБЮ признала Р. Караджича виновным в геноциде, преступлениях

против человечества и нарушении законов и обычаев войны и приговорила его к 40 годам тюремного заключения. 22 ноября 2017 года другой судебный состав вынес решение по делу Р. Младича, признав его виновным в тех же преступлениях, что и Караджича, и приговорив к пожизненному заключению. Совсем недавно, 11 апреля 2018 года, Международный остаточный механизм вынес апелляционное решение в отношении идеолога «великосербского шовинизма» В. Шешеля, отменив шокировавший многих оправдательный приговор первой инстанции и назначив наказание в виде 10 лет лишения свободы, впрочем, зачтя при этом 12 лет, проведенных им ранее под стражей. А вот хорватскому и косовскому военачальникам, с которыми читатель также столкнется на страницах книги, повезло больше, чем сербам.

16 ноября 2012 года решением Апелляционной палаты МТБЮ был полностью оправдан хорватский генерал А. Готовина, ответственный за проведение печально известной операции хорватских сил «Буря-95», в ходе которой в Хорватии был уничтожен сербский анклав Республика Сербская Краина. Как следствие, были сведены на «нет» усилия международного сообщества и национальных властей Хорватии, направленные на поистине детективную поимку Готовины и его последующую экстрадицию в Гаагу[1]. Между тем операция «Буря» стала крупнейшей наземной войсковой операцией в Европе со времен Второй мировой войны, приведшей к убийствам и бесчеловечному обращению с тысячами этнических сербов, насильственному перемещению около 200 тысяч сербов с территории Хорватии, а также уничтожению и разграблению их имущества на сотни миллионов долларов. Не менее удачная судьба постигла Р. Харадиная, обвиненного в убийствах сербского и цыганского населения на территории автономного края Косово, что, впрочем, не помешало ему возглавить в прошлом году правительство непризнанного государства. Харадинаю дважды, в 2008 и 2012 годах, выносились оправдательные приговоры при том, что, по меньшей мере, трое свидетелей его преступлений были убиты в период судебного следствия. Всего же после 1999 года в Косово погибло около 40 албанских свидетелей преступлений, со-

[1] Подробнее о «казусе Готовины» см.: Антонов А. Решение Трибунала по бывшей Югославии в деле *Готовина/Маркач* как отражение отдельных тенденций развития международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 121-127.

вершенных «Армией освобождения Косово». Справедливости ради отметим, что в начале 2017 года опять-таки Франция, традиционно стремящаяся быть поборником законности и правосвобод, на основании ордера, выданного Сербией, попыталась задержать Харадиная по обвинению в военных преступлениях, однако через неделю он был отпущен под подписку о невыезде. Разумеется, обо всем этом в 2007 году Ф. Хартманн знать не могла.

К сожалению, хотя с момента окончания последнего акта Югославской драмы – войны в Косово - прошло почти 20 лет, мир за эти годы не стал безопаснее, а авторитет международного правосудия – едва ли повысился. Идет необъявленная война в Украине, изнывает от бомбардировок сил коалиции и зверств ИГИЛ Сирия, по-прежнему неспокойно в Африке, все так же, как и двадцать лет назад, различные политические силы пытаются дестабилизировать Балканы. Можно даже сказать, что грохот «военного барабана» сегодня слышен как никогда громко со времен окончания Второй мировой войны. Для людей мира это сигнал тревоги. Нельзя позволить тем, кто дает команду «барабанщикам», переступить, по выражению американского писателя Дж. Джонса, «тонкую красную линию», отделяющую мир от ужасов войны.

А. П. Евсеев

Жертвам массовых преступлений посвящается

Правда и точность, а не страсть
Р. Арон

ПРИМЕЧАНИЕ

Описанные в этой книге события происходят за кулисами международной политики и судебной системы. Автор, бывшая журналистка «Le Monde», не предлагает нам, однако, журналистского расследования, но как непосредственный свидетель приоткрывает нам эту закрытую дверь. Доводы и сведения, которые читатель будет находить, собраны не от лиц, присутствовавших на совещаниях, переговорах или закрытых заседаниях, где происходит большинство событий, а являются такими, которые автор непосредственно слышала и записала.

В качестве представителя и советника по Балканам прокурора Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (далее - МТБЮ) с октября 2000 года по октябрь 2006 года Флоренс Хартманн находилась в самом центре событий, о которых она говорит в данной работе. Как человек, присутствовавший на заседаниях, на которых принимались стратегические решения Трибунала, участвовавший во внутренних дискуссиях Прокуратуры о стратегиях уголовного преследования, она была включена в группу по подготовке совещаний и принимала участие в переговорах между прокурором Карлой дель Понте и высшими политическими чиновниками, была свидетелем их обмена мнениями по телефону, сопровождала прокурора во всех ее поездках. Теперь для нас она является гидом по миру, который до сих пор был скрыт от глаз публики.

Фигурально выражаясь, автор предлагает нам свои глаза и уши. Однако делает это как тщательная журналистка: информация собрана на основе личных заметок, а также проверенных и иногда дополненных протоколов заседаний и других внутренних отчетов, к которым она имела доступ. Источники указываются только для тех данных, которые не были собраны непосредственно ею или были получены за пределами деятельности МТБЮ. Но события, которые в течение

шести лет она переживала изнутри, не могут быть вырваны из контекста и отделены от периода до ее прибытия в Гаагу (местонахождение МТБЮ в Нидерландах). Автор, таким образом, на основании внутренних документов реконструирует факты, предшествовавшие октябрю 2000 года, пытаясь коснуться наименее известных или даже невообразимых аспектов этого периода.

В одной из глав книги приводится определенный ряд элементов доказательств, представленных на процессе Слободана Милошевича, первого главы государства, который был осужден международным трибуналом. Некоторые из этих подлинных документов доступны в Интернете, в частности, перехват телефонных разговоров, которые читатель может там найти. Трибунал на своем веб-сайте (www.un.org/icty) собрал протоколы судебных заседаний и судебные решения, но не систематизировал доказательства, полученные в ходе различных судебных процессов. Автор решила полагаться не на рассеянные и труднодоступные документы, а на показания, которые давались на открытых слушаниях.

Международное правосудие принадлежит всем нам, ибо было создано, чтобы быть на службе Человечества. Открыть его скрытое лицо представляется необходимым, в силу чего приведенные данные обеспечивают лучшее понимание, а потому и лучшее восприятие ролей, которые распределяются без нашего ведома.

За закрытыми дверями все хранится в тайне. Лишь незначительная часть выплывает наружу десятилетия спустя после открытия архивов. Все, что было сказано или обещано, не следует забывать, потому что каждое слово может впоследствии приобрести особое значение. В зависимости от степени конфиденциальности эти записи или сдаются в архивы, или осторожно откладываются в сторону в распоряжение уполномоченного лица, которое решает передавать их или нет своему преемнику.

На некоторых заседаниях участников просят ничего не записывать. Могут даже потребовать, чтобы ни один из документов, которые обсуждались, не выносился из помещения. Иногда юристов одной из сторон просят выйти. Иногда этого требуют избирательно. Ведущий заседания может потребовать, в зависимости от темы, удаления одного из юристов из-за его гражданства под тем предлогом, что информация, которой обмениваются, может интересовать его правительство.

Другим же, напротив, предлагают остаться. Некоторые высокопоставленные чиновники предпочитают разговоры с глазу на глаз на лоне природы или в отдельных кабинетах, чтобы обеспечить полную конфиденциальность обсуждения. Как это нередко бывает, в конце таких разговоров не остается никаких записей, даже личных.

Записи, сдаваемые в архивы, подытоживают содержание дискуссии и выделяют основные моменты. Поскольку они синтезированы и перефразированы, те, кто составляют эти записи, не передают дословно человеческие или иногда «нечеловеческие» параметры этих выступлений и реакций, а также слова, которые были использованы. Поэтому автор решила давать только подлинные выступления различных участников, чтобы без фильтра пропустить читателей в запретную зону.

ПРЕДИСЛОВИЕ
РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Политика – это искусство мешать людям заниматься тем, что их касается.
П. Валери

Спустя шестьдесят лет после трибуналов в Нюрнберге и Токио международное правосудие обретает «второе дыхание», на которое оно уже не надеялось. С целью преодоления безнаказанности совершается огромный шаг в развитии человечества. Но этот проект, в который каждое человеческое существо, подверженное военной опасности, вкладывает столько надежд, не может остаться незавершенным - международное правосудие должно мало-помалу распространиться на всех и каждого. Созданный в 1993 году Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (далее - МТБЮ), а затем и Международный уголовный трибунал по Руанде (далее - МТР), возникший годом позже, стали предшественниками Международного уголовного суда (далее – МУС), который в настоящее время добивается привлечения к ответственности главных военных преступников в диапазоне от Демократической Республики Конго до Судана и Уганды. В каком же окружении развивались эти первые международные инстанции после тех, что были созданы вследствие завершения Второй мировой войны? Каковы были их успехи, ошибки, какие битвы они вели? Если спустя пятнадцать лет после его создания, мы заглянем за кулисы МТБЮ, то найдем ответы на многие вопросы и прольем свет на проблемы, с которыми в последующие годы и десятилетия может сталкиваться международное правосудие, изо всех сил пытающееся сегодня быть эффективным.

10 марта 1998 года Луиза Арбур, Прокурор МТБЮ, обеспокоилась ухудшением ситуации в Косово. Она предупреждает, что несет ответственность за всю территорию бывшей Югославии и что «получает информацию и доказательства об инцидентах в Косово». В феврале Милошевич направил специальные подразделения в долину Дренницы, колыбель албанского восстания, где, как предполагалось, было местонахождение «Армии освобождения Косово» (АОК). Ситуация

неумолимо скатывалась к войне. 7 июля Луиза Арбур повышает тон: «Инциденты переросли в вооруженный конфликт... поэтому я намерена выдвинуть обвинения в преступлениях против человечности и военных преступлениях, если доказательства подтвердятся». Великие державы ее поддерживают. Две резолюции Совета Безопасности ООН от 31 марта и 23 сентября 1998 года подтверждают юрисдикцию Трибунала в отношении Косово и обязанность властей в Белграде сотрудничать с ним. Тем не менее это воодушевление, при котором кажется, что судебная система имеет приоритет над политикой, недолговечно. Для того, чтобы заставить Милошевича вести переговоры, американцы и европейцы своей поддержкой Трибунала пытаются придать вес обвинениям против личности, наиболее ответственной за эту новую кампанию этнических чисток на Балканах в конце XX века.

13 октября 1998 года Милошевич подписывает соглашение о прекращении огня с американским представителем на переговорах Ричардом Холбруком, который и не вспоминает о МТБЮ. «Юрисдикция Трибунала не может быть ставкой на каких-либо переговорах», – сразу же заявила прокурор. Для того, чтобы лично убедиться в том, что преступления действительно были совершены, она заявляет, что хочет лично прибыть на место преступления. Милошевич противится. Выдает ей визу только до Белграда, от поездки в который она отказывается. Ее неоднократные просьбы пустить в Косово своих следователей остаются на бумаге. Совет Безопасности не хочет ставить под угрозу перемирие, осуждая отказ Белграда от сотрудничества с международным правосудием. Для великих держав Трибунал является лишь инструментом, который им полезен, если служит их политическим намерениям.

Милошевича не пугают угрозы канадской юристки. 15 января 1999 года его войска заняли село Рачак и уничтожили сорок косовских крестьян. Тем самым перемирие было нарушено. Руководитель международной миссии, которой было поручено наблюдение за прекращением огня в Косово, Уильям Уокер немедленно заявляет о «преступлении против человечности». Луиза Арбур в ярости звонит Уокеру.

«Направьте своих специалистов в течение 24 часов, с визой или без нее», – предлагает американец. Луиза Арбур 19 января появляется на границе Македонии и Косово. Препятствие является непреодолимым. Таможенник издевается, листая паспорт старшего прокурора,

устанавливает, что у нее нет визы, и приказывает ей вернуться назад с ее впечатляющей журналистской свитой. Поражение это тем более болезненно, что она не получает никакой политической поддержки из столиц стран, которые пять лет назад учредили Трибунал. Несмотря на возникший соблазн уйти в отставку, Луиза Арбур воздерживается от этого после возвращения в Гаагу. Весь Трибунал устраивает ей триумфальный прием. Она определилась - этой поездкой был косвенно подан сигнал Милошевичу, что тот находится под следствием.

Но теперь наступает время дипломатии. После двух недель переговоров в Рамбуйе появляется проект соглашения, который не учитывает мнения Трибунала. В который раз политический прагматизм превалирует над судебной системой. Американская судья Габриэль Керк Макдональд, президент Трибунала, направляет 23 февраля открытое письмо французскому и британскому министрам иностранных дел Робину Куку и Юберу Ведрину. Она призывает их «не поступаться принципами, на которых зиждится Трибунал, в пользу краткосрочных политических интересов». «Нет мира без справедливости», – подтверждает и прокурор. Милошевич решает за всех – он не желает ни мира, ни справедливости.

В ночь с 23 на 24 марта 1999 года НАТО начинает операцию союзных сил против режима в Белграде. Преступления не прекращаются, их даже становится больше. Сотни тысяч албанцев были депортированы через границу с Косово. 26 марта Луиза Арбур предупредила Милошевича, что будет «расследовать все серьезные нарушения международного гуманитарного права, в частности, преступления против гражданского населения...». Для западных столиц Милошевич больше не является ключом к решению проблем на Балканах, но самой сутью проблем. Они вновь видят в Трибунале оружие против поджигателей войны. В Брюсселе, Лондоне, Париже и Вашингтоне Луизу Арбур встречают с распростертыми объятиями. Западные чиновники обещают передать в Гаагский трибунал «всю информацию», которой они располагают, об операциях вооруженных сил, их организации, командном составе и совершенных преступлениях. В конечном итоге, ей передают лишь малую часть. Но прежде всего возникает желание заклеймить противника, чтобы лучше оправдать продолжение натовских бомбардировок Сербии. И чтобы достичь этого, не колеблясь, сравнивают Милошевича с Гитлером и Сталиным, а также называют

его, как об этом заявил Робин Кук, «серийным этническим чистильщиком». Джордж Робертсон, министр обороны Великобритании, обвиняет его в геноцидальных планах. Это термин, которого обычно избегают западные правительства, когда не хотят вмешиваться в ситуацию. Ввиду того, что международная Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него обязывает к действиям с целью предотвратить или остановить подобные зверства, главы западных государств не прибегали к использованию этого термина несколько лет назад в Боснии, не говоря уже о Руанде.

Луиза Арбур не обманывается. Ее работу инструментализируют. Но международное правосудие слишком часто становилось жертвой политической целесообразности, поэтому она не слишком радуется этой поддержке. Следователи МТБЮ начинают собирать первые свидетельства беженцев, покинувших Косово. В Гааге Луиза Арбур лично занимается этой темой. Назначает двух молодых американских адвокатов, Нэнси Паттерсон и Клинта Уильямсона, чтобы они подготовили обвинительное заключение. Как дирижер она руководит этими юристами и изучает каждый документ, каждую часть доказательств, собранных ее следователями, а также международными неправительственными организациями. Луиза Арбур знает, что она участвует в гонке со временем. В начале мая удары НАТО еще не вынудили Милошевича сдаться, и он по-прежнему отказывается от развертывания международных сил в Косово. Международное сообщество находится в тупике. Луиза Арбур опасается, что Милошевичу предложат сделку: прибытие международных сил в обмен на прекращение следствия, которое ведет против него МТБЮ. В конце концов, военачальники имеют все основания торговаться о своей свободе в обмен на мир. В середине мая Белград подает надежду на открытость и заявляет о приемлемости предложения о развертывании военных сил, «несмотря на некоторые преграды». Канадский прокурор предупреждает: «Что касается нас, не может быть никаких форм иммунитета. Мы будем идти до тех пор, пока нам это позволяют доказательства». Она решает нанести сокрушительный удар, в то время как продолжаются дипломатические маневры с целью достижения договоренностей.

В субботу 22 мая в своем офисе в Гааге, Нидерландах, Луиза Арбур подписывает обвинительное заключение. В качестве главного обвиняемого указывается Слободан Милошевич. Впервые в истории

международное правосудие обвинило одного из глав государств в преступлениях против человечности. Луиза Арбур предварительно никого не уведомила о своем решении. Она отказалась от консультаций с великими державами из-за опасения, что те могут оказать на нее давление. Сообщила об этом только нескольким близким соратникам. Но многие еще взвешивают «за» и «против», а некоторые просто боятся. Луиза Арбур и ее окружение получили более или менее явные сигналы из некоторых дипломатических представительств, откуда исходило все то, что могло замедлить или осложнить решение кризиса: они боятся дополнительных препятствий на пути достижения соглашения, к которому никак не могут прийти. А ведь все идет к тому, что Милошевич, похоже, готов принять предложение «Большой восьмерки» о прекращении насилия в Косово.[1] Он также не хочет отказываться ни от одного из участников переговоров, с которым можно принять решение о мире. Следовательно, обвинение было бы преждевременным, даже имело бы «катастрофические последствия», потому что будет исходить опасность тому, чего «Милошевич действительно хочет». «Обвинение может поставить под угрозу перспективы достижения мира», – сказал посол из Москвы, который специально прибыл в Гаагу. Луиза Арбур пожимает плечами. То же самое делает и перед американцами, которые берут на себя инициативу и терпеливо ждут благоприятного момента. «Я полагаю, что Мадлен Олбрайт не должна меня искать», – заявляет она одному из американских участников переговоров, который предлагает организовать ее разговор по телефону с государственным секретарем США. В любом случае, поздно – обвинительное заключение уже подписано.

«‘Будьте непреклонной’, - сказала Мадлен Олбрайт во время моего назначения (в МТБЮ, в сентябре 1996 года; цитируется по архивным данным); вот и хорошо, я покажу, что я непреклонна», – заявляет Луиза Арбур в лицо Кристиану Шартье, тогдашнему пресс-секретарю Трибунала. Канадка «метит» свою территорию, как бы пытаясь предотвратить любое политическое вмешательство. Когда она сделала свое дело, то «потерялась» на сорок восемь часов на юге Франции у друга. Она выдвинула обвинительное заключение не только против

[1] 26 мая 1999 года восемь наиболее промышленно развитых стран в рамках «Большой восьмерки» договорились о «развертывании в Косово международных сил гражданской и эффективной безопасности».

Слободана Милошевича, но и против всего сербского руководства, участвовавшего в преступлениях против косовских албанцев. Наряду с Миланом Милутиновичем, президентом Сербии, в этом списке были и Драголюб Ойданич, начальник Генерального штаба, и вице-премьер союзного правительства Никола Шаинович, и министр внутренних дел Сербии Влайко Стоилькович. Но в соответствии с процедурными правилами МТБЮ обвинительное заключение не является действительным до тех пор, пока его не подтвердит и не подпишет судья. Поэтому все дело, три тысячи страниц в десяти толстых папках, было передано судье Дэвиду Ханту. После выходных по случаю Троицы, которые он провел в заточении в своем кабинете, изучая дело, австралийский судья подписал 24 мая решение, подтверждающее обвинение, и соответствующий ордер на арест Милошевича.

Но Луиза Арбур не желает обнародовать обвинительное заключение вплоть до четверга 27 мая. Причина очень проста. Один из следователей Трибунала находится в Белграде в составе миссии ООН во главе с Серджио Виейра де Мелло. Делегация покидает территорию Сербии в четверг утром. Луиза Арбур отказывается от малейшего риска. Во вторник, 25 мая, она летит в Стокгольм, где Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан участвует в работе конференции. Ему первому она сообщает обо всем. Затем посылает зашифрованное сообщение министру иностранных дел Голландии Йозиасу ван Артсену: «Высланы мячи для гольфа». Теперь министр знает, что обвинения подтверждены, и он должен в соответствии с тщательно подготовленным планом, весьма конфиденциально, уведомить некоторых своих коллег, каким образом они могли бы отозвать своих соотечественников, находящихся в составе миссии в этом регионе. Данные должны просочиться из американских источников. К концу дня, в среду 26 мая, канал CNN сообщил, что Слободана Милошевича разыскивает Гаагский Трибунал без ссылки на источник. Луиза Арбур созывает пресс-конференцию на следующий день. Перед переполненным залом она зачитывает обвинительное заключение против «белградской пятерки» за депортацию семисот сорока тысяч косовских албанцев и убийство не менее трехсот сорока идентифицированных лиц. Чтобы пресечь попытки тех, кто с радостью будет указывать на опасность, которую представляет этот обвинительный акт продолжающемуся мирному процессу, она заявляет: «Я уверена точно так же, как это было задекларировано

Советом Безопасности, когда он основал Трибунал, и когда он неоднократно в течение последних месяцев призывал обратить внимание на Косово, что плоды наших усилий будут значительным вкладом в дело мира. Никакой продолжительный и подлинный мир не может основываться на несправедливости и безнаказанности. Отказ от привлечения военных преступников к ответственности за их действия был бы оскорблением для тех, кто соблюдает закон, и предательством тех, кто доверяет свою жизнь закону и безопасности». Несколько недель спустя Луиза Арбур покидает Трибунал.

Обвинение против Слободана Милошевича удивило западных правителей, которые, несмотря на преступления, все еще считали его необходимой стороной переговоров. Это сужает их возможности для маневра в самый разгар переговорного процесса. Перед категорическим требованием мира дипломаты не стесняются обвинять «голое» правосудие, которое не считается с их попытками усадить военачальников за стол переговоров. Обвинение против главы государства может, по их мнению, подорвать любую надежду на то, что мир будет достигнут путем переговоров. И под предлогом борьбы против несправедливости, он может быть отсрочен. Но большинство из них предпочитает скрыть свое смущение от публичных заявлений в пользу Трибунала и борьбы с безнаказанностью. Только Москва открыто осудила решение, назвав его «политическим» и указав на то, что оно принято в самый неподходящий момент. Во Франции Жан-Пьер Шевенман, министр внутренних дел, единственный, кто осуждает «эту инициативу, (которая; цитируется по архивным данным) не служит делу мира».

Как хозяин войны и мира в течение восьми лет, Слободан Милошевич думал, что он неприкасаемый. Если бы он не зашел слишком далеко в Косово, то, вероятно, никогда не был бы привлечён к ответственности. Теперь, прижатый к стенке, находясь между молотом правосудия и наковальней НАТО и опасаясь, что этим обвинительным заключением он будет удален из игры, Милошевич вынужден сдаться. Он полагал, что благодаря доброте Москвы и двойной игре Запада сможет избежать гнева МТБЮ. В ситуации категорического требования мира, который покупается любой ценой, причем часто предполагается смотреть сквозь пальцы на своих партнеров по переговорам, Милошевич верил в свою безнаказанность. Но ни ему ли уже позволили однажды уйти от ответственности, когда он подписал договор о

мире в Боснии после кровопролития в течение трех с половиной лет и резни в Сребренице, о чем у Вашингтона, между прочим, имелись доказательства его причастности? Теперь его победил боевой дух Луизы Арбур. Милошевич был вынужден отозвать своих «псов войны» и опустить оружие. Трибунал одержал победу там, где не удалось дипломатии. «Мы считаем, что правда является матерью мира», – ликует в июле Мадлен Олбрайт.

Два посланника, русский Виктор Черномырдин и финн Мартти Ахтисаари, встретятся с Милошевичем в начале июня, чтобы скрепить подписями условия мира, которые Резолюцией 1244 Совета Безопасности будут официально объявлены 10 июня 1999 года. «Обвинение ничего не меняет», – заявили в Государственном департаменте США. Когда восстановится мир, Слободан Милошевич, первый президент при власти, обвиненный международным правосудием, останется недоступным для правосудия. НАТО, которое держит вооруженные силы в Косово для гарантии мира, не имеет ни доступа на территорию Сербии, ни полномочий на арест военных преступников. А Клинтон признается: «Если он останется в Сербии, то, вероятно, не будет выдан. Но я не думаю, что Североатлантический альянс может ворваться в Белград, чтобы вручить ему обвинительное заключение»[1].

Бумажный тигр рычал и показывал когти, но в дальнейшем был абсолютно безобиден. Обвинив Слободана Милошевича, Трибунал тем самым доказал обоснованность своего существования. В правительственных органах, также как и в самом МТБЮ, никто в действительности не верил, что кровожадный лидер в один прекрасный день будет осужден. Обвинительное заключение вызывает единодушие, потому что всем успокаивает совесть. Но торжество правосудия по-прежнему маловероятно. Для великих держав арест Милошевича не является целью. Таким образом, пока Сербии обещают существенную материальную помощь, как только Милошевич будет отстранен от власти, его арест не в приоритете. Все в Белграде считают, что Милошевич вновь получит некую форму иммунитета в обмен на поддержку мирного плана по Косово.

[1] В распоряжении Вашингтона, в частности, находились записи телефонных разговоров, стенограммы которых Алберт Гор, вице-президент США, представил европейским посредникам, участвовавшим в процессе переговоров о мире в Боснии на совещании в августе 1995 года в Белом доме.

Луиза Арбур быстро поняла двуличие государств в связи с применением норм международного права, когда это угрожает нарушить политические расчеты. Она поняла, как трудно международному правосудию сохранить контроль над своей уголовной стратегией, без которой оно не может стремиться к независимости, в то время как сильные мира сего узурпируют власть, как трудно принимать решение о целесообразности судебного преследования, когда главы государств или высокопоставленные лица, подозреваемые в совершении массовых преступлений, оказываются единственными, кто может подписать мирные соглашения. Международная дипломатия по-прежнему готова жертвовать справедливостью под предлогом того, что справедливость может привести к продолжению войны, смерти и страданиям целых народов. Забывая при этом, что Милошевич был «крестным отцом» наиболее заметных кровопролитий в бывшей Югославии, сначала в Сребренице, а затем в Косово, всякий раз, когда дипломатия приступала к процессу мирных переговоров с ним. Ранее Луизу Арбур ее предшественник Ричард Голдстоун уже предупреждал: «Мир, который парафируют военные преступники, стоит не более, чем чернила и бумага, которые они используют». Самой чувствительной проблемой международного права было и остается то, что в рамках международных отношений по-прежнему используются два противоборствующих подхода, несовместимых друг с другом: первый, идеалистический, когда отдается приоритет поиску справедливости, и второй - прагматичный, когда приоритет отдается поиску мира.

«Причины, которые натолкнули Совет Безопасности на мысль учредить Трибунал, с самого начала были сомнительными. В ходе переговоров, которые предшествовали созданию международного правосудия, четко обозначилось, что определенное количество постоянных членов Совета Безопасности рассматривает Трибунал как возможное препятствие для разрешения кризиса путем заключения соглашений. В частности, Россия закулисно действовала так, как будто уверовала в то, что Трибунал будет только фасадом. Мотивы США тоже были не совсем чистыми. Главный американский участник переговоров США на Балканах Ричард Холбрук признался, что его правительство воспринимает Трибунал в качестве обычного средства для публичного использования и как политически полезный инструмент. Вашингтон предполагал, что Трибунал даже если и будет привлекать к ответствен-

ности, то только виновников второго плана, а в своих обвинительных актах будет избегать критики того, что великие державы сделали недостаточно для прекращения кровопролития. Обвинения должны были служить и тому, чтобы дипломатически изолировать лидеров, подозреваемых в совершении преступлений, с целью усиления роли их противников на внутренней сцене и поощрения международной политической воли, дабы достичь своих целей экономическими санкциями или силовыми методами. США и Великобритания думали сначала, что обвинительное заключение против Милошевича уменьшит перспективы мира, но вскоре поняли, что это - эффективный инструмент для демонизации сербских лидеров и общественной поддержки натовских бомбардировок Сербии», – пишет американский юрист Майкл Шарф, который три года назад был одним из составителей Устава Трибунала.[1]

«Пятнадцать голосов «за», ни одного «против», воздержавшихся нет. Решение принято единогласно», - так 25 мая 1993 года русский посол, который председательствовал на Совете Безопасности ООН, объявил о создании МТБЮ, первой международной судебной инстанции после Трибуналов в Нюрнберге и Токио. Это был исторический момент.[2]

Вопреки ненависти и варварству, которые тогда бушевали вокруг Сараево, европейского города, который уже более года мученически переносил бомбардировки, добросовестно показываемые международными телевизионными каналами, вопреки изможденным лицам мусульманских заключенных сербских лагерей в Приедоре, от которых, возможно, отвернулся бы взгляд, если бы средства массовой информации не спасли их от забвения в середине лета 1992 года, власть имущие демонстрируют образ цивилизации, основанной на законе, как это было раньше, когда перед Антихристом махали распятием. Ибо даже если у него есть мечта о победе закона над насилием только силой своих убеждений и своего разума, правосудие не может остано-

[1] Scharf Michael, Indicted for War Crimes, then what?, Washington Post, 3.10.1999.

[2] Трибунал был создан двумя резолюциями Совета Безопасности ООН, № 808 от 22 февраля 1993 года и № 827 от 25 мая 1993 года, которые определяют его статус и обязывают все государства в полной мере сотрудничать с МТБЮ. Трибунал находится в Гааге, Нидерландах.

вить войну. Оно не может заменить политических действий, потому что его роль не действовать, а судить.

В 1993 году пришло время если не активных действий, то, по крайней мере, заявлений о добрых намерениях. Вместо ответной войны на устах у власть имущих были универсальные ценности человечества, которые в очередной раз попрали. Мир реальной политики переносится в область добрых намерений, требований морального характера, присоединяется к формированию международного общественного мнения, предлагает прекращение преступлений вместо прямого вмешательства, дабы их остановить. Великие державы соревнуются в демонстрации своей воли, чтобы разорвать порочный круг насилия, мести и ненависти. Они уверяют, что Трибунал будет оружием сдерживания, что уже сегодня он является угрозой для тех, кто несет ответственность за самые ужасные преступления.

«Этой акцией мы объявляем вам, жертвам, что ваша агония, ваше самопожертвование и ваша надежда на справедливость не игнорируются. А тем, кто совершил ужасные преступления, мы четко говорим о том, что военным преступникам будут предъявлены уголовные обвинения, и что справедливость восторжествует», – заявляет перед Советом Безопасности Мадлен Олбрайт, посол США при Организации Объединенных Наций.

МТБЮ рождается по желанию стран-членов Совета Безопасности, исполнительного органа Организации Объединенных Наций, на основании главы VII Устава ООН - той самой, которая позволяет любые формы вмешательства, в том числе силовые, дабы остановить этнические чистки. Миссия, которая ему вверена, заключается в следующем: искать и привлекать к ответственности лиц, которые считаются виновными в серьезных нарушениях международного гуманитарного права, совершенных с января 1991 года на территории бывшей Югославии.

Устав Трибунала обеспечивает независимость судебной власти. Подчеркивается, что судьи являются независимыми (статья 12), а прокурор, ответственный за расследование дел и обвинение лиц, не запрашивает и не получает указаний от какого бы то ни было правительства или из какого-либо другого источника (статья 16). В остальном страны обязаны в полной мере сотрудничать с Трибуналом и незамедлительно реагировать на любую просьбу о помощи

или на любое требование, к которым, среди прочего, относится сбор свидетельских показаний и доказательств, а также арест и задержание обвиняемых и выдача их Трибуналу (статья 29). Сильные мира сего создают на бумаге почти идеальную судебную систему. А это, как ни парадоксально, лишний раз доказывает, что они никогда не думали о том, что в один прекрасный день она начнет еще и работать. Об этом свидетельствует Мадлен Олбрайт: «Было легко голосовать за Резолюцию, но тогда никто не предполагал, что эта система в один прекрасный день может начать функционировать. Все думали, что никогда не будет ни обвиняемых, ни процессов. Даже самые оптимистично настроенные соглашались с тем, что никогда не будет ни судебных разбирательств, ни приговоров».[1]

Никто не обольщался. Ведь выполнение миссии Трибунала напрямую зависит от доброй воли его учредителей в Совете Безопасности и от их политических интересов.[2]

На следующий день после принятия присяги первыми судьями, 17 ноября 1993 года, международная пресса выражает скептицизм. Пока в Боснии продолжается война и совершаются преступления, Трибунал обречен на неудачу: «Беззубый Трибунал», «Оправдание: великие державы стремятся только успокоить свою совесть; сомневаются и в то же время участвуют в мирных переговорах под эгидой Организации Объединенных Наций».

«Мы приняли присягу 17 ноября и решили в начале декабря уйти в отпуск», – вспоминает итальянский судья Антонио Кассезе, первый президент Трибунала. «Были только судьи, больше ничего (...) В начале у нас не было никакого бюджета. Организация Объединенных Наций выделила мало средств, ничтожное количество на три следующих месяца, подобно тому, как выдают ребенку с рекомендацией не тратить все сразу». «Как можно прекратить работу Трибунала, когда вы даже не можете туда трудоустроить людей?» – вопрошает его амери-

[1] Олбрайт Мадлен, показания на слушаниях в суде над Биляной Плавшич, МТБЮ, декабрь 2002 года.

[2] Пятью постоянными членами ООН являются США, Великобритания, Франция, Россия и Китай. Россия, а также Китай, демонстрируют пассивное поведение, оставляя право трем другим постоянным членам решать проблемы МТБЮ. Они становятся активными только тогда, когда речь идет о бюджетных ограничениях и возможности роспуска Трибунала.

канская коллега Габриэль Керк Макдональд. Южноафриканец Ричард Голдстоун, первый прокурор МТБЮ, вспоминает: «Когда я прибыл в Трибунал в августе 1994 года, залы были пусты, там было всего несколько стульев и столы. Даже люди с лучшими намерениями поставили крест на Трибунале, не говоря уже о противниках правосудия».[1]

Честно признаться, в мире никогда не было желания создать эффективный и независимый правовой инструмент, а доверие к сладкозвучным заявлениям западных правительств о безоговорочной поддержке борьбы с безнаказанностью было весьма невелико. Ведь по логике высшей гражданской целесообразности именно амнистия по-прежнему считается главным дипломатическим козырем. Независимо от того, как бы смело он не выглядел, этот жест является лишь ширмой, скрывающей лицемерие великих держав, которым в спешке нужно было найти самый дешевый способ успокоить совесть, к чему их призывает общественное мнение, глубоко потрясенное преступлениями, масштабы и ужас которых требуют ответа. Этот Трибунал, который подает столько надежд, для его создателей является лишь источником прибыли. Вульгарная политическая эксплуатация одной из самых красивых утопий – уничтожения варварства. Единственное решение, чтобы избежать каких-либо осложнений, которые могли бы привести к международному военному вмешательству в Боснию. Средство, которому в лучшем случае предназначена роль сдерживания преступников от продолжения их деяний, и, в частности, давления на зачинщиков преступлений, чтобы они оказались разумными за столом переговоров. Ширма перед немощью, предательством и некомпетентностью великих демократий в деле препятствования человеку, который с помощью жестокой кампании этнических чисток в самом сердце Европы и перед объективами международных телекамер вызывает к жизни самые худшие воспоминания о Второй мировой войне.

Но Резолюция 827 все же открывает новые горизонты. Эта инициатива, несмотря на обман, содержит проект, который приносит надежду на укрепление правопорядка и наказание преступников. Роль этого Трибунала выходит за рамки Совета Безопасности, границы бывшей Югославии и пределы законных чаяний жертв и международного общественного мнения. Стремление к истине и справедливости в мире, который до сих пор страдает от демонов «окончательного решения», видимым способом саботировалось молчанием одних и открытой оппозицией других. «Холодная война» помешала рождению международной справедливости, обещанной после бездны Холокоста в данном с воодушевлением священном обещании «никогда больше!».

[1] Klarin Mirko i Vidaković Mina, Unatoč svemu, Deset prvih godina Tribunala, dokumentarac, Sense TV, Hag, 2003. http://www.sense-agency.co

Когда биполярный мир снова стал единым, может, наконец, родиться проект, так долго ожидаемый участниками международного общения. Несмотря на то, что его создало международное сообщество с весьма сомнительными намерениями, постоянный Международный уголовный суд возникает как естественный результат требования справедливости, которое постоянно возвращается с двадцатых годов XX века.[1] Создание Трибуналов в Нюрнберге и Токио после Второй мировой войны знаменует собой важный этап в повышении информированности о необходимости международного трибунала, который будет судить за преступления против человечности. Однако эти первые решения символизировали «правосудие победителей». Тогда страны подписали Женевскую конвенцию в редакции 1949 года, которая является самой сущностью международного гуманитарного права, и обязались привлекать к ответственности всех нарушителей положений конвенции. Но «холодная война» прервала это воодушевление по созданию постоянной международной юрисдикции независимо от страны, в которой совершаются преступления. Последние были отвратительны, а их длительный перечень продолжался от Африки до Камбоджи, от Кавказа до Ближнего Востока. Сталинские чистки и китайская культурная революция оставались безнаказанными. Красные кхмеры считались уважаемыми партнерами во время мирных

[1] Идея международного уголовного правосудия, компетентного для осуждения лиц, виновных в международных преступлениях, не является новой. Она возникала на протяжении всего XX века. Идея суда для наказания за преступления Вильгельма II, которая предлагалась в Версальском договоре 1919 года, была отброшена, как и международные юрисдикции, которые необходимо было создать, чтобы реально заработали Женевская конвенция 1937 года о предупреждении терроризма и наказании за него, Нью-йоркская конвенция 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года.

переговоров. Диктаторы в Латинской Америке смогли легализовать в общественном мнении уголовные преступления и пытки, мотивируя это преградами для распространения коммунизма. А Саддам Хусейн не был побежден во время первой войны в Персидском заливе, потому что применил химическое оружие против гражданского курдского населения.

По примеру Трибуналов в Нюрнберге и Токио МТБЮ обязан привлекать к ответственности за геноцид, преступления против человечности и военные преступления. В ответ на геноцид, который бушевал в Руанде сто дней, в результате чего на зеленых холмах этой африканской Швейцарии осталось около миллиона изуродованных трупов, Совет Безопасности учредил в ноябре 1994 года второй международный уголовный трибунал. Эти две инстанции, созданные под эгидой Организации Объединенных Наций, будут способствовать повторному появлению идеи постоянного международного правосудия.

В начале 1990-х годов ситуация является особенно благоприятной для реализации этой давней мечты. Нет больше манихейской логики, конфликта непримиримых идеологий, угрозы апокалиптического хаоса, который несет с собой ядерное оружие. Несмотря на растущее число конфликтов на периферии – Балканы, Руанда, Сомали, Чечня и т. д. – после падения Берлинской стены, кажется, главная опасность устранена. Основные принципы, которые регулируют наши демократии, привлекают все больше и больше стран. Кажется, что мир вступил в новую эру. Некоторые даже видят в этом «конец Истории». Возможность, которая тогда появляется для постоянного уголовного Суда, является совершенной и, без сомнения, уникальной. Это доказывает *a posteriori* период после 11 сентября 2001 года и огромный международный беспорядок, который тогда воцарился.

С 15 июня по 15 июля 1998 года Римская конференция завершает создание этой новой и долгожданной судебной инстанции - постоянного Международного уголовного суда. Ратификация Римского статута 17 июля 1998 года, который был подписан ста двадцатью странами, представляет собой решающий момент в становлении международного правосудия с универсальным предназначением, способным одновременно наказать за преступления и защитить растущее количество жертв. Обжегшись на опыте двух международных уголовных

трибуналов, этих монстров, созданных ими, но постепенно от них ускользающих, страны наложили ограничения на МУС, что сильно сузило поле его деятельности.[1] Несмотря на эти ограничения, все же представляется, что необратимый процесс начался. Международный уголовный суд родился 11 апреля 2002 года, когда он достиг порога шестидесяти стран, ратифицировавших Римский статут, вступивший в силу 1 июля 2002 года.[2] Его целью является осуждение за геноцид, преступления против человечности и военные преступления, то есть за преступления, совершенные чаще всего с помощью местных властей, которые редко склонны наказывать национальные суды. Таким образом, каждый новый Пол Пот, Аугусто Пиночет или Саддам Хусейн больше не будет иметь возможности действовать с полной безнаказанностью.

Жертвы хранят в себе требование истины и справедливости, без чего они не могут оправиться после геноцида или других массовых преступлений. Хватаются за надежду, которая рождается с появле-

[1] В отличие от МТБЮ, Международный уголовный суд применил принцип комплементарности, в силу которого он не имеет приоритета над национальными судебными системами. В теории постоянный Международный уголовный суд, осуществляющий уголовное правосудие, глобально компетентен, без географических ограничений. Но как это было установлено в Статуте и на практике, он имеет юрисдикцию только на территории стран-участниц. И каждая страна свободна подписывать или не подписывать Статут. Полномочия прокурора были сокращены путем обязанности требовать от судей разрешения, чтобы начать расследование. Кроме того, статья 124 Статута, введенная по инициативе Франции, позволяет каждой стране до семи лет отказаться от юрисдикции Суда для предполагаемых преступлений, совершенных на ее территории. Кроме того, статья 98 позволяет странам, которые не подписали Статут, исключать из юрисдикции Суда своих граждан, если они совершают преступление в пределах границ стран-участниц, подписавших Статут, особенно если они подпишут двустороннее соглашение с государствами-членами. Эти ограничения, накладываемые великими державами, направлены в первую очередь на защиту национального суверенитета и сужение сферы действия международного правосудия.

[2] В середине 2007 года сто четыре из ста девяносто одной страны-члена Организации Объединенных Наций ратифицировали Римский статут постоянного Международного уголовного суда. США, Китай, Россия, Индия и Израиль остаются в числе стран, которые не ратифицировали Статут.

нием международных уголовных судов. В этом ищут спасение. Как и остальная часть человечества, которая знает, что она уязвима, которая знает, что только порядок, который выходит за пределы стран и в котором устанавливается порог недопустимого насилия, способен защитить от метаморфоз в политике и войны. Эту роль исполняет судебный порядок на службе человека и его прав, а именно наследие Нюрнбергского трибунала, обогащенное с тех пор рядом международных конвенций. Именно этот порядок пытаются установить международные судебные учреждения. Но они движутся по минному полю, потому что какими противоречащими друг другу иногда могут быть приоритеты международного правосудия и международной политики!

В некоторые периоды истории международное уголовное судопроизводство осуществлялось под знаком полного неведения, даже мошенничества, поскольку мораль и право использовались в целях сокрытия отступлений от законности. Можно даже сказать, предательства, потому что отступление от наказания за жестокость в сердце Европы неизбежно переходит границы допустимого. Великие державы видели в МТБЮ только цивилизованный способ демонстрации силы, один из видов оружия на службе мира. Им размахивали, как дамокловым мечом, чтобы угрожать наиболее виновным лицам и ускорять переговоры. Высшие государственные соображения предлагали военачальникам выбор между миром или тюрьмой. Для того, чтобы остудить его судебный пыл и не ставить под угрозу перспективы мира, и чтобы «он не становился вредным для работы дипломатов», новый инструмент должен был оставаться под контролем. Даже ценой своего уничтожения. МТБЮ, без сомнения, больше, чем любой другой, был предназначен, в первую очередь, служить политике, а не справедливости. Обещания великих демократических держав были лишь иллюзиями. Защищать правду и справедливость только тогда, когда они политически полезны, но игнорировать их всякий раз, когда они таковыми не являются, под предлогом того, что слепое следование моральным императивам, не учитывающее последствий, было бы фатальным для политических властей, - лишнее свидетельство этой странной путаницы. Вместе с тем международное правосудие не зависит от абстрактной или абсолютной морали, которая своими цепями опутала политическую власть до такой степени, что сделала

ее беспомощной и, таким образом, создала опасность для мира. Оно основано на множестве императивных и четких правил, которые призваны защитить человечество от наиболее сильных причиняемых ему страданий и которые государства сами вменили себе в обязанность путем принятия международных конвенций после травмы Холокоста. Международное правосудие не противоречит миру, поскольку оно отвергает безнаказанность, на которую столь часто не обращают внимания дипломаты. Оно, напротив, является одним из условий мира, который достигается желанием порвать с безнаказанностью.

В этом контексте трудно укреплять независимую позицию трибунала, не получая в ответ сильных ударов. История МУС является историей борца дзюдо, забредшего на боксерский ринг в разгар чемпионата тяжеловесов, - попавший в джунгли международных отношений в роли новичка, сразу же брошенный на пол, но довольно подвижный, чтобы подниматься после каждого зрелищного нокаута и, таким образом, не давать противнику легко закончить бой. Закулисные кухни международных отношений похожи на задымленное грязное помещение из фильма «Охотник на оленей», где все правила игры установлены или с помощью идиллических картин, которые нам показывают лощенные дипломаты, вполголоса говоря о мире в роскошных салонах некоего дворца, или в пресс-центре. Международный уголовный суд обязан своему выживанию и успеху только силе и законности своего мандата, который требует судебного преследования лиц, ответственных за массовые преступления. От тайной войны до ожесточенных перестрелок, от выкручивания рук до рукопожатий, от окончательного разрыва до краткосрочного сближения, - так политическая и судебная власть уживаются на международной арене, где они пытаются действовать сообща. Это не удивительно, если учесть, что они воплощают две разные логики, одна из которых действует во имя специального, национального суверенитета, высших государственных интересов; другая - во имя универсальности основных человеческих ценностей и во имя закона. Для того, чтобы гармонизировать эти отношения, необходимо подождать, пока в демократических странах действия политической власти перестанут препятствовать осуществлению власти судебной и не будут препятствием для ее независимости. Без этого правосудие является бесперспективным проектом, обреченным на провал. Вне всякого сомнения, легче сплотиться вокруг

наименьшего общего знаменателя и строить коммерческую сторону глобализации, нежели выстраивать свою судебную систему в соответствии с самыми высокими стандартами, а также высокими юридическими обязательствами, в числе которых ответственность перед законом за свои действия.

В то же время будет продолжаться противостояние между международными судебными инстанциями, которые не хотят превращаться в политический инструмент, и политическими классами, которые не хотят быть заложниками международных судебных инстанций. Международные суды стремятся к независимости, а политические лидеры хотят сохранить возможность несоблюдения правил, когда они ограничивают их способность действовать на международной арене. Международные уголовные суды, а сегодня более всего постоянный МУС, освободятся от влияния политики только тогда, когда неустанно будут требовать независимости, которая им принадлежит по праву. И вместо того, чтобы немедленно объявить о провале международного правосудия, давайте сначала спросим себя, нужно ли осуждать это правосудие за то, что оно до сих пор не смогло отстоять свою независимость, без которой не может считаться универсальным, или же нужно вначале обвинить желание государств в том, что они постоянно сужают поле его деятельности?

Давайте не будем забывать: даже если кто-то сегодня зарекомендовал себя как предвестник международного права, к созданию МТБЮ все это не имеет никакого отношения. Как бы это не выглядело шокирующим, Трибунал был создан не для того, чтобы судить самых высокопоставленных политических и военных чиновников, виновных в кровопролитии в бывшей Югославии, а для того, чтобы можно было с ними вести переговоры, не привлекая к ответственности, в обмен на мир. Всем были известны и характер, и масштаб преступлений, и имена главных подозреваемых. Лоуренс Иглбергер, госсекретарь США, сказал 16 декабря 1992 года в Женеве за несколько дней до завершения своих полномочий: «Мы очень хорошо знаем, что совершены преступления против человечности; мы знаем, когда и где. Мы также знаем, какие силы совершили эти преступления, как известны нам и руководители, которые отдавали приказания. Мы также знаем и политических лидеров, от которых зависели и по-прежнему зависят так называемые полевые командиры». В списке подозреваемых

в военных преступлениях, который тогда глава американской дипломатии предъявил общественности, были Слободан Милошевич, Радован Караджич, Ратко Младич, Воислав Шешель, Желько Ражнатович-Аркан. Выбор способа отправления правосудия подчиняется императиву мира, однако умиротворение высших ответственных политических и военных чиновников в надежде на то, что это - самый быстрый способ остановить страдания и вести переговоры, не доказал своей эффективности. Скорее наоборот. Мирные планы отбрасывались один за другим. Война продолжалась, как и бесконечная вереница преступлений. Сребреница, в которой была совершена самая большая резня в Европе после 1945 года, не ограничивалась одним только июлем 1995 года. Что еще хуже, совершили ее те, кому было позволено свободно демонстрировать свое убийственное сумасшествие с мыслями о том, что они будут освобождены от ответственности, поскольку вовлечены в мирный процесс. Таким образом, сильные мира сего с 1999 года не имеют никакого другого оружия, кроме военных действий, дабы остановить новое кровопролитие, на этот раз в Косово. Ответственный за эту новую смертоносную вакханалию не кто иной, как Милошевич и его оплачиваемые убийцы, все те, кто уже был в списке подозреваемых военных преступников в 1992 году[1].

Большие и малые дипломатические урегулирования в пользу этих подозреваемых в течение ряда лет и массовые захоронения подрывают с самого начала любой международный авторитет, потому что все стороны понимали их как отказ от наших ценностей и наших демократических принципов. Угроза того, что в один прекрасный день держать ответ за свои преступления будут даже главы государств, эта так называемая судебная функция сдерживания, остается неэффективной, поскольку не заслуживает доверия. До тех пор, пока двойные стандарты и безнаказанность остаются в качестве одного из основных видов оружия в арсенале реальной политики, судебная угроза будет напрасной. И до тех пор, пока судебная власть будет не в состоянии найти свое достойное место в силовых отношениях, которые продол-

[1] За исключением Радована Караджича, который, насколько можно судить, никоим образом не связан с преступлениями, совершенными в Косово. В то же время Младич как тогдашний активный офицер сербско-черногорской армии был обвинен в том, что он, по крайней мере, один раз был в Косово во время кампании этнической чистки, проводившейся Белградом.

жают преобладать в международной практике, и пока она не поймет, что, наряду с политической властью, должна действовать смело и защищать мир, она будет подвергаться воздействию несправедливостей и опасностей, которые еще более провоцируют цинизм и позорные сделки. Пока реальная политика означает трусость и предательство основных и универсальных ценностей, а не синоним здравого смысла, мудрости и последовательности в поиске решений, учитывающих эти ценности, новые милошевичи будут строить систему преступлений, бен ладены будут стремиться к уничтожению своих бывших союзников, новые саддамы хусейны будут использовать газ с целью совершения геноцида, Джозеф Кони в Уганде не сдаст оружия, Иран будет в руках пироманов, Ближний Восток будет продолжать культивировать плоды гнева, а Россия и Китай будут предпочитать капитализм демократии и правам человека.

Все развитие наших демократий состоит в защите людей, но надеяться, что эти ценности будут прогрессировать в мире, наивно. С возникновением международного права на рубеже веков, благодаря утопии, которая стала реальностью, считалось, что право будет прогрессировать и постепенно станет средством мирного урегулирования человеческих отношений на глобальном уровне, где правит только сила. В какой-то момент человечество, казалось бы, приблизилось к искомому идеалу: прославляется отказ от безнаказанности; преступления, ранее не наказанные, наконец-то доходят до суда; главы государств, до недавнего времени уверенные в том, что никогда не будут отвечать за свои действия, больше не могут спать спокойно. Арест Слободана Милошевича, Аугусто Пиночета, Жана Камбанды,[1] Чарльза Тейлора или Саддама Хусейна являются примерами, которые подтверждают эту тенденцию. Правосудие по-прежнему несовершенно в своем функционировании, но прогресс налицо. Некоторые даже, без сомнения слишком рано, считают его «необратимым». Создание Международного уголовного суда, который является плодом совместной утопии и упорства, предлагает в настоящее время все большему количеству жертв надежду, что можно облег-

[1] Жан Камбанда был главой Правительства Руанды во время геноцида. Арестован в 1997 году в Кении; на суде признался в геноциде, и в 1998 году приговорен к пожизненному заключению, приговор подтвержден апелляционной палатой в 2000 году.

чить страшную тяжесть непоправимого прошлого, не обязательно прибегая к мести.

МТБЮ поднимается все выше и выше, иногда с трудностями, но все-таки остается на ринге. Он знал наперед об этом проигрышном бое, в котором никто не делал ставку на его шансы противостоять противнику, а он даже в некоторый момент смог превратить его в захватывающее зрелище, исход которого до сих пор остается непредсказуемым. Я намереваюсь рассказать вам именно об этом неожиданном состязании, где все зыбко, а иллюзии более обманчивы, чем обычно.

Глава I.

СОГЛАШЕНИЕ НАДЕЖДЫ, ИЛИ КОГДА ПОЛИТИКА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЕЙСТВУЮТ В УНИСОН

«Всем тем, кто советовал выдачу Слободана Милошевича, я четко ответил: «Нет». Гаагский трибунал является политическим институтом, в котором нет ничего международного. Это - американский суд». 5 октября 2000 года Воислав Коштуница празднует победу. Он был избран президентом Союзной Республики Югославия, преобразованной в Сербию и Черногорию. В тот же день Сербия вышла на улицы, чтобы свергнуть того, кто тринадцать лет правил ею как господин и 24 сентября отказался признать поражение на выборах. Брошенный своей полицией, которая стояла вместе с протестующими и армией, отказавшей ему в повиновении и не ставшей подавлять восстание в крови, Милошевич был вынужден уйти. Но потребовал от своего преемника, что не будет передан международному правосудию. Коштуница не намеревается ни остановить сербский националистический бум, ни осудить преступления, совершенные именем последнего. Он принимает предложение Милошевича и обеспечивает ему защиту армии. Свергнутому диктатору позволено остаться в президентской вилле на зеленых холмах Белграда, под хорошей охраной элитных подразделений. Он может заниматься бизнесом и руководить своей партией. Милошевич, зачинщик подавляющего большинства преступлений, которые осквернили территорию бывшей Югославии, выше закона.[1]

Чтобы облегчить Милошевичу маневр, а этим они занимались со времен войны в Косово, великие державы не осуждают решения нового главы государства. «Ситуация деликатная. США интересуются событиями в Белграде, но требуют от Вас быть благоразумной. Вы не можете в этот момент требовать выдачи Милошевича, лучше будьте сдержанной», – объясняет Мадлен Олбрайт в телефонном разговоре Карле дель Понте вечером 6 октября 2000 года. Прокурор Гаагского Трибунала соглашается. Но предупреждает: «Если эта угроза будет

[1] Hartmann Florence, Milošević, la diagonale du fou, Folio Gallimard, Paris, 2002, str. 556 – 601.

устранена, он должен будет изменить стратегию». Запад боится вреда, который мог бы в этот переходный период причинить правовой идеализм, особенно после решения Европейского Союза 9 октября о снятии воздушного и нефтяного эмбарго, от которого Сербия страдала с 1998 года, но при этом не упоминается о существовании международного ордера на арест Милошевича. Карла дель Понте угрожает обратить внимание на молчание западных столиц. Мадлен Олбрайт звонит ей 10 октября: «Прошу Вас, и в дальнейшем воздерживайтесь от заявлений в прессе о Милошевиче и необходимости его выдачи».

У Карлы дель Понте все еще нет партнера по переговорам в Белграде, которому можно передать ордер на арест, и она должна ждать результатов парламентских выборов в декабре 2000 года и формирования демократического правительства, от которого можно было бы требовать исполнения законов. Но в то же время, чтобы стабилизировать игру, все же призывает западных партнеров взять на себя ответственность и убеждает их постепенно подготовить почву. Юбер Ведрин, министр иностранных дел Франции, отправился в Белград от имени Европейского Союза, в котором председательствует Франция, чтобы поприветствовать тех, кто сверг Милошевича. Карла дель Понте позвонила ему после его возвращения 11 октября. «Гаагский Трибунал не является приоритетом для президента Коштуницы. Его приоритетом является установление политического контроля в учреждениях и создание нового правительства. Он не противится передаче Милошевича правосудию, но хочет, чтобы сначала оно было в Сербии за преступления, совершенные в Сербии. Пытается оттянуть с запросом Гааги до парламентских выборов в декабре», – заявляет глава французской дипломатии, а затем добавляет: «Мы будем говорить о будущем Милошевича в Биаррице».

Пятнадцать стран расстилают красную ковровую дорожку перед Коштуницей, которого 14 октября Франция пригласила на встречу на высшем уровне глав государств и правительств ЕС в этом курортном городке на побережье Атлантического океана. Европа решила не предпринимать ничего, что может поставить под угрозу те перемены, которые произошли в Сербии, и усложнить задачу Коштунице. «А когда придет для этого время, новое правительство, безусловно, должно будет дать ответы на вопросы, которые мы обсуждали, в первую очередь, подумать о судьбе Милошевича», – защищается прези-

дент Жак Ширак. Парламентские выборы 23 декабря подтверждают победу демократической оппозиции и усаживают идущего под первым номером в партийном списке Зорана Джинджича в кресло премьер-министра. Зоран Джинджич относится к тем демократам, которые требуют немедленной выдачи Милошевича в Гаагу вечером 5 октября 2000 года. Он хочет передать Милошевича в руки правосудия не только за убийства и покушения на убийство сербских оппозиционеров и повсеместное разграбление своей страны, но также за преступления в Косово, из-за которых того разыскивает МТБЮ. И об этом он открыто заявляет при вступлении в должность. «Моя защита зависит от президента Коштуницы», – сразу же отвечает Милошевич в интервью итальянской газете «La Stampa», в котором сравнивает Гаагский Трибунал с концентрационным лагерем, основанным представителями Запада для «преследования сербов».

Джинджич первый раз встречается с Карлой дель Понте 25 января 2001 года, во время первого визита прокурора в Сербию. Коштуница, новый президент республики, подверг резкой критике обвинительный акт Гаагского Трибунала и дал понять, что отвергает любое сотрудничество. Его позиция ничем не отличается от позиции Милошевича. В отличие от него сербский премьер-министр предлагает совместные действия. Джинджич хочет вытащить Сербию из эпохи Милошевича и реабилитировать ее на международной арене. Он хочет разработать программу эффективного сотрудничества с МТБЮ, чтобы не дестабилизировать ситуацию в стране. Из тридцати семи обвиненных в бегстве от Гаагского Трибунала двадцать беглецов нашли убежище в Сербии. «Мы должны совместно определить приоритеты. Милошевич должен быть арестован через месяц по обвинению в коррупции, но мы можем судить его и за военные преступления. У нас еще нет контроля над полицией, спецслужбами и армией, этот процесс займет время. Мы также должны объяснить людям, почему справедливость должна восторжествовать, что мы делаем это для нас, а не потому, что этого требует Гаагский Трибунал. Правительству придется отвечать на вызовы с неторопливой последовательностью. Я думаю, что Радован Караджич, Ратко Младич, обвиненные за Сребреницу или Вуковар, должны быть первыми доставлены в Гаагу. Тут не должно быть никаких проблем. Милошевич прибудет сразу же за ними, потому что сейчас слишком рано».

Соглашение Джинджич – дель Понте

Бывают редкие ситуации, в которых политические действия совпадают с действиями правосудия на международной арене. Еще более редкими являются те из них, которые направлены на гармонизацию международного правосудия и ведения внутренних дел. Джинджич хочет действовать. Ни на мгновение он не сомневается в том, что место Милошевича в тюрьме. Но сербы хотели бы, чтобы тот был осужден за страдания, которые он причинил своему народу, чтобы заплатил за то, что разрушил Сербию и развязал войны. Они не хотят будировать вопрос о преступлениях, совершенных чаще всего с их согласия в Хорватии, Боснии и Косово. Тем не менее Джинджич пытается им это сказать. Как только он приступил к исполнению обязанностей, то сразу же заявил, что есть очень серьезные доказательства преступлений Милошевича против албанцев. Он продемонстрирует их в мае, раскрыв существование захоронений у ворот Белграда и ряде других мест в Сербии, где Милошевич отдал приказ предать земле около тысячи жертв, чтобы скрыть следы своих беспощадных действий в Косово. Он пытается объяснить им, что эти преступления не могут оставаться безнаказанными, если Сербия хочет порвать со своим прошлым и соединиться с миром. Он также знает, что сербская судебная система, парализованная в эпоху Милошевича, до сих пор не может заменить Гаагский Трибунал и что, даже если бы она пыталась это сделать, Сербия погрузилась бы в период еще большей нестабильности. Кроме того, следует удалить Милошевича, окончательно отняв у него способность вредить, устранить ложь, которую он пытается сохранить, продолжая участвовать в политической жизни в связи с тем, что остался главой партии, самой мощной в новой оппозиции. В этой ситуации, о которой Джинджич знает, что она является нестабильной и обрекает на провал любые попытки глубокого реформирования Сербии, Гаагский Трибунал является для него лучшим решением. В нем он видит средство увязки права и политической целесообразности. Именно эта связь, сотрудничество двух уровней власти, которые часто воспринимаются как противостоящие друг другу в области международных отношений, будет движущей силой при выдаче Милошевича в неожиданно короткий срок. Встреча представителей этих уровней власти символизирует встречу двух одинаково решительных

личностей: прокурора Гаагского Трибунала, которая впервые в истории хочет осудить перед международным судом главу государства, и премьер-министра сербского правительства, который хочет вырвать с корнем из Сербии человека, являющегося «главным фактором нестабильности» в этой стране.

Несмотря на очевидность ситуации, несмотря на понимание того, что имеется соглашение между Джинджичем и Карлой дель Понте, заключенное без ведома великих держав, несмотря на позицию Джинджича, Запад старается соблюдать осторожность и молчание. Заторможенная из-за хрупкости сербских демократов Европа явно отсутствует и не понимает, какую это несет опасность. Она не использует возможностей, которые возникают, если соединить право и дипломатию. В отличие от нее США, некоторое время отсутствовавшие из-за смены администрации, продемонстрируют возможность регулирования, которое, несомненно, еще более будет тешить их самолюбие из-за того, что их провозглашают первым номером международного правосудия. На это будет влиять и статус Милошевича.[1] Но и статус Милошевича не обходится без влияния. Потому что позиция великих держав по отношению к праву является циничной и избирательной. С момента интервенции НАТО в войну в Косово Милошевич стал «врагом». После стольких лет западной снисходительности по отношению к партнеру по переговорам, который имеет важное значение, а значит является неприкасаемым, Милошевич становится в их глазах способным предстать перед правосудием, каким-то образом лишенный привилегии безнаказанности. В этом особом контексте американцам нетрудно понять, какую бы огромную выгоду они получили, присоединившись к Джинджичу и Карле дель Понте, а также возможности вести двойную политику, которая в то же время способствовала бы их интересам и интересам международного правосудия. Но их роль в передаче Милошевича в Гаагский Трибунал, в конечном счете, будет только второстепенной.

[1] США называют «первым номером международного правосудия», хотя они и не ратифицировали многие международные договоры и часто предпочитают применять свое военное законодательство, а не международные конвенции. Помимо новейших примеров в связи с Ираком, для более полного исторического обзора прочтите прекрасную книгу: Power Samantha, A problem from Hell, America and the Age of Genocide, Perennial, New York, 2002.

Откровенно говоря, Сербия подвергается давлению США, а также Европы, но ни Вашингтон, ни Брюссель не требуют выдачи Милошевича в Гаагский Трибунал. В конце февраля Анна Линд, министр иностранных дел Швеции, которая председательствует в ЕС в первой половине 2001 года, объясняет Карле дель Понте: «Мы хотим начать быстро действовать, но в отличие от США не хотим выдвигать ультиматумы. Сербы должны произвести один арест до конца марта, не обязательно Милошевича, возможно, какого-нибудь другого обвиняемого, если пожелают. В таком случае мы им даем рекомендацию». США выдвинули одиннадцать условий для выплаты финансовой помощи, предназначенной в этом году для Сербии. Их выдвинул Конгресс, который должен дать зеленый свет американской администрации на выдачу денег. Это процесс «сертификации», которой подвергаются «неспокойные страны», в том числе Сербия. В прошлом году США требовали отстранения Милошевича от власти в обмен на финансовую помощь. Теперь в качестве условий выдвигают проведение реформ, а также предъявление доказательств реального сотрудничества с МТБЮ. Другими словами, требуют ареста Милошевича, не требуя его выдачи, а также передачи в Гаагу, по крайней мере, одного из обвиняемых и принятия законов, которые требует Коштуница, дабы начать любую форму сотрудничества с Трибуналом. Конгресс должен принять решение до 31 марта. Политический реализм, несомненно, поддержал бы компромисс и преобразовал бы эти условия в скромные желания, потому что Сербия должна иметь деньги для осуществления перехода к демократии, чтобы их хватило для Джинджича.

Об аресте Милошевича

На следующий день после визита Карлы дель Понте в Белград Джинджич публично заявляет о том, что «выдача Милошевича в Гаагу будет не слишком высокой ценой за вхождение в Европу». Джинджич выполняет обещание. Прокурор Белграда начал расследование против Милошевича по обвинению в коррупции и злоупотреблении властью. Бывший глава государства не только обобрал до нитки и держал в черном теле большую часть бывшей Югославии, но также ограбил Сербию и накопил более миллиарда долларов на счетах

в иностранных банках. Но доказательства трудно получить, особенно в течение короткого времени. Через месяц Джинджич просит еще об одной встрече с Карлой дель Понте, но хочет, чтобы она осталась конфиденциальной. В субботу, 3 марта, они находятся в Лугано, родном городе госпожи из кантона Тичино. В офисе начальника кантональной полиции, который его охотно предоставил в их распоряжение, дабы избежать огласки, прокурор Гаагского Трибунала и премьер-министр Сербии в течение двух долгих часов разговаривают с глазу на глаз. Серб рисует детальную картину политической ситуации в стране. Милошевич по-прежнему возглавляет свою Социалистическую партию и наслаждается ролью главного оппозиционера, с надеждой ожидая часа возмездия. Как стало ясно к вечеру 5 октября, Джинджич должен немедленно удалить Милошевича, если хочет управлять страной. Он объясняет Карле дель Понте, что нуждается в поддержке США и их экономической помощи. Поэтому хочет арестовать Слободана Милошевича до 31 марта, даты голосования в Конгрессе. Но Коштуница препятствует его планам. Сербский президент, который подозревает Джинджича в желании выдать Милошевича в Гаагу, просит военную разведку следить за ним. Джинджича это оскорбляет. Он говорит, что Коштуница пытается его свергнуть. Поэтому Джинджич предлагает упрятать за решетку Милошевича сначала в Белграде и ждать более благоприятного момента для его выдачи Гаагскому Трибуналу. В то же время нужно обеспечить добровольную сдачу одного или двух обвиняемых в качестве доказательства воли его правительства сотрудничать с международным правосудием.[1] Затем Джинджич продолжает: «Милошевич через несколько дней должен быть допрошен в связи с его участием в покушении на убийство Вука Драшковича (одного из лидеров сербской оппозиции, члена нового большинства; цитируется по архивным данным). Он будет обвинен в коррупции, злоупотреблении служебным положением и фальсификации выборов. Это будет зависеть от доказательств, которые мы успеем собрать до 15 марта, когда будем требовать его ареста. Конечно, он будет арестован и за другие преступления, а не только за те, которые вас интересуют.

[1] Благое Симич будет передан в Гаагу неделю спустя, а Милорад Стакич, также обвиненный по делу лагеря в Приедоре, - 23 марта 2001 года. Только в самой Сербии тогда укрывались около восьмидесяти беглецов.

Но невозможно будет держать его под стражей в течение длительного времени. Таким образом, я доставлю его вам, даже если его нужно будет выкрасть. Только я еще не могу сказать, когда именно».

В конце марта у сербского правосудия было недостаточно доказательств, чтобы обвинить Милошевича, но все-таки достаточно, чтобы попросить возбудить следствие. По пути в Вашингтон Джинджич 20 марта сделал пересадку в аэропорту Амстердама. Карла дель Понте прибыла туда на вторую секретную встречу. Она была удивлена, потому что голландская полиция не смогла найти им частного салона. Карла дель Понте и Джинджич просят телохранителей уйти и прогуливаются по коридорам аэропорта в Схипхоле как два обычных пассажира. «Мы идем вперед, мы арестуем Милошевича в любой момент. Но у нас есть проблема с американским ультиматумом. Мы не хотим, чтобы создалось впечатление, что мы работаем под американским давлением. Возможно, было бы лучше подождать до начала апреля вместо 31 марта. Что касается зеленого света для сотрудничества с МТБЮ, Коштуница и дальше колеблется. Требует, чтобы это было в законном порядке, но не говорит, когда соберется парламент. Он пообещал, что в ближайшее время, но теперь говорит, что не знает».

Срок голосования в Конгрессе США обеспечивает Джинджичу алиби при форсировании действий тех, кто обещал Милошевичу иммунитет. Премьер-министр использует поездку Коштуницы в Женеву, чтобы арестовать Милошевича. Но тот не ответил на вызов судьи, который должен его допросить в рамках продолжающегося следствия. 30 марта специальное подразделение полиции окружило виллу. Но вмешалась армия. Акция остановлена. После возвращения в Белград 31 марта Коштуница сопротивляется, но, в конце концов, уступает. Журналисты телевизионных каналов со всего мира прибыли в столицу Сербии и ждут исхода этой борьбы. Белград не может больше отступать, от этого зависит решение Конгресса. Коштуница отдает приказ армии пропустить полицейские силы в обмен на гарантию того, что Милошевич не будет передан в Гаагский Трибунал. Милошевич выдвигает то же требование, когда соглашается сдаться после десяти часов переговоров. На рассвете 1 апреля его доставляют в центральную тюрьму Белграда.

Европейское сопротивление

«Это обещание ни к чему нас не обязывает. Мы не сажали его на самолет в Гаагу, что и требовалось доказать. Мы выполнили свое обещание», – сказал Джинджич Карле дель Понте в разговоре по телефону. У прокурора больше нет сомнений в том, что премьер намерен идти до конца. Милошевич скоро будет в Гааге. Но теперь ей придется убедить европейцев и американцев, чтобы они стимулировали заключительный этап – экстрадицию. Игра заранее не выиграна, потому что никто не заставляет белградские власти передать Милошевича международному правосудию. Взятие под стражу бывшего главы государства не было потрясением для Сербии. Успокоившиеся сильные мира сего, кажется, этим удовлетворены. Нет противоречия в том, что Сербия не хочет сдавать своего бывшего лидера международному правосудию и, таким образом, подтвердить свою приверженность функционированию правового государства. Потому что, в конце концов, для нее международное правосудие является только промежуточной станцией, пока не придет осознание суверенитета, в настоящее время существенным образом попранное из-за преступной политики. Теперь, когда Милошевич свергнут и брошен в тюрьму, Сербия может вновь потребовать признания легитимности внутреннего суверенитета и сама судить своего тирана. Но представители Запада забывают масштабы и географию преступлений, они забывают о том, что подавляющее большинство жертв, находящихся за пределами Сербии, презирают слабость внутренней системы правосудия, которая не является ни очищенной, ни реформированной, и, наконец, скрывается тот факт, что Милошевич в своей стране обвинен только в коррупции и злоупотреблении властью, но не в преступлениях против человечности. Снова рождается их сопротивление тому, что глава государства должен нести ответственность за свои преступления, а это еще больше укрепляет убеждение Милошевича в том, что он никогда не будет передан в Гаагский Трибунал. Не столько потому, что сербы выступают против этого, а скорее всего, потому, что те, кто находится в таком же положении, отказываются играть против одного из своих коллег, опасаясь создать тем самым очень неудобный прецедент. Милошевич убежден в том, что в ближайшее время он будет освобожден. Но Гаагский Трибунал не может отказаться от единодушного мнения

о необходимости его экстрадиции в Гаагу. Звучат призывы вспомнить примат юрисдикции, который предоставлен ему по отношению к национальной судебной системе, и уже 6 апреля МТБЮ направляет своего чиновника в Белград, чтобы тот вручил Милошевичу международный ордер на арест.

«Мы слишком близки к цели, чтобы останавливаться», – заявляет Карла дель Понте в европейских столицах. Но Европа остается глуха и разделена. Франция, которая выступила с инициативой создания Гаагского Трибунала, возможно, ее поддержит. Карла дель Понте отправляется в Париж 2 мая 2001 года, но предварительно дает интервью «Le Monde» и призывает к «срочной экстрадиции обвиняемого Милошевича, а также всех других обвиняемых». Она требует более активной поддержки со стороны международного сообщества в задержании разыскиваемых лиц. Юбер Ведрин, глава французской дипломатии, принимает ее вместе с Аленом Ришаром, министром обороны. Он встревожен, критикует интервью в «Le Monde», держится недружелюбно. Карла дель Понте как будто слышит Коштуницу. Французский министр согласился с идеей, что Милошевича будут судить в Сербии. И заявляет об этом публично. В целом Европа отказывается от предложенного Белградом срока международного суда над Милошевичем. В этом смысле любое давление угрожает задержать процесс демократизации, - убеждено большинство европейцев. Через неделю после этого прокурор летит в Вашингтон. США вознаграждают арест Милошевича и выплачивают Сербии 50 миллионов обещанной помощи. Но хотя Соединенные Штаты Америки приветствуют усилия Белграда, тот по-прежнему еще далек от того, чтобы выполнить свои обязательства. Поэтому США приостановили свое участие в конференции доноров, запланированной на июнь, до принятия этого пресловутого закона, без которого Коштуница отвергает любое сотрудничество с Трибуналом и новые аресты.[1] Но так же, как и для европейцев, для них не является приоритетом процесс Милошевича в Гааге. Тем не менее Джинджич торопится. Арест Милошевича ничего не изменил. Из своей камеры он продолжает политическую деятельность, принимает членов своей партии и терпеливо готовит воз-

[1] Целью донорских конференций является сбор исключительно больших финансовых взносов для помощи в возрождении стран после конфликтов или тяжелого кризиса.

вращение к власти. А сербское правосудие топчется на месте. Существует опасность того, что Милошевич будет освобожден. Джинджич продолжает гнуть свою линию. В мае сербское общественное мнение сталкивается с преступлениями в Косово, совершенными по приказу Милошевича. Операция сокрытия доказательств «Глубина-2», о которой Милошевич распорядился в середине мая 1999 года, накануне интервенции сил НАТО в Косово, предполагала не только перенесение тел албанских жертв в окрестности Белграда и десять других мест на территории Сербии, но и уничтожение трупов путем сжигания. Неожиданно столкнувшись со своим темным прошлым, Сербия в шоке, становится известно о массовых преступлениях, о которых до сих пор ничего не говорилось. Впервые Милошевич в глазах сербов выглядит как военный преступник. Сербское общественное мнение понимает, что лучше избавиться от монстра, чем принять его. Теперь оно готово согласиться с экстрадицией, которую Джинджич закулисно готовит уже в течение нескольких месяцев.

Вклад международных конференций доноров

Карла дель Понте хочет убедить США присоединиться к этим усилиям. Только поддержка международного сообщества позволит Джинджичу довести начатое до конца. А в этом деле Вашингтон может сыграть решающую роль. Судьба Милошевича будет решена 9 мая 2001 года в наполненном солнцем офисе Колина Пауэлла. Новый госсекретарь США обещает: «Мы будем оказывать давление. Ни мы, ни Конгресс не будем удовлетворены, пока они не начнут сотрудничать. Мы подтвердили помощь с условиями. Однако с 1 апреля они немного сделали, а это неприемлемо». Карла дель Понте сообщает о готовности Джинджича выдать Милошевича судьям МТБЮ, но создается впечатление, что американец об этом не знает. Она объясняет, с какими трудностями приходится сталкиваться из-за сопротивления президента Коштуницы, и просит помощи. «Важно, чтобы Белград объявил дату выдачи Милошевича, поскольку речь идет о юридическом обязательстве, о котором не может быть никаких переговоров. Вы могли бы попросить Коштуницу назвать Вам дату, когда увидите его завтра. Выдача Милошевича является своеобразным тестом: если

Белграду позволят сопротивляться, МТБЮ будет лишь судом-оправданием для западных государств, скатившимся к осуждению мелких рыбешек». Добавила, что сам Джинджич убежден в неспособности сербского правосудия судить Милошевича в ближайшие два-три года из-за трудностей в расследовании дела о разграблении своей страны. «Мы в Гааге, напротив, готовы. К октябрю у нас будет два новых обвинительных заключения в отношении Милошевича по Хорватии и Боснии. Мы будем искать для соединения различные элементы и проведем уникальный процесс. Когда мы закончим суд в Гааге, МТБЮ может передать его сербским судьям, чтобы он ответил за другие злодеяния». Колина Пауэлла удалось убедить, и в течение последующих недель он остался верен обещанию.

Воислав Коштуница тоже в Вашингтоне. Он прибыл мобилизовать противников международного правосудия в самых консервативных кругах, чтобы те подтолкнули администрацию Буша отказаться от поддержки МТБЮ. После аннулирования подписи Клинтона на Римском Статуте 6 мая и резкой американской критики в адрес МТБЮ президент Сербии считает, что может сообщить американцам, что он, как и европейцы, одобряет идею о процессе Милошевича в Белграде. Но Государственный департамент рассеивает все его иллюзии: без сотрудничества с Гаагским Трибуналом Белград больше не сможет рассчитывать на международную финансовую поддержку. Власти должны сообщить дату выдачи Милошевича. Карла дель Понте пока не одержала ни одной победы. Но ее дипломатическая активность по отношению к американским властям сильно возмущает Генерального секретаря ООН. 10 мая Кофи Аннан звонит по телефону прокурору, которая проездом находится в Нью-Йорке: «Существуют границы, которые прокурор не может переходить, когда речь идет о сотрудничестве властей Белграда с МТБЮ». Хотя обязанность государств сотрудничать проистекает из обязательных резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и имеет силу закона, Генеральный секретарь призывает Карлу дель Понте действовать более дипломатично. «Суть закона состоит не в том, чтобы он соблюдался в зависимости от обстоятельств», – пытается возразить швейцарка, не склонная к тому, чтобы быть ревностным хранителем политического равновесия, особенно, если оно играет на руку властям, наименее предрасположенным выдавать обвиняемых и их секреты. «Настоя-

тельно советую Вам учитывать тот факт, что существуют границы, которые нельзя переходить. Я не считаю должностной обязанностью прокурора обсуждение экономической помощи любой стране», – раздраженно настаивает господин из Ганы. Через несколько недель он будет приветствовать выдачу Слободана Милошевича как «исторический момент для Организации Объединенных Наций».

В Белграде начались переговоры с целью принятия закона о сотрудничестве с МТБЮ, но быстро зашли в тупик.

Союзники Милошевича все еще находятся в большинстве в Федеральном Собрании Сербии и Черногории с правом вето. Демократический блок остается расколотым. Джинджич предупреждал – следующая фаза будет более длительной. «Не будет никакой экстрадиции до принятия закона, поскольку это может поставить под угрозу весь процесс. Но после принятия закона, что случится, я думаю, в июне, вопрос об экстрадиции будет поднят снова (...) Милошевич - это особый случай, и я не обязан, например, называть некую дату, слишком много неопределенности. Я могу только сказать, что все они знают о том, что одного лишь принятия закона будет недостаточно, и что придется принимать более конкретные меры до конференции доноров», – заявил Джинджич одному из представителей Карлы дель Понте, направленному в Белград в конце мая 2001 года. Параллельно Джинджич пытается успокоить своих противников, которые все еще сомневаются в том, что он хочет передать Милошевича в МТБЮ: «Милошевич должен сначала ответить за деяния в своей стране. (...) Было бы слишком просто отправить его в Гаагу подобно посылке».

В середине июня Вашингтон сохраняет твердую позицию и отказывается от участия 29 июня в конференции доноров, пока не будет принят закон и не определена дата выдачи Милошевича. Джинджич звонит Карле дель Понте: «Карла, Милошевич будет выдан в ближайшее время. Поверьте мне. У меня есть план, как обойти Союзную Скупщину, вот увидите. Мы будем делать все, что необходимо». После этого Джинджич посещает американцев, чтобы узнать, будут ли они готовы, в случае возможной экстрадиции Милошевича в Гаагу, предоставить самолет для перелета в Нидерланды.

Европейцы были на переднем крае борьбы с безнаказанностью власть имущих, когда они подписали Римский Статут, на основании которого учрежден постоянный Международный уголовный суд. Но

Милошевич должен стать первым главой государства, который когда-либо представал перед международным судом, а Европа для этого даже пальцем не пошевелила. Выдача Милошевича выглядела бы американской победой. Сербия упрекала бы Джинджича. Нужно было убедить европейцев в том, чтобы они вскочили в несущийся поезд хотя бы в конце маршрута. Карла дель Понте решила пригласить немцев и французов. Прежде всего 21 июня она летит в Берлин. Немцы, как и большинство европейцев, обвиняют международное правосудие в игнорировании политической ситуации. Они осуждают давление МТБЮ и решение США бойкотировать конференцию доноров с риском ослабить правительство в Белграде. Карла дель Понте указывает им на возможность освобождения Милошевича как на очень высокую. «У Белграда в настоящее время есть способы экстрадиции Милошевича. Но эта экстрадиция будет исключительно американской победой и очевидным поражением Европы», – заявляет она Йошке Фишеру. «Мы никогда не могли предположить, что Милошевич будет выдан в обмен на деньги», – удивляется министр иностранных дел Германии после окончания беседы. В своем новом офисе немецкого правительства с видом на Рейхстаг Герхард Шредер не колеблется ни минуты. Канцлер предлагает отправить конфиденциальное послание Коштунице, в котором он потребует от того срочной выдачи Милошевича.

На следующий день Карла дель Понте разговаривает по телефону с Жаком Шираком. «Выдача Милошевича - на расстоянии вытянутой руки, но многие препятствия остаются. Если международное сообщество – а не только США – не проявит сразу очевидную волю, чтобы увидеть Милошевича переданным в Гаагу, мы подвергнемся опасности, что после конференции доноров потеряем динамику, возникшую в результате текущей ситуации. (...) Считаю своим правом, господин председательствующий, искренне прошу Вас использовать все свое политическое и моральное влияние, а также репутацию Франции, чтобы потребовать от Белграда – способом, который Вы сочтете наилучшим – чтобы Милошевич был как можно скорее переправлен в Гаагу. На самом деле, мне кажется, важно услышать голос Европы и Франции так четко, как того требуют исторические обстоятельства». И приходит к выводу: «Не приписывайте заслуг только американцам, немцы уже приняли решение...» И президент Франции соглашается

образумить Коштуницу. Впервые в истории великие державы соглашаются поставить свою мощь на службу международному правосудию, дабы иметь возможность осудить бывшего главу государства.

Решающее вмешательство Джинджича

После блокирования Скупщины Союзное Правительство за выходные издает постановление, которое вступает в силу на рассвете в понедельник 25 июня. В принципе, все препятствия на пути к выдаче военных преступников, обвиняемых МТБЮ, теперь устранены. Но Коштуница и его союзники настаивают на своей точке зрения. Они надеются, что американцев удовлетворит постановление, а те подтвердят свое участие в конференции доноров 29 июня в Стокгольме, от которой зависит будущее Сербии. Вашингтон не уступает и требует конкретного сотрудничества до окончательной даты. Встреча в Белграде между Джинджичем и американцами в среду утром 27 июня имеет решающее значение. Премьер-министр Сербии убеждает их помочь ему на заключительном этапе, без задержки объявив о своем участии в конференции в Стокгольме, хотя условия и не выполнены. Он объясняет, что выдача Милошевича больше не зависит от союзных властей, но от властей Сербии. Благодаря этому постановлению, белградский суд начал сразу же, т. е. в понедельник, процедуру исполнения международного ордера на арест. Джинджич обещает, что его правительство даст зеленый свет как можно скорее, но не уверен, что это удастся до 29 июня. Обеспокоенный нестабильностью в своей стране, он хочет заранее убедиться в том, что Коштуница не попытается ему в этом помешать. Американцы оказывают ему доверие. Они прибудут в Стокгольм, но если Милошевич не будет передан в Гаагский трибунал до 10 июля, донорские обещания будут отменены.[1] Объявление после этой встречи об участии США в конференции доноров всех удивит.

28 июня Конституционный Суд оспаривает конституционность постановления правительства и принимает решение приостановить его. Джинджич вынужден действовать в срочном порядке. Созывается заседание Правительства. Все министры, за исключением одного, голосуют за немедленную экстрадицию Милошевича.[1] Джинджич звонит Карле дель Понте после 16:30: «Дело Милошевича движется, срочно направьте к нам кого-нибудь, чтобы сопровождать его в Гаагу». Судьбе было угодно, чтобы чиновник из Гааги оказался в то время в Белграде. Кевин Кертис, один из британских следователей МТБЮ, находится в сербской столице, наблюдая за эксгумацией недавно обнаруженных захоронений. Его сразу же вызывают. Впоследствии он вспоминал: «Около 18:30 в четверг 28 июня 2001 года я был в одном из официальных зданий (Института безопасности в Белграде; цитируется по архивным данным). Три вертолета ждали позади здания. Слободан Милошевич прибыл из тюрьмы в фургоне. Было похоже, что он не знает о переезде в Гаагу, потому что, выйдя из автомобиля, сразу начал возносить руки к небу и спрашивать начальника тюрьмы, который его сопровождал, что происходит. Начальник ответил, что его отправляют в Гаагу. Милошевич отпарировал, что не признает Трибунал, не уважает его и никуда не поедет. Так как никто не двигался, я попросил надзирателя подвести его ко мне, что он и сделал. Потом я зачитал Милошевичу его права и официально сообщил, что он арестован.

Милошевич отказался принять документы, которые я пытался ему вручить. Когда его обыскали, я поднялся в вертолет, к которому его привели. Вся операция снималась на камеру. Во время полета Милошевич полностью изменил поведение и попытался заговорить со мной на английском.

Мы приземлились на военной базе в Тузле, где были встречены группой вооруженных военнослужащих (американского контингента НАТО), которые отвели нас к зданию сборочного цеха на краю взлетно-посадочной полосы. Мы оставались там в течение приблизительно полутора часов. Они снимали нас в течение всего времени задержания. В какой-то момент Милошевич попробовал начать разговор с военнослужащими, но те от общения отказались.

[1] Восемнадцать миллиардов долларов будет собрано, в конечном итоге, в Стокгольме, чтобы помочь Сербии начать реформы.

[1] Когда 28 июня 2001 года оказалось, что переброска Слободана Милошевича началась, Джинчич объявляет сербам: «Место нашей страны в международном сообществе. Это решение мы приняли не для нас и не для наших родителей, а для наших детей. Поэтому прошу вас правильно понять это тяжелое, но праведное решение».

Около 21:45 мы были проинформированы о том, что самолет, который доставит нас в Нидерланды, только что вылетел, и мы отправимся, как только он будет заправлен топливом. Затем нас отвели к самолету. Пять человек в штатском надели тогда на Милошевича наручники и повели по трапу. Я объяснил одному из них, что процедура МТБЮ предусматривает аудиозапись всей поездки. Но мне сказали, что это не разрешено, и Милошевич в любом случае не имеет права говорить. Тогда Милошевич был проинформирован о том, что он должен молчать, кроме случаев, если захочет о чем-нибудь спросить.[1] Поздно вечером мы приземлились на военной базе в Эйндховене. Затем Милошевич был передан голландским властям и вертолетом доставлен в тюрьму в Схевенингене». Карла дель Понте была дома, когда в 1:30 29 июня зазвонил телефон. «Миссия выполнена», – сообщил ее помощник. Милошевич только что доставлен в тюрьму в Схевенингене, где находятся камеры предварительного заключения МТБЮ. Телефонные звонки были в большом количестве в течение всего вечера. Мадлен Олбрайт первой поздравила Карлу дель Понте, а вслед за ней посол США в Гааге, глава аппарата канцлера Германии Герхарда Шредера и, наконец, Уэсли Кларк, командующий силами НАТО в Европе. На следующий день перед сотнями телекамер Карла дель Понте приветствует Джинджича и его правительство, как и государства, которые, в конечном счете, способствовали выдаче. «Я особенно благодарна США, в частности государственному секретарю Колину Пауэллу, канцлеру Германии Герхарду Шредеру, президенту Франции Жаку Шираку. Я упоминаю их имена, потому что в последние дни была в непосредственном контакте с ними. Что касается вчерашней операции, то я хочу, в частности, поблагодарить британские и голландские власти за их ценную поддержку». По просьбе американцев британские военно-воздушные силы «Royal Air Force» выделили С-130, который доставил Милошевича из Боснии в Нидерланды. Экстрадиция первого бывшего главы государства, который когда-либо представал перед международным правосудием, является плодом беспрецедентных международных дипломатических усилий во имя идеалов справедливости. Не имеет значения, что эта поддержка была вынужденной и оказанной в последний момент. Не имеет

[1] Согласно рассказу чиновника МТБЮ Кевина Кертиса, в течение полета Милошевич попросил разрешения закурить, в чем ему было отказано.

значения, что во время голосования по созданию международного уголовного трибунала ни один из членов Совета Безопасности не мог себе представить, что Милошевич в один прекрасный день окажется в тюрьме в Схевенингене. Это победа над безнаказанностью сильных мира сего. Границы, за которыми диктаторы чувствовали себя неуязвимыми, теперь уже не крепостные стены. МТБЮ, что раньше было невозможно себе представить, просто стал реальностью.

Весь мир празднует «эту историческую победу международного правосудия», за некоторым исключением. Москва просит своего представителя при ООН выступить с протестом по поводу того, что Председатель Совета Безопасности выразил удовлетворение в связи с этим событием, Фидель Кастро сожалеет о «политической ошибке», а Триполи обвиняет международное сообщество в «двойных стандартах». Некоторые выступавшие критикуют «справедливость чековой книжки», не понимая, что международное правосудие для того, чтобы осудить обвиняемого, зависит от государств. Ему больше, чем кому-либо другому, необходима мощь, которая находится в политической власти государств, чтобы свершилось правосудие без учета границ. Эта зависимость международного правосудия от силы принуждения, которая доступна только государствам и которой они выборочно пользуются, плохо влияет на международное правосудие и сужает его легитимность. Поэтому следует ли нам отказаться от международного правосудия, как рекомендуют некоторые, или обвинять морализм сильных мира сего, которые тяжесть преступлений - единственный истинный критерий правосудия - заменяют политическими соображениями, отдельно рассматривая как подлежащих правосудию, в первую очередь, своих врагов, а не друзей, или которые рекомендуют другим то, что не применяют к себе? Пока международное правосудие не будет применяться ко всем, оно будет выглядеть как игрушка сильных против слабых. В этом заключается критика, которую будет использовать Милошевич, а затем и Саддам Хусейн на протяжении всего своего процесса.

Внешне зависимый от доброй воли государств, МТБЮ внутри теоретически сам себе хозяин. Устав предоставляет ему такую независимость, что страны спустя несколько лет, пытаясь приструнить Международный уголовный суд, ощутимо сузили полномочия прокуроров по привлечению к ответственности и предоставили Совету Безопас-

ности возможность принимать решение о прекращении преследования. Великие державы вскоре осознают опасность, которую представляет собой международное правосудие, но которое, откровенно говоря, не имеет в распоряжении собственных силовых структур, или на которые оно не оказывает никакого влияния. Они боятся проникновения Международного уголовного суда на политическую сцену, и поэтому пытаются приручить зверя. Независимо от того, насколько оно является сильным, правосудие не имеет «ни бумажника, ни меча». Следовательно, оно остается уязвимым.

Зависимость МТБЮ от великих держав

Благодаря сумме в 3 миллиона долларов – спасительном пожертвовании Пакистана и Малайзии – Трибунал, наконец, смог начать работу в середине 1994 года. Соединенные Штаты Америки сразу же бросились в Гаагу. Они прибыли со всем необходимым для Прокуратуры информационным оборудованием и двадцатью двумя чиновниками, которые пришли прямо из Пентагона и ЦРУ и которых бесплатно уступили в распоряжение МТБЮ. Юристы, военные аналитики и сотрудники полиции со всех стран Британского Содружества последовали их примеру и поспешили в Гаагу. Франция отстает. В то время, как прокуратура и процедура попадают в англосаксонские руки, Париж не хочет участвовать в этом мейнстриме. МТБЮ, однако, без бюджета зависит от добровольных взносов. Проходит год, Франция до сих пор не уплатила ни цента. Еле соизволила пригласить нескольких волонтеров из своих министерств внутренних дел и юстиции и направила их в МТБЮ при условии, что их работу будет оплачивать Организация Объединенных Наций.

Эти различия в поведении французов и англосаксов видны с самого начала, и не случайно. Все реалисты видят в Трибунале только продолжение политической власти, ее судебное ответвление. Как только были собраны дивиденды, полученные от его учреждения, все согласились с тем, что цель достигнута. МТБЮ послужил оправданием для политиков, а также для выражения эмоций, вызванных ужасом зверств в Боснии и Герцеговине. Сразу же после этого он был оставлен без каких-либо средств к существованию, практически без бюджета. Вопреки всем ожиданиям, горстка достаточно идеалистически настроенных юристов изменила его репутацию использованного алиби западных демократий, выброшенного в корзину для мусора. Они будут стучать во все двери и, в конечном итоге, найдут средства для возбуждения первого дела. Это неожиданное пробуждение поставит власть имущих в неловкое положение. Они дали обещание, которое не намерены выполнять, приняли на себя обязательства, которые считают ни к чему их не обязывающими. Теперь им придется заключить сделку, потому что работа Трибунала, несомненно, будет иметь политические последствия. Впрочем, все великие державы реагируют не одинаково быстро, воюют не одним и тем же оружием против этой креатуры, которая вырывается у них из рук и которой они боятся.

Первыми реагируют США, интересуясь, как можно поступить, чтобы распустить Трибунал. США всегда хотели, чтобы Трибунал находился под их опекой или под руководством Совета Безопасности без права независимости. В проекте, который предложили США в марте 1993 года, когда был создан МТБЮ, предполагалось, что Совет Безопасности уполномочен контролировать подбор людей, финансирование деятельности Трибунала и, в частности, прокурора. Этот проект был окончательно отклонен в пользу проекта, который разработали французы и итальянцы, и в котором рекомендуется закрепить независимость Трибунала. Но приоритетом для Вашингтона остается принцип сохранения контроля за этой инстанцией.

Франция верит в эпоху прав человека и надежду, которую несет международное правосудие, поэтому и перед Советом Безопасности успешно защищает принцип независимости Трибунала. Как родина Декларации прав человека она может похвастаться, что изобрела судебное вмешательство по модели гуманитарного вмешательства, и с удовольствием напоминает, что была одной из движущих сил при создании первых международных уголовных органов после Нюрнберга и Токио. Именно по ее инициативе возникла идея международного суда, предназначенного для недопущения продолжения преступлений в бывшей Югославии и наказания виновных. Ролан Дюма, в то время министр иностранных дел Франции, первый в 1992 году публично высказался об этом. Но, как и все остальные чиновники его ранга, он прежде всего хотел пресечь любое желание использовать военную силу в ответ на зверства, которые происходят. Парижу трудно согла-

совать свои благородные идеалы со своей дипломатией. Когда мертворожденный суд начинает существовать, Франция не разрабатывает какой-либо стратегии; довольствуется игнорированием этого нового фактора, который бесцеремонно вторгается на международную арену, а ее дипломатия до сих пор его презирает. Конечно, мы могли бы радоваться тому, что это является причиной сохранения международной справедливости, но одновременно и жестоким отражением неэффективности французской внешней политики последних двадцати лет.[1]

В отличие от французов англосаксы, не медля, разрабатывают стратегию по отношению к этому пробуждающемуся бумажному тигру. Для них все просто. Поскольку МТБЮ создает обязательства для государств, он не может оставаться в свободном полете по сравнению со всеми другими политическими органами. Поскольку МТБЮ является вспомогательным средством, он должен храниться в тепле под крылышками политиков. Учитывая тот факт, что для них судебная власть не обязательно отделена от политической власти, первая может считаться средством достижения последней. Скорее всего, политики будут стремиться поставить право себе на службу, а не рассматривать его в качестве препятствия. Только исполняя свою ведущую роль над этим новым средством, проще всего поставить право на службу дипломатическим акциям и подчинить его, когда оно угрожает вмешаться в политические намерения.

Для американцев международное право в одно и то же время является средством господства и идеалом; для французов оно – только идеал. Результат: Франция торопится его защищать, а ее дипломатия, которая не знает, что делать с идеалами, торопится его оклеветать. Для высокопоставленных должностных лиц Министерства иностранных дел Французской Республики МТБЮ по-прежнему является «худшей идеей за последние годы». Отсюда пассивность Парижа по отношению к Трибуналу. В то время, как англосаксы занимают пространство, Франция ведет себя как жертва инстанции, от которой нет никакого проку. Французские дипломаты и военные публично демонстрируют свое недоверие, обижаются в связи с требованиями правосудия, которое якобы им мешает делать свою работу. Жалуются на правосудие, которое вмешивается туда, где ему не место, которое их военных в Боснии хочет превратить в помощников судей и которое воображает,

[1] См.: Lassere Isabell, L’impuissance francaise, Flammarion, Paris, 2007.

что своими обвинительными актами способно решить, кто может, а кто нет сесть за стол переговоров. Французы не единственные, кто так считает, но они были первыми, кто четко и громко об этом заявил. Это высокомерие очень быстро отводит им неблагодарное и незаслуженное место наиболее слабого звена международного правосудия и роль любимой мишени Прокурора МТБЮ и объекта давления. Юбер Ведрин и Эрве де Шарет из Министерства иностранных дел, Ален Ришар из Министерства обороны в значительной степени этому способствовали. Их открытая враждебность, а иногда даже гнев, остались в памяти нескольких поколений судей и прокуроров, а также в анналах МТБЮ. Пугающая непоследовательность вызывает путаницу, неспособность адаптироваться к ситуации, которую ни французы, ни их партнеры в Совете Безопасности не предвидели, когда размахивали этим фиговым листком своей инерции.

Отсутствующая, а значит беспомощная Франция не в состоянии влиять на МТБЮ ни когда речь идет о выборе состязательного процесса, который базируется на англосаксонском праве, ни тогда, когда речь идет об использовании французского языка, который в теории, наряду с английским, является официальным языком судопроизводства, ни когда речь идет о его эффективности. Больше из-за пассивности, чем активного выбора, кажется, что Франция – страна, которая больше всех среди постоянных членов Совета Безопасности уважает независимость судебной системы. В силу этого можно было бы вести правильную политику, поставить свою гордость на службу конкретных и добродетельных амбиций и быть в согласии с самим собой. Более того, сделать это так, чтобы получить право обвинять и даже бороться против англосаксонского давления на судебном процессе, и обладать способностью с пользой защищать идеал справедливости, который, как она говорит, хотела бы пылко продвигать, дабы играть ключевую роль на просторах международного правосудия. Но в отсутствие стратегии по отношению к Трибуналу Францию можно оценивать только по работе на открытой сцене. Когда она сталкивается с МТБЮ и международным правосудием, которое постепенно начинает работать там, где необходимо уделять приоритетное внимание политическому реализму по отношению к идеалу справедливости, то столь же часто, как для англичан и американцев, международное право противоречит ее конкретным интересам.

Франция протестует против англосаксонского господства в МТБЮ, которое подтверждается год за годом. Требует большей представительности, но ничего для этого не делает. Те семьдесят французов, которые постепенно прибыли в Гаагу, пришли по своей собственной инициативе, достигли своего продвижения собственными заслугами и имели редкое преимущество в том, что их собственное правительство не предлагало им чего-нибудь конфиденциального или каких-либо инструкций. Франция знает, что, как и большинство европейцев, проиграла битву и извлечет из этого уроки, когда дело дойдет до постоянного Международного уголовного суда. Англосаксы вольны продолжать свою стратегию строгого контроля и внедрения в учреждения, в которых они начинали с нуля. Их посольства укрепляют свои команды в Гааге, которая с началом работы МУС 1 июля 2002 года стала больше, чем когда-либо, столицей международного правосудия.[1] Еще при Клинтоне Вашингтон открывает вакансию особого посла, отвечающего за вопросы международного права, и это поддерживается администрацией Буша. Эта функция, где сочетаются дипломатия и право, которые, по их мнению, неразделимы, традиционно возлагается на юриста.

Целое поколение молодых дипломатов-юристов осваивает международное право и работу своих судебных учреждений, несмотря на отказ США от распространения той юстиции, которая стремится стать универсальной, и против которой Буш будет бороться изо всех сил. Когда весной 1997 года англичане вступили в бой благодаря вхождению Блэра в правительство, они, в конце концов, с помощью своего министра иностранных дел назначили молодого адвоката, который освоил профессию в МТБЮ, где он сохранил многочисленные контакты и чьи движущие механизмы знает. У Франции в Гааге есть только одно компетентное и заинтересованное лицо, но его официальные ноты не оказывают никакого влияния. В Париже на юрисконсультов, напичканных всеми возможными предрассудками и не дорослих до уровня этого нового инструмента, который они едва знают, возложена вся забота о МТБЮ. Они обучены обрабатывать аспекты, касающиеся судебного сотрудничества с Трибуналом – доступ к свидетелям, архивам и т. д. – по-своему способствуя этому институту, в настоящее время обеспеченному бюджетом в 100 миллионов долларов и в котором работают более тысячи человек, но этим все и ограничивается.

[1] В Гааге, помимо МТБЮ (ICTY) и постоянного Международного уголовного суда (ICC), работает также Международный суд ООН (ICJ), который является международным, но не уголовным, как два других, а в обязанности которого входит рассмотрение споров между государствами.

Несмотря на ряд мотивов, которые не могут быть оправданы, англосаксы полностью пользуются имиджем, который возникает в общественном мнении благодаря их активной и многосторонней поддержке МТБЮ и его судебного близнеца, рожденного для Руанды. Во-первых, создается впечатление, что правительство США ведет внешнюю политику с уважением прав человека. Несмотря на то, что период после 11 сентября заставляет нас об этом забыть, эта забота в девяностые годы была реальной, особенно после геноцида в Руанде в 1994 году и позора в Сребренице в 1995 году, когда американская общественность расценивала этот подъем в пользу международного правосудия как акт раскаяния своего правительства. Поскольку бюджет МТБЮ растет, сотни юристов и сотрудников полиции, ободренных американской поддержкой, которая выдает «кредит доверия» правосудию, отправляются в Гаагу. Американцы, англичане, австралийцы, южноафриканцы, новозеландцы, канадцы..., большая часть приходит в основном из Британского Содружества. Некоторые едва знают, где находятся Балканы. Осаждают Прокуратуру, главный движущий механизм Трибунала, судьи которого выступают в роли арбитра между защитой и обвинением. Военные аналитики, юристы и разведчики легко могут раствориться в толпе, продолжая занимать скромные, но стратегически важные места, и служа больше своему правительству, чем МТБЮ.

Больше не соблюдается политическая квота, введенная Организацией Объединенных Наций с тем, чтобы гарантировать мультикультурность своих учреждений. Некоторые работники Трибунала в течение ряда лет указывают на эти последствия, но не в состоянии их исправить. «Десять из семнадцати ответственных мест Управления уголовного розыска прокуратуры занимают граждане трех стран – Австралии, Новой Зеландии и Великобритании», – сообщает один из бывших восточноевропейских следователей МТБЮ в своей жалобе Службе внутреннего контроля Организации Объединенных Наций. В ней он указывает на кумовство при трудоустройстве, что приводит к назначению на высокие должности следователей людей без уни-

верситетского образования. Многие из них австралийцы, которых в их молниеносном карьерном росте поддерживает соотечественник - заместитель старшего прокурора Грэм Блуитт, находящийся в Гааге с 1994 года. Некоторые англосаксы также указывают на клиентелизм, который подрывает эффективность прокуратуры. Клинт Уильямсон, ставший в 2006 году специальным послом США по вопросам военных преступлений, жаловался на это в апреле 2001 года, когда еще работал в МТБЮ.

Американское и британское правительства не ищут для себя теплого места. Но используя англосаксонское доминирование и находчиво разветвленную сеть на территории Гааги, они первыми получают информацию о решениях и стратегиях уголовного преследования. Таким образом, они могут пробовать влиять на них. Но им также хорошо известно, что такое конкурировать с мощью судебной системы, которая не должна ни перед кем отчитываться. «Обвинитель не должен запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или из какого-либо другого источника», - определяет статья 16 Устава МТБЮ, который был принят Советом Безопасности 25 мая 1993 года, хотя прокуратура часто воспринимается как самый политический орган этой инстанции, - единственный, который должен быть адаптирован к политической среде, пытаясь найти баланс между императивами справедливости и политики; данное ему дискреционное право является и его силой, и его слабостью, в зависимости от того, используется ли оно, чтобы оправдать ожидания государств или жертв, либо всех тех, кто надеется остаться безнаказанными. Первый прокурор все еще слабой инстанции южноафриканец Ричард Голдстоун (1994 – 1996) больше слушался своего государства, чем его преемники. На его долю выпала трудная задача – провести два процесса, легитимный суд, за который он был ответственный, и политические переговоры, которые вело параллельно руководство международного сообщества для того, чтобы закончить войну в Боснии. Упомянем упорство канадки Луизы Арбур (1996 – 1999) и швейцарки Карлы дель Понте (1999 – 2007), не расположенных ни отступать от высших государственных соображений, ни нарушать статью 16, которая гарантирует их независимость, даже если они нарушили международные правила игры, привлекая первый раз главу государства к ответственности за преступные последствия своей политической деятельности. Настойчивые женщины,

они смогли постепенно навязать идею того, что любое политическое разрешение конфликта и, естественно, никакое примирение не представляется возможным, если жертвам не воздали по справедливости. Луиза Арбур не воспринимала давления государств и сдалась после предъявления обвинения Милошевичу. Швейцарка упорно боролась в течение восьми лет. В своих международных расследованиях против мафии: русской, колумбийской, мексиканской или итало-американской, которые она вела из Швейцарии, у нее была возможность сталкиваться с различными политическими препятствиями в той же самой Швейцарии, ревностно хранившей свою банковскую тайну, против которой боролась Карла дель Понте. Но никогда, как поделилась она откровениями в конце своего мандата, не могла себе представить, что работа международного прокурора может настолько отличаться от работы национального прокурора ввиду того, что давление и попытки вмешательства политиков были многочисленными. Столкнувшись со способностью неповиновения прокурора, англосаксы не могут быть удовлетворены, лишь давая «советы», к которым слишком редко прислушиваются. Поэтому они параллельно разрабатывают гораздо более коварные и опасные стратегии, которые юристы не всегда могут вовремя раскрыть.

МТБЮ всегда возбуждал любопытство. Все хотели бы знать, что происходит за дверями и многочисленными барьерами безопасности, за которые могут проникать только счастливые избранники с аккредитацией, этим последним «Сезам, откройся». Проникнуть в этот запретный мир с его сейфами, специальными полномочиями, телефонами и закодированными факсами, паролями безопасности, где царит недоверие между отделами, этажами, различными национальностями. Процесс расследования должен оставаться конфиденциальным, это само собой разумеется. Но опасность всегда оценивали дискриминационным способом, как будто она могла исходить только от бывших югославов, тех, кого Трибунал должен был преследовать. Но их немного работало в этой инстанции. Искусная или менее искусная игра их правительств, а также попытки проникновения сербских, хорватских и боснийских шпионов постоянно вызывают сильную тревогу, нередко обоснованную. Но самая большая опасность возникает вне Трибунала, когда секретные службы из стран бывшей Югославии шпионят за следователями, которые находятся с миссией

в регионе, и прослушивают их телефонные разговоры. В ряде случаев их ловят на горячем или Трибунал, или журналисты из бывшей Югославии, которые охотно раскрывают маленькие тайны международного правосудия. Когда власти готовят лжесвидетелей, они подбрасывают фальшивые документы. Эта стратегия оказалась неэффективной, и местные власти быстро от нее отказались, так как процесс, как правило, позволяет обнаружить мошенничество вовремя. Стратегией, которая является наиболее эффективной и которую, конечно же, невозможно подавить, остается угроза свидетелям местью или угроза смерти, иногда даже с исполнением этой угрозы.[1]

«Эффективность международного правосудия зависит от его способности получать доступ к доказательствам, что являлось ключом успеха Трибунала в Нюрнберге», - любят повторять юристы в Гааге. Но на этот раз союзники МТБЮ не готовы оказать ему необходимой поддержки для того, чтобы установить истину. Они стерегут проникновение правды, которое грозило бы обнажить их секреты. А для того, чтобы их защитить, используют те же методы, что и правительство бывшей Югославией – прослушивание телефонных разговоров, внедрение в Трибунал, сокрытие доказательств или свидетелей – но делают это настолько эффективно, что их влияние на МТБЮ кажется огромным. В этом и заключается реальная опасность для международного правосудия.

Пока Франция сердится на Трибунал за то, что тот попал под американское влияние, англичане и американцы в его распоряжении. Создается впечатление, что они поставляют информацию, которую можно получить только с помощью средств, которые имеются у них в наличии. Мы помним снимки со спутника, которыми размахивала перед журналистами Мадлен Олбрайт в начале августа 1995 года и на которых изображены места со свежевскопанной почвой, которые, вероятно, являются участками массовых захоронений после падения анклава Сребреница. Но они передают только то, что хотят, манипулируя таким образом МТБЮ.[1] Информация, собранная во время войны великими державами, позволила бы прокуратуре МТБЮ быстро подняться вверх по руководящим звеньям и без колебаний выявить наиболее виновных за зверства, которые продолжаются в бывшей Югославии. Но эти подстрекатели были собеседниками, с которыми нужно было быть осторожными. Облегчая работу МТБЮ, великие державы рисковали бы прерыванием диалога, который они хотели любой ценой поддерживать. Поэтому они дозировали доступ или сокращали шокирующие доказательства, которые у них были, чтобы не сорвать дипломатических действий. МТБЮ получит только часть фотографий резни в Сребренице, которые вживую передавали американские спутники-шпионы. Они утверждают, что совершенные преступления, о которых начали говорить в конце июля 1995 года в своих первых свидетельствах для прессы и следователей МТБЮ, действительно имели место. Этим жестом, мощно сопровождаемым средствами массовой информации, США пытаются оправдаться перед общественным мнением, которое не понимает, почему анклав Сребреница не был защищен, и просит объяснений по поводу оставления на произвол судьбы его населения, которому великие державы пообещали резолюцией Совета Безопасности в апреле 1993 года, что оно будет находиться вне досягаемости сил генерала Ратко Младича, военного лидера боснийских сербов. США и их союзники не хотят, чтобы эти фотографии были опубликованы в качестве доказательств, потому что уже в то время была информация о том, что они должны были действовать, дабы остановить позорную расправу над восемью тысячами человек, которая начала происходить у них на глазах. США ни тогда, ни позже

[1] Страны бывшей Югославии пытаются сорвать этот суд, копаются в его самом постыдном прошлом, пытаются помешать ему в доступе к компрометирующим секретам, нейтрализовать его действие. Иногда им это удается, но они не имеют никакого реального влияния на Трибунал и его решения. Правосудие готово к контратакам своих подозреваемых и их прямых пособников, но не знает, как защитить себя от нападок своих союзников.

[1] Наиболее важные свидетели пользуются мерами защиты, поэтому их имена не могут быть раскрыты. Тем не менее более десятка свидетелей из секретных списков МТБЮ были убиты на всей территории бывшей Югославии. Большое количество вынуждено было временно или навсегда переселиться и получить новые документы благодаря помощи третьих стран. Некоторые свидетели, которым угрожали, отказались от своих показаний, другие охотно раскрыли свою личность, думая, что будут находиться под защитой общественности, как два журналиста из Белграда – Деян Анастасиевич и Йован Дулович. И, конечно же, некоторые из них уступили давлению и отказались подтвердить уличающие показания на судебном заседании, превратившись, таким образом, в свидетелей защиты.

не предоставили записей разговоров, имевшихся у них в распоряжении и свидетельствовавших о причастности Белграда. Хорошо известно, что начальник Генерального штаба в Белграде Момчило Перишич во время операции в Сребренице находился в постоянном контакте с Младичем, что Милошевич был проинформирован о ситуации и что он говорил с Младичем во время совершения преступления.

Милошевич был ключом к миру, тем, кто в ноябре 1995 года подпишет Дейтонское соглашение, на основании которого закончится война, длившаяся три с половиной года, и этнические чистки в Боснии и Герцеговине. Его компрометация путем передачи доказательств прервала бы любой диалог, однако не смогла бы силой принудить его к переговорам, которые уже маячили на горизонте. Западные лидеры предпочитают закрыть лицо руками и умолчать о святотатстве, совершенном Милошевичем, превращая в насмешку и обращая в свою пользу извечную дилемму дипломатии – мир или истина ? – чтобы тот продолжил свои преступления, зная, что на все закроют глаза из-за одного соглашения.

Отсюда обструктивная политика великих держав по отношению к МТБЮ, несмотря на резолюцию Совета Безопасности, которая обязывает их в полной мере сотрудничать с судебными органами. «Это приводит нас к мысли, что намерение установить прямой контроль за МТБЮ соответствует действительности», – жалуется в декабре 1997 года Луиза Арбур. Эту ее критику часто будет повторять Карла дель Понте, особенно во время процесса Милошевича. Но тогда критика была направлена в сторону Франции, которая первой ввела специальную процедуру для того, чтобы отстранить прокуратуру от проверки своих военных, проходивших службу в силах ООН в Боснии. «Мы должны по каждому вопросу в отдельности вести переговоры с юристами Министерства обороны», – сетует Луиза Арбур.[1] Все правительства будут проводить ту же политику. Встреча лицом к лицу с Трибуналом, немощным без поддержки государств, полных решимости сохранять свои тайны, продолжается за кулисами даже сегодня. Против этой политики, «которая ставит под угрозу всю работу Трибунала», – протестует в декабре 1998 года президент МТБЮ, американка Габриэль Керк Макдональд. Ведь МТБЮ является «первой практической мерой в течение последних пятидесяти лет, чтобы создать

[1] «Le Monde», 14 декабря 1994 года.

мир, в котором права человека, равенство и справедливость будут значить больше, чем слова на бумаге», – напоминает она, чтобы лучше подчеркнуть несоответствие между словами и делами политических лидеров. Под предлогом, что «все документы, выданные во внешних операциях, являются конфиденциальными», великие державы могут умолчать об их существовании либо снять секретность с того, что их устраивает или им не мешает.

В страхе, чтобы расследования МТБЮ «не превратились в допросы солдат и дипломатов, которые должны предстать в качестве свидетелей», они ограничивают их показания. Так что, когда прокуратура просит разрешения властей допросить их, она должна задавать вопросы в письменном виде. Если они недостаточно точные, их можно легко отклонить. А когда являются исчерпывающими, подробными, то их предлагают юридическим службам министерств, которых это касается, и они их могут сократить, выбросить и выбрать в конечном итоге лишь малую часть. Но правительства больше всего боятся перекрёстного допроса, предусмотренного в процедуре обвинения Трибунала, потому что это предоставляет противоположной стороне возможность почти всеми средствами дискредитировать свидетеля. Его допрашивают о других, более личных аспектах, а не о фактах. Правительства трепещут при мысли о том, что их сотрудники могут при перекрёстном допросе критиковать абсурдность своих мандатов в операциях по поддержанию мира или выдать секреты своей миссии. Руководитель Судебного департамента французского Министерства обороны Кэтрин Бергиль указывает в декабре 2006 года на опасность того, что «свидетель становится обвиняемым», что, в свою очередь, проистекает из своеобразия англосаксонских процедур. На одной из встреч, организованных в военной школе в Париже, она объясняет: «От них не требуется рассказать о том, что они видели, а требуется, чтобы они говорили о том, почему мы отказались действовать, дабы предотвратить то, что мы видели или что мы не видели, но должны были видеть». Поэтому Правительства стремятся как можно больше сократить объём показаний, что позволит сократить и масштабы перекрёстного допроса, и требуют как при допросе, так и на судебном заседании присутствия представителей национальных органов, уполномоченных запрашивать снятие каких-либо вопросов или ходатайствовать о разбирательстве за закрытыми дверями. Без этих радикальных мер, говорят они, их армия

не смогла бы больше вмешиваться во внешние операции, что лишило бы политические власти активной силы на международной арене. Причина проста: в законодательстве предусматривается, что любой человек, который знает или может предвидеть, что совершится преступление, должен попытаться его предотвратить, в противном случае он будет привлечён к уголовной ответственности. Если это правило применимо к любому иерархическому начальнику в армиях, которые совершают преступления, то оно применяется и к международным силам, которые, однако, не имеют никакой власти над местными исполнителями или их армией, но чье молчание и бездействие делают их соучастниками с точки зрения уголовного права. И это является самым большим камнем преткновения в отношениях между великими державами и международным правосудием. Преступления, совершенные в Сребренице, анклаве, защищаемом ООН, или же совершенные в Руанде во время операции «Tirkiz», не являются единственными, раскрытия которых правительства боятся.[1] Страх великих держав оказаться на скамье подсудимых проявляется и во время операций НАТО в Косово. Юрисдикция МТБЮ географически ограничена бывшей Югославией, но не ограничивается какой-либо силой в конфликте. Поэтому альянс находится под его юрисдикцией в случае совершения военных преступлений. В разгар вмешательства союзных сил, 17 мая 1999 года, Джейми Шей, пресс-секретарь НАТО, прекрасно подытоживает мысль великих держав, заявляя прессе: «Я думаю, что мы должны отличать теорию от практики. Когда прокурор Арбур ведет расследование (о преступлениях в Косово; цитируется по архивным данным), то делает это потому, что мы ей это позволили. Милошевич не дал ей визу, чтобы поехать в Косово и заняться расследованием. Если ее Трибуналу, как мы этого хотим, будет разрешен доступ, то только благодаря НАТО. Поэтому НАТО является другом Трибунала. Государства-члены НАТО являются теми, кто предоставил необходимые средства для начала работы Трибунала. Будьте уверены, что мы и Трибунал в равной мере хотим, чтобы военные преступники предстали перед судом, и я уверен, что Луиза Арбур, когда она отправится в Косово и изучит факты, обвинит только югославских граждан и никого другого».

[1] В конце июня 1994 года французские войска, посланные в Тиркиз, отказались помочь тем, кто избежал геноцида, укрывшись в горах Бисесеро, на западе Руанды. Половину из них, то есть около тысячи тутси, убьют на следующий день.

Перед уходом со своего поста Луиза Арбур все же возбудила предварительное следствие, направленное на рассмотрение апелляции против бомбардировок НАТО, приведшим к большим жертвам среди гражданского населения. НАТО отвечает на явную угрозу. За кулисами великие державы усиливают давление, а это свидетельствует о том, что они отказались от принятия универсального правового правила, в соответствии с которым любые виновные предстают перед Трибуналом за нарушение Женевских конвенций, когда осуществляют военную интервенцию. Они говорят, что не понимают, как можно «ставить на одну и ту же доску справедливую войну и репрессивную войну, сопровождаемую этнической чисткой». В июне 2000 года сделано заключение, в котором говорится, что нет необходимости возбуждать следствие, так как ошибки НАТО не были преднамеренными. Протестовали больше всех неправительственные организации, в том числе «Amnesty International». Но Трибунал не виноват в неспособности жертв получить помощь от стран, когда те от нее отказываются. Ни Сербия, которая была готова обвинить альянс в военных преступлениях, ни НАТО не предоставляют Трибуналу доказательств, без которых МТБЮ не может установить факты и действовать. Зависимость МТБЮ от великих держав не выражается, вопреки общепринятому мнению, во взаимных уступках. МТБЮ, а особенно Прокуратура, знают, что они потеряли бы всякий авторитет, если бы пожертвовали своей единственной силой, которая заключается в их независимости. Однако нет никакого способа, чтобы бороться против сохранения информации или сокрытия доказательств, когда это делают великие державы, ведь только Совет Безопасности имеет право осудить отказ государства в оказании помощи МТБЮ. Когда Карла дель Понте собиралась рассмотреть вопрос о предполагаемых военных преступлениях НАТО и когда, после падения Милошевича, стала поощрять сербские власти предоставить ей имеющиеся детали, Североатлантический альянс вновь начал угрожать. НАТО, однако, было нечего бояться, потому что Белград передал в Гаагу только несколько листовок, составленных отделом пропаганды Милошевича.

Политика останавливается у входа в зал суда. Сильные мира сего соблюдают это правило, но считают, что фактом является также то, что они могут помочь прокурору и имеют право вмешиваться в его выбор и принятие решений до начала процесса. Прокуроры, которые ведут

дела, должны лавировать в море, кишащем акулами. Луиза Арбур и Карла дель Понте боролись изо всех сил против попыток государств вмешиваться в их работу. Но у них никогда не было средств, чтобы сорвать политические намерения, когда они были выражены иначе, чем рекомендация или предупреждение. Международное правосудие еще меньше, чем национальное, не может точно оценить, как повлияло на его работу сокрытие доказательств, сговор, скрытое вмешательство великих держав, потому что, как правило, это неизвестно. И в этом заключается вопрос о предвзятости международного правосудия, в том числе и МТБЮ. Редко – это позиция, свободный выбор, а не результат того, что от него намеренно скрывают или от чего отказываются. В этой сложной игре зависимости и независимости по отношению к государству и его соответствующим силам МТБЮ подвергается серьезному испытанию.

Ни немощное, ни всемогущее международное правосудие не переставало продвигаться по ничейной территории, не зная, ни откуда раздастся следующий выстрел, ни с какой стороны находятся союзники. Поэтому нужно проникнуть за кулисы МТБЮ, спуститься в утробу зверя, чтобы увидеть, каким ядом его пытались парализовать и уничтожить.

Глава II.

ЗА КУЛИСАМИ ПРОЦЕССА СЛОБОДАНА МИЛОШЕВИЧА

Дело № IT-02-54: Прокурор против Слободана Милошевича. В среду 3 июля 2001 года британский судья Ричард Мэй, председательствующий на коллегии, состоящей из трех судей, открывает заседание. Слободан Милошевич сидит на скамье подсудимых. Входя в этот стерильный мир высоких технологий, несколько минут назад он инстинктивно направился в центр сцены, где обычно сидят свидетели. Три охранника, которые следуют за ним, сразу показывают на стул в левой половине зала, предназначенный для подозреваемых в совершении или поощрении преступлений, тяжесть и серьезность которых подпадает под юрисдикцию международного гуманитарного права. Милошевич был приглашен не выступать с трибуны, как он привык, а отвечать за свои деяния. Впервые в истории одного из бывших глав государств судят перед международным трибуналом за его преступную политику, за связи, которые соединяют дворец властелина и поля смерти.

Сотни телевизионных камер готовы зафиксировать этот исторический момент. Они не видят раскаявшегося человека, которого догнало его самое черное прошлое. Он не проявляет ни малейших признаков скромности. Гордо носит галстук в национальных цветах Сербии и по-прежнему вызывающе держится как глава государства – высокомерно и надменно. В четверг, 1 июля 2004 года, Саддам Хусейн будет держаться точно так же во время своего первого выступления перед иракским судом. Диктаторы как будто не боятся очной ставки с правдой. Они отказываются от нее, демонстрируют отсутствие признания в качестве единственной истины. Судья Ричард Мэй обращается к обвиняемому: «Господин Милошевич, я вижу, что сегодня у Вас нет адвоката. Это Ваш выбор. Вы имеете право защищать себя сами, но хорошенько подумайте: действительно ли это в ваших интересах? Процесс будет долгим и сложным... Возможно, Вы пересмотрите свое решение. Сколько на это Вам нужно времени?» Милошевич отвечает на английском: «Я считаю, что этот суд – фальшивый суд, а обвинительное заключение – ложное обвинительное заключение. Этот

суд является незаконным, его не утвердила Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Поэтому у меня нет никакой необходимости выбирать адвоката перед такой незаконной инстанцией». Милошевич отказывается признать свою вину, он предпочитает обвинять в нападении силы НАТО. Бросается в яростную атаку на этот «так называемый суд». Ему отключают микрофон. Британский судья не требует чтения обвинительного заключения. Он торопится, поэтому забывает отдать долг памяти жертвам и прерывает заседание. Милошевич с удовольствием смотрит на часы. Обсуждение длилось всего двенадцать минут. На обратном пути в камеру предварительного заключения он пытается узнать об эффекте своего выступления. Тиму Мак Фаддену, начальнику тюрьмы, говорит: «Хорошо сыграно, не так ли?»

После экстрадиции в Гаагу Слободану Милошевичу инкриминировались только преступления, совершенные в Косово. Прокуратура находится в цейтноте. После падения Милошевича в октябре 2000 года Карла дель Понте попросила всю команду работать полный рабочий день по этому делу с задачей до лета закончить расследование по Хорватии и Боснии.

Но в конце марта, когда свергнутый лидер арестован в Белграде, команде еще далеко до цели. «Это уже не сомнительная гипотеза, а реальность. Милошевич будет передан до конца года. Я даю вам время до 1 октября, чтобы составить обвинительное заключение. Проект должен быть на моем столе не позднее начала сентября. В то же время мы регулярно будем проводить совещания, чтобы из элементов доказательств построить стратегию преследования. Сейчас не время, чтобы уходить в отпуск!» – пытается наверстать упущенное Карла дель Понте. Для поддержки этих усилий одному из юристов в начале апреля она вверяет возглавить команду следователей и просит его укрепить ряды команды, работающей по «делу Милошевича». С полной уверенностью она заявляет прессе: «Когда прибудет Милошевич, ему будет, без сомнения, предъявлено не только обвинительное заключение, включающее в себя зверства в Косово, из-за которых он был арестован, но и факты, на основании которых мы собираемся обвинить его в злодеяниях в Хорватии и Боснии и Герцеговине».

Очевидная задержка в следствии вызывает некоторую критику. Шериф Бассиуни, известный профессор международного права, ко-

торый возглавлял комиссию экспертов Организации Объединенных Наций по расследованию нарушений международного гуманитарного права в бывшей Югославии, созданную в 1992 году (резолюция 780 Совета Безопасности), жалуется на нее. Сначала в боснийской прессе в конце мая 2001 года, а затем в письме к Карле дель Понте от 6 июня 2001 года: «Если вы решили ужесточить карательную стратегию по отношению к наиболее ответственным за преступления, то Милошевичу должны быть предъявлены обвинения в преступлениях, совершенных в Хорватии и Боснии, кроме случаев, если эти обвинения еще не существуют или еще не были обнародованы. Но если их нет, мы должны спросить о причинах. Многие подозревают политическую торговлю, которая, вероятно, связана с Дейтонским соглашением. Но я всегда подчеркивал, что отсутствие обвинительного заключения не предрекает заранее будущего, и что время покоится на политических суждениях, которые могут быть приняты во внимание в интересах мира и справедливости (...) Тем не менее я убежден, что есть достаточно доказательств, чтобы уголовно преследовать Милошевича за преступления, совершенные в период с 1991 по 1995 годы в Хорватии и Боснии, как ответственного иерархического начальника. Я знаю, что такой подход, по разным причинам, вызывает сопротивление в Вашем офисе. Правда состоит в том, что нелегко однозначно доказать, но имеются без всяких сомнений эпизоды, как, например, осада Сараево, которые оправдывают то, что мы опираемся на постулат ответственности иерархических начальников, дабы обвинить как можно больше командиров. Но насколько мне известно, это не было сделано в последние годы (…). Я знаю, что задача прокурора нелегка и что всякий раз приходится решать проблемы: бюрократические, финансовые, политические. Конечно, легко критиковать со стороны. Однако критика не всегда является злом, она может быть и полезной, когда предлагает прокурору возможность показать, что общественное мнение ожидает намного большего».

Американо-египетский эксперт имел все основания для беспокойства. В апреле 1994 года его комиссия была распущена в тот момент, когда она была достаточно близко, чтобы с помощью документов установить основную связь между Милошевичем и преступлениями, совершенными его тайными агентами в Хорватии и Боснии и Герце-

говине.[1] Два года спустя, когда уже закончилась война и территория стала доступной для следователей, Милошевич все еще вне поля зрения МТБЮ. Американец Ричард Холбрук, архитектор мирного соглашения в Дейтоне, почти открыто выразил удовлетворение этим обстоятельством 15 февраля 1996 года в «Financial Times». Подозреваемый номер один, которого западная дипломатия превратила в человека мира, естественно, согласился получить свободу в обмен на мир. Только весной 1999 года, когда выдвигаются обвинения против Милошевича по Косово, похоже, возникает молчаливый консенсус о его преследовании. Тем не менее Шериф Бассиуни не исключает, что на Западе попытаются отговорить Карлу дель Понте от обвинения Милошевича за предыдущие преступления. Она надеется, что поддержка общественного мнения, одного из двигателей справедливости, поможет ей избежать возможного политического давления.

Но в 2001 году никто не смеет даже предложить прокурору МТБЮ отказаться или отложить новое обвинение против Милошевича. Обвинить Милошевича за Косово, но ничего не сделать для сотен тысяч боснийских и хорватских жертв, было бы просто непростительно. Будучи очень политическим, это решение представляет опасность, потому что может спровоцировать обвинения в соучастии, которое общественное мнение предполагало у западных лидеров, и изменила которое, после долгих лет колебаний, только интервенция сил НАТО в Косово. В мае 1999 года Луиза Арбур победила в этом состязании и возбудила процесс, о котором все знают, что он необратим. Карле дель Понте не оставалось ничего иного, как продолжить расследование. Внезапно сорвать миссию международного правосудия, которое действительно достигло огромного успеха, передав бывшего главу государства судьям, было бы слишком рискованно. Великие державы согласились, несмотря на глубокие разногласия.

[1] Отчет на четырех тысячах страниц, который составлен по этому поводу, реконструирует анатомию этнических чисток. Он будет передан вместе с документами и соответствующими актами Прокуратуре в Гааге и послужит исходной точкой для следствия МТБЮ. Кандидатура Шерифа Бассиуни в августе 1993 года рассматривалась на должность Прокурора МТБЮ, но не получила единодушного одобрения в Совете Безопасности. Таким образом, год спустя, в июле 1994 года на эту должность был назначен Ричард Голдстоун.

Карла дель Понте против инертности Прокуратуры

По прибытию в Гаагу в сентябре 1999 года Карла дель Понте требует от своего офиса продолжить расследование причастности Милошевича к преступлениям в Косово, которые привели к гибели около десяти тысяч албанцев. Она хочет усилить обвинительное заключение, в спешке подписанное Луизой Арбур. После вывода войск Милошевича из Косово в середине июня следователи МТБЮ имеют свободный доступ на территорию, которая сейчас находится под контролем сил НАТО. Эксгумация, начавшаяся летом, предоставит еще больше доказательств по этому делу. Швейцарка убеждена в том, что ее следователи одновременно работают над установлением связи между Милошевичем и преступлениями, совершенными в Боснии и Хорватии. Ее помощник, австралиец Грэм Блуитт успокаивает ее, но становится нерешительным, когда речь заходит о продвижении расследования. Он признается, что для него это не является приоритетом. Считается, что Управление не имеет ни времени, ни достаточного количества следователей, чтобы заняться делом, главный подозреваемый по которому никогда не будет осужден. Прежде всего он не верит в главную роль Милошевича в проведении этнических чисток сербскими экстремистами в Хорватии и Боснии. И уверенно убеждает новое окружение Карлы дель Понте: «Мы не должны смешивать боснийских сербов с сербами в Хорватии или Сербии, это не то же самое, они принадлежат разным странам, без взаимных связей». Тем не менее члены его офиса и судьи МТБЮ давно подвергают сомнению заверения этого австралийца. В случае Душко Тадича, мучителя из лагеря в Приедоре, судьи в 1997 году, а затем в апелляционном производстве от 15 июля 1999 года пришли к выводу о том, что армия боснийских сербов находилась под «общим контролем» Белграда. Австралиец решил, что Радован Караджич и Ратко Младич, обвиненные в 1995 году в геноциде и преступлениях против человечности, не зависят ни от кого и сами могли контролировать войска под своим командованием в ходе преступлений, совершенных в Боснии и Герцеговине. Он считает бесполезным искать в другом месте зачинщиков этой преступной политики, потому что именно они являются ее инициаторами. По его мнению, прокуратура выполнила задачу, обвинив лидеров боснийских сербов, а теперь ей осталось только добиться их ареста силами НАТО в Бо-

снии, чтобы осудить. Когда речь заходит о Хорватии, Блуитт не видит того, как Милошевичу можно приписать преступления в Вуковаре и Дубровнике, совершенные Югославской народной армией (далее – ЮНА) и полувоенными сербскими подразделениями, которыми тот не командовал. Он забывает однако, что Милошевич преобразовал ЮНА в сербскую армию и вооружил сербские полумилитарные силы в Хорватии, а также поставил во главе их своих людей.

Грэм Блуитт, который первым прибыл в Прокуратуру в январе 1994 года, по своей природе не является бойцом. Он ходит вокруг да около, избегает ударов, ускользает, чтобы лучше укрепить свое гнездышко. Он любит говорить, что Прокуратура – его призвание. Без нее его бы не существовало. Это отчасти верно. Между тем он, мелочный человек, обустроил ее как провинциальную прокуратуру, в которой требуется подчинение, а карьерный рост зависит от степени лояльности, а не компетентности или упорства. Следственный отдел, юристы, аналитики - все это раздроблено до крайней степени, таким образом он предотвращает доступ к целому. С началом работы Прокуратуры он хочет сохранить под своим крылышком судебную политику. Его директивы напоминают его физиономию, все закруглены. Важно ничего не нарушить и следовать естественному ходу вещей. Результат: расследования сначала относились к преступлениям и непосредственным исполнителям, что, конечно, является неизбежным шагом, но в течение ряда лет многие не обращали внимания на взаимосвязь этих преступлений и на то, что по манере их совершения, повторяемости, намерениям, совместной цепочке подчиненности можно подняться на вершину. Задача судопроизводства могла бы, в конечном итоге, состоять в том, чтобы настичь тех, кто находится на вершине власти, но этого недостаточно. Она состоит из обвинений, выдвинутых против исполнителей и соучастников, которые обеспечили возможность хозяину из дворца реализовать свои темные планы, никого не убивая своими собственными руками. Построение уголовного дела требует реконструкции цепи событий и приказания добраться до реальных зачинщиков, которые, как правило, внимательно следят за тем, чтобы не оставлять компрометирующих письменных приказов. В связи с этим процессы нижних уровней необходимы для того, чтобы обеспечить правосудие, направленное против высокопоставленных начальников. Но прокуратура в Гааге оставалась слишком долго втянута в стратегию первого порядка и оказалась неспособной вовремя переключиться на повышенную скорость. Международное правосудие должно быть прежде всего направлено на преследование наиболее важных фигур среди убийц, ответственных за выполнение самых грязных работ, их начальников и вдохновителей. Преследование всех мучителей длилось бы десятилетиями, потому что столь многочисленны были те, кто принимал участие в этих массовых злодеяниях. Но Грэм Блуитт имеет опыт работы в системе правосудия, у которой есть время, и не имеет никакого намерения менять привычки в этой инстанции, которая все-таки является временной. Обвинение против Караджича и Младича в 1995 году нарушило течение этой тихой, скучной заводи. Это его не устраивает: обвинительное заключение клещами вытащили из него судьи, которых шокировала инертность прокурора. Как и обвинительное заключение против Милошевича, инициатива Луизы Арбур была прямым ответом на волну насилия, которая обрушилась на Косово. Когда канадка ушла, Блуитт восстанавливает нарушенный порядок. Он ни на мгновение не верит в то, что Милошевич в один прекрасный день будет передан в Гаагу и не считает нужным прилагать даже малейшие усилия.

Карле дель Понте потребовалось несколько месяцев, чтобы оценить, сколь велика небрежность ее заместителя, несмотря на предупреждения Луизы Арбур при передаче обязанностей. Когда Милошевич в октябре 2000 года был свергнут, она обнаруживает, что ее прошлогодние инструкции не учтены. Дополнительное расследование против Милошевича в Косово по-прежнему стоит на месте. Блуитт сопротивляется и указывает на те же причины: «Нет ни времени, ни людей, над этим будем работать позже, если Милошевич когда-нибудь будет выдан». Карла дель Понте выступает против его медлительности. Она вносит Милошевича в приоритеты прокуратуры и создает команду, которая полное рабочее время должна заниматься эти делом. Между Карлой дель Понте и австралийской командой в ее кабинете периодически вспыхивают споры. Дело Милошевича находится в эпицентре.

В начале 2001 года прокурор вызывает Грэма Блуитта и начальника отдела расследований Джона Ролстона, австралийского полицейского весьма скромных дарований, которого Блуитт назначил на эту ответственную должность. Она хочет видеть доказательства, которые

были собраны по части расследования, касающегося Хорватии и Боснии. Грэм Блуитт показал ей ряд скоросшивателей, пылившихся на полке. Двадцать скоросшивателей, в которых в беспорядке собрана информация, указывающая на участие сил из Сербии в преступлениях, совершенных по ту сторону границы. Помещенные в один угол, они никогда не были проанализированы. Карла дель Понте открывает для себя, что ее офис сделал точную картографию преступлений, совершенных в Боснии и Герцеговине, начиная от первого кейса Душко Тадича, идентифицировал часть связей между армией из Белграда и армией боснийских сербов[1], но никогда, несмотря на распоряжения Луизы Арбур, а потом и ее, не пытался ни идти вверх по цепочке приказов, ни проверить, ведет ли она к военным и политическим властям в Белграде. До сих пор официально не было возбуждено расследование ни в отношении Милошевича, ни каких-либо других должностных лиц из Белграда.

Будучи убежден в том, что Милошевич никогда не будет передан в МТБЮ, Грэм Блуитт довольствовался тем, что давал различные советы командам прокуратуры, чтобы те временно отставляли в сторону доказательства, на которые можно было случайно наткнуться при расследовании, но были готовыми в любой момент пополнить ими следственное досье. При отсутствии четких инструкций немногие команды сделали все возможное, чтобы выполнить эту задачу. Милошевич не является исключением для хорватских властей во главе с Франьо Туджманом, как и Милошевич, который привел к расчленению Боснии с помощью этнических чисток территорий, которые его привлекали. Если Блуитт не считает целесообразным вести следствие по сербским подстрекателям в Белграде, то логично, что он не занимается ими и в Загребе. Карла дель Понте хочет свести политику обвинений самых ответственных со всех сторон и для начала требует, чтобы в течение июля было подготовлено обвинительное заключение

[1] В суде первой инстанции в 1997 году по делу Душко Тадича выявились «общие стратегические цели» двух армий. В суде второй инстанции в 1999 году было установлено, что «контроль, который осуществляла армия из Белграда над сербскими силами в Боснии, не ограничивался финансовой и материально-технической поддержкой, а заключался во взаимодействии с общей формулировкой отдаваемых приказов, в координации и наблюдении за действиями и операциями сербской армии в Боснии». См.: www.un.org/icty

по делу Милошевича в отношении Хорватии и Боснии и Герцеговины. Грэм Блуитт подчиняется. Джон Ролстон решает уйти.

Карла дель Понте должна найти ему замену в виде человека, который в состоянии проводить ее политику обвинений и заменить двух австралийцев. Великобритания и США спешат как можно скорее выяснить ее намерения. Вскоре объявляют, что они хотят видеть на этой должности некоего англосакса, но не хотят оказывать прямого давления на швейцарку. В первую очередь, обращаются к дипломатическому советнику Жан-Жаку Йорису и предлагают назначить Роберта Рейда, другого австралийского полицейского без широкомасштабного мышления, бывшего помощника Ролстона. В марте 2001 года Йориса вызывают в американское посольство в Гааге. «Определенное количество стран исключено», – говорят ему. «Дель Понте не думает ни о русском, ни о китайце», – отвечает Йорис с лукавой улыбкой. «Мы должны быть полностью уверены в этом человеке. У нас есть хорошее мнение о Бобе Рейде. Но, кажется, Вы не знаете, что это должен быть британец, канадец, новозеландец, австралиец или американец», – резко ответили ему.

Американцы, несомненно, знают, что предлагаемый Прокуратурой кандидат является французом, и к тому же следственным судьей. Они хотят, чтобы члены Содружества больше защищали свои специфические интересы и занимались определенным урегулированием. Для того, чтобы убедиться, что предложение одобрено, первый секретарь посольства США идет к Карле дель Понте: «Нам легче раскрыть конфиденциальную информацию о гражданине Великобритании, США, Новой Зеландии, Австралии или Канады. Нам было бы очень полезно проверить список кандидатов, чтобы убедиться, что ни одно имя не является для нас проблематичным». Давление продолжается еще в течение двух месяцев. Напрасно. Патрик Лопес-Торрес, французский магистрат, который пришел в МТБЮ в 1996 году, наконец, был назначен главой команды следователей в мае 2001 года. Это будет первый и единственный француз в офисе Гаагской Прокуратуры. Команда, которая работает по делу Милошевича, будет усилена и начнет работать семь дней в неделю, чтобы наверстать упущенное время. В бюджете на 2001 год Блуитт не предусмотрел команду по «делу Милошевича», тем более средств для подготовки процесса. В панике в конце июля он использует уход своего начальства в отпуск, чтобы без его ведома

найти внешнего спонсора для финансирования процесса. Его проект притока средств, на время приостановленных, был направлен американцам, англичанам и боснийцам. Эти последние были приглашены финансировать раздел о Боснии в процессе Милошевича и просить о помощи мусульманские страны.

Продолжение следствия

Все команды, работающие по делу о сербских зверствах, должны были приступить к работе. Поскольку у мучителей единый план, то многие из доказательств, полученные от одного конца Югославии до другого, пополняют одно и то же дело, которое приведет к реальному дирижеру сербской преступной затеи этнических чисток. Нужно было из горы никогда не анализировавшихся архивов извлечь элементы доказательств, которые демонстрируют причастность Белграда. В этих пыльных коробках, где накапливалось все то, что не согласовывалось с ведущимися следствиями, имеется часть документов, которые освещают поперечные линии отдачи приказов. Впечатляющее количество документов выныривает в результате этого запоздалого розыска. Но юристы должны развивать способность к анализу, к которому их работа, до сих пор фрагментарная, не подготовила. Некоторые хотели бы обвинить Милошевича в финансовой и материально-технической поддержке сербских сил в Боснии и Хорватии, будучи не совсем уверенными в его способности контролировать эти силы. Другие считают, что он был реальным организатором этнических чисток. Нет сомнения в непосредственной ответственности Милошевича за Косово, автономный край под его контролем. Как глава государства он был верховным главнокомандующим сербских вооруженных сил, участвовавших в последней кампании преступлений. В Боснии и Хорватии его уголовную ответственность установить сложнее, так как Сербия, которую он тогда возглавлял, официально не была в состоянии войны. Следовательно, необходимо определить его роль в цепи отдачи приказов, что де-юре не контролируется, и в параллельных цепях, созданных, чтобы иметь возможность осуществлять свои намерения. Задача сложная и ведет к ожесточенной дискуссии внутри Прокуратуры, поделенной на тех, кто никогда не был заинтересован

в ответственности Милошевича за преступления, и тех, кто не может понять такую халатность, которая не только привела МТБЮ к фиаско, но и сделала его лишь политическим инструментом власть имущих.

Несмотря на слабые стороны Прокуратуры, обвинить Милошевича по Хорватии оказалось, в конечном итоге, легче, чем ожидалось. Юристы, которые вели расследование по Хорватии, особенно по Вуковару и Дубровнику, с нетерпением ожидали, что офис Прокуратуры наконец-то решит преследовать Милошевича. Они тщательно сохранили все доказательства причастности властей Белграда к попытке оккупации территории и выселению несербского населения, которое здесь жило, путем присоединения этой части Хорватии к Сербии.

В конце августа 2001 года первый проект обвинительного заключения уже на столе у прокурора. 27 сентября Карла дель Понте подписывает окончательный вариант. 8 октября 2001 года после того, как это было подтверждено одним из судей, Милошевич был официально обвинен в преступлениях против человечности в Хорватии. Это новое обвинение не имеет такого же международного резонанса, как первое. Американцы и британцы начали операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане, которая знаменует собой начало длительной войны с терроризмом.

Раздел по Боснии сталкивается со многими трудностями. У следствия нет никаких проблем, чтобы доказать сотрудничество Милошевича в преступной политике этнической чистки и наличие преднамеренного плана для ее осуществления, но не удается восстановить цепь отдачи приказов, которая явно достигает правящей государственной верхушки в Белграде. До сих пор Милошевич был в ранге человека, пользующегося мощной поддержкой, а не того, кто принимает решения или их поощряет, т. е. в поисках истины МТБЮ не может быть этим удовлетворен, и необходимо проверить, какую роль играл на самом деле Милошевич, невзирая на иллюзии.

В конце августа Карла дель Понте нацеливает свою команду на работу: «Наша роль является исторической, обвинение по Боснии имеет решающее значение, мы не должны ничего испортить». Пока команда продолжает работать, чтобы обнаружить последние звенья сложной головоломки, которую Милошевич терпеливо создавал таким образом, чтобы издали наблюдать за преступлениями во имя гегемонистского проекта Великой Сербии, в кулуарах прокуратуры ведутся жар-

кие дискуссии. Они являются отражением незнания этого конфликта, но еще более глубоким и удивительным сопротивлением идее того, что они должны признать огромную ответственность Милошевича за преступления, совершенные в Боснии благодаря его влиянию на лидеров боснийских сербов Радована Караджича и Ратко Младича. Некоторые возмущаются под тем предлогом, что не нужно умалять неоспоримую роль двух других обвиняемых – кровожадных полевых командиров - и превращать их в простых марионеток Милошевича. Во имя этой известной «политики с запахом крови», которая слишком долго ограничивала следствие по делу палачей и их непосредственных заказчиков, они никогда не просили о проведении следствия за пределами Боснии и Герцеговины. Теперь отказываются подозревать Милошевича как настоящего крестного отца этой политики, которая является общей для всех сербских подозреваемых и цель которой состоит в разделении различных этнических общин с помощью преступлений.

Трудно примирить реальность массовых преступлений с таким минималистским подходом, применимым к общеуголовной преступности. Массовые преступления проистекают не из индивидуальных актов, а из политики, которая поднимает преступность до уровня системы и предполагает множество участников, - системы, которая решает, что некоторые больше не имеют права иметь права, и что используются не только военные и полицейские силы против одной части населения, но также мобилизуются все ресурсы общества, начиная от администрации, транспорта, финансовых ресурсов, прессы и кончая судебными органами. Эти массовые преступления были совершены во имя одной политики, одного коллективного проекта. И даже если они не были связаны с политикой, институционализированной на государственном уровне, власть государства все чаще оказывается на службе преступлений. Цель международного правосудия состоит в распознавании преступной политики и стигматизации тех, которые вместо того, чтобы гарантировать безопасность своих граждан, выбрали нарушение закона и лишение части населения права на жизнь. МТБЮ не мог освободиться от этого поиска и отказаться от намерения найти тех, кто решил проводить этнические чистки в контролируемых ими районах, а это имело место и за пределами страны. Целью МТБЮ было наказать реальных поджигателей войны и способствовать предотвращению повторения массовых преступлений. Многие в МТБЮ это осознали и искренне пытались обнаружить возможные связи между братскими могилами и властью в Белграде.

Схватка Блуитт – дель Понте

В конце сентября 2001 года команда Прокуратуры составила солидный юридический документ, который реконструирует цепь событий и доказывает главную роль Милошевича в преднамеренном начале этнической чистки в Боснии. Но проект обвинительного заключения, который был передан Карле дель Понте, не содержит сведений ни о резне в Сребренице, ни об осаде Сараево. Швейцарка немедленно созывает совещание. Она хочет понять, как этот документ позволит проследить цепочку отдачи приказов и подтвердить индивидуальную ответственность Милошевича в большинстве преступлений боснийских сербов, а не только предоставить достаточно доказательств, чтобы выдвинуть обвинение по этим двум крупнейшим делам, неотделимым от сербской преступной затеи. Ответ простой: «Нет доказательств». Этот аргумент мог быть воспринят, если бы обвинение пошло по неправильному пути, что, в свою очередь, подтверждало бы то обстоятельство, что Милошевич никогда и никоим образом не был причастен к осаде Сараево, захвату Сребреницы и убийствам, которые затем последовали. Это именно то, что некоторые пытаются подтвердить на совещании. Блуитт поддерживает их и пытается оставить шефа в меньшинстве. Совещание превращается в конфликт. Карла дель Понте не хочет отказываться от своей позиции под тем предлогом, что «мы этого не расследовали», как во время всей дискуссии неустанно повторял ее заместитель. Она предлагает компромисс: оставить обвинительное заключение таким, каким оно есть, и внести изменения после завершения расследования. «Нет ни малейших доказательств, которые бы связывали Милошевича с осадой Сараево и резней в Сребренице», – повторяют ее противники без объяснений. Другие за столом соглашаются, что существует мало доказательств, но указывают на то, что имеется целый спектр показаний, которые заслуживают быть расследованными. Карла дель Понте принимает решение: «Вы должны провести расследование по Сараево и Сре-

бренице, я даю вам шесть недель, чтобы его завершить». Подписание обвинительного заключения против Милошевича по Боснии приостановлено до середины ноября.

Борьба, которая только началась, будет продолжаться в течение всего процесса Милошевича. Часть прокуратуры упирается всеми четырьмя лапами и использует эти шесть недель, чтобы доказать неприемлемость тезиса, который защищает Прокурор. Грэм Блуитт, которому не удалось восстановить свою власть над руководством Прокуратуры, больше не может маневрировать, пользуясь задержкой. Тем не менее он стремится отбросить Карлу дель Понте на шаг назад, и, в частности, отказаться от преследования Милошевича за геноцид. В августе 2001 года на процессе генерала боснийских сербов Радислава Крстича, командира Дринского корпуса, наиболее важной военной силы, втянутой в кровопролитие в июле 1995 года, МТБЮ называет резню в Сребренице геноцидом. А Карла дель Понте рассматривает возможность обвинения Милошевича в геноциде не только в Сребренице, но и ряде других общин в Боснии, где этнические чистки достигли размеров геноцида. Прокурор слушает своего помощника и пытается объяснить, что в обвинительном заключении не может не быть упомянуто о существовании совместной преступной деятельности, одним из инициаторов или даже шефом которой был Милошевич, и в то же время в нем должен содержаться вывод о том, что он разделяет эту преступную ответственность с вторичными участниками, как это имеет место в любой преступной группировке. Помощник прокурора требует своего, дебаты напряженные. «У нас нет доказательств геноцида», – говорит Блуитт, который отвергает какую-либо связь между Сребреницей и властями в Белграде. Для него сребреницкий позор проистекает не столько из преднамеренного плана, сколько из проявления безумия генерала Младича. Тезис не нов. Перед позором и масштабами резни западные военные и дипломаты защищают этот тезис с первых дней и пользуются им, чтобы оправдать бездействие, которое является лишь результатом их неспособности предвидеть то, что произойдет. Карла дель Понте возражает: «Вы должны были начать расследование еще в 1994 году, это первое, что должно было быть сделано!» После окончания совещания она осуждает своих советников: «Они могут продолжать свои козни, но я не буду отказываться от обвинения в геноциде. У нас есть доказательства, и если Грэм считает,

что их недостаточно, пусть скажет мне, что он делал все эти годы вместо расследования по делу Милошевича. Может быть, они могли бы предотвратить какую-нибудь новую войну и новые массовые убийства». Но к тому времени другие просматривают документы Прокуратуры, идентифицируют свидетелей и открывают новые взаимосвязи, связывающие Милошевича со Сребреницей и Сараево. В середине ноября Карла дель Понте уже в состоянии подписать обвинительное заключение и предоставить его на рассмотрение судье.

23 ноября 2001 года после того, как компетентный судья рассмотрел документ Прокуратуры, Милошевич был официально обвинен в геноциде, соучастии в геноциде и преступлениях против человечности ввиду его личной ответственности за преступления, совершенные боснийскими сербами, среди прочего, в Сараево и Сребренице. Тогда Прокуратура может просить суд объединить все дела, возбужденные против Милошевича, чтобы организовать проведение единого процесса, поскольку сербские преступления в Хорватии в 1991 году, в Боснии с 1992 по 1995 годы и Косово с 1998 по 1999 годы являются частью одной и той же политики, которая стремилась с помощью террора навсегда изгнать несербское население с территорий, которые затем захватывают или стремятся захватить сербские силы. Процесс Слободана Милошевича начнется 12 февраля 2002 года.[1] Подсудимому разрешено защищать себя самому.

Обвинительный акт против Милошевича: фон жестокой борьбы

Как объяснить тот факт, что Прокуратура МТБЮ, первая международная юрисдикция после Нюрнберга и Токио, которая постоянно пыталась дистанцироваться от своих основателей, в 2001 году не установила уголовной ответственности Милошевича за развязывание и ход войны в Боснии и Хорватии? Это не может быть оправдано недостатками, так же, как ими не может быть объяснен упорный отказ некоторых членов Прокуратуры искать истину и учитывать всю ответственность, когда речь идет о Сребренице и осаде боснийской столицы, длившейся

[1] Как и во всех других случаях, относящихся к МТБЮ, протоколы открытых слушаний могут быть найдены на сайте www.un.org/icty.

тысяча триста пятьдесят дней, – этих двух символических ликах войны в Боснии. Здесь имеется одна поражающая константа, а также странные совпадения. По логике вещей, после обвинений против Радована Караджича и Ратко Младича, его доверенных лиц в Боснии и Герцеговине, Милошевич должен был стать приоритетной мишенью Прокуратуры. Президент Трибунала итальянец Антонио Кассезе, вице-президент француз Клод Жорда и другие судьи сами на это неоднократно указывали прокурору. На своем пятом пленарном заседании в середине января 1995 года судьи были откровенно обеспокоены несовместимостью программ обвинений Прокуратуры, которые, по их мнению, ни по примеру, ни по воздействию «не соответствуют миссии МТБЮ», и подчеркивали необходимость восхождения по цепям подчиненности, чтобы правосудие не увязло. Но после получения доказательств, которые предоставляются при подтверждении обвинительного заключения, была обнаружена связь между этими доказательствами, что «наводит на мысль о том, что ответственных за преступления, совершенные в Боснии и Герцеговине, нужно искать среди высокопоставленных должностных лиц Сербии». Поэтому вынуждены были ждать, чтобы увидеть, как прокурор Голдстоун и его заместитель Блуитт расследуют возможную ответственность Милошевича.

Но руководители прокуратуры выбрали другую обвинительную политику, отказались от преодоления препятствий, которые создают великие державы, признав *de facto* в Дейтоне безнаказанность главного подозреваемого. Представители Запада не хотят, чтобы Трибунал вплотную занимался теми, кто организовал политику этнических чисток, опустошивших бывшую Югославию, и хорошо заботятся о том, чтобы не предоставлять ему элементы доказательств, которые у них есть, как это было сделано в Нюрнберге. Если в 1946 году в интересах союзников было как можно быстрее доказать, что гитлеровская Германия начала варварскую войну, на которую они только ответили, то на этот раз никто не хочет, чтобы МТБЮ, преследуя Милошевича, обнаружил, что человек, с которым только что подписали мир в конце 1995 года, позволил возвращение варварства в центр Европы. Обвинить Милошевича означало бы нарушить *status quo*, что рассматривалось как действия против мира. Прокуратура это знает и не пытается вести дело параллельно с другими расследованиями. При невозможности получить доступ к белградским архивам или архивам

великих держав можно было бы попытаться установить сотрудничество с Боснией или Хорватией и порыться в архивах боснийских и хорватских сербов, в которых хранилась очень богатая информация, пока посланники Милошевича в 1997 году не начали их вывозить в Белград. Поэтому Милошевич не верит в то, что МТБЮ начнет терпеливо подниматься по цепям подчиненности вне границ воюющих республик к самой Сербии, властям в Белграде.

Он далек от мысли, что он сам, его окружение, даже главари военизированных формирований могут находиться в списке подозреваемых Гаагского Трибунала. Французский судья Клод Жорда, который в качестве президента МТБЮ наследует Антонио Кассезе, и Габриэль Керк Макдональд негодуют по поводу отсутствия широты мышления ответственных лиц в прокуратуре, больше заботящихся о том, чтобы не мешать и не усложнять работу западной дипломатии. С помощью впечатляющей метафоры они описывают нерешительную политику преследования: «Под предлогом того, что мандат МТБЮ санкционирует преследование и Гитлера, и машиниста поезда, который курсировал в Освенцим, они для начала, чтобы увидеть, куда подует ветер, обвинили механиков и машинистов». Пока вдохновители этнической чистки на свободе, косяки «мелкой рыбешки» запрудили зал заседаний МТБЮ. Для того, чтобы избежать паралича суда, Луиза Арбур, которая сменила в середине 1996 года Голдстоуна, вынуждена приостановить третий обвинительный акт, а их насчитывается около двадцати. Она поручает своему помощнику Грэму Блуитту сосредоточиться на верхних эшелонах власти, параллельно создав Leadership Research Team (LRT). Эту команду хороших знатоков Балкан возглавил один южноафриканец, который и далее не принимает во внимание взаимосвязь между местными структурами командования и Белградом к неудовольствию всей своей команды.

Даже когда в 1998 году Милошевич продолжил свою преступную политику в Косово, самые ответственные в Прокуратуре, те, кто первыми прибыли в Гаагу и у которых имелся уже более, чем четырехлетний опыт работы в международном правосудии, не избавляются от своей вялости. Они парализованы от одной только мысли, что будут преследовать главу государства, который находится у власти, нарушать табу, рискуя испортить отношения с великими державами. До такой степени, что это вызывает растерянность Луизы Арбур.

Огорченная пассивностью высших должностных лиц своего офиса, канадская прокурор признается своим ближайшим соратникам: «Мне стыдно, что никто не стучит в мою дверь». Один из них вспоминает: «Большая часть руководства Прокуратуры была против обвинения Слободана Милошевича, тогда главы государства. Но не нужно в этом открытом нежелании искать какой-то заговор. Источником этой слабости (несомненно; цитируется по архивным данным) является неспособность, невежество, глупость». Но это объяснение далеко от того, чтобы удовлетворить нас и не отметить удивительное совпадение сопротивления в МТБЮ и торможения, осуществляемого великими державами. Это совпадение не может быть случайным, тем более, оно и дальше будет подтверждаться после обвинения Милошевича. Обвинение в геноциде в Сребренице и Сараево вызывает постоянные трения не только внутри офиса прокурора, но также между МТБЮ и великими державами. Отсюда возникает вопрос о влиянии стратегии англосаксонских правительств и их козней по отношению к Прокуратуре, слишком коварных, чтобы их точно оценить, но которые не могут не влиять на нежелание обвинить Милошевича и на сопротивление, которое возникает при каждом ключевом событии в этом деле.

Первый исторический учредительный акт международного уголовного правосудия обязан мужеству Луизы Арбур и упорству Карлы дель Понте, потому что огромная ответственность Милошевича, серьезность и масштабы его гнусных преступлений были бы недостаточны, чтобы предстать перед национальным судом. Вопреки широко распространенному мнению, само существование МТБЮ не дает никаких гарантий, что мы в один прекрасный день увидим на скамье подсудимых человека, который в эпоху заклинания «никогда больше!» в самом сердце Европы и перед объективами международных телекамер совершил реинкарнацию «окончательного решения». Ценою битв, о которых общественность не имела ни малейшего представления, Милошевич, наконец, предстал перед правосудием.

Гонка со временем

Когда 12 февраля 2002 года начался судебный процесс по делу Милошевича, судьи после предъявления доказательств начали с Косово.

Таким образом, три войны, которых касался процесс, начали рассматриваться в обратном хронологическом порядке. Процедура МТБЮ является состязательной и проистекает из общего права. В отличие от инквизиционной системы римского права, называемой континентальной, в которой судья играет активную роль в поиске истины, в состязательной процедуре этим поиском под контролем судьи занимаются обвинитель и адвокат или, в случае Милошевича, обвиняемый, который защищает сам себя. В то время, как в инквизиционной системе сбор документальных доказательств происходит во время следствия, в процедуре, которая действует в МТБЮ, все происходит на открытых слушаниях. Процедура, таким образом, является устной и основанной на показаниях свидетелей с допросом и перекрёстным допросом, то есть поиск истины осуществляется по зигзагообразной линии. Эта процедура с прерывистым ритмом не является описательной, каким может быть нарратив, который ведет следственный судья в процессе континентального типа.

Чтобы контролировать различные команды, которым поручено заниматься сбором данных по обвинению, Карла дель Понте в ноябре 2001 года назначает нового прокурора. Должность «дирижера» обвинения в процессе Милошевича занимает британец Джеффри Найс. Карла дель Понте позволила, чтобы команду усилил ее заместитель. Воспользовавшись многочисленными поездками в Швейцарию, Грэм Блуитт весной 2001 года прилетел в Лондон и пригласил английского адвоката, который ранее, в начале года, покинул МТБЮ. Тот не дал себя долго упрашивать, но из-за большой ответственности немедленно потребовал более высокую оплату труда. Несмотря на легендарную инерцию своих предписаний, ООН быстро нашла способ удовлетворения личных потребностей Джеффри Найса. Карла дель Понте была поставлена перед свершившимся фактом. Преодолевая спешку, она отказалась от поиска других кандидатов и подтвердила этот выбор. Джеффри Найс знает МТБЮ и его процедуры, его преимуществом является то, что он может действовать немедленно.

В конце сентября 2002 года обвинительное заключение заканчивается длительным перечнем резни и депортаций, жертвами которых были косовские албанцы, и начинается вызов свидетелей, которые приходят, чтобы сообщить о преступлениях, совершенных сербскими силами в Хорватии. В ожидании, когда придет черед Боснии, судьи 17 сентября обратились в Прокуратуру с просьбой уменьшить спи-

сок обвинительного заключения, который они считают «слишком обширным». Определенное количество общин, которые подверглись насильственной этнической чистке в Боснии и Герцеговине, должно быть удалено, чтобы ограничить количество преступлений, а следовательно, и свидетельских показаний. Из-за постоянного отсутствия Милошевича, которое приводит к прерыванию обсуждения, и из-за обширного списка, который включает в себя три войны, судьи спешат закончить фазу обвинения. Процесс Слободана Милошевича становится настоящей гонкой со временем. Прокуратура должна до 26 октября сделать эти сокращения и представить новое обвинительное заключение против Милошевича по Боснии. Старые ссоры немедленно возобновляются. Во вторник 8 октября 2002 года в 15 часов Карла дель Понте созывает руководство Прокуратуры. Накануне команда, которая работает по делу Милошевича, передала ей очень тревожный конфиденциальный меморандум. При невозможности привлечь достаточное количество свидетелей Джеффри Найс и его коллеги опасаются, что будут не в состоянии убедить судей в виновности Милошевича за осаду Сараево. Они предлагают три варианта: удалить осаду Сараево из обвинительного заключения, свести список до минимума, сосредоточив внимание на одном или двух случаях снайперской стрельбы и бомбардировки, или попытаться показать общую кампанию террора против гражданского населения боснийской столицы, не отрабатывая отдельных инцидентов. Чтобы избежать «потери нескольких дней времени, отведенного для них», в отчете Карле дель Понте рекомендуется пропустить список по Сараево. Перед встречей с командой прокурор консультируется с ближайшим окружением. Ее офис ошеломлен. Антон Никифоров, русский дипломатический советник, который с момента своего прибытия в 1997 году в руководстве Прокуратуры играет роль специалиста по Балканам, здесь для того, чтобы усмирить рвение швейцарки. Он советует ей согласиться с предложением. Другие единодушно возмущаются: «Если Прокуратура сможет доказать влияние Милошевича на армию боснийских сербов, нет никаких причин, чтобы выбросить обвинения по Сараево, одному из самых поразительных фактов этой войны». «В следующий раз, когда мы будем проводить такое же совещание, они потребуют, чтобы мы отбросили обвинительное заключение по Сребренице», – добавляет в знак отчаяния один из советников.

Карла дель Понте присоединилась к команде, работающей по «делу Милошевича», в конференц-зале в конце коридора. Атмосфера тяжелая. «Сколько погибших было во время осады?» – спросила она, как только появилась. «Сорок четыре месяца осады, десять тысяч погибших, из которых одна тысяча пятьсот детей, по официальным данным...» Юристы группы «дело Милошевича» рекомендуют благоразумие и прагматизм. Они даже подготовили несколько формул, предназначенных для успокоения прессы и жертв, таких, например, как «у нас нет времени», что наоборот может вызвать возмущение. Прокурор выхватывает документ, который лежит перед ней, и начинает его листать. «Это проект поправок к обвинительному заключению против Ратко Младича, в нем все-таки есть осада Сараево...» Листы скользят под ее руками, и она вдруг вскрикивает: «Я не вижу Сараево... Посмотрите сами!» В новой версии обвинения против Младича, которое Карла дель Понте хотела снова обновить на случай, если он будет арестован, Сараево, которое армия под его командованием давила и терроризировала три зимы, занимает всего лишь несколько строк. Осада боснийской столицы была сведена к типичному нарушению законов и обычаев войны. Проект не подписан. Совещание прервано.

В двух случаях, которые касаются высших должностных лиц, ответственных за войну в Боснии и Герцеговине, часть прокуратуры все же предлагает отбросить невероятные страдания, которые вынужденно перенесли четыреста тысяч жителей Сараево, постоянно бывшие мишенью снайперов и сербской тяжелой артиллерии, заложниками страха, холода и голода, жертвами кампании террора под слабым наблюдением представителей Организации Объединенных Наций, присутствовавших в столице в течение всей осады. Только двум командирам корпусов сербской армии, которые окружали Сараево, ранее было предъявлено обвинение.[1] Под пером юристов МТБЮ Сараево тайно приобретает форму особой трагедии, вырванной из контекста, которая не является жертвой политики этнической чистки, а той, целью

[1] Генералы Станислав Галич и Драгомир Милошевич, которые один за другим были командирами Сараевского корпуса, осуждены за осаду столицы Боснии и Герцеговины. Галич за преступления против человечества приговорен к пожизненному заключению. Драгомир Милошевич, чей процесс состоялся в 2007 году, ожидает приговора. Генерал Джордже Джукич, ответственный за материально-техническое обеспечение, умер до начала суда над ним.

которой было с помощью удушения и бомбардировки окруженных городов необратимо отделить друг от друга этнические сообщества, перемешавшиеся в процессе истории. Но Сараево и Сребреница были только двумя фазами сербской совместной преступной деятельности в Боснии. Они были и двумя наиболее очевидными символами равнодушия правительств западных стран.

Совещания следуют одно за другим. На следующей неделе Джеффри Найс возобновляет свои попытки. Ссылаясь на нехватку времени, он советует Карле дель Понте не только отставить в сторону Сараево, но и резню в Сребренице, самое страшное кровопролитие в Европе со времен нацистских преступлений. Прокурор выражает удивление, позволяет своим советникам выдвигать аргументы, пытается убедить своих заместителей не принимать скоропалительных решений. Но Найс и слышать ничего не хочет. Под натиском нехватки времени он говорит, что склонен принять стратегию проекта, представленного судьям. Он должен сокращать, постоянно сокращать этот «столь сложный» случай, должен свести его к самому простому и добиться осуждения Милошевича, даже если будет сокрыта часть его ответственности. Тем более, что Милошевич пытается затягивать перекрёстные допросы свидетелей, которые его обвиняют, затрачивая на это почти половину времени, отведенного на обвинение.[1] Судьи постоянно призывают к порядку и требуют от Милошевича не тратить времени на несущественные аспекты показаний, предупреждая его, что необходимо переходить к другим вопросам, но, в конце концов, они сдаются под предлогом того, что он сам себя защищает. Милошевич, который знает, как извлечь выгоду из своего положения, постоянно использует тактику диверсий, чаще всего отклоняясь от темы. Обвинение должно завершить представление своих доказательств до весны 2003 года.[2] Чтобы решить задачу, Найс, не колеблясь, приносит в жертву Сараево и Сребреницу, два раздела, в которые, как он

[1] Из двухсот девяноста восьми дней слушаний, по четыре часа ежедневно, именно столько продолжалось чтение всего списка обвинительного заключения, триста шестьдесят часов использовало обвинение, а защита двести сорок часов в рамках перекрестного допроса. Милошевич же четырнадцать раз прерывал слушания по состоянию здоровья, что составляет шестьдесят шесть часов слушаний.

[2] В конце концов, этот срок будет перенесен на начало 2004 года, чтобы компенсировать дни болезни Милошевича.

говорит, не верит. Карла дель Понте выступает против: «Если наши международные свидетели, которым Милошевич так или иначе ничего не говорил, не способны предоставить достаточно свидетельств, подтверждающих их показания, мы будем прибегать к инсайдерам, поскольку они способны в короткое время пролить свет на все доказательства, которые мы собрали». Джеффри Найс сопротивляется. 23 октября 2002 года он передает судьям сокращенный проект обвинительного заключения по Боснии и просит у них дополнительный месяц, чтобы представить окончательный вариант, поскольку должен сделать еще более существенные сокращения. Короче говоря, ему нужно время, чтобы вынудить Карлу дель Понте дать зеленый свет. Прокурор неумолима: «Оставим на совести судей ответственность за отказ от Сараево и Сребреницы, если они нам не дают необходимого времени, чтобы доказать ответственность Милошевича». 22 ноября она подписала измененное обвинительное заключение. По просьбе судей уменьшено количество общин, подвергшихся этническим чисткам, но Сараево и Сребреница остались.

Джеффри Найс не складывает оружия. В приложении к новому обвинительному заключению он добавляет письмо, адресованное судьям. «В свете ограничений во времени и по другим причинам, вызванным сложностью дела, может появиться необходимость дополнительных изменений с учетом обширности обвинений, относящихся к Сребренице и Сараево. Таким образом, доказательства по этим двум местам должны быть приведены только в конце представленного списка обвинений. Конечно, обвиняемый должен знать, что невозможно немедленно подготовить документы, относящиеся к этим двум спискам. Прокуратура должна уведомить все стороны, а также Судебную палату, если будет принято решение сделать последующие поправки к обвинительному заключению». Карле дель Понте, которая требует объяснений, Джеффри Найс еще раз напоминает, «что нужно подготовить общественное мнение». «Людям станет понятнее, когда будут извлечены на свет божий документы по Сараево и Сребренице, если их сначала предупредить», – добавляет Гэвин Ракстон. В качестве юридического советника в руководстве Прокуратуры он предложил издавать официальные заявления, чтобы пресса убедилась в правильности намерений обвинения. Между тем невозможно перед тысячами жертв оправдать то, что только из-за нехватки времени Трибунал отказывается от установления

истины об ответственности Милошевича в этих двух самых запоминающихся эпизодах войны в Боснии. Невозможно также убедить прессу, что аргумент нехватки времени сам по себе может мотивировать такое решение. Кажется, это не беспокоит Джеффри Найса, возможно, потому, что в самой Прокуратуре можно найти немного людей, которые задаются вопросом о его истинных мотивах или его связях с Министерством иностранных дел. Карла дель Понте, которая только что выиграла первый раунд, не требует отзыва письма, направленного судьям, но хочет, чтобы оно осталось конфиденциальным.

Неуспех Джеффри Найса позволил преодолеть сопротивление военных аналитиков. Новое обвинительное заключение против Младича должно соответствовать обвинительному заключению против Милошевича, составлено таким же образом. Но Милошевич, в отличие от военных лидеров боснийских сербов, ранее не преследовался, хотя и отдал приказ о варварской бомбардировке столицы, в которой было скрыто всего несколько орудий армии Боснии и Герцеговины, что является нарушением законов и обычаев войны (одно из самых легких обвинений в рейтинге варварства), а также развязал кампанию террора против гражданского населения Сараево, совершив тем самым преступления против человечности.

Джеффри Найс не сдается. В декабре 2002 года Прокуратура заканчивает представление доказательств по делу о Хорватии. Часть по Боснии запланирована на середину февраля 2003 года. Это дает возможность для британца начать новое наступление. В конце декабря он заявляет Карле дель Понте, что готовится в очередной раз опустить обвинения по Сараево. Он считает, что нет никакой связи между Милошевичем и Младичем, и потребуется много времени, чтобы доказать, что преступления были возможны при материально-технической поддержке Белграда просербских сил, которые держали Сараево в осаде. «Мы не можем поставить точку в обвинительном заключении только потому, что нам не хватает времени. Мы не можем уменьшить уголовную ответственность одного обвиняемого из-за нехватки времени», – снова решительно заявляет швейцарка. 16 января 2003 года в конференц-зале на третьем этаже Прокуратуры Джеффри Найс настаивает: «Мы не можем позволить себе роскошь потратить двадцать дней на обсуждение с целью снятия с подсудимого обвинения по Сараево». На протест Карлы дель Понте он заявляет: «Давайте будем

реалистами. Судьи не дадут нам больше времени. И у нас такая же проблема со Сребреницей. Если мы распылим силы на Сараево и Сребреницу, то ослабим сильные пункты в деле Милошевича».

Обвинитель утверждает, что у защиты имеется больше доказательств, чем у обвинения, что Милошевич никогда не мешал международным коллегам осуждать осаду Сараево и неоднократно вмешивался с целью приостановления бомбардировок боснийской столицы. Найс машет рукой, отвергая идею о том, что Милошевич перед западными посланниками играл роль миротворца, а его способность прекратить на двадцать четыре или сорок восемь часов бомбардировки, наоборот, подтверждает его реальное воздействие на силы, которые окружали город, что набор совпадающих подробностей позволяет это доказать. Кажется, он не понимает цинизма этого поджигателя войны, который из своего белградского офиса дергал за ниточки войны, изображаемой как неизбежная и братоубийственная, притворяясь при этом, что он оказывает ценные услуги международному сообществу, которое упивается собственной наивностью.

На мотивы исключения Сараево и Сребреницы из списка Милошевича не оказывают влияния ни время, ни отсутствие доказательств, а отрицание самого факта. Намеренное отрицание теми, кто по приказу постоянно проводил этот неправильный анализ событий, который долгое время распространяла западная дипломатия. Отказ из-за удовлетворенности одних или неспособности других, которые тоже поддержали эту точку зрения.

Сараево и Сребреница: трудный поиск доказательств

Военные аналитики приглашаются на совещания в качестве подкрепления, хотя утверждают вопреки очевидному, что Сараево не является частью целей плана, разработанного для Боснии и Герцеговины, а только специальным проектом с учетом того, что армия Младича охотно довольствовалась в большей мере захватом территории вокруг города, чем его штурмом. Между тем согласно документам, которые имеются в их распоряжении, они знают, что разделение Сараево находилось среди шести «стратегических целей», которые Радован

Караджич сформулировал 12 мая 1992 года на Скупщине боснийских сербов. Делаются попытки опровергнуть сам факт преступного характера осады Сараево: «Может быть, она была по-военному легитимной из-за угрозы со стороны боснийской армии», чей генеральный штаб находился в столице. Обсуждение вроде бы происходит в правовом поле, но все упорно отказываются смотреть на факты. В основном мишенями сербских сил становятся тысячи жертв среди гражданского населения Сараево, которые считаются просто побочным ущербом. Вмешался Билл Фендрик, канадский офицер и специалист по военному праву: «Сараево – это легальные боевые действия, при которых совершены незаконные деяния».

У обвинения по-прежнему нет документов, подтверждающих реальное влияние Милошевича на армию боснийских сербов. Когда в 2003 году эти документы получены, они демонстрируют внутренние связи между сербской армией в Боснии и Белградом. Армия Младича показывается в них скорее как атом, оторвавшийся от структуры ядра, нежели как продолжение армии Белграда, придаток, главная ось которого и все его бойцы принадлежат основному корпусу под центральным командованием Белграда, под политической властью в руках Милошевича, который, как будут показывать эти документы, формулирует стратегические цели совместного плана. Но в конце 2002 года Прокуратура может доказать, что Милошевич со своими союзниками, боснийскими сербами, имели в своем распоряжении военную машину, позволившую им совершать преступления, особенно в Сараево. Можно доказать, что Милошевич продолжал финансировать военные усилия, оказывал материально-техническую и стратегическую поддержку, отправлял для подкрепления военных специалистов и полицейские подразделения всякий раз, когда силам боснийских сербов трудно было поддерживать осаду или депортировать несербское население из городских кварталов, которые перешли под их контроль. Осада Сараево представляет собой, таким образом, неразрывную часть плана, целью которого было постоянное разобщение этнических общин в Боснии.

Некоторые специалисты команды пытались предупредить Джеффри Найса о том, что он рискует ослабить целостность обвинительного заключения, убрав из него Сараево. Трудно будет убедить судей в решающей роли Милошевича при осуществлении совместной преступной деятельности в Боснии без доказательств того, что он принимал участие на всех основных этапах этого согласованного плана. Но главный обвинитель даже и слушать об этом не хочет и не является на совещание. Напротив, он стал опираться на британских и американских военных аналитиков, которые постоянно отрицали связь между Младичем и Белградом, между Белградом и Сараево или Сребреницей, между армией боснийских сербов и армией в Белграде, между военизированными подразделениями и центральными властями Сербии. Эти аналитики в течение многих лет высказывали свое противоположное мнение любому, кто делал такие предположения, и с таким упорством, что это стало подозрительным. Не обращали внимания на предостережения, на рекомендации тщательнее изучать следы, а просто всему препятствовали. Все, что могло бы пролить свет на эти связи, отвергалось, и долгие годы Прокуратура пребывала в иллюзии, что Белград не имеет «ничего общего с войной в Боснии», а еще меньше с резней в Сребренице. Маскируя таким образом правду, что уже маячила в каждом доказательстве из списка, они участвовали в отрицании истины Милошевичем, а также западной дипломатией. Они долгое время вели свою игру.

Не имея доступа к военным сербским архивам, без помощи западных правительств, отказавшихся делиться своими знаниями и данными по иерархии командования, которые их спецслужбы уже давно реконструировали, Прокуратура была легкой добычей. Военные аналитики объединились в «Military Analyst Team» («Военную аналитическую группу»), на жаргоне Гаагского трибунала «MAT». Этот путь был неизбежным для каждого юриста или следователя, который хотел проанализировать иерархическую структуру, препарировать организационные диаграммы, определить заказчиков. Как чувствительное и защищенное место в центре судебной машины, это сразу же вызывает нездоровый интерес великих держав. Данная задача, слишком точная и сложная, чтобы ее возложить на неопытный персонал, поручена, что весьма логично, специалистам. Американцы и англичане поспешили выделить высококвалифицированный персонал, который позволяет контролировать уголовные стратегии на расстоянии. Военные аналитики, которые прибыли из лучших разведок и остались верны своим правительствам, были, без сомнения, самыми компетентными сотрудниками МТБЮ, но навязывали ему пристрастность. В течение

многих лет они сдерживали любые попытки преследования реальных зачинщиков этнических чисток и внушили Прокуратуре, что Младич и Караджич действуют по своему усмотрению, что нельзя себе представить договорную политику Белграда и Пале, столицы сербских экстремистов в Боснии. Что только ненависть к боснийским мусульманам и их готовность в крови расчленить Боснию связывала Караджича и Младича в этой гнусной авантюре, чего, по их мнению, было достаточно, чтобы на 60% территории Боснии из ниоткуда появилось сербское государство и добиться подключения мощной югославской армии и большей части сербского населения в Боснии, которому Белград без конкретных намерений поставлял оружие!

Последствия этих манипуляций ужасны: после восьми лет следствия Прокуратура еще в 2003 году ставит под сомнение важность такой информации, намеревается следовать за иллюзиями, настоящим мастером которых стал Милошевич. Прокуратура блуждает, теряет драгоценное время. А в 1992 году, всего через несколько месяцев после начала войны в Боснии и Герцеговине, западные правительства уже знают, что Милошевич является тем, кто дергает за ниточки этой новой кампании этнической чистки. Беспокоит их количество преступлений, их системность и организованность, поэтому они интересуются, не осуществляется ли геноцид, что в соответствии с Конвенцией о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него вынудило бы их предпринять все меры для предотвращения такового. Аналитический и разведывательный отделы Госдепартамента анализируют ситуацию на своих мониторах и уже с первых недель войны пишут отчеты небывалой точности о проведении и методах операций сербских подразделений, а также о намерении насильно создать сербское государство в Боснии.[1]

Для них речь идет о четко спланированном процессе, который проистекает из Белграда. За несколько дней до прихода к власти Билла Клинтона, который во главе демократов победил на президентских выборах, шеф дипломатии в администрации Буша-старшего Лоуренс Иглбергер заявил почти открыто на международной конференции по бывшей Югославии 16 декабря 1992 года, которая проходила в Женеве: «С одной стороны, у нас есть моральное обязательство во второй

[1] Power Samantha, A problem from Hell, America and the Age of Genocide, Perrenial, New York, 2003, p. 247 – 327.

раз в этом столетии не выходить из игры, когда один народ находится под угрозой исчезновения. Но у нас также есть и политическое обязательство четко предупредить людей в Сербии, что они в настоящее время подвергаются опасности разделить неизбежную судьбу тех, против которых проводятся этнические чистки. Сербы должны хорошо понимать, что их ждет второй Нюрнберг». Среди наиболее виновных Иглбергер называет Милошевича, Караджича, Младича и двух лидеров военизированных подразделений из Сербии - Аркана и Шешеля.

Дермот Грум, прокурор США по боснийской части дела Милошевича, приходит на помощь Джеффри Найсу на совещании 16 января 2003 года. «Опуская Сараево и Сребреницу, мы не пропускаем ни одного пункта в обвинительном заключении, а лишь уменьшаем объём доказательств (...) У нас есть семьдесят дней для доказательств по Боснии. А только для списка по Сребренице нужно двадцать пять-тридцать дней (обсуждения; цитируется по архивным данным). Есть два подхода к этой проблеме: доказать ответственность Милошевича через Младича, через армию и договоренность о преступной авантюре, если удастся доказать, что в то время, в 1995 году, Милошевич и его союзники по-прежнему имели общий преступный план. Но некоторые считают, что в 1995 году боснийские сербы действовали без согласия Белграда, особенно в случае массового убийства в Сребренице. Можно рассмотреть и возможность ответственности Милошевича, доказывая присутствие сил из Сербии во время резни в Сребренице, но сейчас об этом у нас нет каких-либо доказательств». Дермот Грум был осторожен. Он не хочет противостоять Джеффри Найсу. Однако, видя много совпавших показаний, он убежден в существовании доказательств, которых в то время не было, но которые он уже ищет и которые, в конечном итоге, соберет.

Генеральный штаб в Белграде всех без исключения офицеров, занимавших должности в сербских силах в Боснии, привлек к захвату Сребреницы и последовавшим за этим расправам, а Белград продолжал им платить. Почти десять лет МАТ скрывал информацию столь рьяно, что Прокуратура вынуждена была заново устанавливать истинный характер контроля со стороны центрального правительства в Белграде над кадровой армией боснийских сербов во время событий в Сребренице. Около десяти лет военные эксперты Прокуратуры упор-

но исключали любую возможную причастность специальных сил из Сербии к резне в июле 1995 года в Сребренице. А видеозапись, показывающая казнь шести молодых боснийцев из Сребреницы, которую совершило подразделение «Скорпионы», была представлена на процессе 1 июня 2005 года и свидетельствовала о непосредственном участии специальных сил сербского министерства внутренних дел. Но в январе 2003 года Прокуратура еще не имела таких доказательств, которые могли бы перевесить. Команда, которая работает по «делу Милошевича», должна была довольствоваться достаточно ограниченным набором совпадающих показаний для того, чтобы противостоять военным аналитикам и доказать уголовную ответственность Милошевича за геноцид в Сребренице. «Трудно доказать ответственность Милошевича за геноцид в Сребренице. Даже если массовые убийства были в конечном счете предсказуемыми, Милошевич не демонстрировал конкретных намерений», – добавляют другие юристы этой команды. И приходят к выводу: «Слишком много проблем и так мало времени!»

Питер Мак-Клоски, который координирует семнадцать пунктов Сребреницы,[1] не любит, когда его обвиняемые спускаются на уровень исполнителя, которыми, как марионетками, командует Милошевич. «Это подрывает мою способность доказать вину моих обвиняемых в недавнем процессе по Сребренице». Для американского обвинителя великим режиссёром геноцида в Сребренице является Младич и никто иной. А резня в Сребренице, символ мученичества боснийских мусульман, - это только «безумный поступок Младича»: «Резню он не мог предвидеть, и неубедительным является то, что Милошевич имеет власть над армией боснийских сербов. Нет никакой связи. Абсурдно утверждать, что Милошевич был каким-либо образом связан со Сребреницей». Питер Мак-Клоски ошибается, но не хочет даже думать о том, как много военных аналитиков в офисе, с которыми он работает с первого дня, заявляют: «Случай массового убийства в Сребренице не выходит за границы Боснии». И пытаются уверить в этом не только заместителя, но и всю команду, ответственную за «дело о Сребренице», лучшую команду в Прокуратуре. В то время в

[1] Семнадцать боснийских сербов, среди них Караджич и Младич, обвинены в резне в Сребренице. Большинство из них – обычные исполнители, другие являются средними или высшими звеньями в локальной цепи командования.

руках Прокуратуры еще не все фрагменты головоломки и они пока не сложены в единое целое. Ряд ключевой информации, имеющейся в распоряжении Прокуратуры, замалчивается. Иногда намеренно, иногда из-за близорукости. Все вместе уже составляет набор элементов, достаточно совпавших, чтобы из этого сделать вывод об участии Белграда в операции против Сребреницы. Несколько свидетелей-инсайдеров, которых несколько лет назад допрашивала команда по Сребренице, вспоминали об этой связи. Один из них, сербский генерал, подчеркнул, что Милошевич в мае 1995 года призывал Младича и Перишича подготовить оккупацию этого анклава. Другой описал механизмы, которые использовались для того, чтобы не оставлять никаких письменных следов о приказах, связанных с прибытием и убытием подразделений из Сербии в Боснию, дабы скрыть от международного сообщества активное и постоянное участие в создании этнически чистого и географически компактного сербского субъекта в Боснии и Герцеговине. Он указал, что при каждом наступлении против анклава Сребреницы в июле 1995 года и ранее в 1993 году Белград посылал в качестве подкрепления свои специальные подразделения армии и полиции. Но эти свидетели в полном составе дисквалифицированы военными аналитиками. Для того, чтобы оспорить то, что они хотели бы скрыть, члены MAT заявляли, что свидетель или неудобные части его показаний не заслуживают доверия. Это был окончательный предлог, чтобы отвергнуть целые куски того, что могло бы быть правдой, и тем самым препятствовать дальнейшему расследованию. Эти оспоренные показания не вносились в базы данных Прокуратуры, которая каждой команде облегчала задачу тем, что с помощью ключевых слов можно было идентифицировать существующие документы, которые могли быть использованы в других расследованиях. Англосаксонские военные аналитики (французских не было)[1] сознательно и систематически прикрывали прямую ответственность Милошевича за преступления, совершенные в Боснии, в частности, Сребренице. Находясь на службе у своих правительств, они уже давно сформировали понимание списков так, как хотели, и боялись, чтобы Трибунал, созданный для при-

[1] В «Military Analyst Team» не был включен ни один француз, поэтому автор не может говорить о Франции. Между тем ошибочные тезисы, которые англосаксонские военные аналитики пытались подсунуть МТБЮ, ничем не отличаются от тех, которые до сих пор защищал Париж.

крытия их политической импотенции, случайно не раскрыл подлости великих держав во время войны в бывшей Югославии.

Отсутствие сотрудничества между великими державами

Прокуратура потеряла много времени из-за внутреннего саботажа и задержки информации, чем постоянно занимались западные державы. Американцы, англичане и французы не передавали информации, которая у них была и которая могла бы в один миг устранить любые сомнения. Они отказывались до самого конца. Великие державы тем самым не настаивали пощадить Милошевича. Они скорее пытались защитить самих себя от истины МТБЮ, который если даже ее не искал, то в конце концов обнаруживал, восстанавливая преступную деятельность Милошевича на протяжении всего конфликта. С первого момента было известно, что Милошевич является поджигателем войны на Балканах. Тем не менее его сделали привилегированным партнером по переговорам, зная, что он будет раздувать пламя вместо тушения пожара.

Западные спецслужбы шпионили за действиями и передвижениями сербской армии в Боснии, в частности, за ее связью с Белградом. Эта информация доказывает причастность Милошевича более, чем кто-либо надеялся. С 2002 года Карла дель Понте просит Вашингтон передать ей разговоры, записанные весной 1995 года. Хотя Джеффри Найс негодовал, она потребовала от руководителя своего офиса подготовить запрос, но им правительство США, как и всеми последующими, пренебрегло. Результат: спустя годы Сребреница все еще рассматривалась как «особый случай», «безумный поступок» в соответствии с версией, которую защищают все правительства, начиная с 1995 года. Она является идеальным тезисом для великих держав, так как суровый и непредсказуемый «безумный поступок» нельзя было предотвратить.

В конце лета 1995 года администрация США направила своим службам циркуляр, в котором указывала, каким образом необходимо отвечать на вопросы средств массовой информации о Сребренице. То есть американские официальные лица должны утверждать, что они,

как и Организация Объединенных Наций, не знали, что сербы планируют покорить анклав, и что у них не было никакой информации о передвижении войск боснийских сербов. О предсказуемости зверств американские чиновники должны говорить: «У нас не было никакой информации о каком-либо намерении совершить зверства против мусульманских защитников или населения Сребреницы. Мы только предполагали, что такие деяния возможны, принимая во внимание историю геноцида и этнические чистки на Балканах».[1] В Вашингтоне, Париже или Лондоне легенда не менялась. Даже через десять лет после этих событий, великие державы не хотят признавать, что имеющаяся информация четко указывала на угрозу мусульманскому населению, если бы анклав попал в руки Младича и его армии. Они не могли бы оправдать того, что, несмотря на дипломатические и военные средства, не предприняли ничего, чтобы предотвратить события, которые надвигались. Нет сомнений в том, что они не знали, что убийства дойдут до пароксизма. Но они знали, что Младич не будет ждать. Все мужчины, достаточно старые, чтобы носить оружие, во многих случаях извергали проклятия, а Младич и его войска атаковали. Уже после неудачной оккупации анклава в 1993 году сербы хотели отомстить, угрозы об этом повторялись накануне резни. Великие державы воздержались от действий, в частности, от воздушных ударов, как они это делали в других ситуациях, когда масштабы преступлений были несопоставимы, как, например, 29 мая 1995 года после того, как гранатами убили семьдесят человек в центре Тузлы. Из-за страха, чтобы этой неудачей не раскрыть своей ответственности, они прячутся за якобы непредсказуемостью резни, несмотря на факты и международные свидетельства, которые уже тогда говорили об ином, а сегодня доказывают это.

Коль скоро они были лучше вооружены, чем их союзники, американцам неуютнее всего в этой афере. В то время они обладали возможностями перехвата, а с помощью пяти спутников, задействованных в операции, делали около пяти тысяч снимков в день. Помощник по разведке госсекретаря США в администрации Клинтона Тоби Гати признается: «Этот провал не был провалом разведывательных возможностей. (...) В нашей политике этнические чистки не были приоритетом. Когда с самого начала вы решите не отвечать,

[1] Power Samantha, указанное сочинение, стр. 420.

если что-то случится, то, к сожалению, такие вещи, наконец, произойдут»[1].

Младича все же беспокоит реакция Запада, и он не довольствуется успокаивающими словами из Белграда. Телефонные разговоры во время резни показывают, что он искал свои контакты за рубежом, дабы ему подтвердили, что великие державы отказываются вмешиваться. Среди них был и один репортер из Белграда, а также сербско-американский лоббист Милош Костич, полковник армии США в отставке, который работал в военной разведке.[2]

Обсуждения обостряются

16 января 2003 года в конференц-зале Джеффри Найс позволил заместителям нападать на него около часа. С помощью документов они пытались отговорить Карлу дель Понте от обвинения Милошевича за резню в Сребренице. Кажется, что перед их единодушием прокурор дрогнула. Джеффри Найс воспользовался этим и взял слово: «Если бы предварительно были проведены другие расследования, это было бы возможно, но на основании того, что у нас есть, это невозможно. Мы могли бы это осторожно вытянуть, но, конечно, не в последний момент». Заместители повторяют: «У вас нет никакой возможности доказать обвинения против Милошевича в геноциде, все обвинители этой Прокуратуры в этом уверены». Сараево, Сребреница, обвинение в геноциде: только эти три камня преткновения МТБЮ в глазах международной общественности являются самыми яркими символами бездействия и цинизма великих держав на Балканах. Когда совещание закончилось, Карла дель Понте собирает свой офис. «Я не могу бороться со всей командой, список находится у них в руках. Если они мешают, у меня нет выбора, кроме как отказаться. Но я не хочу так легко принимать решение. Я прочитаю все документы, собранные командой, и посмотрю. Между тем я не понимаю, почему они так спешат, почему настаивают на том, чтобы это решение было принято немедленно. Нет никакой спешки, свидетели или документы могут быть использованы в любое время. Никогда ни о чем заранее неизвестно. Нужно оставить дверь открытой. К сожалению, они не желают понять, что разумнее было бы как можно дольше держать эти обвинения за пазухой».

[1] Power Samantha, там же, стр. 420. О возможностях разведки и контроля Момир Булатович, президент Черногории с 1990 по 1998 годы, говорит в интервью, опубликованном 26 апреля 2007 года в хорватской ежедневной газете «Večernji list» («Вечерний вестник»), что в 1995 году Ричард Холбрук показал снимки со спутника, на которых изображены грузовики-цистерны, движущиеся из Сербии в Боснию, поскольку Милошевич утверждал, что осуществляется транспортировка молока. Холбрук показал ему результаты спектроскопического анализа, которые свидетельствовали, что речь шла о дизельном топливе.

[2] Malić Gordan, Globus, Загреб, январь 2006. Переведено на английский язык на: http://srebrenica. genocide.blogspot.com/2006/01/cia-transcripts-on-mladic.html.

«Без Сербии ничего бы не произошло, у нас бы не было средств и мы не могли бы бороться», – вспоминал Радован Караджич, «президент» самопровозглашённой 10 мая 1994 года Скупщиной боснийских сербов Республики Сербской. Протоколы заседаний Скупщины, перехваченные телефонные разговоры, военные приказы, реестры бухгалтерского учета – списки Слободана Милошевича по Боснии и Герцеговине, на которые бросается Карла дель Понте, являются обширными. Они показывают непрерывность роли Милошевича на протяжении всего преступного процесса, еще до начала конфликта. Милошевич был в постоянном контакте со своими приближенными в Боснии в ноябре 1991 года, за пять месяцев до начала военных действий. Радован Караджич регулярно информировал Милошевича о ситуации в Сараево и обсуждал с ним вопросы подготовки к осаде.[1] Милошевич руководит преступным проектом из Белграда, создает сеть поставки оружия, предназначенного для сербского населения Боснии, организует казнокрадство в общинах Боснии и Герцеговины, убеждает сербов направить средства в центральное казначейство в Сербии, готовит преобразование югославской армии в сербскую, чтобы иметь возможность сербам в Боснии предоставить средства для ведения войны и взять под свой контроль большую часть боснийской территории путем систематического изгнания несербского населения. Таким образом, происходит развертывание армии, в задачу которой будет входить осада Сараево. Документы подтверждают при-

[1] Некоторые из двухсот пятидесяти перехваченных разговоров между властями из Белграда и боснийскими сербами в период 1991 и 1992 годов, оглашенных на процессе 2002 года, можно найти на www.domovina.net.

бытие, вскоре после начала войны в апреле 1992 года, специальных подразделений из Сербии, «красных беретов», подразделений Шешеля и Аркана, двух командиров военизированных формирований, из Белграда в кварталы Сараево, которые остались в сербских руках и где проводится политика этнической чистки. Они показывают, как Белград, благодаря печатанию денег, продолжает на протяжении всего конфликта финансировать ведение войны боснийскими сербами, которые сами по себе не имеют ни финансовых, ни материально-технических ресурсов для поддержания блокады боснийской столицы. В равной степени не имеют ресурсов для поддержания контроля двух третей территории Боснии и Герцеговины, которую они заполучили благодаря военной машине, предоставленной им Милошевичем. Проект принудительного разделения этнических общин был согласован, предварительно разработан и управлялся из Белграда.

Постоянно слушая, как ее заместители опровергают доказательства, собранные против Милошевича, Карла дель Понте начинает и сама сомневаться в том, насколько этот список убедителен. Но после того, как она погрузилась в тайны руководства в Белграде, поняла, что не должна уступать и хочет проинформировать об этом команду. Джеффри Найс только что улетел в Арушу, танзанийскую штаб-квартиру Международного уголовного трибунала по Руанде, где тогда, в январе 2003 года, проводилась конференция заместителей прокуроров. Она вызывает Дермота Грума и выясняет, что тот поддержал тезис Джеффри Найса, дабы избежать раскола внутри команды, что имело бы пагубные последствия для процесса. Американский прокурор объясняет, что время, которое отведено на доказательство части по Боснии, в общей сложности составляет семьдесят дней обсуждения, и его действительно недостаточно, но доказательства ответственности Милошевича в списке по Сараево и Сребренице имеются. «Только я и мой старший следователь в течение длительного времени считаем, что армия боснийских сербов и югославская армия является одной и той же армией. Я могу это доказать, но мы были полностью изолированы внутри команды (которая утверждает, что две армии разделены и независимы; цитируется по архивным данным)». Через несколько дней Карла дель Понте, которая исполняет также функции Прокурора МТР, прибывает в Арушу. Сразу же сообщает Джеффри Найсу о своей воле, чтобы сохранить Сараево и Сребреницу и укрепить команду, работающую по «делу Милошевича», дабы продолжить расследование. Найс соглашается и обещает сообщить об этом своим сотрудникам. После его возвращения в Гаагу британец созывает свою команду, но не сообщает ей ни о решении Карлы дель Понте, ни о прибытии подкрепления. Наоборот, он дает им пятнадцать дней, чтобы собрать новые доказательства в пользу отказа от Сараево и Сребреницы. В конце встречи Джеффри Найс взъелся на двух консультантов Карлы дель Понте: «Легко вам давать советы прокурору, говорить ей, что делать. Но я являюсь тем, кто, в конечном счете, берет на себя риск. Знайте, что я не собираюсь рисковать своей репутацией, чтобы удовлетворить *alter ego* Карлы дель Понте и защитить список доказательств». В кулуарах Прокуратуры с этого времени тех, кто постоянно предостерегает Джеффри Найса и его окружение о том, что нельзя допустить промаха и упустить правду, а нужно продолжать ее искать, будут называть «заговорщиками».

3 февраля Джеффри Найс созывает различных специалистов Прокуратуры, не сообщая им повестки дня. Он надеется застать их врасплох и заставить поддержать его, чтобы оставить Карлу дель Понте в меньшинстве и вынудить ее отменить свое решение, как только она вернется из Аруши. Военных аналитиков за столом меньше, чем экспертов по бывшей Югославии, многие из которых уроженцы этого региона. Они приглашены первыми и ожидают, в каком направлении пойдут дела. Слишком много фактов, указывавших на существование тесной связи между сербскими силами в Боснии и Белграде, кружило в последние недели в офисе, чтобы опровергнуть их перед таким широким кругом специалистов. Эти последние единодушны. Они являются пятым колесом, теми, кого всегда приглашают, чтобы проанализировать доказательства, которые собрали следователи, но у них никогда не просят советов о стратегиях следствия. Члены «Leadership Research Team», единственной группы специалистов по бывшей Югославии в Прокуратуре, улучили редкий момент, чтобы высказать свое мнение. Для них просто непонятно, как Джеффри Найс, главный обвинитель по «делу Милошевича», может задавать вопросы о важности двух таких списков, как по Сараево и Сребренице. Отбросить таким манером обвинение против Милошевича действительно немыслимо. Это означало бы «исказить смысл ответственности Милошевича», «изуродовать дело». И они, опираясь на факты, объясняют

почему. Джеффри Найс был смущен их непоколебимой позицией. Он соглашается подчиниться решению Карлы дель Понте, но отвергает предложенное подкрепление из-за страха потерять контроль над Дермотом Грумом и ведением части по Боснии в «деле Милошевича».

Списки по Сребренице и Сараево после мучительных пререканий, в конце концов, остаются. Хотя Джеффри Найс соглашается с этим вопреки собственной воле, ведь именно он является тем, кто управляет ежедневным процессом, а не Карла дель Понте. В момент, когда начинается представление последней части обвинительного заключения по Боснии, Прокуратура еще не выработала четкой стратегии. Список по Косово, который до открытия заседания предъявил канадский прокурор Дирк Рейнвельд, не вызывает вопросов, когда речь заходит о роли Милошевича в резне около десяти тысяч албанцев и депортации около восьмисот тысяч людей, потому что он действовал в рамках государства, от имени которого правил. Список по Хорватии, составленный под руководством немецкого прокурора Хильдегарда Эрц-Рецлаффа, продемонстрировал за сорок дней обсуждения благодаря документам и, в частности, показаниям кающихся, таких, как Милан Бабич, что массовые убийства и депортации заказывались и руководились из Белграда. Между тем, как сказал на слушании Бабич, бывший националистический лидер сербов в Хорватии, который защищался после признания своей вины за преступления против человечности, а также признания своей роли в кампании этнических чисток в Хорватии, «Белград – это Милошевич». Это доказывает то, что Милошевич является настоящим хозяином югославской армии, которую он превратил в армию на службе сербского преступного предприятия, хозяином сербских полицейских сил, военизированных формирований и местных сербских властей, которые совместно участвуют в кампании террора с целью изгнания несербского населения с территорий, которые хотели бы присоединить к сербскому государству. Прокуратуре осталось только продолжить предъявление доказательств по Боснии, второй из трех фаз одной и той же преступной политики, которая проводилась по преднамеренному плану, а иногда и общими участниками подобным или тем же способом. Но Джеффри Найс и Дермот Грум не находят согласия в том, какой стратегии придерживаться.

Англичанин намерен доказать несомненное влияние Милошевича на исполнителей этого нового этапа этнической чистки, поскольку

он посылает им помощь, необходимую для продолжения их планов. Американец же хочет доказать, что Милошевич – большой главарь политики этнической чистки в Боснии и Косово, а также Хорватии. Для одного он – великий казначей, который влияет на союзников, но не всегда их контролирует. Для другого он – мозг, без которого не случился бы ни один эпизод большой боснийской трагедии. Два заместителя старшего прокурора, которые будут чередоваться при допросе свидетелей, не сговариваясь, в феврале 2003 года готовятся вынести на слушание последнюю часть обвинительного заключения. В этих обстоятельствах на процессе может быть упущена истина, требуемая любой судебной процедурой, истина, которую ни власти в Белграде, ни представители Запада не хотят извлекать на свет божий.

В поисках неопровержимых доказательств: протоколы Высшего совета обороны Югославии

Нахождение новых фактических доказательств позволяет обвинению сохранить свой вклад. Ему дали нож, чтобы оно вырезало лишнее и приняло решение в одной из двух интерпретаций прокурорского списка, который у него уже есть. Речь идет об оригинальном протоколе встречи на высшем уровне в Белграде, а также о свидетельствах нескольких раскаявшихся. Уже почти год Джеффри Найс ведет жестокую битву. Он пытается достать протокол или отчет о заседании Высшего совета обороны (далее - ВСО) – обломка Югославии Милошевича. Это орган, в котором заседают глава союзного правительства, президенты двух федеральных республик, Сербии и Черногории, а также главнокомандующий югославской армией.[1] Но Белград сопротивляется, несмотря на обязательство сотрудничать с МТБЮ, потому что эти архивы содержат наиболее очевидные доказательства роли Милошевича и сербского руководства в войнах в Хорватии и Боснии. Для выхода из тупика до конца фазы обвинения Карла дель Понте в письме, направленном в мае 2003 года министру иностранных дел

[1] За все время войны, когда Югославия уже распалась, Милошевич хотел оставить название «Югославия» для государства, которое образовали Сербия и Черногория. После его низложения в октябре 2000 года новые власти переименовали его в Сербию и Черногорию до отделения Черногории летом 2005 года.

Горану Свилановичу, обязуется не опротестовывать возможные требования, пока некоторые части архива не будут опубликованы, если защитные меры, которые требует Белград, останутся «разумными» и будут соответствовать регламенту МТБЮ. «Подразумевается, что в интересах прозрачности процесса такие меры применяются только в исключительных случаях и на ограниченные части», – пишет прокурор. А именно, статья 54-бис (F) Правил процедуры Трибунала предоставляет такое право государствам, которые требуют защитных мер для документов или фрагментов документов, распространение которых поставило бы под угрозу их «интересы национальной безопасности». Белград, успокоенный письмом Карлы дель Понте, делает уступку в конце мая 2003 года. Одному из специалистов Прокуратуры МТБЮ было поручено в течение двух дней просмотреть выборку из архива Высшего совета обороны. Но ничего нельзя копировать, можно только делать заметки. Белград, который не задержал ни Младича, ни других беглецов и который остался глух к распоряжению судьи передать обвинению документы, страхуется, чтобы Совет Безопасности ООН его не преследовал и не применял санкций за нарушение правовых обязательств. Несмотря на драконовские условия его миссии, специалист смог определить важность документов, доступу к которым Белград препятствовал в течение почти двух лет: они содержат ключ ко всем тайнам. Милошевич был не только соавтором смертельного плана этнических чисток и архитектором войны, он, в конце концов, был их главным режиссёром. Подтверждая показания некоторых раскаявшихся, документы ясно демонстрируют подчиненность сербских лидеров в Боснии и Хорватии и их армий властям в Белграде. Выясняется до сих пор неожиданное существование двух служб внутри Генерального штаба в Белграде. Созданные 15 ноября 1993 года указом, который остался секретным, эти две службы должны были управлять персоналом и средствами, которые Белград предоставлял в распоряжение армий в Хорватии и Боснии и Герцеговине.[1] Архивы Высшего совета обороны открывают и приказания Милошевича использовать печатание денег для финансирования войны якобы в виде

[1] Это 30-й и 40-й Кадровые центры Генерального штаба Югославской армии. 30-й центр, обслуживавший армию боснийских сербов, следил за тем, чтобы она эффективно распоряжалась 8 миллионами евро, которые Белград ежегодно выделял войскам Младича в качестве заработной платы с 1992 по 1995 годы.

помощи с тем, чтобы скрыть галопирующую инфляцию, показатели которой вскоре превысили ранее недосягаемую инфляцию недолго существовавшей Веймарской республики. Напряженные отношения между Прокурором и частью команды, ответственной за уголовное преследование Милошевича, остались просто горьким воспоминанием. Документы Высшего совета обороны, кажется, убедили в Прокуратуре даже тех, кто были самыми неуступчивыми.

Чтобы доказать непосредственное участие сербского государства и его руководителя в войне и преступлениях, совершенных в Боснии, Прокуратура должна обязательно предоставить доказательства в Трибунал. По просьбе Прокуратуры судьи 30 июля 2003 года обновили требование к Белграду передать протоколы. Белград немедленно выступил против решения и в середине октября успел принять защитные меры в отношении документов в пользу одной стороны на конфиденциальной встрече между судьями и представителем сербского государства, при отсутствии сторон процесса. Короче говоря, для того, чтобы не допустить, что эти неудобные истины будут извлечены на свет, Сербия убедила Судебную палату, отвечающую за «дело Милошевича», одобрить ограниченное использование этих документов только на процессе Милошевича и запретить предоставление частей, которые его более всего компрометируют, не только общественности, но и любой другой судебной инстанции, за исключением МТБЮ. Судьи также могут рассчитывать на весь документ, представленный в определении вины Милошевича, но не могут в публичной версии своего решения приводить отрывки, которые до сих пор считаются конфиденциальными.

Белграду удалось выиграть судебный процесс, ссылаясь на «жизненно важные интересы» сербского государства. Регламент, однако, предусматривает, что такая мера будет одобрена только для защиты информации, которая может поставить под угрозу безопасность страны. В этих условиях Карла дель Понте больше не чувствует себя связанной своим письменным обещанием, которое она дала в мае: прокуратура решает оспорить это решение и просит, чтобы судьи рассмотрели вопрос. Безуспешно. Осенью 2003 года Прокуратура ничего не знает о сербских аргументах и мотивах решения Судебной палаты, которые по просьбе Белграда остались конфиденциальными. Откроют их только в январе 2004 года, когда она попытается вызвать для дачи свидетель-

ских показаний одного из участников заседаний Высшего совета обороны.[1] Доказательства, подвергнутые цензуре, касаются финансовой и материально-технической поддержки со стороны Сербии Милошевича, которую она оказывала сербским силам в Боснии и Хорватии, реальной власти Милошевича над этими силами и местными политическими лидерами, рекрутинга сербских наемников на внешних фронтах, выплаты заработной платы офицерам армии из Белграда, которые служили в сербской армии в Хорватии и Боснии, а также предлагаемых мер по преодолению эмбарго с тем, чтобы продолжать оказывать значительную материально-техническую поддержку сербским силам в Боснии и Хорватии. Для многих людей в регионе это не являлось секретом. Но все это, подтвержденное в государственных архивах, соответствует стандарту «вне разумных сомнений», возможно, основному критерию доказательств в англосаксонском праве, и может продемонстрировать огромную ответственность Милошевича и его страны за войну и преступления в Хорватии и Боснии. Поскольку Высший совет обороны должен был определять стратегические национальные цели, он принимал участие в подготовке и осуществлении согласованного плана и формулировал директивы, которые Милошевич затем передавал сербским властям в Боснии, над которыми имел эффективный контроль. А эти власти были созданы в Боснии, чтобы стать прикрытием и снять всякую ответственность с центрального сербского государства и его ставленников в кампании этнической чистки, которая велась за его пределами. Белград хотел любой ценой сохранить эту лживую оболочку, чтобы избежать выплаты миллионов долларов репараций своим соседям. В 1993 году Босния и Герцеговина вместе с Хорватией подали иск об агрессии и геноциде против Сербии Милошевича в Между-

[1] Высший совет обороны Союзной Республики Югославия, состоящей из Сербии и Черногории, был создан 28 апреля 1992 года и заседал семьдесят четыре раза с середины июня 1992 года до середины марта 1999 года, из которых пятьдесят семь раз во время войны в Боснии и Герцеговине. Милошевич является единственным участником, который присутствовал на всех семидесяти четырех заседаниях. Белград не передал Прокуратуре МТБЮ все затребованные протоколы заседаний. По требованию участников, не велось никаких стенограмм заседаний, из которых девять относится к 1995 году и периоду, который предшествовал и следовал за резней в Сребренице. Прокуратура вынуждена была довольствоваться отчетами из архива ВСО, в которых отсутствовали некоторые страницы.

народный суд ООН, другую международную инстанцию, имеющую штаб-квартиру в Гааге, мандат которой предусматривает не суд над физическими лицами, а урегулирование споров между государствами. Ввиду того, что сербское государство было признано виновным, новому правительству в Белграде пришлось взять на себя ответственность. Отсюда его желание воспрепятствовать использованию архивов Высшего совета обороны перед Международным судом. Отсюда и его готовность изымать фрагменты, которые более всего его компрометируют, а также скрывать информацию общего характера, которая способствует прояснению конфликта, и нераспространение которой мешает работе судебной системы и поиску истины.

Сами сербские чиновники убеждены в том, что архивы Высшего совета обороны могут привести к осуждению Сербии за геноцид. «Похоже, вы не хотите понять политический контекст, в котором мы находимся», – подчеркнул 3 октября 2003 года Горан Свиланович, министр иностранных дел Сербии, находясь в офисе Карлы дель Понте. И уточнил: «Если мы поможем Вам осудить Милошевича за геноцид, и наше государство перед Международным судом будет осуждено за геноцид, то мы должны будем выплатить миллиарды за ущерб Боснии и Герцеговине. Мы хотели бы с Боснией вести переговоры не только об отзыве иска, но и для того, чтобы решить вопрос Младича (его ареста; цитируется по архивным данным). После того, как все это будет решено, дела пойдут лучше».[1]

Белград утверждает, что справедливость и истина наносят ущерб стабильности в регионе и действуют против мира. «Жизненный национальный интерес» страны, заявленный перед МТБЮ, является таковым, чтобы скрыть от Международного Суда ООН всю информацию, которая может послужить обвинению, ибо осуждение за геноцид «углубило бы разрыв не только между Государственным Союзом

[1] Сараево не отказалось от своего иска, несмотря на вмешательство Великобритании по просьбе Белграда. Дело рассматривалось в начале 2006 года. Судьи Международного суда не будут требовать от Белграда передачи документов Высшего совета обороны. На судебном заседании 26 февраля 2007 года было принято решение об отказе в удовлетворении просьбы Боснии и Герцеговины; Сербия не была признана ответственной за геноцид в Сребренице, но была осуждена, потому что, отказавшись арестовать Ратко Младича и Радована Караджича, не выполнила своих обязательств в том, что не будет препятствовать наказанию виновных.

Сербии и Черногории с Боснией, но и между двумя субъектами Боснии и Герцеговины, что могло бы привести к общей нестабильности в регионе и стремлению к мести». Многие, на самом деле, боятся, что освещая прошлое и стигматизируя политику, которая преступление сделала системой и поставила мощь сербского государства на службу проекта с геноцидальными намерениями, международные судебные органы тем самым не поощряют заключения Дейтонского соглашения. Мир, подписанный в 1995 году, был освящен результатами этнической чистки, сделавшей Боснию и Герцеговину слабой единой страной, разделенной на два отдельных политических субъекта, которые не существовали до конфликта: хорватско-боснийскую Федерацию и Республику Сербскую, расположенную на территориях, где раньше проживало мощное боснийское сообщество, но сегодня официально на них проживает почти исключительно сербское население. Многие сербы искренне опасаются отмены этого разделения, навязанного на крови, и возвращения к Боснии и Герцеговине, единой и неделимой, какой она была до конфликта и в которой этнические группы были тесно переплетены.

Прокуратура не понимает, почему судьи МТБЮ помогают одному государству отрицать наличие доказательств перед другой международной судебной инстанцией – Международным судом Организации Объединенных Наций, а также пытаются помешать ему принять решение, основываясь на фактах, и вынести справедливый вердикт. Тем более, что Правила процедуры и доказывания МТБЮ не позволяют судьям определять защитные меры именно потому, что перед другим судом будет скрыта ответственность какого-либо государства. Даже Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в резолюции 827 от 1993 года, на основании которой создавался Трибунал, позаботился о том, чтобы четко указать в статье 7, что «задача Трибунала заключается в том, чтобы, не нарушая прав жертв, соответствующим образом требовать компенсацию за ущерб, нанесенный в результате нарушения международного гуманитарного права». Прокуратура удивлена, что международная уголовная инстанция, которой является МТБЮ, поддалась требованиям одного государства и ограничивает использование доказательств, которые ей переданы, потому что ставится вопрос об ответственности отдельных лиц или учреждений за преступления, за которые потерпевшие имеют право не только требовать, но и получить компенсацию перед любым судебным органом, компетентным по этим вопросам. И замечает: «Данный аргумент явно абсурдный, и это тем более очевидно, поскольку Белград неоднократно заявлял о баснословных суммах, которые он был бы вынужден уплатить за этот ущерб». Но Судебная палата МТБЮ, ответственная за «дело Милошевича», проигнорировала это, позволив, чтобы Белград убедил, что решение Международного суда может поставить под угрозу международную позицию Сербии и нанести непоправимый ущерб стране, экономика которой разорена. В результате была принята аргументация Белграда, в соответствии с которой раскрытие всего архива будет препятствовать повторному установлению и поддержанию мира, и тем самым признана важность этих документов. Британский судья Ричард Мэй, ямайский Патрик Робинсон и южнокорейский О-Гон Квон отдали предпочтение предполагаемой стабильности страны перед интересами истины и справедливости и, как следствие, попали под влияние ключевого слова в международных отношениях. Таким образом, они стали соучастниками лжи, делая вид, будто не знают о том, что «жизненно важные национальные интересы» привлечены только для оправдания преступлений, за которые теперь должны судить. Они отказались прислушиваться к другому мнению и сравнить аргументы сербских властей с аргументами обвинения или защиты. Как и для прокуроров, для судей главной задачей было обнаружить, насколько возможно, факты, которые проливают свет на самые страшные зверства, совершенные в бывшей Югославии. На документы ВСО распространяется этот приоритет, и не должно было быть никаких привилегий при определении защитных мер.

Прокуратура неоднократно пыталась добиться отмены этого решения, но судьи блокируют любую просьбу об апелляции. В конце сентября 2005 года предоставляется новая возможность Белграду, который по-прежнему требует защитных мер для всех документов, подтверждающих полномочия Сербии по отношению к своим приближенным в Боснии. Апелляционная палата одобрила неразглашение некоторых частей личных данных старших офицеров армии боснийских сербов, в том числе Ратко Младича, который, после его производства в генералы, подтвердил, что боснийские сербские военачальники во время войны действительно подчинялись верховному главнокомандующему в Белграде. Поэтому не Караджич, политический лидер боснийских

сербов, а Лилич, президент сербско-черногорского государства, по решению ВСО присваивает генеральскую звезду Ратко Младичу указом от 16 июня 1994 года. Пять судей Апелляционной палаты постановили, что «жизненно важными национальными интересами», о которых заявляет Сербия, является гарантия того, что осуждение за геноцид Международным судом является неприемлемым и что Судебная палата, ответственная за «дело Милошевича», была не права, когда в 2003 году уровняла по критерию «национальной безопасности» страны, как бы оправдывая установление защитных мер в отношении архивов ВСО. Но вместо того, чтобы исправить ошибку, которая была допущена, и снять гриф секретности с этих документов, Апелляционная палата отметила как факт, что такие меры были одобрены два года назад, что, в свою очередь, вызывает «правомерные ожидания» в Белграде, а значит все последующие запросы должны быть отклонены на том же основании. Тем самым пятеро судей Апелляционной палаты стали добровольными пособниками манипуляций, организованных властями в Белграде с единственной целью - стимулировать другой судебный орган, Международный суд ООН, совершить ту же ошибку из-за отсутствия доступа к документам.

Карла дель Понте, вся команда, ответственная за «дело Милошевича», и главные юрисконсульты Прокуратуры, шокированные этим решением, встретились 21 сентября 2005 года, чтобы решить, каким путем идти дальше. Они согласились с тем, чтобы подать заявление судьям по «делу Милошевича» для дисквалификации «жизненно важных национальных интересов», а также немедленно потребовать отмены мер конфиденциальности архивов ВСО. Судьи Иэн Бономи, преемник Ричарда Мэя, и Робинсон, несмотря на противодействие судьи Квона, 6 декабря 2005 года отменили меры защиты, которые вступили в силу в 2003 году, понимая, что Белград стремится не защитить свою национальную безопасность, а спрятать истину. Белград немедленно подает жалобу и добивается временной приостановки этого решения, препятствующего тому, что Босния передаст архивы ВСО в Международный Суд ООН, прежде чем откроются прения, запланированные по ее ходатайству на конец февраля 2006 года. После рассмотрения аргументов Прокуратуры 6 апреля 2006 года пятеро судей Апелляционной палаты, которая по-прежнему работает под председательством итальянца Фаусто Покара, постановляют отменить решение от 6 декабря 2005 года. Информация о непосредственном участии Сербии в войне в Боснии и резне в Сребренице становится событием, недоступным как для Международного Суда, так и для общественности. Прокуратура была не в состоянии довести этот скандал до общественности, поскольку судьи на каждое свое решение ставили гриф «секретно».

В октябре 2003 года Горан Свиланович и команда его юристов, которым было поручено защищать Сербию в суде, так были удивлены своей победой, что боялись пересмотра этого решения, которое опротестовала Прокуратура. В конце 2003 года, за несколько недель до окончания обвинительной фазы процесса, протоколы Высшего совета обороны еще не были переданы МТБЮ. Прокуратура должна была довольствоваться несколькими отрывками, собранными специалистами, которым было разрешено еще раз, в августе 2003 года, на месте в Белграде изучить доклады и протоколы заседаний. Остальное базируется на показаниях инсайдеров, свидетелей, участвовавших в преступной деятельности, что помогло выявить цепочки отдачи приказов, методы финансирования и непосредственное участие спецподразделений из Сербии в кампании этнических чисток. Под предлогом задержки в передаче архивов ВСО Джеффри Найс сообщает Карле дель Понте 15 декабря 2003 года: «Я не буду возражать против снятия обвинений в геноциде, если защита подаст ходатайство о приостановлении судопроизводства».

Протоколы Высшего совета обороны прибыли в 2004 году после завершения обвинительной фазы процесса. Судьи вносят их в список, но Прокуратура имеет возможность на слушаньях использовать только очень небольшую их часть. В марте 2006 года, а затем два года спустя Джеффри Найс хочет воспользоваться прибытием Момира Булатовича, одного из последних свидетелей защиты в «списке Милошевича», чтобы услышать более широкие показания в ходе перекрёстного допроса. Как президент Черногории, когда Милошевич был президентом Сербии, Момир Булатович со своим сербским союзником участвовал в этих встречах на высшем уровне во время войны в Боснии и Хорватии. Но Милошевич просит неделю приостановки слушаний, чтобы подготовиться к допросу своего свидетеля. Ему это разрешили. В субботу 11 марта 2006 года, прежде чем Булатович успел дойти до места для свидетелей, Милошевич был найден мертвым в

камере E04 следственной тюрьмы МТБЮ. Милошевич ускользнул не от своих судей, но от приговора. Процесс остается незавершенным, общественность, вероятно, никогда не получит подтверждения важности архивов Высшего совета обороны с печатью «государственная тайна, строго секретно», чтобы установить ответственность этого обвиняемого в преступлениях.

Милошевич, вероятно, умер во сне около 7:45 вечера от сердечного приступа. Во вторник перед своей смертью Милошевич получил от МТБЮ отчет с результатами анализов крови, которые показали, что он принимал рифампицин - антибиотик со вторичным эффектом нейтрализации лекарств от высокого кровяного давления, которым он страдал. Коробка этого препарата, изготовленная в Сербии, была найдена в начале года среди его вещей в заключении. За день до своей смерти в пятницу, 10 марта, Милошевич передал своему помощнику по правовым вопросам Зденко Торнавовичу письмо российским властям, в котором пишет, что рискует быть отравленным. В качестве доказательства приводит результаты анализов, которые обнаруживают присутствие высоких доз антибиотиков, как правило, используемых при лечении лепры или туберкулеза. Поскольку вскрытие и токсикологическая экспертиза не показали наличие подозрительных веществ, МТБЮ заключил, что это была естественная смерть. Но Милошевич, не колеблясь, во многих случаях подвергал свою жизнь опасности: еще один анализ в прошлом показал, что он принимает лекарства, предписанные для кровяного давления, а затем, когда он был вынужден принимать их перед охранником, купил рифампицин, чтобы нейтрализовать их действие. Этот редкий антибиотик известен тем, что оставляет след в крови только в течение двух или трех часов после приема. В течение нескольких месяцев Милошевич использовал состояние своего здоровья, чтобы убедить судей отпустить его на лечение в Россию, где жили его жена, сын и брат. Судьи отклонили его просьбу. Поскольку процесс подходил к концу, Милошевич отчаянно искал выхода на свободу до вынесения приговора.

В феврале 2004 года Прокуратура уже сталкивалась с трудностями. Для завершения обвинительной фазы процесса она готовится пригласить четырех очень важных свидетелей-инсайдеров. Но Милошевич последние десять дней болеет. Во время приостановки слушаний председательствовавший на процессе Ричард Мэй тоже заболел. Через несколько месяцев он умирает от прогрессирующей опухоли.[1] Из-за отсутствия одного из трех судей Прокуратура утвердила только пять дней вместо десяти для окончания слушаний. Джеффри Найс решает закончить допрос свидетеля, который продолжается, и заставляет Дермота Грума, который вместе с ним представляет часть по Боснии, отказаться от инсайдеров, которые, как предполагается, должны пролить новый свет на прямую ответственность Милошевича за преступления в Боснии. Обвинительная фаза была закрыта 25 февраля 2004 года.

Обвинение в преступлениях геноцида

Через несколько месяцев дойдет черед до Милошевича, который должен ответить на обвинения, выдвинутые против него. В то же время англосаксонская процедура позволяет защите добиваться прекращения производства по делу в связи с отсутствием доказательств по всему обвинительному акту или его части. Юридические советники Слободана Милошевича так и делают. В убористом заявлении, поданном 5 марта 2004 года, пункт за пунктом они уничтожают плоды работы обвинения с момента открытия процесса. Прокуратура должна ответить на эти вопросы, прежде чем судьи примут решение. Это повод для нового противостояния между дель Понте и Джеффри Найсом. Ценой новых раздоров в своей команде Найс рекомендует выполнить его просьбу приостановить производство по делу и воздержаться от всех обвинений в геноциде. При отсутствии целостности протоколов заседаний Высшего совета обороны во время войны в Боснии «обвинение, в лучшем случае, может преследовать его за соучастие в геноциде в Боснии и Герцеговине», – предполагает Найс без всяких других объяснений. Карла дель Понте не хочет сдаваться без боя: «Решение остается за судьями. Поэтому позволим судьям принять решение по этому вопросу». В Гаагу прибыло несколько специалистов, закаленных в Аруше по вопросам геноцида в Руанде. Швейцарка навязывает их Джеффри Найсу и его команде. Задолго до создания международных уголовных трибуналов для бывшей Югославии и по Руанде Конвенция о предупреждении пре-

[1] Судью Ричарда Мэя из Великобритании сменил другой британский судья Иэн Бономи, который принял на себя его функции 1 июня 2004 года, как раз перед началом защиты.

ступлений геноцида и наказании за него, принятая в 1948 году, никогда не применялась в какой-либо судебной инстанции. Но между теорией и практикой иногда существует огромный разрыв. А время летит. У команды есть только десять дней, чтобы дать свой ответ.

Не тратя времени попусту, ветераны Аруши из массы доказательств, представленных на слушании или полученных от Судебной палаты, выявляют и обобщают элементы, раскрывающие геноцидальные цели политики этнической чистки, чтобы затем доказать судьям, что Милошевич знал о намерениях – или имел те же намерения – не только совершить преступление, но полностью или частично уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу, в данном случае - боснийских мусульман. Право требует, чтобы для каждого преступления было определено, какое звено отдачи приказов ведет к обвиняемому, то есть в «деле Милошевича» к верхушке государства. Но это не является явным доказательством намерения совершить геноцид. Нигде еще не был найден категорический приказ Гитлера уничтожать евреев из Европы. Таким образом, закон допускает, что геноцидальное намерение выводится из элементов доказательств, когда можно доказать систематические преступления против некоторых групп, а также тот факт, что некоторые жертвы систематически атакуются из-за принадлежности к этой группе, имеют место крупномасштабные злодеяния, повторение разрушительных актов и дискриминация по отношению к людям. Тем не менее должно быть доказано, что преступления совершаются из-за намерения физического уничтожения этой группы, а не уничтожения их идентичности. Важна, таким образом, цель, которую преследует преступник, и это не обязательно полное уничтожение группы, а уничтожение ее значительной или представительной части. Геноцид отличается от преступлений против человечности, прежде всего, по конкретному намерению уничтожения, которое им движет. Преступления, совершенные при геноциде, и действия, которые представляют собой преступления против человечности, также являющиеся системными или расширенными и планированными, переплетены: особенно убийства, уничтожение, депортация или насильственное перемещение.

По инициативе специалистов из Аруши Прокуратура определяется с решительностью, которой ранее не хватало команде Джеффри Найса, представлять участие Милошевича, наряду с Караджичем и

Младичем, в «совместной преступной деятельности», направленной на уничтожение мусульманских этнических групп в Боснии, проживающих на боснийской территории, которую они намеревались присоединить к сербскому государству. На 16-й Скупщине боснийских сербов в мае 1992 года, в самом начале войны, было поставлено шесть целей, которые приведут к объединению сербов в течение следующих четырех лет. Среди них отделение боснийских сербов от двух других национальных общин, чьи географические контуры уже запланированы, а равно разделение Сараево на сербскую и мусульманскую зоны. После этого сербские экстремисты систематически грабили территорию, которую они хотели присоединить к сербскому государству. Но так как они хотели быть ее единственными хозяевами, их целью было уничтожить любое присутствие несербского населения. Следовательно, они проводили геноцидальную политику по отношению к группе большинства, постоянно применяя деструктивные и дискриминационные механизмы по отношению к боснийским мусульманам. Доказательство является убедительным. Оно демонстрирует все планирование и запуск политики этнических чисток. Все части головоломки, которые в течение всего процесса бросали в кучу из-за внутренних разногласий в команде и пунктирных англосаксонских процедур, теперь, наконец, упорядочились, и создалось читаемое целое – само за себя говорящее целое, какое, несомненно, обнаружил бы любой следственный судья в континентальном процессе. Все складывается воедино, совпадает, пересекается. Базирующаяся на совокупности доказательств, которые представила Прокуратура, публичная версия очищена от всех частей, которые находились под защитными мерами, будь то показания за закрытыми дверями или документы с условием, что они будут строго конфиденциальными.[1] Мирко Кларин, один из немногих журналистов в Гааге, который следил за всеми двумястами девяноста восемью днями обсуждения или несколькими тысячами часов предъявления обвинения (всего Прокуратура представила 296 свидетелей), объясняет тем, которые интересуются его мнением как хорошего знатока Балкан о возможной ответственности Милошевича за геноцид: «Я не в состоянии понять, скольких элементов мне не

[1] Prosecution Response to Amici Curiae Motion for Judgement of Acquittal Pursuant to Rule 98 bis, публичная версия, МТБЮ, Гаага, 3 мая 2004 года. Текст только на английском языке.

хватает, чтобы сделать какие-либо выводы. Кроме свидетельств за закрытыми дверями, которые, в конечном счете, представляют собой очень малую часть судебного разбирательства, десятки тысяч страниц были добавлены в список как элементы доказательств, к которым общественность не имеет доступа. У меня нет всех элементов, чтобы создалось объективное мнение».

Когда какой-либо обвиняемый поддерживает политику геноцида с помощью намерений, эти намерения можно ему приписать, если он принимает эту политику либо по практическим соображениям, либо по циничным причинам, как, например, чтобы остаться при власти. А Милошевич очень умело использовал националистическую идеологию, целью которой всегда было отделение смешанных в ту пору сообществ. Он поставил средства массовой информации на службу разжиганию ненависти, чтобы сильнее стигматизировать врага, Иного. Таким образом, он ввел различие между «нами» и «ими» в целях укрепления сплоченности сообществ «нас» за счет отказа от Иного. Этот процесс привел к дегуманизации Иного, и эти стигматизированные, изолированные, дегуманизированные личности сделались легкой мишенью для будущих массовых преступлений. 12 ноября 1993 года Милошевич прямо заявил Хрвое Сариничу, хорватскому высокопоставленному чиновнику из Загреба, что все сербы, рассеянные по территории бывшей Югославии, в ближайшее время будут собраны в единое государство: «Откровенно Вам говорю, что с помощью Республики Сербской в Боснии, которая рано или поздно станет частью Сербии, я решу 90 % сербского национального вопроса, как Туджман решил хорватский национальный вопрос в Герцеговине-Боснии».

На одном из заседаний Высшего совета обороны 30 августа 1994 года, посвященном мирному плану, предложенному Контактной группой великих держав[1], Милошевич по-своему определяет национальный интерес: «Ведя общую единую политику, я должен сказать, что нам удалось успешно уберечь нашу страну (Сербию и Черногорию, которые Милошевич называет Югославией; цитируется по архивным данным) от войны, оказывая всю необходимую поддержку, которую могли дать нашим людям на другой стороне реки Дрина, создавая

[1] Контактную группу, созданную в 1994 году, которая представляет международное сообщество на переговорах по прекращению конфликта в бывшей Югославии, образуют Франция, Великобритания, США, Россия, Германия и Италия.

Республику Сербскую и Республику Сербская Краина и предоставив им нормальный статус за столом переговоров, что позволит нам достичь нашей конечной цели, которую международное сообщество уже предложило признать. Я думаю о Республике Сербской, которая в настоящее время находится на половине территории бывшей Боснии и Герцеговины. (...) Любая национальная политика, если она хочет быть эффективной, должна учитывать все эти факторы. Нам предложено увеличить нашу территорию на 25 %, наше население на 10 % и, кроме того, все это легитимно. Нам предоставлена также возможность немедленно создать конфедерацию (с территориями, находящимися под сербским контролем в Боснии; цитируется по архивным данным)».

Целью Милошевича всегда было добиться признания его территориальных завоеваний, из-за которых он пролил столько крови. В Совете по политическому согласованию, органе, расположенном в Белграде, где встречаются сербские правители из Боснии и должностные лица сербско-черногорского государства, чтобы обсудить замысел совместного преступного предприятия, Милошевич в январе 1993 года по вопросу о «необходимости объединения сербского народа» заявляет: «Это мы уже имеем «де-факто». Сейчас вопрос заключается в том, как превратить эту ситуацию, которая существует «де-факто», в «де-юре». Днем ранее Милошевич перед премьер-министром России Евгением Примаковым отрицает желание создать «Великую Сербию»: «Только страшное кровопролитие позволило бы реализовать такой проект, я же не готов сделать это».

Милошевич дробит на куски соседние страны, продолжает свои планы, не заботясь о страданиях, которые причиняет несербским народам, никогда не принимая во внимание того факта, что его план подразумевает одностороннее и насильственное изгнание части населения. Его желание создать единственную территорию, которая сможет присоединиться к Сербии, будет подтверждено летом 1995 года судьбой мусульманского анклава в восточной Боснии. Хаос, в который погрузилась Босния, - отнюдь не следствие преступных действий местных исполнительных органов, а результат проекта, который разработал и которым руководил Милошевич.

Милошевич, наверное, никогда бы не выразил намерения, что его мишенью являются боснийские мусульмане с целью их уничтожения. Он оставил это другим, в частности, сербским лидерам в Боснии, в

первую очередь Радовану Караджичу, чтобы сформировать общее намерение. В частных беседах, как и в публичных выступлениях, лидеры боснийских сербов не скрывали своих геноцидальных амбиций. Многие доказательства в списке свидетельствуют, что о своих намерениях они информировали международное сообщество, а также Милошевича. Радован Караджич и его помощник Биляна Плавшич сообщили, например, Дэвиду Харленду, тогдашнему руководителю Гражданского отдела ООН в Боснии, о своем намерении присоединиться к этнической чистке боснийских мусульман.[1]

В октябре 1991 года, лишь за несколько месяцев до начала войны, Караджич по телефону излагает свой план нескольким близким соратникам. 12 октября в том же телефонном разговоре он пять раз повторяет, что в случае войны мусульмане должны исчезнуть. «Они (боснийские мусульманские лидеры; цитируется по архивным данным) не понимают, что там будет кровопролитие, и что мусульмане будут уничтожены. Эти бедные мусульмане не видят, куда их ведет лидер и что он приговорил их к исчезновению. (...) Они исчезнут, эти люди исчезнут с лица земли, если по-прежнему будут продолжать (требовать независимости после распада Югославии, а не примут присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии, как этого хочет Караджич; цитируется по архивным данным). Их единственным шансом избежать этого было принять то, что мы им предложили. Это и так уже слишком много, мы предложили им слишком много!»

В другом телефонном разговоре, 15 октября 1991 года, Караджич снова заявляет об истреблении боснийских мусульман в случае войны. «Прежде всего ни один из их лидеров не останется в живых. За три-четыре часа все они будут убиты. У них не будет никаких шансов на выживание». В тот же день, в своей знаменитой речи перед Скупщиной Боснии и Герцеговины в Сараево, Караджич открыто угрожает мусульманам, которые исчезнут, если не согласятся с присоединением Боснии к Сербии.

[1] В бывшей Югославии Мусульмане (с заглавной буквы) были одним из шести составляющих народов. Они происходят от славянского сообщества, исламизированного во времена Османской империи. В конце войны, в 1995 году, они были переименованы в боснийцев. Благодаря использованию названия «боснийские мусульмане» во всех документах МТБЮ, в этой книге это название используется чаще, чем официальное название «боснийцы».

Боснийские службы до и в начале войны записали сотни телефонных разговоров между Караджичем и сербскими националистическими лидерами. Записи откроют общественности десять лет спустя на процессе Милошевича в МТБЮ. Но великим державам уже давно известно содержание этих разговоров. Скорее всего, их предупредили почти сразу же власти в Сараево, которые просили о помощи в предотвращении конфликта. Еще до растущей угрозы распространения войны, которая бушевала в Хорватии, западные правительства осенью 1991 года внимательно следили за развитием событий в Боснии и Герцеговине. Они не могли не знать о преступных планах Караджича и его окружения, так как о них говорилось неоднократно. Но проект этнически однородного государства, разработанный в условиях смешанного населения, должен был предусматривать исключение каких-либо групп, которые не отождествлялись с сербской. Конкретные положения данного проекта были сформулированы Караджичем и его партией СДС еще до конфликта, а также вооружения сербов в Боснии и перехода ЮНА на сторону боснийских сербов. Караджич и его партия не скрывали, еще до конфликта, что главной мишенью будут боснийские мусульмане, которые считались врагами, теми, с которыми они не смогут найти общую точку зрения на будущее Боснии и Герцеговины, подобно тому, как нашли с хорватами. Теми, само существование которых препятствует ликвидации Боснии и Герцеговины и ее разделению между Сербией и Хорватией. В перехваченных разговорах того же периода упоминаются постоянные контакты с одним французом, «посланником Миттерана», который приезжал к Караджичу в Сараево и к Милошевичу в Белград узнать о ситуации и намерениях сербов. Об этом посланнике, имя которого Франция так никогда и не назвала, говорили с большим уважением как о человеке, которого можно использовать для своих целей. Париж знал, что сербские националисты намерены утопить Боснию и Герцеговину в крови, чтобы разделить тесно сплоченные сообщества, а отторгнутые территории собрать в единое сербское государство.

Во время войны сербы установили новые коммуникационные сети, связывающие их с Белградом. С тех пор боснийцы больше не в состоянии были продолжать подслушивание. Западные спецслужбы вскоре заменили их различными способами: разведчики на земле, радиолокационное наблюдение и т. д. В то время великие державы не

используют эту ценную информацию, чтобы изменить свою политику в отношении Балкан и попытаться предотвратить или остановить, как можно быстрее, реализацию преступного плана, о котором знают почти все. Когда Прокуратура МТБЮ в 1994 году открыла первое расследование, они не сочли нужным передать эту информацию. Как и позднее. Эти уникальные сведения, для поиска которых Прокуратура потратит так много лет, впоследствии будут преданы забвению. Напротив, уже в 1994 году Сараево представит Грэму Блуитту и прибывшим первым сотрудникам Прокуратуры перехваченные разговоры с начала войны. Прокуратура в течение длительного времени будет ими пользоваться для пополнения списка по Караджичу и местным лидерам, которые в своих общинах проводили политику этнической чистки. Именно эти первые перехваты раскрывают отношения с Белградом и влияние Милошевича на руководство боснийских сербов. Но это было время, когда Грэм Блуитт и большая часть Прокуратуры отрицают причастность Белграда. В расследовании по делу Милошевича нужно будет ждать открытия части по Боснии в 2001 году, чтобы, наконец, в полной мере ими воспользоваться.

Доказательства, которые тяжко обвиняют

В мае 1992 года, в ходе 16-й сессии Скупщины боснийских сербов, Младич предупредил: «Мы не можем ни очистить, ни отсеять всех, чтобы отделить сербов от остальных и оставить только сербов, а других вынудить уйти. Я не знаю, как господа Караджич и Краишник объяснят это миру. Эй, люди! Это был бы геноцид...» Караджич отвечает: «Что нам делать, если мы получим страну, где мы находимся в меньшинстве? Что мы должны делать, если нас опять будут убивать, и если наши враги все еще будут в нашей стране? Европа не будет и не хочет взять на себя риск создания здесь исламского государства. Это наша самая большая проблема. Они хотят, чтобы мы оставались с хорватами, объединенные в одном государстве Боснии, чтобы мы контролировали мусульман». Тогда слово берет Драган Калинич, один из главных помощников Караджича: «Зная наших врагов (боснийских мусульман; цитируется по архивным данным) и их предательство, и до какой степени им нельзя верить, пока они

не будут физически, в военном отношении, уничтожены и стерты с лица земли, что, естественно, предполагает удаление и ликвидацию ключевых людей, не колеблясь, выбираю первое решение – война...»

На другой сессии Скупщины 20 июля 1993 года Караджич обещал «кровопролитие» в Сребренице, одном из немногих очагов сопротивления, избежавших огромной волны этнической чистки, которая уже весной 1992 года стерла с карты мусульман, некогда преобладающее население на востоке Боснии, на территории, которую от Сербии отделяет река Дрина. Сербы не успели занять анклав в конце зимы, и эта зона находится под охраной Организации Объединенных Наций. С тех пор они терпеливо готовят новую атаку. Караджич снова в 1994 году перед представителями боснийских сербов упоминает о судьбе мусульманского анклава восточной Боснии: «Если международное сообщество поступает с нами, как с животными, мы будем вести себя, как животные». 4 июля 1994 года силы генерала Младича, развернутые в восточной части Боснии, получают первые директивы из своего генерального штаба: «Мы должны продолжить поставки оружия, обучить и подготовить армию для выполнения этой важной миссии - изгнания мусульман из анклава Сребреница. Мы должны двигаться вперед. Мы должны сделать невыносимыми условия жизни врага, а его временное пребывание в анклаве невозможным». 8 марта 1995 года Караджич официально одобряет инструкции для армии Младича и подписывает директиву № 7: «С помощью спланированных и хорошо подготовленных боевых операций необходимо создать невыносимую ситуацию полной безнадежности с тем, чтобы у жителей Сребреницы и Жепы не осталось никакой надежды на выживание или дальнейшую жизнь». Мирослав Деронич, глава общины Братунац, соседней с общиной Сребреница, организатор крупномасштабной этнической чистки в 1992 году, сообщил на суде, что ему сказал Караджич 9 июля 1995 года: «Мирослав, все они должны быть убиты (...), все, кого удастся схватить». 13 июля 1995 года, когда анклав пал, полковник Любиша Беара подтверждает слова Деронича: «Я получил приказ сверху, приказ от руководителей убить всех пленных».

После резни в Сребренице Караджич объясняет 15 октября 1995 года Скупщине боснийских сербов: «Как главнокомандующий, я принимал участие в планах, касающихся Жепы и Сребреницы, особенно Сребреницы. Я лично просматривал планы, и так, чтобы об этом не

узнали в (у Младича; цитируется по архивным данным) Генеральном штабе. Случайно я встретил генерала Крстича и посоветовал ему идти на Сребреницу и объявить о падении города, прежде чем мы сможем выгнать турок через лес (как, например, об этом публично заявил Младич 11 июля; цитируется по архивным данным). Я одобрил эту радикальную миссию, и у меня нет никаких угрызений совести по поводу того, что я сделал». На встречах 11 и 12 июля 1995 года в гостинице «Fontana» в Братунаце Младич угрожает гражданским представителям Сребреницы: «Мусульмане могут выбирать между выживанием и небытием. Понимаете ли вы, что судьба вашего народа находится в ваших руках, и не только на этой территории?». Младич требует капитуляции боснийских мусульманских сил, бежавших через холмы, чтобы избежать судьбы, которая им уготована. Его собеседника, Несиба Манджицу, спасли голландские «голубые каски», а восемь тысяч мужчин и мальчиков из анклава были казнены. Только женщинам, детям и старикам был дан шанс на выживание при условии, что они не будут оказывать сопротивления во время депортации. Некоторые из них все же будут убиты. МТБЮ через несколько недель обвинит Караджича и Младича в геноциде. В течение двенадцати лет МТБЮ тщетно требует их ареста.

Ни один из перехваченных разговоров между Милошевичем и Караджичем среди тех, что переданы в МТБЮ, явно не относится к геноциду. Но Милошевич не мог не знать о геноцидальных намерениях Караджича в Боснии с учетом их тесных отношений. Прокуратура в Гааге реконструировала связи, которые соединяют президентский дворец с полями смерти, через его влияние на Караджича и Младича. Это доказывает, что Милошевич принимал непосредственное участие в разработке стратегических целей совместной преступной деятельности в Боснии.

12 марта 1993 года Милошевич информирует членов Высшего совета обороны об инструкциях, данных Караджичу: «Я сказал Радовану, чтобы он совершил радикальные шаги для того, чтобы сохранить территорию на левом берегу реки Дрина и коридор на севере для того, чтобы сцеплялся каждый квадратный метр в районе Сараево». Милошевич контролировал Младича и Караджича. Несмотря на разногласия, особенно за столом переговоров, где Караджич отказывался от любого компромисса, связанного с территорией, Милошевич

и далее до самого 1995 года осуществлял влияние на этих двух лидеров боснийских сербов. Доказательства, представленные на суде, свидетельствовали о подчиненности Младича Милошевичу. Хозяин в Белграде контролировал де-факто все силы сербской армии: армию Белграда и ее продолжения в Боснии и Хорватии. Для Белграда эти три армии были одной и той же армией, обязанной реализовывать политику этнической чистки. Они финансировались из одного и того же бюджета и зависели от одних и тех же политических властей, которые должны были принимать решения о финансировании, выплате вознаграждения, присвоении званий, перемещении личного состава, материально-техническом обеспечении и стратегических планах. Но эта верховная власть являлась не чем иным, как Высшим советом обороны, расположенным в средоточии властей Белграда. Доминирующее положение Милошевича в ВСО делало его шефом Младича. Младич и его сотрудники сами говорили: «Мы не принимаем заказов от Караджича». А начальник Генерального штаба в Белграде Момчило Перишич подтвердил это в апреле 1995 года, накануне резни в Сребренице: «Мы оказываем большее влияние на них, чем Караджич, целью которого является поглотить как можно больше офицеров, являющихся членами его партии СДС, чтобы оказывать влияние на армию. А Младич просто хочет этому помешать». Но Караджич прежде всего был нужен для совершения геноцидальных намерений, директив и взятия де-юре на себя роли верховного главнокомандующего силами, которые он де-факто не контролирует и тем самым позволяет Белграду снять с себя всякую юридическую ответственность. Однако только в штаб-квартире в Ужице, военном центре на западе средней Сербии, было спланировано и подготовлено наступление на Сребреницу в координации с Ратко Младичем и Момчило Перишичем и в соответствии с директивами политической власти в Белграде. Отсюда огромная ответственность государства Милошевича за геноцид в Сребренице.

Кроме армии, Милошевич де-юре курировал крупные сербские полицейские силы, регулярные и специальные, которые также участвовали в преступлениях в Боснии. По просьбе Милошевича некоторые специальные подразделения обеспечивались исключительными финансовыми и материально-техническими средствами, например, знаменитые «красные береты», настоящие эскадроны смерти на служ-

бе Милошевича и его преступного проекта. Видеозапись, сделанная в их закрытом лагере Кула, на север от Белграда, 4 сентября 1997 года по случаю шестой годовщины этого пресловутого подразделения, показывает командира Живоина Ивановича, произносящего тост за здоровье Милошевича, который прибыл, чтобы провести смотр своих войск: «На службе у главы государства!» Затем Йовица Станишич, руководитель Службы государственной безопасности, правая рука Милошевича для грязной работы, добавляет: «Господин президент, все, что мы сделали, мы сделали с Вашего согласия и информируя Вас». 9 июля 1995 года после встречи с Йовицей Станишичем, который был направлен Милошевичем к сербскому руководству в Боснии, Караджич говорит Мирославу Дероничу, что все мусульмане из Сребреницы, которые прибудут в его общину после захвата этого анклава, должны быть убиты. Накануне помощник Станишича Франко Симатович был в Боснии, во Власенице, Генеральном штабе сербских сил, которые два дня назад начали наступление на Сребреницу. 13 июля, в самый разгар резни, военачальник югославской армии Момчило Перишич отдал приказ о переброске тридцати своих офицеров в Боснию. 15 июля они прибыли в район Сребреницы и поступили в распоряжение Младича. Белград снова подготовил и облегчил реализацию плана, обеспечив заранее, чтобы его люди, которые будут участвовать в преступлениях, находились под юрисдикцией боснийских сербов, чтобы потом можно было отрицать какую-либо причастность к этому Сербии и ее всесильного шефа.

Чтобы доказать непосредственное участие Милошевича в геноцидальном плане, особенно при его реализации в Сребренице, Прокуратуре еще не хватает одного-двух видеосюжетов, продемонстрированных впоследствии на заседании 1 июня 2005 года и показывающих «Скорпионов», второй эскадрон смерти, созданный Управлением государственной безопасности Сербии и развернутый вокруг Сребреницы во время резни, как тот по очереди уничтожает шестерых молодых мусульман из этого анклава.[1] Доказательства, которые в начале 2005 года получили следователи МТБЮ, подтверждают принадлежность «Скорпионов» к Министерству внутренних дел Сербии. Военные би-

[1] Жертвами были жители Сребреницы: Йусо Делич (16 лет), Азмир Алиспахич (17 лет), Сафет Фейзич (17 лет), Дино Салихович (20 лет), Смеил Ибрахимович (35 лет) и Садик Салкич (36 лет).

леты, расписание боевых действий, порядковые номера, наконец, медицинские справки армии боснийских сербов для тех, которые были ранены при проведении операций, сделали возможным навсегда отбросить любые сомнения в прямой ответственности Милошевича за геноцид в Сребренице, что большая часть Прокуратуры, как и западные правительства, постоянно отрицала.[1] Направленные в Боснию за десять дней до начала наступления на Сребреницу «скорпионы», как и все полицейские и военные подразделения, которые прибыли из Сербии, в момент совершения преступления поступали под командование местных военных властей, чтобы скрыть непосредственное участие Белграда. Франко Симатович, командующий спецоперациями в Министерстве внутренних дел Сербии, однако, находится в Боснии, всего в двух часах езды от Сребреницы, в главном центре специальных подразделений на Яхорине - горе, возвышающейся над Сараево.

Оригиналы протоколов ВСО и Совета по политическому согласованию, инстанции, в которую входят лидеры из Боснии и Белграда, свидетельствуют, что Милошевич требовал, чтобы его службы ежедневно информировали о ситуации в Боснии и что у него были специальные телефонные линии, по которым он в любой момент мог связаться с Караджичем и Младичем. Они также свидетельствуют о том, что Милошевич в 1995 году продолжает следить за развитием событий в Боснии, особенно перед, во время и после резни в Сребренице, и что по крайней мере один раз в течение этого периода звонил по телефону Младичу. Отсюда проистекает непрерывность геноцидальных намерений Милошевича. Большое количество встреч на высшем уровне свидетельствует о молчаливом согласии Милошевича на зверства, которые начинают творить в Сребренице различные силы, которые затем собираются под командование Младича при поддержке и контроле Милошевича.

В геноцидальных намерениях обвиняют не только того, кто планировал или заказывал геноцид, но также может быть обвинен любой человек, который мог предвидеть геноцидальные намерения своих союзников и который, благодаря власти над ними, обладал полномочиями, чтобы предотвратить их реализацию, но не сделал этого. В связи с этим Прокуратура дополнительно представляет второй уровень

[1] Апелляционная палата МТБЮ подтвердила, что преступления, совершенные в Сребренице, подпадают под определение геноцида. Дело Радислава Крстича, апелляционное производство, МТБЮ, 16 апреля 2004 года.

ответственности Милошевича за геноцид. Многие международные свидетели, такие, как Уэсли Кларк, военный советник в американской переговорной команде, британский генерал Руперт Смит, командир «голубых касок» в Боснии, или американец Дэвид Харленд из Департамента по гражданским делам ООН в Боснии подтвердили, что Милошевич был проинформирован о намерении лидеров боснийских сербов совершить крупномасштабную резню в Сребренице. Между тем благодаря своему влиянию и иерархической власти он был в состоянии не допустить этого. На совещании 17 августа 1995 года в Белграде Уэсли Кларк спросил Милошевича, который уверял его в том, что уполномочен вести переговоры о мире от имени боснийских сербов и гарантировать, что в конечном итоге возможный договор должен уважаться: «Господин Президент (...), если у Вас есть такое влияние на сербов в Боснии (...), как же Вы позволили Младичу убить всех этих людей в Сребренице?» Милошевич ответил: «Эх, генерал Кларк, я советовал ему не делать этого, но он меня не послушал». Три шифрованных сообщения, датированные 11 июля 1995 года, свидетельствуют о том, что Милошевич был проинформирован о ситуации в Сребренице и что он мог предвидеть геноцидальные намерения своих союзников. В одной депеше уточняется, что «армия боснийских сербов, скорее всего, будет отделять мужчин, которые достаточно стары, чтобы воевать, от остального населения, а силы UNPROFOR не смогут ни в чем помочь. Практические трудности, с которыми придется столкнуться армии боснийских сербов, чтобы контролировать сорок тысяч человек, без сомнения, вынудят ее не продлевать тяжелые условия жителей Сребреницы». Между тем заседания ВСО после резни в Сребренице свидетельствуют о том, что Милошевич одобряет зверства. Он ни разу не осуждает кровопролития. Напротив, поздравляет Младича с военными успехами и небольшим количеством человеческих потерь, понесенных им, и признается, что был в контакте с Младичем во время нападения на Сребреницу и Жепу. После падения Сребреницы он говорит по телефону Ратко Младичу в присутствии Момчило Перишича: «Ратко, можешь ли ты измерить цену своей военной победы? Цена пять убитых, двадцать раненых и одно уничтоженное транспортное средство. Это недорого. Но политическая цена может быть в миллион раз больше, если это ставит под угрозу интересы двенадцати миллионов людей (имеется в виду сербский народ;

цитируется по архивным данным)». Милошевич тогда боится, что великие державы откажутся признать его новые завоевания. Но оказывается, что вскоре за столом переговоров он получает подтверждение того, что анклавы Жепа и Сребреница будут принадлежать сербам. 14 августа 1995 года он обращается к своим соратникам с такими словами: «Они (Младич и его люди; цитируется по архивным данным) заняли Жепу, куда никогда не ступала нога ни одного серба. Спрашиваю: хотя бы один сербский торговец когда-нибудь ступил туда ногой со времен Второй мировой войны, потому что это уже более ста лет мусульманский анклав ?» 25 августа на встрече на высшем уровне с лидерами боснийских сербов в Белграде он сообщает, что не должен возвращать анклав, который будет «присоединен без борьбы» к сербской территории. 25 августа, за несколько недель до начала мирных переговоров в Дейтоне, Милошевич добавляет: «Если мусульмане откажутся от мирного соглашения, им будет сказано, что они останутся одни с дамокловым мечом над их головами в виде генерала Младича». Младича, который присутствовал на заседании, все члены Высшего совета обороны приветствовали как героя. Милошевич, не колеблясь, поздравляет всех с тем, что, по его мнению, «честно» совершили Младич и его офицеры. Милошевич не только одобрял, но также присоединялся к намерению совершить геноцид, никогда не пытаясь его предотвратить, что влечет за собой уголовную ответственность.

Победа Карлы дель Понте

Прокуратура до конца колебалась, блуждала, терялась в лабиринтах истории, искаженной предрассудками, невежеством, плохими намерениями, преднамеренным замалчиванием и ложью тех, кто не хочет признаваться. В конце концов, факты сказали сами за себя, помимо всех ожиданий. Но без вмешательства специалистов по геноциду, привлеченных в последнюю минуту, эти факты, может быть, не раскрыли бы всех секретов, которые так тщательно скрывали Джеффри Найс и часть его команды. «Не веря в виновность Милошевича за геноцид в Сребренице, Найс передал Трибуналу доказательства, которые не обвиняли его безоговорочно в геноциде. Вместо того, чтобы убедить судей в безоговорочной ответственности Милошевича за

геноцид, он пытался убедить Карлу дель Понте прекратить процесс и изолировать Дермота Грума, несмотря на то, что американский прокурор отвечал за часть обвинительного акта по Боснии. Вместо того, чтобы помочь Трибуналу в поисках истины, Джеффри Найс встрял в игру великих держав».[1]

В среду, 16 июня 2004 года, судьи приняли решение. Они считают, что получили от Прокуратуры достаточно доказательств, чтобы оставить все шестьдесят шесть пунктов обвинения, среди которых обвинение в геноциде и обвинения по Сребренице и Сараево. В этом первоначальном судебном решении судьи написали: «О геноцидальных намерениях лидеров боснийских сербов можно сделать вывод, исходя из всех элементов обнаруженных доказательств. Масштабы и характеристики атак, их интенсивность, большое количество мусульман, убитых в семи общинах, аресты мусульман, насилие, от которого они пострадали в центрах содержания под стражей и других местах, а также устранение лиц, которые выступали за выживание мусульман как этнической группы, - все это является факторами, которые характеризуют геноцид». А затем добавляют: «Судебная палата может быть уверена, вне всяких разумных сомнений, что обвиняемый участвовал в совместной преступной деятельности, которой занимались лидеры боснийских сербов, и что он имел с ними общую цель и намерение уничтожить часть мусульманского населения Боснии как группу с учетом власти и влияния, которое Милошевич оказывал на лидеров боснийских сербов по причине его глубокого знания всех принятых мер и всего, что отправлялось на фронт, для материально-технической и финансовой поддержки сербов в Боснии и тесных связей между ар-

[1] Джеффри Найс признался, что в молодости работал в британских разведывательных службах. В интервью в начале мая 2007 года сараевскому еженедельнику «Dani» («Дни») Азем Власи, бывший высокопоставленный албанский чиновник из Косово, которого Джеффри Найс намеревался пригласить в качестве свидетеля по делу Милошевича, сообщил, что британский заместитель прокурора был агентом MI-6. Во время одной из встреч в Белграде Джеффри Найс хвастался тем, что для британских спецслужб выполнил одну миссию в бывшей Югославии во время громкого Брионского пленума в июле 1966 года, на котором произошло смещение шефа югославских спецслужб серба Александра Ранковича. Найсу тогда был двадцать один год. Источник: Азем Власи, Косово будет независимым, Сенад Печанин, «Dani», № 516, Сараево, 4 мая 2007 года.

мией в Белграде и армией сербов в Боснии». И в заключение: «Обвиняемый знал о геноцидальных планах совместной преступной деятельности и совместно с ее участниками имел намерение уничтожить часть мусульманского населения как группы на территориях Боснии и Герцеговины, которые планировалось присоединить к сербскому государству». Кроме того, «Милошевич знал или должен был знать, что некоторые лица, которые подчинялись ему в иерархическом порядке, готовятся совершить или совершили геноцид против части мусульманского населения в качестве этнической группы в Брчко, Приедоре, Санском Мосту, Сребренице, Биелине и Босанском-Нови, и не принял необходимых мер для предотвращения совершения преступлений или наказания зачинщиков».[1]

Истинное лицо Слободана Милошевича

Во время процесса защита не протестовала против основных утверждений обвинения. Милошевич не пытался оспорить обвинение в геноциде, об этом он полностью умалчивал, за исключением случаев, если мог обернуть это против НАТО. Он более охотно предпочитал политические экскурсы, постоянно ускользал от обвинения, использовал свое право отвода, чтобы поколебать свидетелей, и чаще всего отклонялся от темы. Поэтому он, в первую очередь, с самого начала своего процесса не стал отрицать свое положение обвиняемого и начал защищать сербские националистические интересы более, чем самого себя. Таким образом, он выдвигает обвинение в международном заговоре против сербского народа, становится обвинителем Запада независимо от конкретных фактов, которые Прокуратура ставит ему в вину и которые могут подтвердить выжившие свидетели. Он забывает отвечать на обвинения, выдвинутые против него, не обращая внимания на последствия того, что судьи должны учитывать совокупность доказательств, представленных с обеих сторон. Его по-

[1] Решение по ходатайству об оправдании по статье 98-бис, 16 апреля 2004 года, «дело Милошевича», МТБЮ. Мы предупреждаем, что публичная версия решения очищена от представленных доказательств за закрытыми дверьми или показаний тех, кто находится под специальными мерами защиты, особенно в некоторых частях архивов Высшего совета обороны.

лем боя является политика, а справедливость он хочет поставить над ней. Джеффри Найс, который наблюдал за ним около тысячи восьмисот часов дебатов, сколько продолжался процесс, замечает во время встречи с посетителями Прокуратуры: «Вначале Милошевич был не в состоянии провести перекрёстный допрос. Затем он получил советы и быстро научился. Было удивительно смотреть, как он действует, каждый раз одним и тем же способом. Перекрёстный допрос всегда начинался политическими комментариями, после этого судьи просили сосредоточиться на вопросах, поднятых главным расследованием, тогда он спорил о времени, которое ему выделено, и дальше говорил не по теме, используя речь, которой он должен был защищать свои тезисы. Когда истекало время, которое было у него в распоряжении, он подчеркивал, что у него остается большое количество вопросов, которые он должен задать. Тогда судьи разрешали ему продолжать, и он в эти последние десять-двадцать минут задавал вопросы, какие бы задавал хороший адвокат защиты. Целью Милошевича всегда была задержка процесса, так что он всегда ждал последней минуты, чтобы задать вопросы, которые могли бы повлиять на убеждение судей».

Милошевич умер 11 марта 2006 года, за десять дней или за сорок часов дискуссий перед завершением фазы защиты. Никто и никогда, без сомнения, не узнает, собирались ли судьи подтвердить или нет свое решение от 16 июня 2004 года и осудить Милошевича за геноцид или соучастие в геноциде. В любом случае, протоколы Высшего совета обороны много бы потянули на весах правосудия.

Процесс, хотя и незаконченный из-за его смерти, обнажил Слободана Милошевича. Некоторые сравнивают его с Гитлером, сербская оппозиция охотно называла его Саддамом. Он не был ни тем, ни другим. Тем не менее он решал судьбу миллионов людей в бывшей Югославии, которые до сих пор с мучением стирают знаки этих нечестивых деяний. Так как они не были сербами и тем самым рушили его планы, им давался выбор между пассажирским чемоданом и массовыми захоронениями. Балканский мясник запустил преступный механизм, у которого никогда не было штурвала. Он напрасно притворялся перед международным сообществом, которое постоянно просило его успокоить преступные страсти своих собратьев в Боснии и Хорватии, что играет роль модератора, когда сам в то же время выделял им средства, чтобы десятикратно раскалить эти страсти. Он создал систему ширм,

за которыми скрывал сербскую армию в Боснии и Хорватии, военизированные группы, специальные подразделения своей полиции, которые меняли знаки различия, когда они появлялись на различных полях сражений, а также секретные счета, фиктивные фирмы, разбросанные по всему миру, чтобы продолжать снабжать оружием и топливом военную машину. Сосредоточил всю власть в центре или действовал через доверенных лиц для того, чтобы лучше замести следы, минимизировать свою ответственность, сделать ее почти незаметной. Дорогу, которая ведет с полей смерти в его дворец, он превратил в настоящий лабиринт. Международное общественное мнение быстро нашло кратчайший путь и в подавляющем большинстве поняло, что он дергает за все ниточки. Западные официальные лица тоже это поняли, но молчали, опасаясь, что не договорятся с кровожадным президентом, с которым ведут переговоры вместо того, чтобы тушить пожар.

Ложь и отрицание были его главным оружием, тем, что всегда сопровождает массовые преступления. Но международные дипломаты по-прежнему делали вид, что могут призвать его к разуму. Они уже давно допускали, что их перехитрит этот человек и его власть. Они признавали его истинную харизму, силу обаяния, а также ум. Чаще всего изображали его как решительного, но галантного человека, любителя виски и хороших сигар, неутомимого переговорщика. Мало было тех, кто осуждал его цинизм. Во время своего процесса Милошевич продолжил эту двойную игру. По мнению международных свидетелей, он умел демонстрировать определенную скромность, даже когда пытался отвести свидетеля.

Милошевич вкусил запах власти и знает, как управлять ею. По словам свидетелей-жертв, сельских жителей, которых когда-то захватила его военная машина, они обеспокоены встречей с ним лицом к лицу без посредников; он, который сам себя защищает, демонстрирует презрение, ловко использует страх, который все еще вызывает, даже сейчас, когда он потерял власть и свободу, - некоторые свидетели будут даже уходить из зала суда, не дожидаясь вызова. К своим бывшим сотрудникам, которые приходят, чтобы свидетельствовать против него, он обращается то на «ты», то на «вы», в зависимости от положения, которое они когда-то занимали, и их способности ему навредить, в зависимости от того, хочет ли он повторно установить их в подчиненном положении, дабы ими было легче манипулировать, или, наоборот, стремится

приручить, ставя в один ряд с собой.[1] К президенту Судебной палаты Милошевич всегда обращается «господин», никогда «председательствующий» или «Ваша честь», как и тот не обращается к нему как к бывшему главе государства. Милошевич оценивает своих противников и, как большой мастер манипуляции, выстраивает свое поведение в зависимости от этой оценки. Даже в заключении МТБЮ он не перестал действовать осторожно по отношению к персоналу, интересуясь здоровьем их семей, чем хочет обеспечить внимательное отношение к себе. От других заключенных требует обращаться к нему не иначе, как «господин президент».

Совершенно другим был Милошевич, когда находился где-то в другом месте, за другими закрытыми дверями, за кулисами власти, там, где ни общественность, ни дипломаты не могли его видеть. Перехваченные телефонные разговоры, продемонстрированные на процессе 2004 года, показывают грубого человека без угрызений совести. Это не тот Милошевич, которого обожали сербские националисты, не уравновешенный человек, как говорят о нем его международные собеседники, но человек крайностей. Как 11 июля 1991 года, когда по телефону он рассказывает о встрече с немецким дипломатом: «Тогда посол спросил, как это так, что у сербов в Хорватии есть оружие? Я ему отвечаю: ‘Подожди, человече, у сербов всегда было оружие, мы как народ никогда не были разоружены’ (Смех). А этот бессвязный п…, знаешь, что мне говорит? ‘Да, но, кажется, у них есть и минометы. (...)’ Чего эта обезьяна ждет от меня? Что я скажу ему, что это я их дал? Ха-ха-ха...» Бранное слово в каждом предложении, – это Слободан Милошевич, тогдашний президент Сербии, всесильный поджигатель войны, унесшей около двухсот тысяч жизней в центре Европы, в которой только что пала Берлинская стена и которая снова поверила в то, что мир достижим. На другом конце линии Радован Караджич, который, как и положено подчиненному, обращается на «вы», избегает ненормативной лексики и, из уважения, демонстрирует необычную сдержанность. Слободан Милошевич - простой и циничный, холодный и грубый. Теневой режиссёр драмы, который не довольствуется

[1] В отчетах о судебных заседаниях на английском языке удалена игра с «ты» и «вы», которую вел Милошевич, а французская электронная версия, однако, не изменилась, как и перевод на сербский язык, который находится на сайте белградской неправительственной организации «Центр гуманитарного права», www.hlc.org.yu

только отдачей неявных приказов, но и явно заказывает преступления. Иногда отдает приказы об убийстве своих противников в самой Сербии. В конце августа 2000 года тело бывшего президента Сербии Ивана Стамболича, который ввел его в политику, живьем залили негашеной известью личные телохранители. «Милошевич мне неоднократно говорил, что оппозиция – это толпа бродяг, которую нужно взорвать на одном из митингов (...), нужно удалить Стамболича, потому что он представляет опасность. Тогда задание было поручено Милораду Улемек-Легия, который пришел в мой офис, чтобы сказать, что Милошевич вменил ему в обязанность устранить Стамболича».[1] В марте 1999 года Милошевич лично заказал секретный перенос уже разложившихся тел своих албанских жертв из Косово в окрестности Белграда, и одним из тех, кто организовывал их перезахоронение, был не кто иной, как Здравко Толимир, который осенью 1995 года руководил сокрытием тел боснийских жертв из Сребреницы, разбросанных по сотням временных захоронений вдоль реки Дрина. Но западная дипломатия продолжала рассматривать Милошевича, в первую очередь, в качестве Посредника. Он стал ее главным советником. По словам одного из следователей МТБЮ, который отбирал показания, в сознании большинства дипломатов и военных, которые выстраивались в очередь в кабинет Милошевича в июле 1995 года, он рассматривался как «единственный человек, к которому международное сообщество может обратиться за помощью и советом, как повлиять на боснийских сербов». Карл Бильдт, который встречался с Милошевичем 14 июля 1995 года сразу после ухода Младича из его кабинета и во время все еще продолжающейся резни в Сребренице, вспоминает: «Милошевич пытался помочь, так как у него были сведения о недавних убийствах, он был возмущен, и я не могу поверить в то, что он мог быть замешан в резне».

Вице-президент США в период правления Билла Клинтона Ал Гор был вынужден предупредить бывшего премьер-министра Швеции, который стал посредником Европейского Союза и который не

[1] Свидетельство Раде Марковича, главы Сербской службы государственной безопасности в 1999 году, перед белградским следственным судьей 11 апреля 2003 года. Член «красных беретов» Милорад Улемек-Легия был приговорен в Белграде к сорока годам тюремного заключения за убийство Зорана Джинджича, сербского премьер-министра, 12 марта 2003 года.

хотел видеть ничего, кроме лица Милошевича, предназначенного для публики. На встрече в Белом доме, в первые дни августа 1995 года, менее чем через три недели после резни в Сребренице, Карл Бильдт и Ал Гор проводят очень интенсивный обмен мнениями. Швед рекомендует американцам полагаться на Милошевича, который в конце июля заявил о своей воле содействовать мирному соглашению по Боснии и Герцеговине: «Милошевич был главным сербским союзником (международного сообщества; цитируется по архивным данным) и прилагал все усилия для достижения мира за последние два года». Вместо ответа Ал Гор прочитал ему отрывок из перехваченных телефонных разговоров, в которых Милошевич отдает приказания Младичу во время операций в Сребренице. «Забудьте об этом, но знайте, что Милошевич никогда не был другом Запада», – говорит официальный американский представитель.[1] Представители Запада не обманываются, но предпочитают все отрицать. До самого конца.

Прокуратура тщетно ищет оригинальные протоколы этой встречи в Белом доме. Ни Ал Гор, ни Карл Бильдт, ни Михаэль Штайнер, немецкий участник переговоров, ни француз Ален Дежамме, ни британка Полин Невилл-Джонс, которые присутствовали на этой встрече, не желают давать показания в МТБЮ. Ал Гор не получил зеленый свет от американских властей, европейцы утверждают, что они не помнят! С января 2002 года Карла дель Понте просит американцев передать ей перехваты разговоров между Белградом и лидером боснийских сербов во время событий в Сребренице, которые имеются в их распоряжении. Она знает, что эти записи существуют. Администрация Клинтона, не желая военного вмешательства после Сомали, хочет сохранить положение сверхдержавы на международной арене и развивать отношения сотрудничества. На Балканах возможность подслушивания предоставлена некоторым местным службам. В начале 1995 года ЦРУ оборудовало две секретные базы в Хорватии, откуда можно перехватывать телефонную связь на значительной части территории бывшей Югославии.[2] Но Вашингтон не реагирует,

[1] Новые факты, относящиеся к этой встрече, собраны автором. До сих пор цитировалось только заявление Алберта Гора по: Сребреница, зона «безопасности», Приложение II, раздел 5, пункт 5, Доклад Нидерландского института военной документации, НИОД, Амстердам, 1 апреля 2002 года.

[2] Малич Гордана, ЦРУ подслушивало Младича, Глобус, Загреб, 6 января 2006 года.

и требования остаются безответными. Карла дель Понте отправляется в Париж. Генерал Жан Анри вспоминал в 2001 году о существовании записей телефонных разговоров с миссией французского парламентского расследования по Сребренице. «На месте событий у нас были средства подслушивания, различные технические средства на этой территории, вне ее, вокруг (...) У нас были самолеты, которые также подслушивали, и корабли, иначе говоря, мы присутствовали в одно и то же время на море, в воздухе и на земле», – объяснял он тогда.[1] Министерство обороны вряд ли может отрицать свидетельства бывшего главы Управления военной разведки (DRM). Во время визита в Париж 6 июня 2003 года французские собеседники Карлы дель Понте сказали ей, что «поскольку польза от записей, содержащих стратегическую информацию, непосредственная, Министерство их не хранит». «Можете себе представить, сколько всего мы должны были бы тогда хранить», – говорят они. Министр обороны Мишель Эллиот-Мари прерывает их и обещает проверить. Париж не удовлетворит эту просьбу.

Одна из стран, возникших в результате распада Югославии, передаст часть записей в МТБЮ. В качестве меры предосторожности или под принуждением предоставит их за неделю до 11 июля 1995 года и, вероятно, выберет из них те, которые связаны с подготовкой операции в Сребренице. Полученные расшифровки все же свидетельствуют о регулярных контактах между высшими органами власти в Белграде и Младичем, до и после, а также, без сомнения, во время операции в Сребренице и резни. Младич, в первую очередь, разговаривает с Момчило Перишичем, назначенным в 1993 году начальником Генерального штаба армии в Белграде по рекомендации Милошевича. Но разговаривают между собой и Младич с Милошевичем, и Милошевич с Перишичем.

Попытки сокрытия доказательств

Попытки великих держав скрыть доказательства многочисленны, хотя они, как и страны региона, должны были бы в полной мере сотрудничать с МТБЮ. Источники свидетельствуют, что они уже не поддерживают прямых контактов с МТБЮ, а доставляют некоторые

[1] «Сребреница, доклад о резне». Документы французского парламента, № 3413, том II (Допросы), стр. 183, Париж, 2001.

важные доказательства через третьи стороны, иногда через неправительственные организации, но чаще всего через посольства. В ряде случаев прокуратура установила, что доказательства, предназначенные для нее, не доставлены, поэтому пришлось просить несколько государств и свидетелей, во избежание в будущем посредничества третьей стороны, чтобы эта информация направлялась непосредственно в прокуратуру. В качестве третьей стороны часто выбирают США, которые требуют иногда от некоторых балканских правительств права изучить эту информацию и решить, что можно, а чего нельзя передавать в МТБЮ. Доказательства, прошедшие сквозь сито западных разведок, иногда изменяются или даже сокращаются и в таком виде передаются в прокуратуру, которая не в состоянии раскрыть их подлинное значение. Так было с фильмом о праздновании шестой годовщины «красных беретов», в котором принимал участие Милошевич и все ключевые лица полицейского крыла, что является одним из основных доказательств для установления прямой связи между Милошевичем и преступлениями в Хорватии и Боснии в ходе «процесса Милошевича». Накануне передачи самого фильма страна, которая его добыла, предоставила МТБЮ перевод аудиозаписей. Так как процесс уже начался, этот документ в ожидании самого доказательства должен был быть включен в стратегию обвинения, если это будет сочтено целесообразным. Между тем перевод был изменен, полон примечаний «неразборчиво», с большим количеством искаженных или непонятных имен. Отдельные фрагменты как будто подтверждают некоторые доказательства, но гаагские специалисты были далеки от того, чтобы представить себе, что они обнаружат год спустя, когда видеокассета, наконец-то, была передана в Прокуратуру. Фрагменты, помеченные как «неразборчиво», содержат обзор всех военных операций специальных подразделений полиции Милошевича в Хорватии и Боснии, а также заявления, которые идентифицируют Милошевича как настоящего «крестного отца» этих эскадронов смерти, созданных 4 мая 1991 года вследствие войны. Слышно их командира Милорада Луковича-Легия, бывшего французского легионера, который хвалит эффективность «малых, неприметных единиц, мобильных и смертоносных». И сама картина свидетельствует о присутствии ключевых фигур армии, подчиняющейся Милошевичу, и специальных полицейских сил Сербии. Прокуратура еще раз потеряла более года времени.

6 июня 2003 года Карла дель Понте прибыла в Париж с другими вопросами, которые вызывают ее гнев. «Вы могли бы снова рассмотреть просьбу своих служб, чтобы снять вопросы о предсказуемости резни в Сребренице, которые мы хотим задать генералу Бернару Жанвьеру[1] в ходе его показаний на процессе Милошевича? Это очень важно, потому что я хочу иметь возможность установить ответственность Милошевича за Сребреницу. Но у меня сложилось впечатление, что никто не хочет этому способствовать, когда я вижу, какие трудности возникают у американцев, как только очередь доходит до этого вопроса! Тем не менее представители Запада могли выявить признаки, но кажется, что это именно то, что они хотели бы скрыть». А когда через три года открыто заявила: «Международные силы были в курсе, что (в Сребренице; цитируется по архивным данным) будет совершена крупномасштабная резня, об этом они говорили, но ничего не сделали, чтобы предотвратить ее»,[2] – высказав тем самым резкие упреки в адрес посольств, в том числе США, то вынуждена была забрать обратно свои собственные слова.

Американцы и европейцы сознательно выбрали мир в ущерб истине. После резни в Сребренице и прослушивания телефонных разговоров, которые в то время велись, американская дипломатия в августе 1995 года подготовила доклад, в котором освещаются проблемы, вынудившие США продолжить переговоры со Слободаном Милошевичем. Столкнувшись с жесткой дискуссией, которая ведется в Соединенных Штатах Америки, администрация Клинтона опасается, что за свое бездействие ей придется заплатить политическую цену. Сенаторы и члены Конгресса обвиняют ее в мюнхенском синдроме, сравнивают преступления в Боснии с «наихудшим унижением для западных демократий с 1930-х годов».[3] Даже американский переговорщик Ричард Холбрук публично признает, что кровопролитие в Сребренице видится «самым большим общим провалом Запада с тридцатых годов», забывая при этом геноцид 1994 года в Руанде. Но Белый дом закрывает глаза на проблему, словно следуя формуле Франсуа Мит-

[1] Французский генерал Бернар Жанвьер командовал объединенными силами UNPROFOR в бывшей Югославии в 1995 году во время резни в Сребренице.

[2] Matton Sylvie, «Seule contre tours», Paris Match, 27 октября 2006 года.

[3] По выражению Ньюта Гингрича, спикера нижней палаты американского Конгресса в 1995 году.

терана, который только что отошел от дел после того, как пять лет подряд твердил «от войны войны не ищут» в отношении Балкан. Это определенно отвергает призывы Ширака, новоизбранного президента Франции, занять анклав Сребреница с помощью вооруженных сил США.

«Washington Post» 3 августа 1995 года сравнивает этот отказ с письмом помощника министра обороны США Джона Мак-Клоу, в котором говорится, что бомбардировка Освенцима или общей железнодорожной линии, которая туда ведет, «может вызвать еще более беспощадные ответные действия со стороны немцев».[1] Американское и европейские правительства делают вид, будто бы не знают, кто такой Милошевич, ибо подыгрывают ему, только бы замолчало оружие. Когда был подписан договор о мире, они всеми доступными средствами удерживают МТБЮ от начала преследования хозяина Балкан. Но когда однажды Милошевич был свергнут и брошен в тюрьму, продолжение сокрытия доказательств перед международным правосудием открывает существование некоторых совершенно иных интересов, чем предотвращение возобновления военных действий и защита жизни международных сил по поддержанию мира, развернутых в Боснии и Герцеговине. Обструкция Запада сосредоточилась не только на всем, что касается прямой ответственности Милошевича за зверства в Боснии, особенно Сребренице, но и на предсказуемости резни после падения этого анклава. Так что, нужно полагать, секрет выбора мира за счет пожертвования тысяч жизней, которые мешали рисованию контуров новых политических карт, не нужно искать в решимости великих держав предотвратить появление тревожной истины. Такой несправедливый и преступный выбор ставит под вопрос основы мирных соглашений, заключенных в Дейтоне в ноябре 1995 года.

Многим западным свидетелям их правительства не разрешили давать показания на процессе Милошевича. Дэвид Оуэн, Герберт Окун, Уильям Уокер и другие сидели в ряд на скамье свидетелей, но они во время этих событий представляли международные организации, такие, как ООН, ЕС или ОБСЕ, а не свои правительства. В марте 2002 года Уильям Тафт, бывший юридический советник Государственного департамента, оправдывает перед Карлой дель Понте отказ всех правительств давать показания своим дипломатам: «Конфиденциальность является одним из основных элементов любой дипломатии». Так что на этом процессе очень не хватает основных переговорщиков, которые в течение года десятки раз встречались с Милошевичем, за исключением, пожалуй, Уэсли Кларка, американского генерала, который в 1995 году был первым военным советником в ходе мирных переговоров, закончившихся Дейтонским соглашением, а затем верховным главнокомандующим союзными войсками в Европе во время бомбардировок НАТО Сербии в 1999 году. В конце 2003 года он включился в гонку от Демократической партии на президентских выборах 2004 года, и ему удалось получить зеленый свет от американской администрации для дачи показаний в Гааге. Вашингтон требует показаний за закрытыми дверями, а Прокуратура МТБЮ публичных слушаний. Кларк соглашается. В течение двух дней, т. е. 15 и 16 декабря 2003 года, он свидетельствует за закрытыми дверями в присутствии законных представителей американских властей. В тот же вечер его показания рассматривают американские юридические службы и публикуют с опозданием на сорок восемь часов. Милошевич не задал ни одного неудобного вопроса, Вашингтон не требовал никаких мер секретности. Несмотря на требования прокуратуры, Ричард Холбрук, архитектор Дейтонского соглашения, отказывается следовать примеру Кларка. Ни Кристофер Мейли, тогдашняя правая рука Холбрука, ни другие члены его команды переговорщиков не будут давать показаний на процессе Милошевича.

Первый процесс главы государства перед международным правосудием не мог быть простым. МТБЮ должен был ответить на тройной вызов: процедурный, административный и политический. Речь идет о выяснении индивидуальной ответственности за преступную политику главы государства в течение ограниченного периода времени и с ограниченным бюджетом, сопряженными с преодолением в этот временной период политической блокады. Но «дело Милошевича» было в значительной степени борьбой против желания многих скрыть прошлое: желания обвиняемого, желания Белграда, что является предсказуемым, в сочетании с весьма целенаправленным желанием великих держав. Этот опыт свидетельствует о том, с какими трудностями в будущем придется сталкиваться в уголовных процессах против глав государств. С сопротивлением государства, лидером которого был обвиняемый, осудить преступную политику,

[1] Power Samantha, ibid., стр. 434.

проводимую во имя национальных интересов. С высшими национальными интересами великих держав, также желающих отделить правду, которую хотели бы сказать, от правды, которую лучше всего забыть как знак своего позора.

Великие державы никогда не будут предоставлять каких-либо доказательств, имеющихся в их распоряжении, чтобы позволить правосудию спокойно делать свою работу. Можем себе представить, какой была реакция союзников, когда Роберт Джексон, обвинитель Международного военного трибунала в Нюрнберге, запросил в 1946 году аэрофотоснимки, существовавшие уже к 1941 году, на которых было изображено постепенное строительство железных дорог и лагерей, чтобы доказать предсказуемость истребления и уничтожения евреев в Европе (фотографии были продемонстрированы публике пятьдесят лет спустя), и что их не бомбили. В Ираке видно было желание американских войск ограничить процесс Садддама Хусейна, чтобы тот не очернял Запад. История процесса Милошевича является примером конфликта императива, который диктуют высшие национальные, местные или международные интересы, и императива справедливости. Без ключевых свидетелей и документов Прокуратура МТБЮ должна была преодолевать преграды и бороться с трудностями, пользоваться тем, что у нее было, но иногда ей везло: самые чувствительные свидетели, конечно, никогда бы сами не догадались, что у МТБЮ есть возможности, присущие любой международной инстанции, которыми трудно похвастаться национальным судебным системам, что их переселят в другую страну или выдадут новый паспорт, а иногда дадут и новое имя. Несмотря на все препятствия, МТБЮ, несомненно, доказал свою эффективность. Его успех на практике оказался большим, чем когда-либо. Польза от международного правосудия, а также необходимость постоянного Международного уголовного суда помогут найти средства, чтобы действовать там, где национальные судебные системы воздерживаются от расследования преступлений и определения ответственности. Потому что, судя по всему, страна, главой которой был обвиняемый, не в состоянии в одиночку осудить своего бывшего хозяина, если не имеет желания узнать правду и осудить проект, будь он хотя бы и национальным, для реализации которого совершаются преступления.

Опасности возврата назад

Смерть Милошевича 11 марта 2006 года лишила суд фигуранта по делу. Хотя Милошевич не был признан виновным, но все же он не избежал правосудия. Он умер в тюрьме, его догнало собственное прошлое, он был обвинен в геноциде и преступлениях против человечности в Хорватии и Боснии, где он говорил, что не участвует в «гражданской войне», и Косово, где он утверждал, что законно защищает свою страну от «террористов». Он умер после того, как его отрицание столкнулось с фактами, данными архивов и страданиями жертв, которые пришли дать показания. Даже если и остается чувство незавершенности, этот длинный список преступлений, которые висят на его совести, и упомянутое погружение в механизмы преступной политики, в создании которой он обвинен, в настоящее время зарегистрированы в официальных реестрах одной из международных инстанций и будут вынесены на Суд Истории. Нужно сделать все необходимое, чтобы последствия этого процесса были вечными. Не только с юридической точки зрения, поскольку они представляют большую ценность, но и с точки зрения фактов, знаний, которые имеют важное значение для обществ, уничтоженных разрушительными последствиями массовых преступлений, обществ, которые сегодня должны быть построены заново и которые должны подняться вверх по крутому пути, ведущему к примирению. Но путь еще долог и полон преград. В Белграде на процессе членов подразделения «Скорпионы» не принимали во внимание документы, выданные МТБЮ и доказывающие принадлежность мучителей к Министерству внутренних дел Сербии. Их осудили в качестве гнусных убийц, членов неконтролируемых военизированных подразделений, которые добровольно прибыли принять участие в «гражданской войне, в которой Сербия не принимала участия», а не в качестве участников геноцида в рамках уголовного проекта за счет заказчиков, которые могут быть идентифицированы в высших эшелонах власти, как об этом свидетельствуют документы МТБЮ.

Белград отбрасывает то, что его не устраивает, скрывает улики и думает, что сможет избежать взглянуть правде в глаза, приписывая грехи нескольким козлам отпущения, чьи преступления были настолько реальны, что не могут быть скрыты.[1]

[1] В Сербии осуждены за военные преступления пятеро бойцов из подразделения «Скорпионы». Они приговорены 10 апреля 2007 года за убийства сроком на

Кажется, что в Гааге Прокуратура МТБЮ снова уступает сопротивлению, которое она преодолела во время процесса Милошевича. Момчило Перишича, начальника Генерального штаба армии в Белграде и по должности члена Высшего совета обороны, с 1993 года формально в военной иерархии вышестоящего начальника генерала Младича, будут судить в конце 2007 года за преступления против человечности и нарушения законов и обычаев войны только потому, что он посылал военнослужащих и оказывал материальную, финансовую и материально-техническую поддержку во время взятия Сребреницы. Этот случай угрожает игнорировать надлежащую роль политического и военного руководства из Белграда в Сребренице и предсказуемость убийств, что является обвинением в геноциде или поощрении участия в геноциде.

Всего несколько месяцев спустя после принятия в июне 2004 года судьями решения, подтверждающего пункты обвинения Милошевича в геноциде, - решения, которое было принято благодаря усилиям участников процесса в Аруше, Карла дель Понте в феврале 2005 года отказалась от обвинения в геноциде Перишича. Она вступила в конфликт с единодушным фронтом всех заместителей прокурора, участвовавших в деле: Джеффри Найсом, а также Марком Хэммоном и Аланом Тигером, двумя американскими юристами, которые отвечали за вопросы, касающиеся лидеров боснийских сербов, включая Караджича и Младича. Трое заместителей пришли к единодушному выводу, что доказательств, подтверждающих намерения Перишича в геноциде или того, что он об этом знал, недостаточно. Однако Перишич в обвинительном заключении упоминается как «иерархически вышестоящий начальник бывших военнослужащих югославской армии, которые вступили в ряды армии сербов в Боснии и Хорватии», в том числе и Младича. Отмечается, что Перишичу пришлось «принимать все необходимые меры по предотвращению или наказанию преступлений, совершенных его подчиненными

десять, тринадцать и пять лет соответственно. Один из обвиняемых хотя и находился на месте преступления, как свидетельствует видеосъемка, однако был освобожден от ответственности из-за недостатка доказательств того, что он принимал непосредственное участие в убийствах. Кроме того, в приговоре подчеркивается, что не доказан факт того, что его жертвы были из Сребреницы. К тому же не был рассмотрен вопрос об участии обвиняемого в геноциде, хотя семьи жертв прибыли из Белграда, чтобы свидетельствовать об обстоятельствах, в которых молодые люди были захвачены после падения Сребреницы.

из 30-го и 40-го центров кадров Генерального штаба югославской армии». В обвинительном заключении говорится, что «Перишич располагал сведениями и заявлениями о преступлениях, совершенных его должностными лицами или ополченцами военизированных подразделений, с которыми они сотрудничали», и что он «регулярно получал копии ежедневных отчетов о положении армии Республики Сербской и находился в непосредственном контакте с офицерами армии Республики Сербской, в частности Ратко Младичем», особенно во время событий в Сребренице.

В конце добавлено, что Перишич «разрешил офицерам Ужичского корпуса оказать помощь в планировании и подготовке захвата Сребреницы», то есть «использовал свою власть, тайно подготавливая членов 10-го отряда для саботажа в Сербии (март – апрель 1995 года), который непосредственно участвовал во многих убийствах» мусульман из Сребреницы в июле 1995 года, и, наконец, что он «использовал свои полномочия, чтобы сохранить границу между Сербией и Боснией в районе Сребреницы, дабы, с одной стороны, не позволить мусульманам из Сребреницы бежать в Сербию, а с другой - тех, кто пересек границу, принуждал вернуться обратно». Прокуратура из этого должна была сделать вывод, что Перишич мог быть, по крайней мере, участником геноцида, потому что знал о системе убийств и гонений и потому, что способствовал им, позволяя силам Младича использовать людей и ресурсы, которые находились в распоряжении его штаба в Белграде. Благодаря своему влиянию и иерархической власти над силами, участвовавшими в геноциде в Сребренице, Перишич в связи с этими деяниями и геноцидальными намерениями своих подчиненных должен нести уголовную ответственность за это преступление, потому что не только не предотвратил его и не наказал виновных, но и помог в его планировании и поощрял его совершение. Однако Прокуратура сознательно проигнорировала ответственность военного командования в Белграде за геноцид в Сребренице даже до того, как Трибунал был вынужден закрыть «дело Милошевича» из-за его смерти. Прокуратура также поставила под сомнение прогресс, достигнутый в «деле Милошевича», в котором было представлено участие Белграда в преступной деятельности, целью и намерением которой было уничтожение части мусульманского населения в Боснии, и вернулась к тезису, который когда-то защищал Джеффри Найс, что

речь идет только о поддержке. Создается впечатление, что тем самым Прокуратура желает умалить значение, которое она придавала архивам ВСО и другим документам, общим в обоих случаях.

Кроме того, Йовица Станишич, правая рука Слободана Милошевича в создании сети «небольших мобильных единиц, незаметных и смертоносных», которые опустошили все от Вуковара до Сребреницы и Косово, был временно выпущен на свободу в ожидании процесса благодаря письму ЦРУ в его поддержку, с которым он сотрудничал в прошлом. Британцы и один француз, бывший префект провинции Вар во Франции Жан Шарль Марчиани, также высоко оценили его полезные услуги во время конфликта.[1] Станишич надеется, что никогда не будет осужден, потому что его процесс не планируется до 2009 года, когда МТБЮ должен будет завершить разбирательства первого уровня. А ведь именно после встречи со Станишичем Караджич бросил Дероничу, что «люди, которые будут схвачены в Сребренице, все должны быть убиты». Станишич был командиром «Скорпионов», посланных в конце июня в окрестности Сребреницы для выполнения того, что последует. Но между тем он не был обвинен в геноциде или соучастии в нем.

В июне 2006 года Судебной палатой МТБЮ была принята статья 73-бис Правил процедуры, чем она обеспечила самой себе возможность изымать любую часть обвинительного заключения размером до одной трети без каких-либо критериев, кроме критерия времени. Последствия действий МТБЮ не являются необратимыми. Обязанностью Трибунала является установление истины и отправление правосудия. Этого ждут жертвы и свидетели. МТБЮ не должен игнорировать поиск истины в делах, которые он решил вести. Поэтому он должен следить за тем, чтобы в полной мере использовались знания, полученные в ходе его работы, в частности в «деле Милошевича». Если же, с другой стороны, МТБЮ был ослаблен смертью Милошевича, непривлечением к ответственности Караджича и Младича и своим быстрым закрытием, которого потребовали пять великих держав в Совете Безопасности, то тем самым он содействовал разбавлению и умалению своих основных выводов и сокрытию правды, которая кое-кому мешает. А значит можно сказать, что в какой-то степени Милошевич одержал посмертную победу.

[1] Действуя от имени Милошевича, Йовица Станишич сыграл ключевую роль в освобождении «голубых касок», сербских заложников весной 1995 года, а затем, несколько месяцев спустя, в освобождении двух французских пилотов, чей самолет был сбит над Боснией. Жан Шарль Марчиани, которого Жак Ширак послал с миссией, вел переговоры со Станишичем.

Промахи Международного суда ООН

Решение Международного суда ООН от 26 февраля 2007 года, в который четырнадцать лет назад была подана жалоба Боснии и Герцеговины против Сербии по обвинению в геноциде, прекрасно иллюстрирует эту опасность. Суд оправдал Сербию как государство без какой-либо прямой ответственности и судебного преследования за Сребреницу – событие, которое он хотя и назвал геноцидом, но приписал силам боснийских сербов. Сербия же, по оценке суда, не может нести ответственность за действия сербов в Боснии, даже если оказывала влияние на своих соседей или «существенную помощь» в политической и военной сферах. Даже если она посылала им специальные подразделения и другие войска в качестве подкрепления, Суд не убедили переданные доказательства, свидетельствующие о том, что Белград оказывал поддержку, прекрасно зная, о чем идет речь, что он хотел, чтобы произошла эта резня, произведшая столь разрушительный эффект.

В соответствии с нормами международного права действия лиц, групп или единиц, которые одно государство предоставляет другому, не могут быть отнесены к первому, если соответствующие действия совершаются по инициативе второго государства, от которого названные лица, группы или единицы зависят, кроме случаев, если выполнение этих задач полностью контролируется первым государством. Такая судебная практика датируется 1986 годом. Никарагуа, погрузившаяся в гражданскую войну в результате последствий холодной войны, подала в Международный суд ООН иск против Соединенных Штатов Америки. В 1986 году суд признал виновными США, потому что они использовали силу против суверенного государства Никарагуа и потому, что поддерживали контрас при совершении преступлений в отношении гражданских лиц. Тот факт, что США обучали, осуществляли поставки оружия, финансировали и снабжали всем необходимым контрас, не был взят за основу, дабы Соединенные Штаты Америки не понесли ответственность за преступления, совершенные

повстанческими полувоенными никарагуанскими силами. С тех пор критерий, принятый в международном праве, предполагает ответственность страны, которая поддерживает некоторые силы, что является фактическим контролем, который она осуществляет над силами, совершающими преступления. Судьи МТБЮ попытались внести нюансы в приговор апелляционной инстанции по делу Душко Тадича 15 июля 1999 года, в котором этот критерий считается неприменимым в случае Боснии. Действительно, трудно сравнивать отношения сербов из Сербии и Боснии с отношениями, которые существовали между никарагуанскими контрас и США. Это разумное примечание было безосновательно отклонено решением Международного Суда спустя восемь лет после подтверждения обоснованности такого подхода в деле «Никарагуа против Соединенных Штатов».

Утверждая, что сербское государство в Сребренице не действовало непосредственно, Международный суд в то же время освобождает от ответственности Слободана Милошевича, всемогущего хозяина из Белграда. Косвенно это решение свидетельствует о том, что сам Милошевич не имел эффективного контроля ни над вооруженными силами или сербскими властями в Боснии, ни над специальными силами, которые он предоставил в их распоряжение. Эта посмертная реабилитация обвиняемого осуществляется независимо от доказательств по делу в МТБЮ, к которым Международный суд не всегда имел доступ. Вице-президент Судебной палаты, иорданский судья Аль-Хасаун заявил особое мнение в связи с тем, что Международный суд не просил «доступа к документам Высшего совета обороны, что, несомненно, упростило бы задачу», и, без сомнения, позволило бы выявить самую прямую связь между Белградом и могилами в Сребренице, а значит правильно решить вопрос о юридической ответственности государства Милошевича за геноцид в июле 1995 года.

Но Судебная палата, состоящая из пятнадцати судей Международного суда под председательством британки Розалин Хиггинс[1], проигнорировала настойчивые просьбы Боснии обязать Сербию передать эти ключевые документы, в которых сербские силы в Боснии определяются как составная часть армии под верховным командованием Белграда.

[1] Британская судья Розалин Хиггинс была назначена президентом Международного суда 6 февраля 2006 года. Две недели спустя она председательствовала на заседании Судебной палаты по иску Боснии против Сербии.

Палата Международного суда объяснила свой отказ требовать передачи этих документов тем, что у нее есть достаточно доказательств, чтобы принять решение.[1] «Без неотредактированной версии этих документов мы не смогли бы рассчитывать на осуждение Милошевича за геноцид», – говорила еще в апреле 2007 года Карла дель Понте. Без оригинальной версии протоколов заседаний ВСО Босния не сможет просить Международный суд отменить решение и пересмотреть дело. При отсутствии новых доказательств решение является окончательным. «Жизненно важный национальный интерес», который защищали власти в Белграде и подтвердили судьи МТБЮ, тем самым запретив обнародование всего архива Высшего совета обороны, в конечном итоге, способствовал искажению истины. «Любая страна сделала бы все, что в ее силах, чтобы защитить государство и его интересы», – защищается Владимир Перич, один из представителей сербской делегации, которая боролась за отказ предоставления архива как общественности, так и Международному Суду. Но каждый действительно независимый суд сделал бы все, что в его силах, чтобы попытаться получить эти документы более, чем что-либо другое, проливающие свет на спор, по которому он должен принять решение. Отказом от применения статьи 49 Устава и предъявления требования к Белграду предоставить ключевые документы Международный Суд поддался давлению больших государств, которые выступают против осуждения Сербии. В их числе - Великобритания, которая несколько лет подряд безуспешно пыталась убедить Боснию и Герцеговину отозвать иск.

Сербские власти с облегчением дождались решения Международного Суда, на основании которого они не должны платить за какой-либо ущерб от войны в Боснии. Если речь идет о сербских неправительственных организациях по защите прав человека, то они осудили это решение, которое является «победой политики Слободана Милошевича» и которое «не поможет Сербии разобраться со своим прошлым, потому что показывает неполную картину ее роли в войне прошлого десятилетия». «Ни для кого в правительстве Сербии не было секретом, что архив раскроет ответственность государства», – сказала Наташа Кандич, президент Фонда гуманитарного права в Белграде.

[1] Судьи Международного суда объясняют свой отказ от требования передать совокупность документов ВСО в параграфах 205 и 206 своего решения от 26 февраля 2007. http://www.icj.cij.org/docket/.files/91/13.685.pdf.

Теперь мы лучше понимаем, почему Милошевич приложил много усилий для создания структур, которые были ширмой между могилами и его дворцом. Как истинный мастер манипуляций, он постоянно пытался скрыть свою роль в марионеточном государстве, которое было создано в Боснии и Хорватии, и прятался за спиной многих участников, особенно «эскадронов смерти». Власти, которые пришли после него, смогли понять, что он будет нести личную ответственность. Им было известно, что он сотворил. Они знали, как никто иной, что Сербия при Милошевиче участвовала в войне и совершала зверства. Но они не хотели, чтобы ответственность за это взяло на себя сербское государство. Таким образом, они также приложили усилия к тому, чтобы скрыть наиболее компрометирующие доказательства и в этом деле сотрудничали с частью судей МТБЮ и Международного Суда. Решение последнего не может, следовательно, претендовать на разъяснение истории и урегулирование спора между двумя государствами. Отрицание, в котором Международный Суд сознательно участвовал, отказавшись от рассмотрения неизученных архивов Высшего совета обороны, несет риск того, что одни откажутся от взятия на себя ответственности, а другие - от желания к примирению.

Властям в Белграде «было хорошо известно о климате ненависти, который царил между боснийскими сербами и мусульманами в районе Сребреницы», и что это приведет к геноциду, - подчеркнул среди прочего Международный Суд. «Геноцид можно было на самом деле предотвратить», если бы Сербия (Милошевича) действовала в соответствии с международными обязательствами и «использовала свое влияние на боснийских сербов», чтобы предотвратить «преступление преступлений». Согласно документам, собранным в ходе процесса Милошевича перед МТБЮ, это заключение свидетельствует о желании судей Суда преуменьшить роль Сербии в совершении этого «преступления преступлений». Таким образом, Сербия могла бы быть осуждена не только за то, что не предотвратила геноцид в Сребренице, но и за то, что не смогла наказать геноцид, отказавшись передать Ратко Младича в МТБЮ. Таким образом, Сербия получила ордер на арест обвиняемых, находящихся в бегах от МТБЮ, двое из которых из общей четверки, определенной в середине 2007 года, разыскиваются за геноцид в Сребренице: Радован Караджич и Ратко Младич.

Глава III.

ДЕЙТОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Более десяти лет великие державы, чьи силы были развернуты в Боснии и Герцеговине, играли в прятки с Радованом Караджичем и Ратко Младичем, двумя главными обвиняемыми, находящимися в бегах от МТБЮ. По тем деяниям, которые нельзя ничем оправдать, они запутывали следы, разработали целую стратегию пропаганды и беззастенчиво противопоставляли себя судьям МТБЮ, которые никогда не отказывались от желания предать суду лиц, ответственных за геноцид в Сребренице.

«Уважаемая госпожа дель Понте!

Если эта статья является правильной[1], Вам должно быть, откровенно говоря, стыдно. В ней Вы плюете на работу и усилия многих людей, которые днем и ночью, часто рискуя своей жизнью, «действительно» работают, чтобы арестовать обвиняемых МТБЮ.

Я не хочу делать никакого заявления для прессы, которое опровергло бы Ваши слова, и не хочу посылать это письмо другим. Зло, к сожалению, было совершено, но я никогда не буду публично нападать на человека из команды, которая претендует на защиту праведного дела. Вы вошли в игру боснийцев, которые здесь, к сожалению, убеждены, что SFOR, международное сообщество (включая Вас) и, возможно, некоторые из наших народов по договоренности создали нечто, что рассматривается как заговор, целью которого является стремление ни в коем случае не арестовывать преступников по некоей макиавеллистической и нелепой причине независимо от того, кто бы это ни был. Также Вы втянуты в игру некоторых сербов, которые счастливы продемонстрировать, как их «герой Радован», своего рода гайдук или современный Робин Гуд, бросает вызов наиболее сильным шерифам XX и XXI столетий.

[1] 23 августа 2002 года Агентство «Франс-Пресс» публикует интервью Карлы дель Понте, прокурора МТБЮ, в которой она обвиняет силы НАТО в Боснии и Герцеговине (SFOR) в том, что они не прилагают «всех своих сил», чтобы схватить Караджича. «SFOR необходимо прекратить деятельность пропагандистского характера. Я очень зла. SFOR должен управлять своими силами. Я уверена, что они могут его схватить». На следующий день американский генерал Сильвестр посылает ей письмо.

До Вашего последнего нападения на членов моей команды, мы попытались реализовать все полномочия, имеющиеся в нашем распоряжении, такие, как общественное давление и военная сила, а также дипломатическое и финансовое давление на все аспекты царства Караджича, в том числе на семью, его сторонников и структуры, которые его скрывают и защищают. Мы перерыли всю землю, откопали каждый камешек и оказали давление на каждое место, где бы мы могли заметить малейшую трещину, малейший разрыв в защитных структурах. Мы подходим все ближе и ближе и, в конце концов, добьемся успеха. Но до сегодняшнего дня общественное давление со средствами массовой информации представляло собой драгоценное средство.

А Вы просто лишили нас одного из них, имеющихся в нашем распоряжении. Вы уменьшили нашу силу действий и нашим недоброжелателям дали палку, которой они будут нас бить. Вы разрушили репутацию членов своей команды, неосторожно продемонстрировав, что очень слабо контролируете себя.

Знаю, что Вас вообще не заботит то, что я очень разочарован и, как и Вы, «очень зол».

Искренне Ваш,
Джон Б. Сильвестр,
генерал, армия США,
командующий SFOR.

24 августа 2002 года».

Консенсус ничего не даст

Когда в марте 1996 года Мадлен Олбрайт решила прийти на холмы Сребреницы, все еще усеянные трупами жертв ужасной резни июля 1995 года, она сделала это для того, чтобы оказать поддержку в работе международному правосудию. «Младич и Караджич должны знать, что их дни на свободе сочтены», – сказала она перед армией фотографов и журналистов. Ее заявления давали тогда твердую надежду на то, что наиболее ответственные за геноцид, которых обвинил МТБЮ несколько месяцев назад, в один прекрасный день окажутся за решеткой. Посол США при Организации Объединенных Наций хочет обратить внимание на военные преступления и преступников, хотя в начале 1996 года чаще говорят о самой важной операции по поддержанию мира, которая когда-либо предпринималась, – о начавшейся отправке шестидесяти тысяч военнослужащих НАТО в Боснию и Герцеговину. МТБЮ и его обвинительные заключения не в приоритете, так же, как и гаагские следователи, начавшие долгосрочную эксгумацию, продолжающуюся и поныне, в связи с обнаружением нового захоронения, в котором находится около восьми тысяч жертв Сребреницы. НАТО постоянно избегает оказывать помощь МТБЮ, охранять и разминировать окрестности вокруг захоронения, дабы избежать несчастных случаев и предотвратить уничтожение доказательств.

Нет сомнений в том, что Мадлен Олбрайт искренне желает, чтобы ее слова сбылись. Но политика решила иначе. Бывший глава американской дипломатии Лоуренс Иглбергер, который в декабре 1992 года включил Караджича и Младича в число подозреваемых военных преступников, однако, не испытывал никаких иллюзий. Реагируя на интервью Радована Караджича американской сети CBS, которое транслировалась 17 сентября 1995 года в течение 60 минут, он заявил: «Если Караджич и Младич достаточно глупы, чтобы покинуть регион, их можно арестовать и передать судьям. Но на самом деле, ответом на ваш вопрос будет то, что я действительно сомневаюсь в этом, сомневаюсь, что однажды они будут привлечены к ответственности».

В ходе мирных переговоров, которые проходили с 1 по 21 ноября 1995 года на американской военной базе в маленьком городке Дейтон, штат Огайо, вопрос о военных преступниках и их аресте просто не был включен в повестку дня. Даже американские, европейские и российские дипломаты, которые находились в Дейтоне, характеризует его как *deal-breaker*, то есть вопрос, который может разрушить переговоры. Тем не менее четыре месяца спустя, 24 июля, МТБЮ обвинил Караджича и Младича, политического и военного лидеров боснийских сербов, в геноциде и преступлениях против человечности за их роль в кампании этнических чисток несербского населения Боснии и Герцеговины, а также кампании террора против гражданского населения, осуществленной в осажденном Сараево. В дополнение к обязательствам по сотрудничеству с МТБЮ, то есть арестовать обвиняемых, все государства, под эгидой которых проходили переговоры в Дейтоне, обязались ратифицировать Конвенцию 1948 года о геноциде, выполнять обязательства по наказанию его исполнителей.

Международных переговорщиков это не волнует. До такой степени, что первое время они даже рассматривают возможность пригласить в Дейтон Радована Караджича и Ратко Младича. Между тем им известно, кроме фактов, за которые МТБЮ тех уже уголовно преследует, что оба лидера несут огромную ответственность за недавние казни тысяч мусульман в Сребренице и резню, которая уже была представлена как наиболее кровавая, пережитая Европой после 1945 года. Но эти двое имеют власть, чтобы противостоять миру, который наступит к концу трех с половиной лет войны и преступлений в Боснии и Герцеговине. Следовательно, дипломаты должны быть уверены в их поддержке, а лучшее средство – иметь их под рукой. Представитель по правовым вопросам Министерства обороны Франции Марк Гийом нотой от 27 июля 1995 года спешит выслужиться перед своими начальниками. Не является преступлением вести переговоры с кем-то, кто подозревается, но не осужден, - объясняет он, фактически рекомендуя, чтобы эти связи поддерживались в максимально возможной тайне. И сам Милошевич верит в то, что по воле великих держав Младича пригласят за зеленый стол переговоров. «Я уверен, что международное сообщество готово принять подпись Младича под любым мирным планом», – утверждает Милошевич на заседании Высшего совета обороны в Белграде 23 августа 1995 года. И подчеркивает, что, напротив, не хочет Караджича из-за его отказа от нескольких мирных планов в прошлом. Но угрозы прокуроров и судей МТБЮ уйти в отставку и привлечь к происходящему общественное внимание, если двое обвиняемых в розыске за геноцид в соответствии с международным ордером на арест будут вовлечены в переговоры вместо того, чтобы быть арестованными, попали в цель. После того, как не предприняв ничего, они просто наблюдали за резней населения, которое должны были защищать, американские и европейские чиновники боятся критики со стороны своего общественного мнения, в частности, что будут обвинены Гаагским трибуналом в нарушении Конвенции о геноциде 1948 года. Караджич и Младич не будут вести переговоры о мире - они вынуждены будут уступить свое место Слободану Милошевичу. Это будет единственная «уступка» позиции МТБЮ в Дейтоне.

Накануне переговоров, в ходе одного из последних подготовительных совещаний в Белом доме 31 октября 1995 года, Ричард Холбрук, один из основных американских переговорщиков, остался в меньшинстве, когда предупредил: «Караджич и Младич должны быть арестованы. Это не только вопрос справедливости, но и мира. Если они не будут арестованы, никакой договор о мире, заключенный в Дейтоне, не имеет шансов на успех». У Билла Клинтона другие проблемы. В случае мира он должен «принять самое тяжелое решение для президента», то есть послать тысячи молодых американцев на опасную и потенциально смертоносную арену боевых действий. «После Сомали мы должны четко спланировать свою миссию так, чтобы избежать каких-либо непредвиденных обстоятельств», – настаивает американский президент.[1]

Восемнадцать американских солдат погибли в октябре 1993 года в Могадишо, безуспешно пытаясь захватить сомалийского военного лидера Айдида. После этого фиаско Билл Клинтон выбирает доктрину «ни одного погибшего» и выступает против каких-либо вмешательств на местах. Таким образом, Белый дом не хочет ни малейшего риска в Боснии и Герцеговине. Американские войска будут туда посланы, когда будет подписан мир при условии, что они не будут уполномочены арестовывать военных лидеров боснийских сербов.

Вашингтон не может допустить, чтобы Караджич и Младич имели среди сербов политическую и военную власть в Боснии. Поэтому их отстранение от власти оказалось непременным условием мира и скорой отправки морских пехотинцев. Госсекретарь США Уоррен Кристофер беседует об этом 2 ноября 1995 года со Слободаном Милошевичем, который только что прибыл в Дейтон. Но два дня спустя боснийские сербские власти публично оспаривают все полномочия Милошевича и принимают решение о смещении Караджича и Младича. Милошевич в Дейтоне для того, чтобы обсудить условия мира, а не условия их ухода из политической жизни. По словам родственников и близких Караджичу людей, правительство США уже на следующий день, 5 ноября 1995 года, обсуждало судьбу лидеров боснийских сербов с «полномочным» представителем Караджича в Дейтоне Алексом Бухом, тогдашним главой дипломатии самопровозглашённой Республики Сербской в Боснии. Тот секретный договор затем ужимается до объёма листа бумаги и отправляется по факсу Караджичу, который остался в Боснии. Этот факс, высылаемый в качестве «приложения к отчету о дискуссии между Алексом Бухом и Ричардом Холбруком»,

[1] Holbrooke Richard, To End a War, Random House, New York, 1999, p. 226.

чью подлинность американские лидеры всегда оспаривали, был опубликован дважды: в Баня-Луке в журнале «Zona Sumraka» («Зона Мрака») и в марте 2007 года в журнале «Focus». В публикации подписи Караджича и Холбрука, выглядящие грубой имитацией, добавляются в нижней части документа. Договор, таким образом, состоит из трех частей: обязательства Радована Караджича перед американским правительством, затем обязательства американского правительства перед Караджичем и, наконец, условия действия договора. Караджич соглашается с тем, чтобы окончательно отказаться от всех политических функций в течение девяноста дней с немедленным вступлением в силу (то есть 5 ноября), а равно от принятия любых политических или экономических решений или тех, которые связаны с военными операциями, миграцией населения. Караджич должен стать невидимым: «Он должен выехать в некое место по договоренности в устной форме, согласованное между двумя сторонами», обязуясь, «что не покинет территорию бывшей Югославии». От правительства США он получит «сумму в размере 600.000 долларов в местной валюте» в течение следующих пяти лет, а также «в собственность место жительства», а в его распоряжении будут «по крайней мере, шесть человек, чтобы обеспечивать его безопасность». В конце американское правительство уведомило Караджича, что будет сообщать о «любой опасности, которая может ему грозить». Договор может быть «расторгнут по взаимному согласию» или просто «по инициативе правительства США».

С июля прокурор МТБЮ Ричард Голдстоун продолжает свое расследование. В разгар мирных переговоров 16 ноября 1995 года он объявил, что составлен новый обвинительный акт против Караджича и Младича по геноциду, на этот раз на основе резни в Сребренице. Великие державы считают, что момент выбран весьма неудачно и боятся реакции Караджича и Младича, для которых важным является осуществление любого мирного договора. Когда это будет сделано четыре года спустя после обвинения Милошевича, Россия направит в Гаагу своего посланника просить прокурора приостановить уголовное преследование. Голдстоун выступит против этого требования. Пять дней спустя американцы триумфально объявляют о мирном договоре.

Многие тогда боялись, что мир был заключен в ущерб справедливости, ценой секретной амнистии наиболее ответственных лиц.

История изобилует такими делами. Тем более, что вопрос о военных преступниках, переброшенный в сферу неудобных тем, занимает всего несколько строк в Дейтонском соглашении. Все стороны строго предупреждены, что должны «в полной мере сотрудничать» с Гаагским Трибуналом как в сборе доказательств, так и аресте обвиняемых. Но соглашение, в первую очередь, предусматривает, что лица, которых обвинит МТБЮ, будут «исключены из политической жизни». А международные силы, которые будут в ближайшее время посланы под флагом НАТО, должны «бдеть и наблюдать» за осуществлением соглашения, а также иметь «не только полномочия, но и обязанность» арестовать военных преступников. Кажется, предсказания Иглбергера подтвердились.

В Париже 14 декабря во время официального подписания мирного соглашения, заключенного в Дейтоне, Билла Клинтона беспокоит тот факт, что Караджич и Младич могут нанести вред, потому что они по-прежнему у власти и решительно выступают против мирного соглашения, заключенного без их согласия. Но они смиряются с тем, что для его соблюдения необходимо немедленно отправить шестьдесят тысяч военнослужащих НАТО. Клинтон напоминает Милошевичу, что тот является гарантом соглашения и что он обязан продолжать оказывать все необходимое давление, дабы обеспечить согласие двух обвиняемых. Предупреждает его: «Я чувствую себя ответственным за безопасность моих двадцати тысяч морских пехотинцев». Но Клинтон отдает приоритет Караджичу и оттеснению Младича от власти, а в Париже поручает быстро организовать выборы в Боснии и Герцеговине. Ни Вашингтон, ни его партнеры об аресте тогда не думают.

Соединенные Штаты Америки не являются единственными, кто полагает, что арест Караджича или Младича поставит под угрозу их армейские подразделения. Все они требуют мандата, который максимально ограничивает опасность. А для большинства солдат арест военных преступников означал бы «определяться с той или иной стороной в конфликте». Армейские подразделения не хотят выполнять функции судебной полиции. Они не хотят, чтобы их рассматривали в качестве помощников международного правосудия. В случае ареста они опасаются «возмездия, захвата заложников или бунта националистически настроенных сербов, что вызвало бы опасность расторжения мирного соглашения». Поэтому Гаагский Трибунал не может,

как Трибунал в Нюрнберге, рассчитывать на помощь союзнических военных сил в выдаче обвиняемых и доказательств.

Когда шестьдесят тысяч военнослужащих НАТО в начале 1996 года рассредоточились по Боснии и Герцеговине, самая мощная армия в мире не имела права вести наступательные действия, чтобы поймать одного из обвиняемых, находящегося в бегах. Ратко Младич, все еще главнокомандующий силами боснийских сербов, язвительно замечает, что «ничего не делается». В марте 1996 года он на один день отправляется кататься на лыжах по холмам Сараево и подтверждает перед телекамерами, что вообще не опасается ареста. Караджич живет в Пале, как свободный человек. Каждый день из своей виллы едет в офис под равнодушными взглядами патрулей НАТО. Он по-прежнему является президентом сербской общины в Боснии. Продолжает политическую деятельность, присутствует на заседаниях Скупщины боснийских сербов и на собраниях своей партии, председателем которой является. Тайное соглашение от 5 ноября, если оно вообще являлось аутентичным, не было соблюдено.

Накануне первых послевоенных выборов, назначенных на 14 сентября 1996 года, Караджич и Младич далеки от того, чтобы быть нейтрализованными, как того требовал Клинтон. Часть Боснии и Герцеговины, присвоенная сербами, покрыта плакатами с изображением Караджича. Обвиняемый хочет быть кандидатом и имеет все шансы на победу. Он пользуется телеканалами и средствами массовой информации, которые до сих пор контролирует, чтобы предотвратить любую форму примирения. Дейтонский процесс сбился с пути. Вашингтон в панике, настаивает удалить Караджича из политики и Боснии. Американцы тогда проявили большую дипломатическую изобретательность, чтобы нейтрализовать Караджича, не воспользовавшись при этом средствами принуждения, которые, по сути, у них были. Вопрос об аресте снова не стоит.

Конец весны 1996 года, американцы действуют на двух фронтах. Государственный департамент направляет несколько раз в Белград своего помощника по европейским делам Джона Корнблюма, чтобы тот получил от Милошевича подтверждение об уходе Караджича из политической жизни. Но Милошевич глух к нему. Американцы в то же время пытаются приблизиться к Караджичу. Одним из способов удалить его было бы убедить добровольно отправиться в Гаагу. Время

поджимает, поскольку Трибунал на 26 июня назначает открытие публичного судебного слушания по «делу Караджича и Младича», где должны быть представлены основные факты обвинения против них[1] в обмен на добровольную сдачу с обещанием кое-каких привилегий и пересмотр обвинительного заключения. Их посланником был Билл Стойбнер, агент американской военной разведки, который одним из первых прибыл в Трибунал, где стал главным советником Прокурора Ричарда Голдстоуна. Чтобы выполнить свою секретную миссию, Стойбнер на несколько месяцев покидает МТБЮ и в начале весны 1996 года присоединяется к миссии ОБСЕ, отвечающей за подготовку первых послевоенных выборов в Боснии. Прикрываясь этой вывеской, он неоднократно в течение мая встречается с Караджичем. Для достижения своих целей американец заверяет Караджича, что тот находится в опасности, а он выступит в качестве гаранта его физической неприкосновенности в случае соглашения. Кажется, что Караджич клюнул на приманку. В письме к своим детям в июне 1996 года он делится с ними своими опасениями, что если НАТО его арестует, то его убьет один из телохранителей, который, как предполагается, является наемным убийцей, работающим на Слободана Милошевича. Стойбнер, несомненно, не должен был особенно стараться убедить Караджича в том, что Милошевич предпочел бы убить его, чем отпустить в Гаагу раскрыть их секреты. Поскольку он может быть в опасности и, чтобы защититься от обвинений, выдвинутых против него, в частности, за геноцид во время резни в Сребренице, Караджич мог бы попытаться доказать в судебном заседании, что только подписал и взял под свою ответственность решение, принятое в Белграде, а его выполнение возложил на военных.

Но Караджич не намерен говорить, потому что он не хочет сдаваться, если в обвинительном заключении останется обвинение в геноциде. Есть и другие требования. В ожидании своего процесса он хочет жить в гостинице в Гааге и иметь контакты с прессой. Вместо гостиницы он серьезно изучает возможность домашнего ареста, но

[1] МТБЮ не был уполномочен судить заочно. Это заседание, организованное с применением статьи 61 Правил процедуры, в первую очередь, должно было информировать общественность о деталях преступления, за которое обвиняемый привлекается к ответственности. Оно проводится в преддверии первой годовщины резни в Сребренице.

в конце концов отвергает из-за стоимости и отказа голландцев заботиться о безопасности. В итоге Караджичу предложено разместиться на одной из баз НАТО, где бы он мог в ожидании суда подготовить свою защиту. Если американцы взяли на себя инициативу, чтобы вести переговоры, их союзники также готовы рассмотреть любую формулу, которая позволила бы им избежать рискованной операции ареста. Но Караджич тянет волынку. Он не уверен, что в разгар выборов в США действительно подвергнется возможности ареста. А особенно он убежден в том, что никто не будет торопить его ехать в Гаагу, чтобы представить свою версию о Сребренице и об ответственности за этот геноцид.

В ходе переговоров с Караджичем Стойбнер в конце мая направил послание Президенту Трибунала Антонио Кассезе, предлагая ему прибыть в Пале, чтобы встретиться с адвокатом обвиняемого. Чтобы подготовить свою защиту, Караджич нанял нью-йоркского адвоката, который называет себя Аарон Ричард или еще более оригинально «господин Голуб». Итальянский судья отказывается от этой встречи. Он не позволит себе быть пойманным в ловушку и оказаться безоружным перед беглецом. 5 июня 1996 года Кассезе начинает официальный, уже давно запланированный двухдневный визит в Сараево. Как только под вечер он прибыл в отель, ему в номер звонит подполковник и предлагает приехать в Пале, чтобы встретиться с адвокатом Караджича. Обещает ему эскорт НАТО и предлагает выехать немедленно или утром. Кассезе отказывается от предложения. Настаивая на своем предложении, американский офицер снова звонит вечером. Кассезе обещает проконсультироваться со Стойбнером. На следующее утро того же требует и Стойбнер. Президент МТБЮ, наконец, дает согласие. Он ни на мгновение не сомневается в том, что американцы спешат действовать до судебного слушания по «делу Караджича», которое как раз назначили судьи и тем самым как бы отметили первую годовщину трагедии в Сребренице, напоминая миру о том, что такие преступления не могут оставаться безнаказанными. Между тем если слушание, которое должно будет продлиться до 11 июля, состоится, им будет трудно заставить Трибунал пойти на какие-либо сделки с целью пересмотра обвинительного заключения. Кассезе согласился встретиться с адвокатом при условии, что встреча будет конфиденциальной и организованной в безопасном месте, в присутствии двух

свидетелей. Незадолго до полудня 6 июня он отправился в штаб Международных сил (IFOR). Американский адвокат ждет его, но требует встречи с глазу на глаз. Кассезе предупреждает, что он пришел не на переговоры, а изложить принципы функционирования Трибунала и убедить его, что речь не идет об антисербской инстанции. Адвокат терпеливо выслушивает итальянского судью. В конце встречи задает вопрос: «Есть ли вероятность того, что прокурор откажется от обвинения? Есть ли возможность для Трибунала отложить начало судебного разбирательства номер 61, относящегося к делу Караджича и Младича?» Кассезе отвечает: «Нет, такой возможности не существует. Трибунал уже установил дату, и никто не может вмешиваться в его решения».

Господин Голуб сообщает, что хочет присутствовать на слушании. Антонио Кассезе объясняет, что он, безусловно, может получить место в галерее для публики. Голуб добавляет: «Настроен ли суд принять во внимание гуманный поступок одного из лидеров, который за неделю освободил две тысячи человек?»

Президент МТБЮ подтверждает, что судьи, по сути, в состоянии принять во внимание смягчающие обстоятельства при определении наказания, если Караджич будет признан виновным. Голуб расспрашивает о перспективах того, может ли его клиент временно остаться на свободе в ожидании процесса. Кассезе отвечает: «Нет, обвиняемый должен находиться в тюрьме в течение всего подготовительного этапа процесса до тех пор, пока он продолжается». Затем он указывает на то, что формула контроля места пребывания, в соответствии с которой это было разрешено хорватскому генералу Тихомиру Блашкичу, первому обвиняемому, который сдался Трибуналу, теперь исключена. Голуб предлагает Кассезе оставаться на связи. Председатель суда отказывается от предложения и завершает разговор.

Господин Голуб исчезает, как и появился. А Караджич, поэт с гор, который сошел вниз в город, чтобы стать психиатром, а потом хозяином войны, больше не проявляет ни малейшего желания торговаться за свою свободу. Стойбнер и его американские наставники возлагают вину на Кассезе, который несколько дней спустя горячо отстаивал вопросы международного правосудия на конференции во Флоренции 13 и 14 июня, посвященной Боснии и Герцеговине и реализации мирного соглашения. Вопрос о военных преступниках не является

приоритетом, и Антонио Кассезе, приглашенный помимо воли, был помещен среди заключительных участников. Но итальянец у себя дома, во Флоренции, и сразу же после приезда созывает пресс-конференцию и призывает к аресту Караджича и Младича. На следующий день в своей вступительной речи перед аудиторией министров он критикует силы НАТО, которые отказываются выполнять ордера на арест. Международные чиновники возмущены. «Одна делегация Боснии и Герцеговины аплодировала в конце его речи. Потом наступила тишина, мертвая тишина. Зал был в шоке. Министр иностранных дел Италии Ламберто Дини, который председательствовал на конференции, и которого я знал, также выглядел недовольным. Он посмотрел на меня и взял слово: 'После выступления президента Кассезе мы должны заново оценить всю ситуацию'. Заседание было прервано, а один посол подошел ко мне и сказал: 'Вы знаете, Нино, Вы были неправы, потому что американцы рассержены. Почему Вы сказали так много вещей против них?»[1] – вспоминает Кассезе. Министры в своей заключительной декларации вынуждены были упомянуть Караджича и МТБЮ. Но они довольствуются тем, чтобы призвать «Караджича уйти с политической сцены еще до выборов», а не к его аресту. После возвращения в Гаагу Кассезе узнал, что Прокурор Ричард Голдстоун и его помощник Грэм Блуитт упрекнули его в том, что он срывает попытку Караджича сдаться, призывая к аресту последнего. «Он не был задержан, потому что правительство США этого не хотело по политическим мотивам», – возражает девять лет спустя Антонио Кассезе, когда Грэм Блуитт, который покинул МТБЮ, и Билл Стойбнер продолжают его обвинять, но на этот раз публично, что в 1996 году он позволил Караджичу уйти от правосудия.[2] Великий защитник международного права и независимости судебной системы, итальянский судья прежде всего показал, что было бы напрасно представить себе, что с МТБЮ можно вести переговоры о безнаказанности любого рода. Через две недели после его призыва на конференции во Флоренции резонанс в средствах массовой информации слушаний по «делу Караджича и Младича», освещением которых занимались сотни журналистов, прибывших в конце июня и начале июля 1996 года в Гаагу, отбивает любую новую попытку указать на то, что Трибунал принял решение не возбуждать дело против Караджича по обвинению в геноциде. В конце допросов многочисленных свидетелей и представления доказательств Судебная палата МТБЮ 11 июля 1996 года подтвердила все обвинения и снова выдала международный ордер на арест двух обвиняемых.

[1] Klarin Mirko i Vidakovic Mina, Unatoc svemu, deset prvih godina Tribunala, Sense TV, Hag, 2003.

[2] Эти утверждения были опубликованы 24 июня 2005 года в голландской ежедневной газете «CPH Handels-Blade». Ежедневник не счел целесообразным предоставить право на ответ Антонио Кассезе и опубликовать письмо, посланное им главному редактору газеты, в котором описывается встреча в Сараево с адвокатом Караджича.

Находясь в тупике, Вашингтон решил по делу Милошевича сыграть картой Ричарда Холбрука. Архитектор Дейтонского соглашения прибывает в Белград 17 июля 1996 года. Миссия Холбрука состоит в том, чтобы добиться устранения Караджича от власти, а не его экстрадиции в Гаагу. Этого же добивается и Государственный департамент. «Доставить их в Гаагу в наручниках было бы хорошим решением. Одна из наших целей состоит в том, чтобы увидеть их в Гааге. Но вот что я думаю. Давайте будем прагматиками и реалистами: я думаю, что для начала было бы хорошо, если Караджич будет отстранен от занимаемой должности и лишен власти в партии. Он должен отказаться от своей роли или будет вынужден сделать это, лишившись, таким образом, всякого влияния. Мы думаем, что было бы идеально, если они оба будут далеко от Боснии, тогда Караджич больше не сможет оказывать влияние на избирательную кампанию», – заявляет средствам массовой информации его пресс-секретарь 15 июля 1996 года.

Первая встреча между Холбруком и Милошевичем 17 июля в Белграде заканчивается неудачей. Американец уезжает и возвращается на следующий день во второй половине дня в столицу Сербии. Милошевич пригласил двух высокопоставленных чиновников после Караджича – боснийских сербов Момчило Краишника и Алексу Буха. Переговоры длятся в течение десяти часов. Соглашение, предложенное Холбруком, предполагает смещение Караджича с поста президента боснийских сербов и устранение националистической партии от власти. Но там же есть и требование о выезде Караджича из Боснии. «Почему бы вам не отправить его к матери и брату-контрабандисту в его родную деревню в Черногории?», – заявляет Холбрук в ходе дис-

куссии. Но никто в зале не в состоянии требовать от Караджича, чтобы тот спокойно ушел, тем паче, что Гаага – не самый лучший пункт назначения.[1] Караджич отказывается уходить и из Боснии, и из руководства своей партии. Военный преступник, который остается в Пале, по факсу или телефону получает предложения. Он хмурится. Но его националистической партии грозит опасность быть запрещенной на выборах и распущенной. Наконец, достигнуто какое-то соглашение. Милошевич вертолетом посылает начальника своей секретной службы Йовицу Станишича в Пале, чтобы получить подпись Караджича. Силы НАТО ждут его, чтобы сопроводить к дому обвиняемого, который должен подписать документ. Станишич ночью возвращается в Белград. На следующее утро Холбрук созывает пресс-конференцию. Перед телекамерами он машет заявлением, подписанным рукой Караджича, и пересказывает его: «С сегодняшнего утра Караджич уже не президент Республики Сербской, он отказался от своей должности и всех своих полномочий. Господин Караджич также согласен немедленно и окончательно отказаться от какой-либо политической деятельности. Не будет появляться в общественных местах, на радио или телевидении, не будет каким-либо образом участвовать в выборах. Он прекрасно знает об этом, знает, что собственноручно подписал конец своей политической карьеры. И начиная с сегодняшнего дня, Караджич отказывается от должности главы партии «SDS» и всех функций, полномочий и обязанностей, отсюда вытекающих».

«Соглашение предусматривало также, что Караджич полностью исчезает из политической жизни, а взамен «SDS» будет участвовать в выборах. Когда он получил окончательный текст соглашения, Холбрук сказал: ‘Хорошо, «SDS» идет на выборы, а для Караджича МТБЮ больше не существует’», – утверждает Алекса Буха, который находился в Белграде на переговорах.[2] Холбрук отрицает: «Мы хотим видеть Караджича и Младича обвиненными в военных преступлениях, отвечающими в Гааге за свои действия. Это является нашей долгосрочной целью. Коль скоро не было возможности требовать от сил НАТО действовать так, чтобы они могли достичь своей цели, мы должны действовать поэтапно. Для начала Караджич должен уйти из

[1] Holbrooke Richard, ibid. p. 342.343.

[2] Zarić Miroslav, Holbrooke govori istinu, Večernje novosti, Beograd, 2 marta 2004.

Пале, потому что пока он в Пале, даже если он невидим, даже если он остается за пределами политической и общественной жизни, мои коллеги и я не чувствуем себя комфортно», – объясняет он 22 июля 1996 года американской сети «PBS». Но долгое бегство Караджича будет только подпитываться на протяжении многих лет сомнениями по поводу обещаний, данных в Дейтоне, или компенсации Караджичу в обмен на соглашение от 18 июля 1996 года. С тех пор общественность будет говорить о сговоре Холбрук – Караджич, который должен гарантировать безнаказанность последнего. Караджич и его семья не перестает утверждать о его существовании, упоминая его, скорее, как джентльменское соглашение, значащее больше, чем данное слово, написанное и подписанное соглашение.

Франко-американское соперничество

Поездка Холбрука свидетельствует о желании Вашингтона найти альтернативу аресту. Ни Париж, ни Лондон не имеют никаких возражений. Караджич и Младич остаются гарантами мира, его реализации в регионе. Многие правительства считают, что они, будучи свергнутыми, потеряют свое политическое влияние и будут забыты. Для большинства это было бы лучшим решением. Политическое мужество требует, чтобы они были арестованы без промедления, потому что это уголовное правосудие преследует за массовые преступления, а значит их свобода и безнаказанность оскорбляет жертвы нарушением данного слова. Реальная политика, напротив, хотела бы, чтобы их не беспокоили, пока они не препятствуют реализации Дейтонского соглашения. Западные правительства считают, что так они работают на быстрое укрепление мира, даже ценой забвения страданий одной стороны и людей, подвергавшихся почти четыре года ужасам всего арсенала преступлений против человечности. Взявшись наказать главных ответственных за такие преступления, международное правосудие стремится содействовать установлению прочного мира. Как не без юмора заметил один французский адвокат в Гааге, «точка раздора между политикой и международным правосудием находится в согласовании времени». Юристы думают, что не может быть национального примирения без правосудия. Профессор международного

права Марио Беттати объясняет: «Правосудие является единственным путем для определения, на глазах у всех, истины о болезненном периоде истории страны и инициаторах этих трагедий. В этом плане мир и правосудие неотделимы друг от друга». Но такие слова вызывают презрение прагматиков, даже если они избегают демонстрировать это публично, поскольку во всех основных решениях государства, особенно когда речь идет о мире, «мораль» в любом случае не может быть препятствием для реализма, который, по их мнению, зависит от некоторой высшей морали, и ревниво и важно стоит на страже реальных жизненных интересов, которые традиционно игнорирует правосудие.

Караджич был вынужден уступить место Биляне Плавшич, избранной президентом боснийских сербов после выборов 14 сентября 1996 года. Ответственная за укрепление мирного процесса среди сербов в Боснии и Герцеговине, она также принадлежит к кругу крайних националистов. Из-за того, что она присовокупила земли, добытые в крови, МТБЮ в апреле 2000 года обвинил бывшую заместительницу Караджича в геноциде и приговорил после признания вины к одиннадцати годам лишения свободы за преступления против человечности.[1] Младич 9 ноября 1996 года был освобожден от занимаемой должности главнокомандующего силами боснийских сербов, которые

[1] Обосновывая одиннадцатилетний приговор, вынесенный в феврале 2003 года, судьи подчеркнули, что как смягчающее обстоятельство учли искреннее раскаяние, которое испытывала Биляна Плавшич. Хотя обвиняемая отказалась сама заявить об этом во время допросов, поручив своему адвокату канадцу Юджину О'Салливану заботу о том, чтобы отредактировать и сделать от ее имени заявление во время одной пресс-конференции для репортеров в Гааге. Год спустя Биляна Плавшич изменила свои показания и отказалась свидетельствовать на процессе против Милошевича о преступной политике чисток, которые сербы проводили в Боснии. Во время встречи в январе 2004 года она заявила Карле дель Понте: «После моего осуждения на одиннадцать лет тюрьмы могу сказать, что я невиновна». Прокуратура МТБЮ передала судьям новое заявление Биляны Плавшич, в котором та отказывается от своих предыдущих показаний и требует пересмотреть ее дело. Судьи отклонили требование и перевели ее в женскую тюрьму в Швеции. Биляна Плавшич, которой сейчас семьдесят шесть лет, жаловалась много раз на то, что ее держат с «уголовниками, проститутками и наркоманами». Приводя свои аргументы, она многократно требовала уменьшения срока наказания, в чем шведские власти до сего дня отказывали.

тогда еще оставались. Но их ближайшие соратники остались на своих должностях. Караджич живет в своем доме в Пале, во французском секторе, а Младич - в своем генеральном штабе в Хан-Песаке, американском секторе. Тем не менее ордера на арест двух обвиняемых, преследуемых за геноцид, силы НАТО получили еще в январе 1996 года.

Ричард Голдстоун уходит в отставку. Луиза Арбур занимает его место 1 октября 1996 года и решает потрясти западные столицы. Лишенный судебной полиции МТБЮ должен опираться на международные силы в Боснии и Герцеговине или на местные органы власти. Но последние не хотят арестовывать своих военных преступников, которых защищают и чтят как героев. В сообщении, переданном Луизой Арбур Верховному командованию НАТО 17 октября 1996 года, ясно сказано: «Прежде всего НАТО в качестве своей политики определило не арестовывать военных преступников». Канадка это осуждает как неприемлемое. В неудобном положении НАТО делает жест. Командование IFOR информирует свои войска 16 декабря 1996 года, что теперь они должны будут сажать в тюрьму всех обвиняемых, с которыми они вступают в контакт в рамках своих обязанностей, с тем, чтобы доставить их в штаб-квартиру МТБЮ. Но в январе 1997 года во время новой встречи в штабе НАТО Луиза Арбур обвиняет войска в том, что они избегают оказываться лицом к лицу с преступниками, поскольку должны их арестовать.

Это вызывает несколько дипломатических инцидентов. Особенно с Францией, потому что Арбур заявляет репортерам: «Военные преступники чувствуют себя в полной безопасности во французском секторе». Париж называет это «судебным спектаклем». Этой формулой он пользуется всякий раз, когда прокурор или следственный судья призывает средства массовой информации засвидетельствовать политические попытки воспрепятствовать отправлению правосудия. Это первый рефлекс политического класса, который постепенно снимает ограничения, накладываемые международным правосудием, особенно когда оно выходит из зала заседаний, чтобы это же правосудие в качестве равноправного участника было вызвано на международную арену. Возникшее международное правосудие становится препятствием. Париж, три года назад сыгравший ключевую роль в создании МТБЮ, смотрит в 1996 году с некоторым пренебрежением на это достижение, которое уже неактуально, становясь препятствием поли-

тическому реализму. Министерство иностранных дел, Министерство обороны, их юридические советники, - все в один голос заявляют: «В этом нет необходимости». На самом деле, они выступают против того, что высокопоставленные должностные лица, главы государств, а также военачальники, министры и даже целые правительства однажды должны дать отчет правосудию, тем более международному, хотя до того они были на службе у своей страны. Париж не является исключением. Англосаксонские политики жалуются на «вмешательство Гааги» и признают, что суд «значительно усложняет ситуацию».

Протесты Луизы Арбур мешают. Отказ внести свою лепту в охоту на военных преступников наносит вред доверию международных сил. Американцы, англичане, французы, голландцы и немцы пытаются найти решение. Создана рабочая группа, которая в первой половине 1997 года размышляет о «правовых аспектах службы, масштабах сил, количестве операций, которые необходимо провести, потенциальных целях, объёме необходимой информации, продолжительности миссии и роли, которую прокурор будет играть в этом процессе». Рождается коалиция «Amber Star» («Янтарная звезда»).[1] Постепенно некоторые правительства понимают выгоду, которую они могли бы иметь от участия в арестах, особенно, не давая возможности мелкопоместным полевым командирам, которые часто выступают против реализации мирных соглашений, наносить вред. Тот, кого Луиза Арбур готовится обвинить в геноциде, служит на должности коменданта полиции в Приедоре. Это Симо Дрляча, человек, из-за которого возникают серьезные проблемы у британских войск, посланных в северо-западный сектор Боснии. В середине марта Луиза Арбур выдает им ордер на арест, который не был обнародован вопреки обычной процедуре, чтобы у НАТО не было времени организоваться. Реакция является жесткой. Верховные власти требуют от главного прокурора сделать свой ход. Мадлен Олбрайт, только что назначенная главой Государственного департамента США, пытается ее образумить 28 мая. Луиза Арбур не хочет ничего слушать и угрожает извлечь дело на свет.

9 июля 1997 года на саммите в Мадриде страны-члены НАТО наделили военных, дислоцирующихся в Боснии, полномочиями произ-

[1] «Amber Star» будет переименована в ноябре 1998 года в «Fervent Archer» («Пылающий Стрелец»), а затем расширена еще на две страны – Италию и Испанию, и количество ее членов составит семь.

водить аресты. Сразу же был подписан протокол между Генеральным штабом НАТО в Европе (SHAPE) и Офисом прокурора МТБЮ. 10 июля 1997 года британские войска провели первую операцию по приказу МТБЮ. При проведении этой операции Симо Дрляча погибает. Арестован Милан Ковачевич, вместе с ним обвиненный и привлечённый к ответственности за геноцид. Создана определенная динамика. За девять лет миссии НАТО на Балканах будет поймано и отправлено в Гаагу тридцать обвиняемых.[1] Но это не касается Радована Караджича и Ратко Младича.[2]

Между тем Ратко Младич покинул Боснию и Герцеговину. 17 марта 1997 года, буквально в тот самый день, когда МТБЮ передал новый ордер в НАТО, он исчез из своего генерального штаба в Црна Риеке, недалеко от Хан-Песака (американский сектор), и прибыл в Белград. Самые верные члены военного эскорта Младича, ответственные за его личную безопасность, сопровождают его по Сербии. Он иногда возвращается в Боснию на несколько дней, чтобы навестить свою семью в родном регионе Калиновик или могилу брата Миливоя 24 июня 2001 года, что не вызывает каких-либо действий со стороны сил НАТО. Ведутся интенсивные переговоры о выезде Радована Караджича.

20 марта 1997 года Радован Караджич был проинформирован о дискуссиях, которые ведутся в рамках коалиции «Amber Star». Один французский офицер раскрыл ему детали. С момента своего прибытия в Боснию в 1995 году высокий военачальник Эрве Гормелон поддерживал связь с военным преступником. После прибытия сил НАТО французская военная разведка решила ею воспользоваться. С тех пор задачей Гормелона были регулярные встречи с Караджичем в Пале, чтобы убедить его сдаться Трибуналу. Зная его некоторое время до этого, американцы следят за французским офицером. Они поймали его в ловушку в тот же день, когда он, по его словам, пытался привести Караджича к французским военным, чтобы сдаться. Американцы хотят взять на себя французскую инициативу по переговорам с Караджичем. Выборы в декабре 1996 года обеспечили Клинтону второй президентский срок. Вашингтон снова стал в полной мере участвовать в событиях в Боснии и Герцеговине. Если Караджич решит

[1] В декабре 2004 года силы НАТО будут заменены европейскими силами.

[2] Holbrooke Richard, ibid, p. 338.

в один прекрасный день отправиться в Гаагу, они хотят, чтобы последнее слово на переговорах было за ними. Но присутствие Гормелона мешает американцам, потому что Караджич слишком много говорит. Беглец, на самом деле, доверительно сообщил французскому офицеру, что получил от властей США обещание не отправлять его в Гаагу, если он не нарушит Дейтонского соглашения. Караджич даже подготовил фильм-интервью, снятый в январе 1997 года в Пале, который строго хранит его семья, в котором заявил: «Столица Нидерландов не будет иметь шансов провести меня. Ричард Холбрук предложил мне компромисс, чтобы стать анонимным в обмен на американскую защиту от Гаагского Трибунала. Я соблюдал свою часть обязательств, а до сих пор и американцы свою».[1] Гормелону позволено остаться в Сараево, но при условии, что он перестанет видеться с Караджичем и делиться своей информацией с союзниками.[2] Теперь американским посланникам путь свободен.

27 мая 1997 года пятнадцать лидеров Североатлантического альянса подписали в Париже соглашение между НАТО и Россией в присутствии Бориса Ельцина. В садах Елисейского дворца Жак Ширак, Билл Клинтон, Гельмут Коль и новый премьер-министр Великобритании Тони Блэр встречаются с глазу на глаз. Ширак, который стал президентом весной 1995 года, в канун геноцида в Сребренице, недоволен, поскольку два французских летчика, заложники сербов до декабря 1995 года, вернулись в плохом состоянии, и он готов к бою. Младич скрылся в Белграде, но Караджич все еще находится в Пале. Кроме того, именно в апреле он дал интервью греческому телевидению. Все знают, откуда. Наступил момент его ареста. Клинтон призывает французов, чтобы те провели эту операцию. Ширак отвечает, что его военные будут действовать сами. Он требует участия американцев и готов позволить действовать им во французском секторе с тем, чтобы арестовать Караджича. Клинтон не решается из-за опасности для жизни людей и подчеркивает, что операция не может быть выполнена без информирования русских. Ширак выступает против – Москва до настоящего времени категорически против

[1] Naudet Jean Baptiste, Radovan Karadzic, les secrets d'une traaue, Le Nouvel Observateur, № 1951, 28 марта 2002 года.

[2] Masse Jacques, Nos chers criminels de guerre (Naši dragi ratni zločinci), Flammarion, 2006., str. 136.

ареста Караджича и поспешит предупредить беглеца. Клинтон настаивает, а Тони Блэр поддерживает его. Ширак, наконец, сдается. На заседании 29 февраля 2000 года в Елисейском дворце Жак Ширак доверительно сообщает прокурору Карле дель Понте: «Караджич не был арестован из-за противодействия русских. (...) Борис Ельцин сказал мне: «Караджич знает слишком много о Милошевиче». (...) И предупредил меня, что пошлет самолет, чтобы вытащить его из Боснии, если это необходимо, но никогда не допустит того, чтобы Караджича арестовали».

Глава американской дипломатии Мадлен Олбрайт, сопровождавшая Клинтона в Париж, начинает в последующие дни визит на Балканы. 31 мая 1997 года она в Баня-Луке встречается с президентом боснийских сербов Биляной Плавшич. Мадлен Олбрайт просит ее убедить Радована Караджича «сменить Боснию на какое-то далекое место ссылки в качестве альтернативы судебного разбирательства в МТБЮ». Некоторые утверждают, что государственный секретарь предложила Индию, Сербию и Черногорию, Южную Африку, одно из государств бывшего Советского Союза или даже Грецию.[1] Биляна Плавшич отправилась на следующий день в Пале. Караджич вне себя. Он не хочет покидать Боснию и оставить Плавшич, чтобы та явно подчинялась приказам американцев. Обвиняет ее в том, что она предает сербские ценности и исключает ее из партии. В начале августа 1997 года Караджич бросает вызов американцам. Пока Холбрук посещает Балканы, в Пале Караджич дает интервью мюнхенской газете «Süddeutsche Zeitung» под заголовком «Я не монстр», в котором говорит, что готов предстать перед правосудием при условии, что его будет судить суд боснийских сербов. Интервью было опубликовано 8 августа, на следующий день Холбрук прибыл в Белград. Новый государственный секретарь, отвечающий за европейские дела, свирепствует. Караджич является препятствием на пути к миру. Ведь он и его клан пытаются выдавить в меньшинство тех, кто в боснийско-сербском лагере поддерживает реформы, из-за чего предвидит слабый успех на новых парламентских выборах, намеченных на середину октября. По мнению Вашингтона, Караджича необходимо определенно нейтрализовать.

[1] По публичным заявлениям Биляны Плавшич с начала августа 1997 года, а также по интервью с Милордом Белицей в еженедельнике «Slobodna Bosna» («Свободная Босния»), Сараево, 8 июля 2004 года, стр. 23, 24.

9 августа 1997 года Милошевич вновь принял Холбрука в Белом дворце. К ним присоединился Краишник. Без задержки Холбрук представляет копию показаний Караджича двум высшим сербским чиновникам, которые вменяют ему очевидное нарушение соглашения от 18 июля 1996 года. «Такое поведение увеличит перспективы военных действий, так что Караджич предстанет перед Трибуналом», – предупреждает американец. Но Милошевич угрожает: «Если вы будете действовать, то это будет большим несчастьем для всех. Ваш народ будет сожалеть». Холбрук требует гарантий того, что Караджич будет четко придерживаться прошлогодних соглашений.[1] «Караджич может быть арестован, если он не будет держаться подальше от боснийско-сербской политики», – говорит Холбрук, покидая заседание. Белый дом повышает тон несколько дней спустя. По словам его пресс-секретаря, Радован Караджич, отвечающий за «день наихудшего геноцида после Холокоста», не может больше играть политической роли в Боснии. 14 августа 1997 года Пале посещает американский генерал Уэсли Кларк, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе (SACEUR),[2] и публично советует обвиняемому сдаться. И добавляет: «Дни Караджича на свободе сочтены».

При взгляде извне на эту странную связь между Караджичем и американцами через средства массовой информации создается впечатление, что международное сообщество дрогнуло. Луиза Арбур хочет верить в возможность ареста беглеца. Генерал Кларк, с которым она встречается 27 августа, разбивает все ее надежды: «Если Караджич будет доставлен в Гаагу, он там сообщит, что Дейтонское соглашение было заключено с Уорреном Кристофером (госсекретарем США; цитируется по архивным данным), чтобы не выдавать его Гааге». Пораженная Арбур спрашивает, правда ли это. Американский генерал отрицает, не объясняя, что могло привести Караджича к таким утверждениям.[3]

На протяжении всей встречи новый SACEUR показывает нежелание сил НАТО в Боснии играть определенную роль в содействии судебной власти. Он утверждает, что продолжение арестов вызовет опасность начала «третьей мировой войны», а также «широкомасштабную кампанию террора, беспорядков, угроз, которые будут направлены на гражданских и международных представителей». И предупреждает: «Мы не можем позволить уничтожить Дейтон». Арбур напоминает ему о том, что «третья мировая война» уже была объявлена до первого ареста в июле. Она подчеркивает, что эти аресты важны не только для Трибунала, но и для мира в целом. При этом она далека от мысли, что великие державы готовятся вытащить Караджича из Боснии, чтобы спрятать его от международного правосудия.

[1] Holbrooke Richard, ibid. p. 355.

[2] Аббревиатура от «Supreme Allied Commander Europe» - верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе.

[3] В Дейтоне 2 ноября 1995 года Уоррен Кристофер и Слободан Милошевич говорили об отстранении Караджича и Младича.

В сентябре 1997 года, за месяц до парламентских выборов в Боснии и Герцеговине, военный атташе в русском Посольстве в Белграде, агент ГРУ, требует встречи с Радованом Караджичем в монастыре, чтобы предложить ему убежище в России. Он уговаривает одного из своих связников Петра Салапуру, полковника армии боснийских сербов, который был в свое время адъютантом Ратко Младича в Сребренице, передать сообщение для семьи Караджича. И американцы продолжают переговоры. После того, как отстранили Гормелона, они потребовали от Кодовия Шарера, шурина помощника государственного секретаря Строуба Тэлботта, с сегодняшнего дня взять на себя роль приманки для Караджича. С лета он пытается убедить его изменить свое решение и принять предложение, которое ему сделала в мае Мадлен Олбрайт – покинуть Боснию. Последняя встреча состоялась 14 октября 1997 года в день выборов в Боснии. Затем Караджич летит через Сербию и Черногорию, но не в Россию, а Беларусь, на военном самолете, который ему предоставил Борис Ельцин.

Караджичу совсем не нравится изгнание в страну Лукашенко. В начале 1998 года он пакует чемоданы и возвращается в Боснию. Франции неизвестно ни о бегстве в Беларусь, ни о возвращении беглеца в страну. 2 апреля 1998 года французские и итальянские контингенты НАТО, несущие службу в секторе Пале, примерно четыреста человек с бронетехникой и вертолетами, занимают завод «Famos», где у Караджича был свой офис, в результате чего они захватывают оружие. Караджич понимает, что больше не сможет, как до своего бегства, снова поселиться в своей штаб-квартире в Пале и передвигаться на глазах у всех от офиса до своей виллы. Французы боятся критики в средствах массовой информации, если те узнают, что Караджич

все еще может свободно ходить по земле, пропитанной кровью своих жертв. С тех пор беглец становится осторожным. Больше почти не пользуется телефоном. Насколько можно, избегает Пале, куда прибывает только для коротких посещений семьи. Уединяется в труднодоступных районах Боснии, населенных преимущественно сербами, недалеко от границы с Черногорией и Сербией, где нет опасности встретиться с журналистами.

«Ему советовали скрыться», – вспоминал много лет спустя один из его близких друзей. «В первые годы он был твердо убежден в заключенном договоре. Он жил комфортно в своем доме в Пале. Регулярно ездил в Президиум (в Баня-Луку, на другой конец страны; цитируется по архивным данным), часто встречал по пути солдат НАТО, которые никогда не пытались его арестовать. Даже когда он выезжал за пределы Пале, никто никогда не пытался остановить машину. (...) Я уверен, что он до сих пор живет в одной из стран, с которыми заключил договор. Но самое сложное – это быть оторванным от семьи», – говорит Божидар Вучеревич, один из сотрудников Караджича.[1] 10 апреля в статье в газете «Le Monde», которую поместили французские секретные службы, сообщается, что Караджич якобы нашел убежище «в одной из восточных стран, может быть в Беларуси». Информация устаревшая, но позволяет французам оправдаться.

Статья в «Le Monde» ставит в неловкое положение американцев. Французы не совсем довольны возвращением Караджича в свой сектор, а американцы сумели избавиться от Младича, который все еще находится в изгнании в Сербии. Американцы боятся, что Париж обнаружит закулисные договоренности. Париж охотно обвиняет Вашингтон в том, что он противится аресту Караджича. И французы доверительно сообщают Луизе Арбур на одной из встреч в начале 1999 года: «Именно американцы требовали, чтобы Караджич был арестован». Чтобы отговорить французов от демонстрации новых открытий, американцы переходят в наступление накануне визита министра обороны Франции Алена Ришара в Вашингтон.

23 апреля 1998 года «Washington Post» сообщает: «Тайная встреча предоставила Караджичу возможность избежать ареста, один француз вызвал провал миссии». О прошлогодней афере Гормелона звонят

[1] Интервью с Божидаром Вучеревичем, «Slobodna Bosna», Сараево, 21 декабря 2006 года, стр. 36 – 37.

во все колокола. Вместе с тем «детальный план ареста Караджича, включая информацию, карты, диаграммы и оперативные данные в виде небольшой оранжевой брошюры толщиной 1,5 см», как писал Джеффри Смит, является фикцией. Целью операции «Amber Star» никогда не был арест Караджича, а откровения Гормелона не считались изменой, поскольку ему не было предложено покинуть Боснию, где он оставался до декабря 1997 года. Но американские должностные лица тщательно следили за тем, чтобы не проболтаться об этом репортеру «Washington Post». Манипуляция аферой Гормелона попала в цель. Если Караджич все еще на свободе, это происходит по вине французов. В глазах широкой общественности французы теперь несут основную ответственность за несостоявшийся арест Караджича. В соответствии с этим англосаксонская пресса не перестает подозревать французов в сговоре с сербами, обвиняя в двуличии и отсутствии уверенности в себе - французов, которые «позволяют свободное передвижение по их сектору военным преступникам».[1] Эта точка зрения, которая неподвластна времени, будет возвращаться по мере необходимости, чтобы служить в качестве противовеса слухам о секретном договоре между Караджичем и американцами, которые тайком начинают допускать в средства массовой информации родственников обвиняемого. Соперничество между французами и американцами как между западными службами, иногда реальное, иногда мнимое, помешает спустя десять лет тому, чтобы истина вышла наружу и послужила в качестве алиби для отсутствия результатов. В течение десятилетия американцы будут трубить во весь голос, что не могут делиться с французами какой-либо информацией о военных преступниках, так как они повинны в продолжающемся бегстве Караджича. На самом деле, ни французы, ни американцы, ни их союзники не были готовы взять на себя ответственность за операцию, которая тогда считалась слишком рискованной.

[1] Просербские настроения французских властей, в которых их постоянно обвиняли, не могут оправдать это недоверие, потому что такие взгляды в основном разделяют и британские власти. В отличие от Франции, большинство книг посвящено мягкости, более того, сочувственному отношению высокопоставленных британских чиновников к режиму Милошевича. Последняя опубликованная работа: Hodge Carole, Britain and the Balkans, 1991 until the Present, Routledge, London, New York, 2006.

Караджич – богатый и влиятельный беглец

Все усилия Вашингтона, которые он предпринимал весной 1996 года, рухнули с возвращением Караджича в Боснию. Удивительно, но США и их союзники не предусмотрели способа удержать Караджича вне Боснии. Итак, они позволили ему вернуться. Однако, начиная с его возвращения из Беларуси, Караджич, обвиненный почти три года назад, стал жить уединенно. Кажется, что с тех пор он начинает придерживаться условий своего заявления, сделанного в июле 1996 года, и удовлетворяется публикацией книг как единственным видом общественной деятельности. Но это иллюзия и обман. Если Караджич больше не держит в своих руках судьбу Боснии, то по-прежнему влияет на дела представителей сербов. Представители Запада не могут этого не знать, и, кажется, смиряются с этим. Постепенное исчезновение опасности для сил НАТО и процесса мира, который мог вызывать некоторые опасения в первые месяцы и даже первые годы после войны, не привело к изменению стратегии.

Предупрежденный о том, что должен стать невидимым, Караджич скучает на своих холмах вдали от близких ему людей. Все чаще переходит через границу на другую сторону, где у него много союзников и где до сих пор он очень популярен. В Черногории, его родной стране, где все еще живут его мать и большая часть родственников, он до сих пор встречает снисхождение властей. Кроме того, местное духовенство выражает искреннее уважение и всегда готово принять его в своих недоступных монастырях в Черногории и Сербии. Непосредственно перед огромной толпой и церковными сановниками, а также приглашенными гостями Караджич в 1997 году в черногорском Острожском монастыре торжественно крестит своего первого внука. Точно так же он чувствует себя в безопасности и в Сербии. Спецслужбы Милошевича, которые пережили отстранение от власти своего шефа, оказывают ему ценную помощь. Так что Караджич может регулярно отправляться в Белград, например, чтобы присутствовать при рождении второго внука в начале августа 2002 года. Всюду он может опираться на сеть преданных людей, которые работают его телохранителями, руководят его защитой и поездками. Но это дорогая операция. Во всяком случае, когда он покинул Пале, по данным западных агентств, она обходилась в сотни тысяч евро в год.

Караджич берет средства из казначейства Республики Сербской, от сербского населения Боснии. В период с 1998 по 1999 годы в его распоряжение было передано несколько миллионов евро. Слободан Милошевич поскреб по сусекам и нашел для него еще миллион. В марте 1998 года, сразу после возвращения Караджича в Боснию, Момчило Краишник, один из его бывших ключевых помощников, просит в письме к Николе Шаиновичу, вице-премьеру во времена Милошевича, миллион как часть для «судебной защиты» Радована Караджича перед «самопровозглашённым судом» в Гааге. Спустя месяц Белградский банк, бывший банк Слободана Милошевича, которым управляет его верная подруга Борка Вучич, выплачивает эту сумму в виде кредита, предназначенного для «реконструкции сербского Сараево», коммерческому банку «сербского Сараево», выдавая названную сумму на руки бывшему министру юстиции Караджича Момчило Мандичу.[1] Деньги никогда не будут ни возвращены, ни внесены в счет реконструкции Сараево, той части, которая осталась под сербским контролем. По согласованию с Премьер-министром Республики Сербской сумма переводится для защиты беглеца.

Вся сеть государственных предприятий направляет часть своих доходов в пользу Караджича. Частные предприятия также должны внести свой вклад, иногда с применением силы, вынуждаемые наемниками из охраны Караджича под тем предлогом, что благодаря покровительству бывшего лидера во время войны смогли нелегально накопить свой капитал. Его друг Драгомир Койич, бывший глава полиции, был одним из основных поставщиков. Он тогда управлял «UniPak», предприятием по разминированию, аккумулировавшим миллионы долларов по договорам субаренды с «Ronco», американским предприятием из Вирджинии, специализирующимся на гуманитарных операциях по разминированию, которые субсидировал Государственный департамент, и греческим предприятием «IMI», которое использовало европейские субсидии.[2]

[1] Момчилу Краишника в 2006 году МТБЮ осудил на двадцать семь лет заключения за преступления против человечества в Боснии. Николу Шаиновича МТБЮ осудил за преступления против человечества в Косово, а Момчилу Мандича боснийское правосудие обвинило в преступлениях против человечества.

[2] Драгомир Койич только в середине 2003 года появится в списке лиц, обвиненных в финансировании бегства Караджича, которым запрещен въезд в Ев-

Странно, что на это расходывание денег не обращали внимания международные учреждения, которые привлекали средства в эту страну сразу после войны и которые должны были внимательно следить не только за политической властью, но и за оборотом и использованием государственных средств. Великие державы, готовые нейтрализовать влияние Караджича после мирного соглашения, совсем не удивились, увидев, как ближайшие соратники Радована Караджича контролируют большую часть экономической мощи сербского субъекта в Боснии. Только в 2003 году, через восемь лет после предъявления ему обвинения, представители Запада начали интересоваться сетью финансовой поддержки Радована Караджича. Но беглец продолжает получать пенсию президента сербского субъекта, который он создал и которым управлял во время этнической чистки. И никто не оспаривает эту сумму. Между тем центральный пенсионный фонд подсчитал его годовые доходы на основе положения о службе с 6 апреля 1992 года по 10 ноября 2001 года, хотя его в 1996 году в качестве президента сербского субъекта сменила Биляна Плавшич. Караджич никогда не исчезал из официального списка: его административные документы регулярно обновляются, а медицинская ассоциация выдает ему ежегодно профессиональную карточку.

Наконец, в течение всех двенадцати лет в бегах Караджич никогда не переставал влиять на политическую и экономическую жизнь сербского субъекта в Боснии. «Не думайте, что он прячется в некой норе, как Саддам Хусейн. Он свободно передвигается, пишет, видится со своей семьей», – часто напоминает нам Карла дель Понте, не упоминая, что у него есть даже время принимать своих любовниц. После возвращения в Боснию беглец перестал пользоваться телефоном. С тех пор с близкими ему людьми он общается с помощью записок или писем. Его многочисленные письма, которые захватило НАТО, свидетельствуют о деятельности Караджича во всех сферах. Он комментирует политические события и текущие дела, консультирует по финансовым операциям и приобретению земли, обсуждает содержание семейного имущества, определяет политические ориентиры, дает

ропейский Союз и США. Наряду с этим, эффективность Койича в операциях по разминированию окрестностей Сараево много раз отмечали представители международного сообщества, которые забыли, что Койич и его люди сами участвовали в минировании, чтобы поддерживать осаду боснийской столицы.

установки в отношении его защиты на процессе. Кажется, что Караджич в первые годы серьезно сомневался в своей безнаказанности, поэтому занимался подготовкой своей защиты и обеспечением того, чтобы привлекать к работе международных юристов, работа которых была оплачена. Письма показывают, что не было никаких трудностей в общении с близкими людьми, и что он продолжал поддерживать прямые контакты со своей семьей. Всякий раз в январе, в день своего крещения, он встречается со своими близкими. Многие из этих писем позволяют узнать о его привычках и предсказать некоторые из его перемещений. Это также может привести к его захвату. Но каждый раз, когда контингент НАТО захватывал документы, передавал их своим национальным властям, те провозглашали их тайнами защиты. МТБЮ получал лишь очень небольшую часть, спустя несколько лет, когда информация, которую они содержали, больше не имела никакого значения. Осенью 2005 года, когда Карла дель Понте грозилась раскрыть правду о преследовании Караджича, ей вдруг доставили десяток папок, содержащих письма и другие личные документы, которые принадлежали беглецу. Эти документы впоследствии объяснили функционирование сети защиты Караджича.

Новая и последняя смертоносная кампания Слободана Милошевича в Косово летом 1998 года отвлекла внимание от Боснии и Герцеговины. НАТО готовится к интервенции против сил Милошевича и больше не стремится даже притворяться, что хочет поймать Радована Караджича. Отчаявшись, Луиза Арбур решает всего через несколько недель после того, как она обвинила Слободана Милошевича, попытаться убедить Караджича сдаться. Она обязывает сотрудника своего офиса, американца Пола Нилла войти в контакт с Радованом Караджичем. Состоялось несколько тайных встреч, но безрезультатно. Все происходило между Требине и Билече, недалеко от озера, затем западнее, в монастыре на дороге, которая ведет в Столац, а затем на территории Фоча – Вишеград, в гостинице недалеко от Куле-Бани и, наконец, в Черногории, на вершинах горы Жабляк. При каждом перемещении следователю завязывали глаза, его спутники меняли маршрут и несколько раз - автомобиль. Во время их последней встречи Караджич вновь вспоминает о соглашении с Ричардом Холбруком в ноябре 1995 года. В докладе о своей миссии Пол Нилл суммирует слова Караджича: «Незадолго до Дейтона американский дипломат

пообещал ему, что он никогда не будет арестован, если будет держаться в стороне».

Офис Луизы Арбур требует от командующего войсками НАТО в Боснии генерала Мейгса, чтобы тот договорился о способах передачи Караджича в Гаагу. Он сообщает, что необходимо, чтобы лично Клинтон дал зеленый свет, прежде чем принимать какие-либо действия с участием Караджича. Луиза Арбур покидает свое место, поручая этот проект Карле дель Понте, которая прибыла в Гаагу 14 сентября 1999 года.

Счастливым обстоятельством было то, что новый прокурор - швейцарка, а Караджич обсуждал возможность сдаться только в Швейцарии. Обвиняемый не хочет выглядеть трусом и просит, чтобы его добровольная сдача выглядела, как арест. Но нет уверенности в НАТО, и Караджич опасается за свою жизнь. Во время последней встречи с посланником Луизы Арбур, в начале сентября 1999 года, Караджич подробно обсуждал порядок своей сдачи. Снова просил до начала судебного заседания находиться под домашним арестом и триста тысяч немецких марок, чтобы обеспечить свою защиту. Новый прокурор хотела бы использовать следующую встречу, если она состоится в Боснии, и, угрожая немедленным арестом, вынудить его сдаться. 22 сентября 1999 года она просит помощи у генерала Мейгса, который подтверждает, что необходимо согласие Клинтона для каких-либо действий против Радована Караджича, если это происходит в американском секторе. Между тем генерал Мейгс рекомендует проконсультироваться с Парижем, поскольку Караджич, вероятнее всего, будет во французском секторе. Карла дель Понте была принята 29 февраля 2000 года в Елисейском дворце. Ширак прямо обвиняет американцев в том, что они препятствуют аресту Караджича. В качестве доказательства он заявляет, что Франция «в прошлом призывала американцев действовать», но они даже пальцем не пошевелили. Ширак признает, что убежден в том, что какое-то соглашение было достигнуто во время переговоров в Дейтоне, но у него нет никаких доказательств. 23 марта 2000 года Карла дель Понте открыто ставит вопрос перед Уэсли Кларком, верховным главнокомандующим ОВС НАТО в Европе. Американский генерал это отрицает и обвиняет Ширака, что тот нашел общий язык с Караджичем и Младичем в преддверии церемонии подписания мирных соглашений в Париже, добившись освобождения

французских летчиков, которые с августа 1995 года были в сербском плену. Добавляет, что французское противодействие мотивировано также экономическими интересами Франции в России и Сербии. Но снова напоминает, что необходимо, чтобы лично Клинтон дал зеленый свет. Стремясь доказать, что обвинения Ширака в адрес американцев являются необоснованными, генерал Уэсли Кларк просит Париж приказать французским войскам в ближайшее время арестовать Радована Караджича. В письме от 24 марта 2000 года, адресованном начальнику французского Генерального штаба генералу Жан-Пьеру Кельшу, которого он сразу же представил Карле дель Понте, говорится: «После нашего обсуждения с целью прояснить свои намерения, я этим письмом наделяю Вас полномочиями принять все меры, необходимые для захвата Радована Караджича, как только Ваши силы будут в состоянии это выполнить на основании обвинения МТБЮ, выдвинутого против него. Был бы Вам весьма признателен, если бы Вы сообщили мне обо всем в соответствии с процедурой». Это была лишь тщетная попытка, и Кларк об этом знает. Вашингтон поясняет: «У французов в окружении Караджича есть свой человек, один из его телохранителей. Если он обратится за помощью к США, мы ему ее окажем, но правда состоит в том, что французы не хотят нашей помощи. Они стремятся добиться капитуляции Караджича». Тем временем Караджич разорвал все контакты с Полом Ниллом, посланником прокурорского офиса. Это была последняя встреча с представителем МТБЮ.

Пассивность великих держав во время конфликта привела ко многим грязным договоренностям, которые, как только восстановится мир, будут пересмотрены. Вчерашняя слабость порождает сегодняшнюю неуверенность, оставляя политиков в замкнутом круге, из которого, как правило, чтобы выйти, нужно постоянно оправдываться. Каждая великая держава имеет свои собственные долги наряду с теми, которые она делит вместе со всеми. Американцы и французы напрасно сваливают вину друг на друга, но в тоже время по взаимному согласию стремятся ограничить отправление правосудия с тем, чтобы скрыть свои предыдущие действия. Франция никогда не хотела устранить сомнения по поводу обстоятельств освобождения пилотов 12 декабря 1995 года, за два дня до подписания Дейтонского соглашения в Елисейском дворце в Париже. Фредерик Шиффо и Хосе Совиньон

участвовали в операции НАТО против сербских позиций в Боснии, когда 30 августа 1995 года был сбит их «Mirage». Их нашли крестьяне, передали людям Ратко Младича и его службе безопасности. Следовательно, Радован Караджич был не в состоянии торговаться. Посланники Жака Ширака и французских спецслужб, такие, как бывший префект Жан-Шарль Маркиани, отставной генерал Пьер-Мари Галлуа и другие, поняли после нескольких недель, в течение которых они вели с ним переговоры, что речь идет о времени для прекращения уголовного преследования МТБЮ. Париж, наконец, призвал Белград при дружественном посредничестве Москвы убедить Младича отпустить двух офицеров. Как следует из ряда телефонных разговоров, которые были перехвачены в то время и представлены в конце июня 2003 года на суде над Милошевичем, Ратко Младич пытался вести переговоры о своей безнаказанности в обмен на освобождение пилотов. В телефонных разговорах в декабре 1995 года между сербскими лидерами упоминаются обещания Ширака. Начальник Генерального штаба армии Момчило Перишич заявил вечером 9 декабря Зорану Лиличу, президенту Федерации Сербии и Черногории, что Младич в обмен за пилотов требует «четких гарантий того, что не будет выдан Трибуналу». Лилич удивляется, потому что ему «все – Ширак, Милошевич, Перишич и сам Лилич – дали слово». В телефонном разговоре с Лиличем спустя несколько мгновений Милошевич одобряет требования Младича и предлагает своему собеседнику дать ему письменную гарантию. Не откладывая дело в долгий ящик, Лилич сообщает об этом Перишичу и подчеркивает, что Младич получит «письменный документ, а также слово президентов Милошевича и Ширака». В тот же вечер, 11 декабря 1995 года, жена Милошевича Мира Маркович звонит начальнику штаба Младича Райко Бандуку: «Ни в коем случае не принимайте во внимание то, что Младич будет передан в Гаагу, нет никаких оснований для того, чтобы пилотов можно было обменять на этих условиях». Затем заявляет, что когда Младич получит гарантии, пилоты должны быть переданы французам. Париж это всегда отрицал. Во время встречи с Карлой дель Понте в Елисейском дворце 25 июня 2003 года Жак Ширак четко заявляет, что Франция никогда не вела переговоров об освобождении своих пилотов в обмен на свободу Младича. «Я знаю эту историю, ее рассказывают этот разбойник (Жан-Шарль; цитируется по архивным данным) Маркиани и (Шарль;

цитируется по архивным данным) Паскуа, а был еще некий русский (Аркадий Гайдамак; цитируется по архивным данным) в этой истории. Но я был в ярости, и мы потребовали безусловного освобождения пилотов!» – воскликнул тогда Ширак.

Охота на Младича

После окончания интервенции НАТО в Косово весной 1999 года западные чиновники подтвердили свое обещание соблюдать требования правосудия, но за кулисами не изменили своей политики отказа. В феврале 2000 года во время визита в Нидерланды Жак Ширак подтверждает «решимость Франции сделать все, чтобы помочь в задержании разыскиваемых лиц, особенно тех, кто воплощает собой этнические чистки в самой гнусной форме, то есть Радована Караджича». Уэсли Кларк в апреле усиливает тон: «Арест Караджича является вопросом нескольких дней». А Джордж Тенет, глава ЦРУ, в ходе встречи с Карлой дель Понте 26 сентября в Лэнгли добавляет: «Я таких людей буду преследовать по всему миру. Почему не удается арестовать бен Ладена? Нам потребовалось семь дней, чтобы поймать Норьегу с помощью двадцати тысяч морских пехотинцев в стране, которая была нашей... Караджич мой приоритет номер один. Он находится в центре всех наших усилий. Это одна из самых сложных операций. Он никогда не говорит по телефону, никогда не подписывает документов (sic). Однако, если Милошевича отстранят от власти, все крысы побегут с корабля». В мае 2001 года на новом совещании после американских выборов Джордж Тенет повторяет: «Для администрации Буша, а также для ЦРУ, Караджич и Младич являются главными приоритетами». Затем подчеркивает без тени сомнения, не подозревая о том, что произойдет 11 сентября: «Караджич для меня важнее Младича и более важный, чем бен Ладен». Премьер-министр Великобритании также заверяет Карлу дель Понте в своей поддержке. В письме от 19 декабря 2001 года Тони Блэр пишет: «Я особенно обеспокоен тем фактом, что Караджич и Младич до сих пор не были арестованы. Мы четко указали Коштунице (во время его визита в Великобританию в конце ноября; цитируется по архивным данным), что их свобода препятствует стабилизации ситуации в Боснии. Мы ткнули носом власти

в информацию, свидетельствующую, что отдельные элементы югославской армии обеспечивают защиту Младича. И в дальнейшем мы не собираемся отступать».

Отстраненный от власти в октябре 2000 года Слободан Милошевич был выдан Гааге 28 июня 2001 года премьер-министром Сербии Зораном Джинджичем. Такой поворот событий, кажется, свидетельствует о возможной открытости. Беглецы, которые нашли убежище в Сербии, теперь уже в руках правосудия. В это, по крайней мере, верит Карла дель Понте, которая решила попытаться убедить сербское правительство арестовать Ратко Младича, который публично появляется в Белграде.

После отъезда из Боснии в марте 1997 года Младич живет в Сербии под защитой высших органов государственной власти. Слободан Милошевич восхищается кровожадным генералом. Накануне своей смерти в Гааге в марте 2006 года он сказал своим сокамерникам: «Ратко Младич – великий полководец, настоящий джентльмен». Воислав Коштуница, избранный президентом в октябре 2000 года, не меняет позиции. Пятьдесят наиболее лояльных членов службы безопасности Младича охраняют его в Сербии. Они разместились в казарме в районе Топчидер, в сербской столице. Белградская армия гарантирует им материально-техническое обеспечение, поездки, наблюдение. Ратко Младич живет на своей белградской вилле на улице Благоя Паровича, 11-7, в жилом районе Баново Брдо, где армия построила дома для своих старших офицеров. Когда в апреле 1999 года НАТО начинает операцию по бомбардировке сил Союзной Югославии, его целью, в первую очередь, являются военная инфраструктура и строения. Цели бомбят и в Белграде. Ратко Младич сразу же перебирается во внутренние районы страны. Сначала пребывает в курортной местности Страгари недалеко от города Топола, а затем переезжает на другой военный курорт в Райце, недалеко от Валево. После окончания военных действий Ратко Младич проводит время между Белградом и внутренними районами страны. Часто гостит у генерала Живановича, своего друга, который командовал Дринским корпусом до того утра, когда начался геноцид в Сребренице, и у которого есть дом недалеко от населенного пункта Горни Милановац. Регулярно посещает Валево, где пребывает у других сербских генералов и у генерала Петра Грачанина, бывшего министра, друга семьи и советника Милошевича

в тени всех параллельных структур. Именно в этой провинции в центре Сербии он находился в течение нескольких недель во время выдачи Слободана Милошевича МТБЮ 28 июня 2001 года. После того, как президент Воислав Коштуница заверил, что он не будет передан в Гаагу, Младич, наконец, вернулся в Белград. Из бюджета армии Республики Сербской растрачено 75000 конвертируемых марок, валюты Боснии и Герцеговины (около 36 000 евро), чтобы помочь купить ему автомобиль, который он затем подарит своему сыну.

Когда Младич весной 2001 года, а затем в 2002 году лечился в военном госпитале в Белграде, он не пользовался подземным входом на уровне гаража, а входил в главную дверь. Кроме того, Младич появляется на свадьбе своего сына Дарко и присутствует на праздничной церемонии в Доме Армии, расположенном в самом центре Белграда. Посещает рестораны в своем квартале, ходит на футбольные матчи. Белградцы постоянно встречают его в разных местах. Его частое появление представляет собой насмешку над международным сообществом. Силы НАТО, отправленные в соседнюю Боснию и Герцеговину, не могут работать в Сербии, даже если бы захотели. Таким образом, они могут отказаться от предложения Зорана Джинджича Карле дель Понте 28 июня 2001 года. Тогда сербский премьер-министр, который в середине дня позвонил прокурору и сообщил о выдаче Слободана Милошевича Трибуналу, предложил ей в то же время доставить и Младича. «Если НАТО сможет действовать без промедления в течение четырех часов», – добавил он. Младич в это время находится дома в Белграде.

Младич вскоре стал причиной разногласий между Воиславом Коштуницей, президентом Федерального государства Сербии и Черногории, и Зораном Джинджичем, сербским премьер-министром. Джинджич знает, что его страна не найдет своего места на международной арене, пока будет предоставлять убежище наиболее ответственным за резню в Сребренице, которых разыскивает международное правосудие. Еще перед тем, как Милошевич был выдан в Гаагу, он просит Коштуницу снять охрану, предоставленную Младичу, которая финансируется за счет средств федерального бюджета, и отправить его в отставку.

Младич никогда не переставал быть активным офицером югославской армии, даже во время самой интенсивной этнической чистки.

Во время войны, когда он командовал армией боснийских сербов и, казалось, зависит от самопровозглашённого президента боснийских сербов Радована Караджича, Младич оставался под опекой Белграда. О каждом из его продвижений по службе, как 16 июня 1994 года, когда он получил третью генеральскую звезду, принималось решение, подписанное рукой президента Союзного государства Сербии и Черногории. Младич все еще принадлежал югославской армии, но был откомандирован к сербам в Боснии, как почти все кадровые офицеры его армии, которые там сеяли смерть. Семь лет спустя, 16 июня 2001 года, президент Воислав Коштуница подписал указ, разрешающий ему подать в отставку и изъять его личное дело из официальных реестров югославской армии. Но Коштуница, который сделал это под давлением Джинджича, не спешит. Административная процедура была завершена только год спустя, 29 мая 2002 года, после новых угроз премьер-министра Сербии.

«Удивительно, что Ратко Младич может и далее довольно беззаботно проживать в Белграде под официальной защитой югославской армии, действующим офицером которой он является до сих пор», – возмущается в ноябре 2001 года Карла дель Понте в Париже и Вашингтоне. И предупреждает Совет Безопасности 27 ноября: «Если мы действительно намерены применять закон против тех, кто совершает акты геноцида и преступления против человечности или терроризм, если мы хотим создать прочную стабильность на Балканах, мы просто не можем позволить Радовану Караджичу и Ратко Младичу избежать правосудия и не можем конструктивно обсуждать завершение мандата МТБЮ, пока они не будут осуждены в Гааге».

Джинджич уже пообещал Карле дель Понте, что передаст Младича Трибуналу, но просил немного времени. «Младич в Сербии, и мне нужно достичь политического консенсуса для его экстрадиции в Гаагу. А это будет трудно, если не сказать невозможно. Коштуница бестолковый и не пойдет против Младича. Наряду с этим, он считает, что дни МТБЮ и Ваши дни сочтены». Джинджич знает, что участие сербской полиции в аресте Младича вызвало бы реакцию в армии. Сначала он пытается убедить Коштуницу подчиниться международным правилам и как можно быстрее начать сотрудничество с МТБЮ. США и дальше диктуют условия, что экономическая помощь зависит от этого сотрудничества, а от этой помощи зависит судьба Сербии. Двадцать обви-

няемых, которые скрываются от МТБЮ, беззаботно живут в Сербии. Джинджич надеется, что Коштуница скоро согласится выдать МТБЮ мелкую рыбешку, а потом решит передать МТБЮ и Младича. Или Младич, когда от него отвернется армия, покинет Сербию.

В январе 2002 года Джинджич в Нью-Йорке представляет Карле дель Понте свой план: «Я попросил американцев помочь мне локализовать Младича, но они говорят, что не знают, где он. Тем не менее мы пришли к соглашению с ЦРУ. Если Младич находится за пределами Сербии, ЦРУ будет работать. Небойша Павкович (тогдашний начальник Генерального штаба Югославской армии; цитируется по архивным данным) пошлет двести человек и поставит ему ультиматум: или он покинет Сербию, или мы арестуем его. Мы надеемся, что он уйдет. Его будет легче арестовать в Республике Сербской, потому что он не может, как Караджич, опираться на широкую сеть поддержки».

Младич вовсе не намерен сдаваться или покидать Сербию, где он чувствует себя в безопасности. 4 июня 2002 года в Белграде он лично подписывает прошение об отставке и назначает трех доверенных лиц, которые могут получать вместо него пенсию: жену Босильку, сына Дарко и командира подразделения, отвечающего за его безопасность. Его положение обвиняемого в бегстве от Трибунала отнюдь не мешает ему следить за нотариальной процедурой. На каждом этапе Младич подписывает свои требования, подтверждает получение решений, указывает свой личный адрес. Военное подразделение, отвечавшее за его безопасность, было расформировано и покинуло через какое-то время казармы в Топчидере. Премьер-министр Сербии Зоран Джинджич запретил выплаты из Сербии в федеральный бюджет, если деньги и дальше будут использоваться для финансирования побега Младича. Но с помощью неограниченной доверенности, выданной Коштуницей, армия находит другие каналы финансирования. Подразделение немедленно воссоздано как группа добровольцев, оплачиваемая из военных «черных фондов».

В последующие дни Младич в самом центре Белграда празднует свой выход на пенсию в ресторане Дома Армии, немного ниже площади Республики, со своей женой и старыми друзьями. Он до сих пор посещает заведение «Bevanda» в районе Баново Брдо. 21 октября 2002 года обедает в «Милошевом дворе», в квартале Кошутняк, в 500 метрах от резиденции посла Швейцарии, где Карла дель Понте

разговаривает с международными дипломатами в конце своего визита в Белград. 12 марта 2003 года премьер-министр Зоран Джинджич был убит средь бела дня перед зданием сербского правительства. Полиция начала большую спецоперацию, в ходе которой более тысячи человек были задержаны по всей стране. В большинстве случаев это члены организованных преступных групп. Но были арестованы также бывший глава тайной полиции Милошевича Йовица Станишич и его правая рука Франко Симатович. Младич не хочет рисковать. Он скрывается на Бежанийской косе, в пригороде Белграда, на трассе между центром города и аэропортом, в доме генерала в отставке. Потом покупает несколько акров земли между Валево и Лозницей, недалеко от границы с Боснией, где какое-то время разводит пчел.

Представители Запада долго отказывались признавать, что Младич абсолютно безнаказанно проживает в Сербии, даже встреть они его в Белграде, что Зоран Джинджич и его министры с готовностью подтверждали. Но всякий раз, когда Карла дель Понте призывала к действию, они требовали весомых доказательств. 30 ноября 2001 года министр обороны Франции Ален Ришар, желая пощадить президента Коштуницу, несмотря на его отказ от сотрудничества с МТБЮ, в ходе встречи в Париже бросил Карле дель Понте: «Если Младич действительно находится в Белграде, покажите нам его фотографию. Моя страна будет оказывать давление, когда у нас будут надежные и поддающиеся проверке доказательства». А французский министр только что получил доклад генерала Филиппа Рондо, командующего специальными операциями, у которого больше нет никаких сомнений относительно присутствия Младича в Сербии. В конце 2002 года столицы уже не могут отрицать очевидного. С тех пор они вынуждены оказывать давление на власти, которые открыто нарушают закон, отказываясь исполнить международный ордер на арест генерала, обвиняемого в геноциде.

«Дело Караджича»

В Боснии и Герцеговине великие державы остаются на своих позициях. В начале 2001 года французские службы утверждают, что идентифицировали Караджича благодаря устройству GSP, установленному под машиной одного из близких к нему лиц. Но операция ареста

прекращена по приказу Жака Ширака, потому что она вынуждает перейти французских коммандос в сектор под американским контролем. Командующий международными силами в Боснии (SFOR) американский генерал Додсон в июле 2001 года объясняет Карле дель Понте: «Мы больше не обеспокоены тем, что нам придется понести потери, так как наши люди уже хорошо обучены. Но у Караджича – статус героя, поэтому существует риск тяжелого политического кризиса в случае его ареста». Несмотря на то, что Сербия выдала Слободана Милошевича, западные чиновники упорно ищут альтернативы аресту Караджича. Между тем новая американская администрация не нашла ничего лучше, как с помощью серии писем и встреч с его семьей просить сдаться. Пьер Ришар Проспер, новый американский посол, в ведении которого находятся вопросы международного правосудия, пишет 14 декабря 2001 года Лилиане Караджич, чтобы она уговорила своего мужа сдаться: «Госпожа Караджич, выдача Вашего супруга в Гаагу неизбежна, но можно выбрать способ, как нам его туда доставить. Было бы в интересах Вашей семьи и тех, кто ее окружает, чтобы эта выдача осуществлялась в полной безопасности и с достоинством, а не как операция, в которой он или другие могли бы пострадать. Вместо того, чтобы скрываться от МТБЮ, Ваш муж должен сдаться и отстаивать свою позицию перед Трибуналом. Тем самым он бы облегчил бремя, давящее на его семью и сторонников, которые, в противном случае, будут отвечать за последствия юридического и финансового воздействия, направленного против них. Будут также устранены препятствия для развития Республики Сербской, что позволит ей стать влиятельным и процветающим субъектом Боснии и Герцеговины. Я хотел бы встретиться с Вами, чтобы поговорить о положении Вашего супруга. Я мог бы быть в Боснии 20 или 21 декабря. Убедительно рекомендую Вам воспользоваться этой возможностью».

Просперу не удалось договориться о встрече. В январе 2002 года он отправился в Черногорию, чтобы убедить мать Караджича, Йованку. Старая черногорка не позволяет, чтобы ей продавали туманные перспективы. Посол затем угрожает Луке, брату беглеца, что тот может лишиться своего бизнеса. Лука Караджич владеет несколькими АЗС и фабрикой фруктовых соков.

Ему отказывают в поставке топлива, но он не уступает. Тогда американский генерал Сильвестр, который принимает на себя командо-

вание «SFOR», говорит Лилиане Караджич, советуя ей в интересах боснийских сербов убедить мужа сдаться. Жена отвечает генералу Сильвестру 4 июня 2002 года: «Единственное, что международное сообщество может сделать, - это снять обвинения». И подчеркивает: «Мой муж всегда уважал любое джентльменское соглашение, о чем Вы должны были бы знать. Кроме того, соблюдены все условия, чтобы он стал свободным человеком». В течение последующих месяцев все больше западных посланников обещают Карле дель Понте возможную сдачу Караджича, если она снимет с него обвинения в геноциде, относящиеся к Сребренице. Западные правительства ищут выход, но стремятся быть очень осторожными, чтобы не сформулировать такой запрос.

По признаниям экспертов в этой области, за последние десять лет были только три попытки арестовать Караджича. Все три провалились. Все они датируются 2002 годом, когда в Гааге начался суд над Милошевичем, в ходе которого великие державы требовали от МТБЮ, чтобы он как можно скорее завершил свою работу. Первая операция началась 28 февраля в Челебичах, деревне недалеко от Фочи, на юго-востоке Боснии. Два дня контингент НАТО обыскивал этот сектор. Караджича там не было. И все об этом знали. Но опять-таки - американские офицеры обвинили одного французского военнослужащего, что тот сорвал операцию, своевременно предупредив Караджича. Французское правительство это отрицает, Генеральный секретарь НАТО англичанин лорд Робертсон тоже. 18 марта 2002 года Государственный секретарь США Колин Пауэлл пообещал Карле дель Понте: «США не перестанут требовать ареста Караджича и Младича». В Совете национальной безопасности, который тогда возглавляла Кондолиза Райс, эксперты объясняют: «Пожалуйста, простите нас, что мы обещали Караджича до ноября 2001 года. 11 сентября нарушило нашу программу. Однако после того, как мы заново оценили ситуацию и подтвердили вместе с нашими союзниками значение, которое мы придаем тому, чтобы Караджич был за решеткой, мы снова очень активны. Две операции, которые пытались провести SFOR, провалились. Но они послужили отличной генеральной репетицией. Мы усилили давление и еще больше усложняем ему жизнь».

До двух других операций дело дошло в летнее время, сначала в Пале, а затем Фоче. Это были операции для поддержания обще-

ственного реноме военной сверхдержавы с подмоченной репутацией и нерадивых западных чиновников, отсутствие доброй воли которых становится все более подозрительным. Они также упоминают о предупреждении Караджичу, который иногда бывает в обыскиваемых секторах. Предупреждении сдаться или прекратить влияние на политическую и экономическую жизнь сербского субъекта в Боснии? Эти операции, в любом случае, сделали возможным изъятие документов, малая часть которых неохотно передана в Прокуратуру в Гааге и в которых содержится много подробностей о напряженной деятельности невидимого человека.

Столицы утверждают, что кольцо сжимается. Генерал Дж. Сильвестр 17 апреля 2002 года убеждает Карлу дель Понте, что в его распоряжении «лучшие американские силы во всем мире», чтобы захватить Караджича. И добавляет, что уже потрачено 18 миллионов долларов «для поисковых и психологических операций, направленных на местное общественное мнение». Несколько недель спустя он утверждает, что «они приближаются к Караджичу» и даже «могут слышать его дыхание». Как Луиза Арбур, так и Карла дель Понте сомневаются в воле великих держав. 12 марта 2002 года в конце посещения оперативного штаба НАТО в Штутгарте она отмечает в своих личных заметках: «Они, обманщики, сказали, что хотят его арестовать... Они выглядят очень уверенно, но работают слабо. Каждые шесть месяцев происходит смена команд. Там нет никакого сотрудничества. Они не могут делать ни заметок (во время совещаний: цитируется по архивным данным), ни выносить с собой схемы и диаграммы, которые мне дали на французском языке. Любезные, но глупые».

Чтобы представители Запада перестали «играть в прятки с виновниками геноцида», Карла дель Понте хочет создать собственную команду для розыска. В сентябре 2001 года она попросила четыре дополнительные ставки в бюджете на 2002 год. Однако в декабре США призывают к сокращению расходов. 11 сентября изменило их приоритеты, - объясняют они и просят Трибунал заняться как можно скорее «завершающей стратегией». Карла дель Понте не получает ни одного дополнительного места. Она решает обойтись средствами, имеющимися в ее распоряжении, и назначает нескольких способных агентов среди своих следователей. В начале 2002 года в Прокуратуре создано подразделение, ответственное за локализацию преступников, нахо-

дящихся в бегах, и синхронизацию поисков Караджича и Младича. Но это подразделение не имеет права арестовать беглецов. Великие державы никогда не отвечали на неоднократные призывы судей и прокурора, которые следовали одни за другими, сформировать «группу международной судебной полиции». Таким образом, Трибунал в случае ареста и общего сотрудничества по-прежнему зависит от доброй воли государств. Это подразделение, названное «tracking team», первоначально возглавлял полковник французской жандармерии Раймон Шартье, которого в 2005 году сменил британец.

Розыскному подразделению удалось локализовать пятнадцать беглецов, но эффективность его работы серьезно подрывает отказ стран НАТО, в частности англичан и американцев, подтвердить или опровергнуть информацию, которую они получили от агентов МТБЮ, что существенно затрудняет или исключает оценку источников. Люди Карлы дель Понте пытались работать на территории с наиболее мотивированными местными жителями. В Боснии они сотрудничали с Муниром Алибабичем, бывшим агентом югославских спецслужб, который стал главой разведывательной службы хорватско-боснийского субъекта и которого, справедливо или ошибочно, называют «балканским Симоном Визенталем». Назначенный ненационалистическим правительством, он имеет агентурную сеть по всей стране и железную волю, чтобы отправить Караджича в Гаагу, где бы тот ответил за свои преступления. Но как только они начали работать вместе, Педди Эшдаун, человек, который в конце мая 2002 года взял бразды правления в международной администрации в Боснии, отказался от его услуг. Британец, которого боснийцы уже окрестили «проконсул», «визирь» или даже «Педди-паша», меняет всех на полной скорости, что вполне в его силах.

Чтобы оправдать свое решение, Эшдаун приписывает Муниру Алибабичу «попытку государственного переворота». В «Ljiljan» («Лилия») – ежедневной газете, близкой SDA («Партии демократического действия»), он обвиняет Алибабича в организации утечки данных из отчета, который был ему заказан, в связях с боснийскими националистическими партиями и SDA, победившей на выборах, а также местной мафией. Эшдаун не приводит каких-либо доказательств, а в середине октября 2002 года требует поддержки послов великих держав в Сараево во время короткой встречи. Противится только Франция.

Эшдаун преодолевает это, и на следующий день Алибабич подает в отставку, ему запрещается занимать любые государственные должности. Получив предупреждение о том, что должен покинуть офис в течение часа, у него нет даже времени, чтобы закончить свой последний отчет о передвижениях Караджича, который должен быть в тот же день передан Карле дель Понте, прибывшей в Сараево.

Алибабич сотрудничал не только с сыщиками Карлы дель Понте. Он посылал свою информацию в SFOR, где мог убедиться в отсутствии интереса, а иногда даже отказе проверить следы. Алибабич имел большое преимущество по сравнению со своими западными коллегами. Он предоставлял информацию, которая высмеивала великие державы и показывала их лицемерие. Но у Эшдауна была еще одна причина, чтобы быстро убрать этого боснийца. Офис Карлы дель Понте только что накопил средства, 150000 евро, чтобы финансировать кампанию против Караджича и больше не зависеть от Запада. Первая часть уже была выплачена Алибабичу, чтобы он оплатил работу своих информаторов. Англичане и американцы прослышали об этом секретном соглашении, без сомнения, из-за утечки информации в недрах Трибунала, где некоторое количество лиц из Прокуратуры и Секретариата было введено в курс событий, чтобы обеспечить прозрачное управление специальными фондами и переводом денег в Боснию. Через месяц Педди Эшдаун косвенно признает связь между отставкой Алибабича и охотой на Караджича. «Я его отозвал, потому что он работал на французские спецслужбы и отказался сотрудничать с британскими», – откровенничал он в Сараево 19 ноября 2002 года. И добавил, как бы подтверждая это: «Он не мог помочь, так как (генерал; цитируется по архивным данным) Рондо[1] и его сотрудники всегда, даже в последнее время, пресекали все попытки схватить Радована Караджича». Воистину, трудно прокурору МТБЮ в этом осином гнезде комбинаторов найти себе союзников.

Вопреки мнению Алибабича - знатока Балкан, эффективного и высоконравственного человека, который приобрел свой авторитет за эти годы в поездках, обвиняя наиболее ответственных во время войны в

[1] Генерал Филипп Рондо был советником по информации и специальным операциям Министерства обороны Франции с 1997 по 2005 годы. В этом качестве президентом Шираком в 1998 году он был зачислен в команду, которая охотится на военных преступников.

Боснии и Косово, а затем, несколько лет спустя, давая перед МТБЮ показания по делам многих обвиняемых (Блашкич, Милошевич, Брджанин), Педди Эшдаун ставит перед собой цели, которые находятся в конфликте с миссией Трибунала. Он дергает за ниточки, играет в политические альянсы между местными националистами и принимает посетителей только в стеклянной комнате, расположенной на первом этаже здания Управления Верховного представителя ООН по Боснии, в квартале Грбавица в центре Сараево. Никто не может войти в нее, если не оставит мобильный телефон на входе. Комната полностью непроницаема для подслушивания и должна оставаться таковой. В то время, как с Карлой дель Понте обсуждается, например, вопрос Алибабича, бывший элитный воин Ее Величества может ей прямо сказать, что англичане никогда бы не уступили Франции первенства в области разведки в Боснии и Герцеговине. Они пользуются поддержкой американцев, которые с неодобрением смотрят на ее розыскное подразделение, руководимое французом. В марте 2003 года американский представитель по вопросам военных преступлений Пьер Ришар Проспер говорит ей почти открытым текстом: «Вы посылаете на территорию людей, которые задают слишком много вопросов. Кто они, чего хотят?»

Война, которую начали за кулисами союзники, казалось бы, в «лайковых перчатках», оказалась циничной и беспощадной. Это соперничество, априори устаревшее, привело к тому, что международные отношения напоминают игру без правил, в которой все запретные удары разрешены. Результат: союзники – французы, британцы и американцы – шпионят друг за другом, оттесняют друг друга, отказываются сотрудничать, а иногда даже общаться. Вашингтон и Лондон не перестают подозревать Францию в осуществлении независимых политических планов и обвинять ее в том, что она не делится своей информацией. В Боснии, как и вообще во всем мире, Франция никоим образом не стремится восстановить доверие своих партнеров. Она не пытается брать на себя инициативу. Остается пассивной как в Боснии, так и на большинстве внешнеполитических сцен, будучи при этом одной из стран, которые прилагают максимальные усилия для поддержания мира. Когда франко-американские отношения достигли точки кипения после отказа Франции в начале 2003 года поддержать военное вмешательство в Ирак, Париж не пытался поставить Вашингтон

и Лондон в неловкое положение, самостоятельно захватив Караджича, который до сих пор был во французском секторе. Если бы Франция хотела доказать непостоянство США, в чем она их постоянно обвиняет, в этом случае у нее была бы прекрасная возможность.

На самом деле, политически хрупкий союз между тремя великими державами оказывается, в конечном итоге, более устойчивым, чем казалось. Поскольку все три едины в нежелании ареста Караджича.

Вашингтон и Лондон продемонстрировали в начале 2003 года реорганизацию SFOR и перераспределение компетенции географических секторов в качестве эффективного реагирования на обструкцию Франции захватить Радована Караджича. «Теперь, когда мы можем действовать без французов, мы приступили к демонтажу сети, которая финансирует охрану Караджича, а значит шансы поймать его становятся реальными», – заявляют американские высокопоставленные должностные лица в апреле 2003 года. Париж, напротив, считает, что это решение подрывает работу агентов его разведки, расположившихся на территории и теперь определенно удаленных от Пале и сербской среды, которая им хорошо знакома. На самом деле, ничего не меняется. 11 ноября 2003 года Караджич может спокойно прийти в Пале, в свое семейное хозяйство и посадить по сербской традиции дерево. В этом году он выбрал черешню. В Вашингтоне месяц назад государственный секретарь США Колин Пауэлл сказал Карле дель Понте: «Я не могу ответить, я не знаю, почему его не удается локализовать или, когда его найдут, арестовать!» Арест Саддама Хусейна 13 декабря 2003 года, через девять месяцев после американской интервенции в Ираке, вселяет в МТБЮ большие надежды. Так что возможно, когда есть достаточно воли и ресурсов, захватить бывшего главу государства, который до сих пор располагает сетью поддержки в своей стране. Иными словами, аресты не представляют непреодолимых проблем, когда в интересах великих держав осуждение подозреваемого. Особенно, когда у них есть все возможности контролировать судебный процесс.

В то время, как изображение Саддама Хусейна, вытащенного из ямы, постоянно крутится на мировых экранах, Караджич знает, что ему нечего бояться. Прошло несколько недель, как британские спецслужбы приблизились к нему и попытались уговорить сдаться или покинуть Боснию. Задействованные на новых фронтах, американцы

хотят вывести большую часть своих войск из Боснии и оставить европейцам только задачу обеспечения военного присутствия в стране. Это решение должно быть принято на саммите НАТО в Стамбуле в июне следующего года. Но европейцы дали ясно понять, что они не будут перенимать эстафету, пока не решена проблема Караджича. «Да, это требование и в любом случае американцы не уйдут, пока они не будут в состоянии сказать: 'Миссия выполнена'», – подтверждает Хавьер Солана, генеральный секретарь Совета Европейского Союза, 13 октября 2003 года на встрече с Карлой дель Понте в Люксембурге. В конце 2003 года на помощь приглашается Педди Эшдаун. Бывший лидер британской либеральной партии знает Караджича, он встречался с ним несколько раз в 1992 и 1993 годах во время своих поездок в Боснию. Кроме того, он близок к МИ-6, которая тогда организовала встречу в Боснии. По крайней мере, так утверждает два года спустя глава германской дипломатии. Йошка Фишер сообщил Карле дель Понте в начале 2006 года, что через свои службы получил свидетельство тайной встречи. Германия отказывается дать такие показания, несмотря на упорство прокурора, которая хотела бы их использовать, чтобы оказать давление на представителей Запада.

Эшдаун не в состоянии убедить Караджича покинуть регион или сдаться. МИ-6 в течение нескольких месяцев пытается оказать давление на его ближайших союзников. Но арест в любом случае исключен. Тем не менее в начале 2004 года появляются три новые «золотые» возможности. В начале января Президент сербского субъекта Драган Чавич и Председатель Скупщины боснийских сербов Драган Калинич, оба работавшие в руководстве SDS, сербской националистической партии, которую Караджич основал накануне войны, спорят о том, какую политику нужно вести. Калинич, который не в состоянии убедить Чавича, говорит: «Я поговорю с Радованом, потому что он по-прежнему шеф». Калинич затем связывается с одним из своих бывших телохранителей, который перешел на службу к Караджичу. Бата Тешич обычно служит в качестве посредника и находится в Пале. Взбешенный Чавич информирует об этом силы НАТО. Американцы не считают необходимым установить контроль над Тешичем, чтобы через него выйти на Караджича. Вместо этого они 10 января в Пале арестовывают Тешича. Операция показана в средствах массовой информации, как попытка ареста Караджича, хотя и неудачная,

но позволившая сузить сеть: Тешича допросили, и Караджич будет задержан в ближайшее время. На первый взгляд кажется, что великие державы наконец-то скоординировали свои усилия. Все большее давление, которое они оказывают, служит для того, чтобы убедить МТБЮ как можно быстрее закрыть свои двери и выглядит это так, будто они подчеркивают необходимость ареста Караджича.

Но это не так, потому что Караджич в Белграде, и в компании Драгана Калинича несколько дней назад пересек границу. Ему должна быть сделана хирургическая операция. Его прибытие расстраивает тех, кто обещал защищать наследие Джинджича, убитого во время работы по созданию европейского будущего для своей страны. Они хотят арестовать Караджича, прежде чем уступить путь Воиславу Коштунице, который готов сформировать правительство с партиями Милошевича и Шешеля, в то время, как лидеры этих партий находятся на суде в Гааге. Младич находится под военной защитой, и никто не хочет взять на себя риск конфронтации с армией. Но они еще несколько недель контролируют полицию и могут арестовать Караджича. 28 января 2004 года Карла дель Понте объявила о нахождении Караджича под надзором полиции и о его неминуемом аресте, вероятно, до конца дня. Сербы зовут на помощь Францию, чтобы она обеспечила его отправку в Гаагу, к большому неудовольствию американцев, которые вмешиваются в действия сербов с целью, чтобы те прекратили операцию. Между этими двумя странами существуют разногласия после неодобрения Францией американской интервенции в Ирак. Но никто не знает, было ли это соперничество причиной ухода из операции или просто предлогом. Пьер Ришар Проспер прибывает на следующий день в Гаагу. Он об этом даже не упоминает. Посольство Соединенных Штатов Америки в Белграде уже сообщило Карле дель Понте, что история полностью вымышленная, что сербскую инициативу взял на себя один высокопоставленный чиновник, находившийся под воздействием алкоголя! Проспер утверждает, что обруч в Боснии затягивается. Ни слова о присутствии Караджича в Белграде. Карла дель Понте пытается прижать его к стенке в разговоре с глазу на глаз: «Попытайтесь арестовать Младича и Караджича. Я не хочу знать, что произошло вчера, потому что все лгут. Но я хочу обоих. Караджич все еще в Белграде, не слишком поздно, чтобы действовать». Проспер у необходимо проконсультироваться со своим правительством. Из

Вашингтона он звонит Карле дель Понте 31 января 2004 года, чтобы сообщить ей, что получил поддержку. Но американцы не предпринимают никаких действий. 2 февраля посол Соединенных Штатов Америки в Белграде Уильям Монтгомери уверяет сербские средства массовой информации, что его правительство удовлетворено сотрудничеством Белграда с МТБЮ, которое должно, как он говорит, «закончиться выдачей Младича и Караджича». Карла дель Понте идет еще дальше, когда 9 февраля в Брюсселе заявляет журналистам, что Караджич находится в Белграде. Солана парирует: «Если это правда, у нас серьезные проблемы». Американцы не прощают ей этого косвенного давления с помощью средств массовой информации. Через несколько недель они разрывают все связи со швейцаркой и ее офисом.

20 февраля 2004 года агенты Карлы дель Понте снова обнаружили следы Караджича в Боснии. Он уехал из Белграда и провел несколько дней, поправляя здоровье, в доме, расположенном всего в нескольких километрах от границы с Сербией, в селе Заовине. Им известно имя владельца дома и они знают, что беглец проведет там ночь. Это уведомление немедленно передается командующему SFOR в Сараево. В течение нескольких часов вертолет летает над этой местностью, как бы предупреждая Караджича.

В течение года Карла дель Понте полностью теряет след Караджича. В конце декабря 2004 года «SFOR» уходит из Боснии. Его заменяют европейские силы «EUFOR». Сведенный до семи тысяч человек, «EUFOR» не наследует полномочий по аресту обвиняемых в бегах. Европейцы отказались принять смену, оставляя НАТО ответственность за провал операции. Официально Североатлантический альянс по-прежнему отвечает за арест лиц, обвиненных МТБЮ. Он держит в Боснии двести пятьдесят человек, только американцев. Соединенные Штаты Америки бросились срочно выводить силы НАТО из Боснии, но в то же время не отказались от операций по контролю за территориями, которые, как они предполагают, могут служить для радикальных исламистов входной дверью в Европу. Оставшись под флагом НАТО, американские войска сохранили, таким образом, за собой ответственность за выполнение этой слишком тяжелой миссии, которую хотели бы выполнить все – охоту за военными преступниками. «Передача власти не должна происходить за счет МТБЮ и справедливости», –

обещали высокие должностные лица НАТО в феврале 2004 года. Это было сделано на бумаге, но на практике ничего сделано не было. Как жалуется Карла дель Понте, «никто больше не ищет Караджича».

В апреле 2005 года один голландец вступает в контакт с Гаагским трибуналом. Он утверждает, что 7 апреля видел Караджича в Фоче в компании женщины на террасе кафе. Карла дель Понте просит НАТО проверить это утверждение. «Это невозможно, потому что Караджич с 6 по 8 апреля был в Белграде», – опровергают через несколько дней американские должностные лица из НАТО, которые ранее утверждали, что они потеряли все следы Караджича! Огорченная Карла дель Понте, наконец, обращается к полиции боснийских сербов, ненадежной, но обязанной обеспечить МТБЮ, по крайней мере, минимальное сотрудничество. В июле от нее требуют слежки за семьей Караджича. Летние изменения места жительства часто были возможностью для беглеца встретиться со своей семьей, о чем свидетельствуют несколько писем, найденных во время обысков НАТО. Карла дель Понте в начале августа узнает, что слежка прекращена. Тогда же она узнает, что один из сотрудников ЦРУ 29 июля потребовал от агентов боснийских сербов прекратить слежку за семьей Караджича под предлогом того, что речь идет о команде из Гааги! Пойманные на лжи американские власти выражают сожаление прокурору МТБЮ по поводу «недопонимания» без всяких других объяснений.

Стремясь сохранить видимость, американский генерал Стивен Шук, командующий основными силами НАТО в Боснии, во время посещения Брюсселя заверяет средства массовой информации 17 августа 2005 года: «Я настроен очень оптимистично, когда речь идет о том, что они будут в состоянии завершить эту главу, которая вызвала затор в Боснии и Герцеговине». В качестве доказательства он утверждает: «Некоторые газеты в Баня-Луке и Пале публикуют объявления, в которых призывают Караджича сдаться. Это что-то невиданное (...) Сеть поддержки изо дня в день редеет, движение в поддержку его выдачи растет!» Инициативы в этой связи уже давно прекращены перед категорическим отказом Караджича сдаться. Представители Запада тогда довольствовались переговорами о его удалении из Пале, Боснии, а иногда даже из региона. Кажется, что МИ-6, наконец-то, лестью выиграла у Караджича и осознала, что он все чаще отправляется в путешествие. Потому что все боятся давления Карлы дель

Понте, если обнаружится снова, что не только Младич, но и Караджич скрываются в Сербии. С тех пор Караджич все чаще «заскакивает» в Грецию, в отдаленную провинцию в районе горы Афон.

Игра в «кошки-мышки»

Для западных правительств более сложно иметь дело с вопросом Ратко Младича. Его присутствие в Сербии является постоянным издевательством над международным сообществом. Тем более, что сербские власти с 2001 года ничего не сделали, о чем Карла дель Понте не устает им напоминать. Европейцы и американцы могут использовать только имеющиеся в их распоряжении рычаги, чтобы заставить Белград выполнить свои обязательства. Даже если их реализация трудна для великих держав, которые в Сербии должны защищать позиции тех, кого они, напротив, не принимали во внимание в Боснии, когда речь шла о Караджиче. Как и ожидалось, сербские лидеры решили сделать выбор в пользу политики мимикрии. Они утверждают, что не знают, где скрывается генерал Младич, или, в лучшем случае, предпочитают его маловероятную добровольную сдачу, чем арест.

Зверское убийство настроенного на реформы премьер-министра Зорана Джинджича 12 марта 2003 года значительно уменьшило вероятность того, что Младич будет передан в Гаагу. Карла дель Понте пытается, насколько это возможно, удержать международное давление на Сербию. Она также пытается разыграть карту сотрудничества между сербскими спецслужбами и сотрудниками американской разведки, которые действуют в Сербии после соглашения, заключенного между Джинджичем и ЦРУ. Младич сменил свой загородный дом на менее известные убежища. Сейчас он поселяется в одной из семи квартир, которые ему под вымышленными именами арендовали его защитники в центре Белграда и которые меняются каждые две-три недели.

В сентябре 2003 года Карла дель Понте уверена, что у нее есть точный адрес Младича в Белграде. Ее розыскное подразделение, благодаря одному из своих информаторов, получило адрес квартиры по улице Гарнизонной, где Младич остановился на некоторое время. Она дает его Пьеру Ришару Просперу, специальному посланнику США, который обещает заняться этим. Но не получает никакого ответа. Когда она настаивает, тот отвечает, что Младич покинул Сербию. Американцы имеют полную свободу локализовать Младича в Сербии после соглашения, которое было заключено в 2002 году между правительством Джинджича, госсекретарем Колином Пауэллом и Джорджем Тенетом из ЦРУ. Преемник Джинджича Зоран Живкович публично признался в 2005 году: «Три сотрудника ЦРУ прибыли в Сербию как будто бы с членами BIA (Информационное агентство безопасности) проверить информацию о предполагаемых местах тайного укрытия Младича. Были проведены двенадцать операций в Белграде и других местах в Сербии. Агенты ЦРУ принимали в них участие в качестве наблюдателей. Были проверены все места, на которые указали МТБЮ или другие западные источники. В конце 2003 года сербско-американское подразделение пришло к выводу, что Младича в Сербии нет».[1]

Присутствие ЦРУ в Сербии является только оправданием. Перед тем, как передать ее прокурору МТБЮ, Вашингтон фильтрует собранную информацию. Карла дель Понте получает только крохи, предназначенные для подтверждения версии сербских властей, что Младич не локализован, что он, вероятно, уже не в Сербии, а, возможно, в Македонии или одной из бывших советских республик... И все же, когда в начале 2006 года удалось установить прибытие Младича в Сербию и убытие из нее, она неожиданно обнаружила, что все это время ее обманывали. Одна часть информации, которую сербские и американские службы должны были проверить, касалась соответствия в 2002 и 2003 годах мест, где тогда жил Младич. Младич практически никогда не покидал Сербию, кроме короткого пребывания в родном селе в восточной части Боснии по случаю семейных праздников. Во время этих визитов его никогда не беспокоили силы НАТО, в обязанность которых входил контроль территории.

Подтверждая ложь сербского правительства, представители Запада не только препятствовали аресту генерала, который перед камерами одной из сербских телекомпаний одаривал шоколадом детей Сребреницы в тот самый момент, когда уже был отдан приказ о депортации и последующем уничтожении их отцов и братьев. Они также нейтрализовали действия МТБЮ. Поэтому лишая Гаагу информации о бегле-

[1] С приходом бывшего президента Воислава Коштуницы на пост главы сербского правительства в начале 2004 года закончилось официальное сотрудничество с ЦРУ.

цах, представители Запада могли принимать решения об ослаблении давления и договоренностях в соответствии со своими интересами с государством, которое нарушало свои международные обязательства. Таким образом, они остались хозяевами игры в отношениях с Сербией, делая вид, будто забывают, что они в качестве государств-членов Совета Безопасности являются единственным высшим исполнительным органом, который имеет право обеспечивать выполнение решений международного правосудия.

В начале 2005 года Карла дель Понте снова находит след Младича, который скрывался в другой квартире в самом центре Белграда. Чтобы заставить представителей Запада взять на себя ответственность, она публично заявляет: «Младич в Сербии. Он находится на расстоянии вытянутой руки сербских властей». 2005 год вообще полон символов. Карла дель Понте хочет побудить правительство наверстать упущенное время. Четко вырисовываются три «юбилея»: десять лет предъявления обвинения Караджичу и Младичу, десять лет резни в Сребренице, в которой они были обвинены, и десять лет Дейтонского соглашения и его официального подписания в Париже. На этот же год приходится шестидесятая годовщина освобождения концентрационного лагеря Освенцим-Биркенау и создания Нюрнбергского трибунала, что символизирует необходимость международного правосудия. Карла дель Понте пытается снова подтолкнуть великие державы и общественное мнение, которое осталось не убежденным. Но она с самого начала сообщает, что не будет жалеть средств для ареста Караджича и Младича до конца года.

1 февраля 2005 года в Сараево она открыто заявляет Педди Эшдауну: «Многие элементы показывают отсутствие воли международного сообщества, сил НАТО и Европейского Союза. С тех пор, как Караджич и Младич находятся в бегах, мы направили в адрес НАТО много сообщений. Напрасно. У нас есть все больше оснований полагать, что с Караджичем заключено соглашение. Однозначно мы не можем поверить в неспособность величайших держав мира. Есть ли политическая воля или нет? И не является ли история бегства Караджича просто предлогом, чтобы сохранить международное присутствие в Боснии? Есть ли политическая воля тех, кто может действовать, с кем мы можем говорить? Какая политическая сила может принять решение и совершить необходимые эффективные действия? Под тем предлогом,

что в наших интересах захватить Караджича и других беглецов, все думают, что нашей обязанностью является сбор информации, доказательств, фотографий мест, где они скрываются. Таким забавным образом перевернуты обязанности. Это не наша работа. Несмотря на сокращение бюджета, нам все же удалось сохранить розыскное подразделение из трех человек. И от этих трех людей ожидают, что они локализуют всех беглецов, которые скрываются в разных странах. Это несправедливо. Дело в том, что они достигли больших результатов и накопили больше информации, чем некоторые крупные спецслужбы. Время летит. Я как раз собираю всю информацию, доказывающую отсутствие воли, и намереваюсь рано или поздно ее обнародовать и осудить отсутствие результатов у международного сообщества. Годовщины Сребреницы и Дейтона являются ключевыми датами. В июле истекает срок. Караджич и Младич должны в то время быть уже в Гааге». И, наконец, она публично угрожает: «В конце года я опубликую информацию, которой мы располагаем, о причинах, почему они не арестованы. В декабре, когда я буду выступать перед Советом Безопасности ООН, если до тех пор они будут в бегах, я обнародую всю информацию, которая была собрана в течение шести лет. Это не угроза, но я несу ответственность за то, чтобы свершилось правосудие над высокопоставленными политическими и военными лицами, совершившими преступления на территории бывшей Югославии, и если мне это не удается, я должна об этом проинформировать Совет Безопасности, который доверил мне эту задачу».

Что бы она ни сказала, все это представляет угрозу. Представителям Запада было нетрудно нейтрализовать насмешки средств массовой информации из-за международного пособничества или некомпетентности НАТО в аресте двух беглецов. Ценой нескольких пропагандистских операций они пытались сохранить надежду на скорый арест, а путем взаимных обвинений в измене союзников оправдать отсутствие результатов. Никто не был введен в заблуждение, но оставались сомнения. Таким невероятным кажется то, что самые большие демократии почти десять лет обманывали общественное мнение, дабы защитить этих двух преступников вместо того, чтобы арестовать. В неверии средства массовой информации отказываются принимать пробные шары, которые Карла дель Понте запускает по желанию: «Никто не ищет Караджича» или «Никто никогда его не ис-

кал». Они, в первую очередь, слышат в этом крик отчаяния. Напротив, одно прямое обвинение, подтвержденное доказательствами, которые представил человек, непрерывно в течение шести лет боровшийся за то, чтобы они были привлечены к ответственности, может привести к опасности, что пробудятся и наибольшие скептики. Карла дель Понте в состоянии раскрыть лицемерие международного сообщества, направить луч прожектора в затемненные зоны, показать скрытое лицо государственных мотивов. В политике правда пугает. Пусть она будет даже банальной или совсем анекдотической. Никогда нельзя приоткрывать двери политической кухни, особенно международной - это золотое правило. Поэтому угроза Карлы дель Понте воспринята всерьез.

Швейцарка это знает. Она помнит письма и телефонные звонки, которые поступали всякий раз, когда она подвергала хотя бы малейшей, пусть даже благонамеренной, критике НАТО. Она осознает риск. Она хочет использовать метод электрошока, потому что сама не понимает, что мешает великим державам через десять лет после окончания войны собрать средства на арест Караджича и Младича. Она подозревает их в соглашательстве, тайном сговоре. Но охотнее отдает пальму первенства сомнениям, полагая, что они опомнятся, что предпочтут выбрать арест, чем оскорбление истины. Потому что, сдав правосудию двух обвиняемых, представители Запада оплатили бы счет за весь свой прошлый стыд, бездействие, слабость. Но Карла дель Понте обманывается, и поймет это слишком поздно.

Неустанные призывы Карлы дель Понте положить конец безнаказанности Караджича и Младича остаются гласом вопиющего в пустыне. Приближение десятой годовщины геноцида в Сребренице их нисколько не трогает. И даже когда Карла дель Понте заявила, что «из уважения к памяти жертв» будет бойкотировать годовщину, если двое главных виновников будут еще на свободе, западные столицы остаются почти глухими и тем самым подтверждают свое соучастие. Видеосюжет, показанный 1 июня на процессе Слободана Милошевича, в одно мгновение производит больший эффект, чем все заклинания прокурора. Его еще раз показывают в ту же ночь на белградском телеканале B-92 - казнь шести молодых пленников из Сребреницы, трое из которых были несовершеннолетними. Это преступление совершило специальное подразделение Министерства внутренних дел

Сербии, которое всегда отрицало, что оно каким-либо образом принимало участие в резне в июле 1995 года. Видеосюжет казни обошел весь мир, общественное мнение было потрясено, даже в Сербии. Снова возник вопрос о безнаказанности Караджича и Младича. Потрясен был даже Воислав Коштуница. Он обещает Карле дель Понте, которая на следующий день прибыла в Белград, быструю выдачу Младича и отправляет свою полицию искать людей, показанных в видеосюжете. Десять из них были арестованы еще до отъезда Карлы дель Понте из Белграда. Кажется, Коштуница понял то, что давно было очевидным. Генералу, которого он постоянно защищает после свержения Слободана Милошевича, место в тюрьме. Коштуница обещает экстрадицию Младича не к 11 июля 2005 года, а на начало октября, когда на саммите в Люксембурге Европейский Союз должен принять решение о начале переговоров об ассоциированном членстве Сербии. Карла дель Понте заклинает великие державы послать четкий сигнал в Белград и воспользоваться этими особо выгодными условиями, чтобы получить Младича перед годовщиной 11 июля.

Соединенные Штаты Америки и Европа увязали укрепление связей и оказание экономической помощи Сербии с арестом Младича.

Неделю спустя Государственный департамент США по-прежнему объявляет о выделении 10 миллионов долларов экономической помощи Сербии, выплата которой была приостановлена до установления полного сотрудничества Белграда с МТБЮ. Вашингтон посылает двух представителей Государственного департамента в Гаагу, чтобы они усмирили Карлу дель Понте: «Это поощрение для сербских властей. Коштуница пообещал сдать Младича до конца лета. Он это сделает после панихиды по жертвам в Сребренице».

Публично великие державы вынуждены присоединиться к настойчивым требованиям Карлы дель Понте. Поминовение в Сребренице 11 июля 2005 года предоставляет возможность западным лидерам, таким, например, как Жак Ширак, напомнить, что «больше, чем когда-либо важно, чтобы виновные в совершении этих преступлений, потрясших совесть человечества, ответили за свои преступления перед судом». Все толпятся в Поточарах, глядя на памятник, воздвигнутый через дорогу от бывшей базы ООН, где голландские войска, которым было поручено защищать осажденный анклав, присутствовали, но не предприняли ничего против депортации жителей Сребреницы, осу-

ществленной силами генерала Младича, и против убийств. Все, кроме Карлы дель Понте, которая осталась в Гааге в знак «протеста против безнаказанности и отсутствия мер воздействия со стороны международного сообщества».

Пьер Ришар Проспер, который представляет президента Буша, заявляет: «В этот день памяти, (...) зло отвечает за то, что произошло здесь, давит еще на эти холмы и должно быть изгнано отсюда. Некоторые до сих пор не покаялись в грехах прошлого (...) и продолжают отворачиваться в надежде стереть это из памяти. Но если мы действительно хотим перевернуть страницу раз и навсегда, мы должны действовать... Никто не должен сомневаться в том, что наиболее важным вопросом является привлечение к судебной ответственности обвиняемых, которые по-прежнему на свободе, в частности, Радована Караджича и Ратко Младича». А глава британской дипломатии Джек Стро напоминает: «Здесь мы снова освежаем в памяти воспоминания о самых мрачных страницах истории Европы после 1945 года (…) Европейский Союз возник на обломках континента, разрушенного войной и преступлениями. Но привлекая к ответственности лиц, виновных в совершении этих преступлений, Европа могла бы начать процесс примирения. Гнусным является то, что через десять лет после резни в Сребренице, те, кого обвиняют, в первую очередь, Радован Караджич и Ратко Младич, остаются на свободе. Никто не должен помогать им уйти от открытого международного судебного процесса».

За кулисами столицы не демонстрируют того же рвения. Выдвижение в качестве условия ареста Младича или Караджича звучит, как пустые слова. Раздаются обещания. И новые опровержения, всякий раз все более зловещие. У европейцев, которые с начала года портят кровь Хорватии, все еще не выдавшей Анте Готовину, своего последнего беглеца,[1] нет абсолютно никакой стратегии по делу Младича и

[1] МТБЮ в 2001 году обвинил Анте Готовину за преступления против человечества и военные преступления как ответственного командира в рядах хорватской армии из-за депортации и убийств сербов из Краины в августе 1995 года. В связи с отказом правительства Хорватии выдать его МТБЮ Европейский Союз, по инициативе премьер-министра Великобритании, принял 16 марта 2005 года решение о приостановке предварительных переговоров с Хорватией о присоединении к ЕС. Хорватия 3 октября 2005 года получает зеленый свет для своей кандидатуры в ЕС только после того, как на основании полученных доказательств

Караджича. Что касается американцев, то они довольствуются тем, что в течение лета нажимают на семью Караджича и заставляют его супругу 25 июля перед телекамерами уговаривать своего супруга сдаться. В свою очередь, был снят надзор над ним, который был установлен по просьбе Карлы дель Понте. Уговоры вызывают насмешку у сербов, и, без сомнения, у Караджича, потому что все легко раскусили этот сценарий. 28 августа, после поездки в Белград, Пьер Ришар Проспер звонит Карле дель Понте в Гаагу: «Младич будет передан до конца сентября. Коштуница дал слово». Пустые обещания. 3 октября 2005 года снова пришел черед Европейского Союза воткнуть нож в спину Трибунала, в этом решающем году. На саммите в Люксембурге, на котором превалировал вопрос о кандидатурах Турции и Хорватии, двадцать пять членов тайно начали переговоры с Сербией об ассоциированном членстве, что является первым условием для открытия процесса по рассмотрению кандидатуры для вступления в ЕС, несмотря на доказанное присутствие Младича в Белграде и недостаточное сотрудничество с МТБЮ в других областях. Чтобы умиротворить Карлу дель Понте, высокие европейские чиновники теперь утверждают, что их решение будет поощрять Белград к действию.

Коштуница никогда не обещал ни американцам, ни европейцам ареста Младича. Он только обещал попытаться уговорить его сдаться. В конце сентября 2005 года он назначает одного близкого Младичу человека возглавить Министерство обороны. Большая шишка сербской судебной медицины генерал Станкович сопровождал Младича во время войны, выкапывая скелеты сербских жертв, и был с ним в момент самоубийства его дочери, а затем поместил его в военный госпиталь в Белграде, начальником которого был тогда. Несмотря на тесные связи с беглецом, Станковичу не удается его убедить. Младич вообще не чувствует себя прижатым к стенке, а если это в какой-то момент и случится, то готов скорее умереть, чем быть переданным в Трибунал.

Год последнего шанса закончился неудачей. Хотя Трибунал должен закончить судебные процессы к 2008 году, его обращения не были приняты во внимание. Под давлением со стороны средств массовой информации, невзирая на их доверчивость по отношению к обеща-

локализировала беглеца, который в то время был на Канарских островах. Готовина, в конце концов, 7 декабря 2005 года был арестован испанской полицией с помощью хорватских спецслужб и доставлен в Гаагу.

ниям Коштуницы, американские и европейские чиновники рассыпаются в добродетельных выражениях. «Это наш долг, долг каждого остаться с семьями погибших десять лет назад. Они (сербы; цитируется по архивным данным) не должны входить в структуры НАТО, пока не начнут сотрудничать с МТБЮ», – говорит, например, государственный секретарь по политическим вопросам в Государственном департаменте Николас Бернс 7 октября 2005 года, накануне поездки в Брюссель и на Балканы. В конце того же 2005 года у представителей Запада, однако, другие приоритеты. Одним из них является лесть, чтобы одержать победу над Карлой дель Понте. Всеми силами они пытаются помешать тому, чтобы их цинизм стал очевиден для всех.

Они знают, что швейцарка готовит свое досье против них и что она намерена огласить его 15 декабря в своем выступлении перед Советом Безопасности. В конце августа она просит свою команду приступить к работе. Специалисты Прокуратуры собирают всю документацию, которая имеется, а Патрик Лопес-Торрес, который руководит следствием, составляет список всех упущенных возможностей для ареста. Следователи летят в Белград допросить ближайших друзей Караджича, которые в течение многих лет утверждали, что бывший лидер боснийских сербов получил подтверждение от американцев о том, что не будет доставлен в Гаагу, если не будет нарушать Дейтонского соглашения. В октябре во время визита в Сараево Карла дель Понте, однако, предлагает НАТО выход. Она просит руководителей Североатлантического альянса в Боснии представить ей подробный отчет об усилиях, предпринятых в последнее десятилетие, чтобы локализовать и арестовать Караджича, о собранной информации относительно сети его поддержки, системе защиты и известных маршрутах передвижения беглеца. Предполагается, что специалисты НАТО и МТБЮ вместе проанализируют эти данные и попытаются выработать общую стратегию. Но ей в этом отказывают под предлогом, что «НАТО нет дела до Караджича». 6 октября в Лондоне она жалуется Джеку Стро, главе британской дипломатии, который ее пытается успокоить: «Это нехорошо, если вы считаете, что НАТО и EUFOR не принимают достаточных мер. Я не верю, что США более не заинтересованы в этом вопросе. Они столько вложили в дела военных преступников! В любом случае, мы должны Вам предоставить информацию, которая позволит отбросить всяческие сомнения».

В ноябре прокурор решает использовать свои полномочия и добиваться от каждой из семи стран-членов коалиции, участвующих в операции «Fervent Archer» («Пылающий Стрелец»), а это: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Германия, Испания, Италия и Нидерланды, чтобы они до конца года представили ей доклад о слежке за семьей Караджича и всю информацию о беглеце. Две страны отвечают без колебаний. Это не удивительно, потому что они не участвовали в операциях по слежке за родственниками Караджича. Другие предпочитают игнорировать запрос или его обжалуют. Послы выстраиваются в очередь в ее кабинете. Они говорят, что поражены. Американцы самые ожесточенные. Именно в них, в первую очередь, целит Карла дель Понте, потому что только они в Боснии располагали техническими средствами для слежки и установки подслушивающих устройств в окружении Караджича. В декабре, во время визита в Вашингтон, американское правительство требует от нее отозвать свой запрос, который, как оно заявляет, был «очень плохо воспринят», и уточняет, что такие шаги «не предпринимаются в письменной форме». Затем, за два дня до ее выступления перед Советом Безопасности, высокопоставленный американский чиновник посылает ей следующее предупреждение: «Последнее, что нам нужно, это то, чтобы мы взаимно критиковали друг друга в средствах массовой информации».

Волна паники охватила столицы великих государств. Британцы открыто выражают свою обеспокоенность. Другие предупреждают окружение Карлы дель Понте о том, что лобовая атака, без сомнений, привела бы к «окончательной утрате доверия», точнее говоря, к прекращению всех форм будущего сотрудничества. Несколько недель спустя начался удивительный процесс. Неожиданно все приняли предложения Прокуратуры о совместных действиях, которые будут проводиться против сети Караджича. НАТО приняло решение развернуть в Сараево команду сотрудников разведки и аналитиков, ответственных исключительно за поимку Радована Караджича. Сотрудникам Прокуратуры будет разрешено принимать участие в некоторых совещаниях. Не колеблясь, представители НАТО и американские офицеры прибывают в Гаагу, чтобы обсудить операции, которые срочно должны быть проведены. За один день они с розыскным подразделением Прокуратуры составляют программу поиска. Первые операции должны начаться уже в декабре. Командующий силами НАТО в Ев-

ропе, американец Джеймс Джонс отдает приказ установить прямую безопасную линию связи в офисе Карлы дель Понте. Он также обязан упростить процедуру передачи документов, которые НАТО захватило в окружении Караджича и которые МТБЮ напрасно искал в течение нескольких месяцев, а иногда и лет. Поскольку каждая широкомасштабная операция требует сложного плана коммуникации, в Трибунал прибывают американские военные специалисты, чтобы обсудить детали с сотрудниками Карлы дель Понте. Поэтому, подчеркивают они, необходимо, чтобы отныне МТБЮ и НАТО в один голос убедили боснийское население, что Караджич находится в мышеловке. Никогда в офисе Прокуратуры на третьем этаже не было такого столпотворения. Наконец-то определились со всем тем, с чем должны были определиться еще десять лет назад. Распределение обязанностей, казалось, прошло как по нотам. 2006 год вселял большие надежды. Ободренная Карла дель Понте на неделю уезжает в отпуск.

После ее возвращения, за десять дней до начала заседания Совета Безопасности, проект речи был лишь бледной копией первоначального плана. Нет больше «я обвиняю», а только перечисление с обычными выражениями, ошибками и неубедительными аргументами, почти обосновывающими отказ великих держав от ареста Караджича. Визиты дипломатов теперь стали более сдержанными, почти незаметными. Политические советники предупреждают Карлу дель Понте, что американцев и англичан «хватил апоплексический удар», когда они прочитали отрывки из ее выступления, которое им было доставлено. Она удивляется, потому что, по ее мнению, текст выглядел безобидно. Ей рекомендуют внести некоторые исправления, которые привнесут мало смысла в эту словесную патоку и которую смогут расшифровать только дипломаты. Притча о кошке и мышке, которая заканчивается красивым логическим выводом, - это единственная недвусмысленная часть ее выступления, которую могут понять средства массовой информации: «Уже десять лет международное сообщество играет в «кошки-мышки» с Караджичем и Младичем... Кошкам решили завязать глаза, чтобы они царапали друг друга и позволяли мышам бежать от одной норы к другой». Карла дель Понте должна снова проглотить свое разочарование. Она делает вид, что столицы великих держав получили предупреждение, а следовательно, совершенно новой программе совместных действий с НАТО ничто не угрожает.

Призрачная решительность НАТО длилась всего несколько недель в форме встреч со специалистами Североатлантического альянса, насколько это было необходимо для того, чтобы Карла дель Понте отказалась от своих угроз. Караджич и Младич и дальше на свободе, все чаще и чаще пользуются одной и той же сетью защиты, особенно, когда Караджич скрывается в Сербии. Американская и европейская снисходительность лишь усилила сопротивление к сотрудничеству Белграда с Трибуналом. В феврале 2006 года Европейский Союз изменил свое мнение и пригрозил Белграду, что остановит только что начавшийся переговорный процесс, если Младич не будет выдан в конце марта.

«Если они не будут в полной мере сотрудничать с МТБЮ и не доставят обвиняемых преступников, такие страны, как Сербия, не смогут ожидать полного сотрудничества с Европейским Союзом», – настаивает великобританец Джек Стро. Безразличие Белграда к этим предупреждениям объединяет двадцать пять членов ЕС. В начале мая Брюссель прерывает переговоры, ставя условием их продолжения арест Младича. Но это неожиданное пробуждение Европы длится недолго. В начале лета гармония дает трещину. После этого осенью наступает раскол. Но еще до Европейского Союза капитулирует Североатлантический альянс. На саммите в Риге 29 ноября 2006 года его государства-члены принимают решение открыть двери перед Сербией и Боснией в рамках «Партнерства ради мира», преддверия НАТО, хотя с 2004 года они старались сделать так, чтобы двери оставались закрытыми до тех пор, пока Караджич и Младич не будут переданы МТБЮ. «Инициатива исходила от президента Буша, это решение было принято в последний момент», – объясняют власти США Карле дель Понте за несколько часов до официального объявления решения. Между тем американская точка зрения изменилась в начале месяца после визита в Вашингтон сербского министра обороны, друга Младича Зорана Станковича, который согласился взамен за эту снисходительность послать в Ирак и Афганистан новые сербские войсковые части.[1] Соединенным Штатам Америки нетрудно получить поддержку своих европейских партнеров. Жак Ширак и Тони Блэр также хотят послать знак открытия перед Сербией двери перед возобновлением

[1] Сербские информационные агентства: «Beta» или «Tanjug», 7 ноября 2006 года.

переговоров об окончательном статусе Косово, предусмотренных до конца 2007 года, определение которого всякий раз откладывается из-за оттягивания сроков Белградом.

Европейскому Союзу трудно противостоять отходу своих стран вглубь НАТО. Двадцать пять членов ЕС стоят перед дилеммой продолжения переговоров с Сербией 8 декабря 2006 года ценой окончательного отказа от Младича. Но англичане, французы, немцы при поддержке Нидерландов и председательстве Финляндии, в конечном счете, совместно выступают за откладывание этого решения. «Мы не сможем строить завтрашнюю Европу, пропустив вопрос о ее прошлом. Фактическое сотрудничество Белграда с МТБЮ является необходимостью. Это является принципами и ценностями, в которые верит Франция. Выборы (в январе 2007 года; цитируется по архивным данным) в Сербии и вопрос Косово не являются аргументами, которые могут быть использованы для возобновления переговоров с Белградом», – предупреждает Катрин Колонна, французский министр, уполномоченная по европейским делам. Но игра проиграна заранее.

Обеспокоенная отказом Белграда достичь урегулирования статуса Косово, Европа в феврале 2007 года обещает устранить все препятствия по кандидатуре Сербии в Европейском Союзе, если она согласится с независимостью Косово. Изменение мнения Европы в декабре 2006 года преследовало только цель сохранения средства политического давления на Сербию. В конце марта сербское гражданское общество указывает на то, что это – торговля и призывает к аресту Младича: «Брюссель не должен поддаваться искушению торговать своими основными принципами в переговорах об окончательном статусе Косово. Потому что это может только способствовать укреплению крайнего национализма, препятствовать реформистским силам отойти от наследия Милошевича и блокировать развитие демократической Сербии, чье место в кругу европейской семьи и нации». Но Европа ничего не хочет слышать. В течение семнадцати лет она игнорирует голос разума на Балканах, голос тех, кто искренне верит в ее ценности и хочет присоединения своей страны к этим ценностям, а также того, чтобы Европа их решительно защищала. В начале 2007 года Европа решает возобновить переговоры с Сербией об ассоциированном членстве, прерванные год назад, так как Младич не был арестован. Вашингтон и Брюссель также надеются, что смогут навязать Белграду план независимости Косово, который сербские лидеры упорно отвергают, при этом пользуясь поддержкой Москвы в своем отказе от переговоров.

Последние уступки

Последние задвижки открыты, как обычные застежки. В период с 2002 по 2005 годы международное давление позволило МТБЮ сократить количество обвиняемых в бегах с тридцати до шести. Двадцать из них выдали сербские власти. В отличие от вклада, который внесли НАТО и ЕС, Сербия без колебаний выдала бы еще одного. Конечно, если бы требования европейцев и американцев были настойчивы и последовательны. Но после смерти Слободана Милошевича 11 марта 2006 года кажется, что на Западе готовы принять решение, которое долгое время не осмеливались признать: закрытие МТБЮ без привлечения к ответственности Караджича и Младича. 15 декабря 2006 года в Нью-Йорке Карла дель Понте пытается законопатить течь, чтобы корабль не утонул. Она требует от Совета Безопасности, чтобы тот «четко заявил, считает ли он, что МТБЮ должен работать до тех пор, пока Радован Караджич и Ратко Младич не предстанут перед судом в Гааге. Это вопрос особенно важен для десятков тысяч жертв (...) (которые; цитируется по архивным данным) имеют право знать, могут ли они еще рассчитывать на обещания, которые им дал Совет Безопасности тринадцать лет назад, когда создавал Трибунал».

За кулисами великие державы уже обсуждают формулы, которые бы позволили их последние уступки изобразить как нечто другое, а не как победу безнаказанности. Речь идет о том, чтобы общественное мнение и жертвы проглотили горькую пилюлю и успокоились те, которые обвиняют великие державы в измене взятой на себя ответственности, всем их прошлым обещаниям. Публично высказываются только Соединенные Штаты Америки. Европа до сих пор ускользает от того, чего не может признать. Клинт Уильямсон, бывший сотрудник МТБЮ, представитель США по вопросам военных преступлений, который в 2006 году сменил Проспера, на пресс-конференции в Сараево в январе 2007 года обрисовывает контуры дискуссии: «Радован Караджич и Ратко Младич должны предстать перед международ-

ным судом, даже если они будут арестованы после закрытия МТБЮ. Было бы совершенно неприемлемым судить их в Белграде. В системе международного правосудия мы должны найти некий орган, который бы их осудил». В Вашингтоне изначально считали, что по формуле аналогичной той, которая была выбрана для суда над Чарльзом Тейлором. В 2006 году судебный процесс по делу бывшего премьер-министра Либерии, обвиняемого в преступлениях против человечности в Специальном суде по Сьерра-Леоне, по соображениям безопасности должен был переехать за границу и состояться в помещении Международного уголовного суда в Гааге. Американцы призывают МТБЮ подписать с МУС протокол о сотрудничестве, чтобы после закрытия МТБЮ логистика постоянного Международного уголовного суда могла быть использована в процессе Караджича и Младича. Но этот план, который позволил бы сильным мира сего при минимальных затратах сохранить лицо, не учитывает одного важного момента: долгих лет, в течение которых Караджич и Младич могли пользоваться своей безнаказанностью, когда они были ни недоступными, ни арестованными. Отказом арестовать или применить силу для их ареста, которой он располагал, Совет Безопасности до сих пор препятствовал тому, чтобы они предстали перед МТБЮ. В этих условиях было бы, по крайней мере, наивно думать, что в один прекрасный день они будут выданы МТБЮ или любой другой заменяющей его структуре. Скорее всего, все закончится давней мечтой, которую в 2004 году публично сформулировала Лиляна Караджич, - отпраздновать свободу своего мужа, окончательно обретенную в день закрытия МТБЮ.

Внедрение механизмов с целью продлить срок действия обвинительного заключения и ордера на арест, который был выдан МТБЮ после закрытия, в конце концов, потребует принятия новой резолюции Совета Безопасности. Россия, которая имеет право вето, до сих пор систематически противилась любым обязательствам поддерживать работу МТБЮ, пока Радован Караджич и Ратко Младич не осуждены, а Соединенные Штаты Америки, Франция и Великобритания не особо ее уговаривали. В апреле, а затем июне 2007 года Москва подтвердила свою готовность добиваться от Совета Безопасности закрытия МТБЮ в 2010 году. И предупредила: «Если Младич, Караджич и другие обвиняемые не будут арестованы после окончания мандата (МТБЮ), это не будет являться само по себе достаточным

основанием для продления работы Трибунала». «Если Трибунал будет закрыт, его требования по аресту Караджича и Младича будут больше недействительны», – предупредила Карла дель Понте в начале 2007 года. Преступления геноцида и преступления против человечности срока давности не имеют. Если обвинения МТБЮ после закрытия Трибунала станут недействительными, Совет Безопасности создаст механизм, чтобы сделать их постоянными, а все страны, в которых Младич и Караджич будут жить, должны в своих судах начать новое преследование и выдать новые ордера на арест. Возможность судить двух главных виновников геноцида в Сребренице перед местными инстанциями в Белграде, Сараево и других местах открыла бы двери возможной трансформации существующих обвинений с риском, что можно отбросить и проигнорировать то, что неудобно: вопрос о предсказуемости войны в Боснии и резни в Сребренице, все остальные аспекты этого дела, вызывавшие сопротивление, что, в свою очередь, позволило бы обнаружить недостатки, ошибки и прежние позорные сделки великих держав. И сделать это в соответствии с моделью, которая доказала свою эффективность, подобно суду над Саддамом Хусейном перед Специальным иракским трибуналом, который проводился под строгим контролем Соединенных Штатов Америки.

Несмотря на обещания ответить «на агонию, мученичество и жажду справедливости со стороны жертв», данные в дни создания Трибунала в 1993 году, великие демократии наконец-то продемонстрировали, что не склонны к другим санкциям, кроме как обвинениям в адрес людей, превративших Боснию в огромную кровоточащую рану, заставившую демократии встать на сторону мира. Брюс Джексон, мощный республиканский лоббист, который именовался «посланником Белого дома», еще в ноябре 2004 года заявил без всяких экивоков: «Достаточно ли нам того, что по делу Караджича и Младича мы начнем процесс наподобие процесса Милошевича? Некоторые вещи будут очевидны: виноваты оба, и оба заслуживают того, чтобы гнить в тюрьме до конца жизни. Но кто сегодня захочет тратить столько энергии, чтобы прийти к выводу, который очевиден?» Многие западные дипломаты признались в этом за закрытыми дверями, которые часто ограждают международную политику. В их глазах жертвы должны быть удовлетворены знанием того, что

Караджич и Младич обречены жить в качестве преследуемых всю жизнь, символически лишенных, таким образом, полной свободы и с клеймом позора.

Жажда справедливости неотделима от жажды истины. Хотя эта жажда, которая возникает у замученной геноцидом одной европейской нации в Сребренице, не подтверждает ни признания страданий, ни какой-либо ответственности тех, кто их причинил. Она не несет в себе зачатки прочного мира. Ведь Караджич и Младич будут всегда оставаться легендой для других безнаказанных палачей. Без общей памяти, как бы больно это ни было, Босния не сможет плавно восстановиться – напротив, она будет жить под постоянной угрозой новых циклов насилия.

Стоимость этой фиктивной охоты, на которую они потратили миллионы долларов, намного превышает стоимость суда в Гааге. Почему тратится столько энергии, чтобы обмануть жертвы, МТБЮ и общественное мнение иллюзией того, что эти двое преступников однажды предстанут перед международным судом? Если великие державы продолжают, в конечном счете, решать судьбу главных военных преступников и террористов, причины, которые приводят к признанию *de facto* безнаказанности Караджича и Младича, до сих пор неясны. И Чарльз Тейлор также в свое время пользовался снисходительностью Запада. Стремясь укрепить мир, который установился после четырнадцати лет гражданской войны в Либерии и соседней Сьерра-Леоне, американцы и французы в 2003 году бывшего президента Либерии защитили от суда, предлагая ему «золотое убежище» в Нигерии в обмен на обещание отказаться от любой политической деятельности. Но бывший хозяин войны не выполнил своих обязательств и продолжал угрожать стабильности в регионе. 30 марта 2006 года он был арестован и передан смешанной юрисдикции Сьерра-Леоне перед экстрадицией в Гаагу. В случае Караджича и Младича великие державы не считают уместным изменить свою политику даже в течение ряда лет после мирных соглашений. Никому не известна реальная причина этого невероятного упрямства.

Причины, почему не арестовывают Усаму бен Ладена, лидера Аль-Кайды, кажутся менее загадочными. Его арест и осуждение американским военным трибуналом вызвали бы такую волну возмездия, что от суда, без сомнения, более разумно отказаться. Американское

правительство опасается, что, вероятно, у него нет достаточных доказательств, чтобы установить личную ответственность Усамы бен Ладена за убийства, совершенные членами многократно разветвленной сети. Ни один из этих аргументов не может быть применен к Караджичу и Младичу, также как и опасение, что судебный процесс превратится в трибуну для сербской пропаганды. Слободан Милошевич и Воислав Шешель избежали этого. Чтобы услышали их голоса, у Караджича и Младича есть много других средств и достаточное количество сторонников.

В 1991 году, в конце первой войны в Персидском заливе, Маргарет Тэтчер и Джордж Буш-старший напомнили о необходимости судить Саддама Хусейна, но, в конце концов, отказались от этой идеи из-за договоренности с тираном, которая могла раскрыться на суде.[1] Буш-младший разделяет ту же озабоченность в 2003 году, но решает добиться осуждения свергнутого диктатора, обеспечивая тыл созданию Иракского Специального Трибунала (ИСТ) - строго контролируемого судебного механизма, чтобы избежать неприятных сюрпризов.[2]

[1] Речь идет об особой политической поддержке и массивной военной помощи, в том числе и о химическом оружии, которое ему поставляли представители Запада и которое Саддам Хусейн использовал против Исламской Республики Иран. Когда в октябре 2005 года начался судебный процесс, он подвергся преследованиям лишь за то, что в 1982 году инициировал пытки и казни 148 шиитов из деревни Дуджаил в отместку за покушение на его жизнь. Только в апреле 2006 года его обвиняют в геноциде в селе Анфаль и резне в Халабджи, трагическом символе уничтожения курдского населения газом по приказу Саддама Хусейна, во время которого погибло более 180 000 человек. Но это было отдельным эпизодом судебного процесса, который начался 21 августа, за несколько месяцев до вынесения ему смертного приговора 5 ноября. Саддам Хусейн был повешен 30 декабря 2006 года, прежде чем успел начать свою защиту на этом втором процессе. Судебный процесс был продолжен в присутствии обвиняемых по этому делу.

[2] Соединенные Штаты Америки выделили 138 миллионов долларов на создание Иракского Специального Трибунала и обеспечили пятьдесят не только американских, но и британских и австралийских адвокатов, следователей и архивистов, собранных в одном отделе связи «Regime Crime Liaison Office», которому протянуло руку помощи ФБР, считающееся реальной силой наравне с Трибуналом. Соединенные Штаты Америки помогли судебной системе в Ираке собрать

Великие державы никогда не имели такой силы вмешательства в дела МТБЮ. Несмотря на то, что они всегда пытались обуздать его любопытство, их власть по-прежнему останавливается перед дверью зала заседаний. Тем не менее многие подозревают, что Караджич и Младич знают секреты о роли международного сообщества во время войны, об обратной стороне Дейтонского соглашения, о вторжении в Сребреницу сил генерала, который много раз заявлял о судьбе, которую он уготовил мусульманскому населению этого анклава, когда возьмет его под свой контроль. Эти явные секреты известны так же, как и те, о которых знал Саддам Хусейн, но они, возможно, еще более опасны для западных правительств. Спекуляции ширятся. Но никто не сумел раскрыть тайну молчания великих государств, даже Карла дель Понте. Прокурор по-прежнему серьезно занималась этим вопросом в период 2003 – 2005 годов. Она допросила Жака Ширака об уступках для освобождения его «голубых касок» и пилотов, которые попеременно были сербскими заложниками, и он поклялся, что и речи не было о какой-либо безнаказанности. Она допросила Ричарда Холбрука, потребовав от американского правительства всей информации, имеющей отношение к соглашению, подписанному в июле 1996 года с Караджичем, и всех приложений к нему. Она не получила ничего, кроме ярости и гневных опровержений американской администрации.

«Сребреницкий позор»

Последовательная неспособность великих держав арестовать Караджича и Младича и обеспечить их выдачу МТБЮ была продемонстрирована в течение двенадцати лет, связанных с отсутствием у них воли предотвратить резню в Сребренице. Именно в этом ужасном факте необходимо искать ответ на загадку Караджича и Младича.

Париж, Лондон и Вашингтон потерпели неудачу в 1995 году, не приняв всех необходимых мер по предотвращению геноцида, который

доказательства и передали ей тонны документов. «Американская марка» была настолько очевидной, что Майкл Шарф, американский профессор международного права, ответственный за подбор от имени своей страны судей Иракского Специального Трибунала, назвал последний «внутренним интернационализированным судом».

шаг за шагом готовился у них на глазах. Уже в 1993 году проницательные международные представители называли сжимающееся кольцо вокруг осажденного анклава «медленным геноцидом» или «постепенным геноцидом»[1]. Ситуация, которую они представили Совету Безопасности несколько недель спустя, должна была вынудить взять Сребреницу и ее население под защиту Организации Объединенных Наций. Однако, помимо возможных разрушений, никто не хотел признать возможность резни, которая возникнет в тот момент, когда Младич захватит анклав. В течение всего последнего наступления на Сребреницу с 6 по 11 июля 1995 года великие державы не переставали утверждать, что сербские силы, несмотря их превосходство, не намерены захватывать анклав. С лицемерным удивлением они и пальцем не пошевелили, позволив Младичу войти в город 11 июля 1995 года во второй половине дня. Затем они позволили отделить мужчин от остального населения, не выставив условий принудительной эвакуации и не пытаясь ее контролировать.[2] В отличие от Луизы Арбур в период войны в Косово ее предшественник Ричард Голдстоун загадочным образом не захотел публично предостеречь сербские силы и их главаря, что готов обвинить их в прежних злодеяниях. Тем не менее многие были обеспокоены, зная, что население Сребреницы зависит от милости или немилости мстительного и кровожадного сербского генерала. Жак Ширак публично об этом заявляет и пытается убедить своих партнеров вмешаться. 11 июля президент Франции советует

[1] Выражение, которое употребил Диего Арриа, посол Венесуэлы в Организации Объединенных Наций, в конце своей миссии в анклаве Сребреница в марте 1993 года.

[2] Великие державы двумя месяцами ранее, в мае 1995 года, обеспечили присутствие в Хорватии международных представителей в автобусах, которые эвакуировали сербов, захваченных хорватской армией, когда она освобождала западную Славонию, находившуюся с 1991 года в руках восставших сербов. Если не хотели отрицать военной победы Младича в Сребренице и требовать от него вывода войск из анклава, защищаемого решением Совета Безопасности, то, по крайней мере, можно было потребовать присутствия UNHCR и Красного Креста во время вынужденного переселения жителей Сребреницы в обмен на бензин, который Младич требовал от них. Вместо этого они, не требуя ничего взамен, дали бензин, что позволило эвакуировать женщин, детей и пожилых людей, но также депортировать мужчин к месту казни.

Великобритании, Соединенным Штатам Америки и Германии силой вернуть анклав. На следующий день Франция обращается к Совету Безопасности и вновь заявляет, что готова предоставить свои силы для любой военной операции, которая будет оценена как «полезная и достижимая». 13 июля Ширак настаивает и призывает Билла Клинтона выделить в поддержку французским войскам американские противотанковые вертолеты, чтобы проложить путь к Сребренице. И говорит ему: «В Сребренице мужчины отделены от женщин, им грозит опасность быть убитыми, если они недостаточно стары и могут носить оружие. Цивилизованные нации должны противостоять фашизму и провести решительную и ограниченную военную операцию (...), конечно, если не выбрана политика невмешательства, сравнимая с той, которая преобладала во время Второй мировой войны»[1]. Сравнимая, в частности, с той, которая пятнадцать месяцев перед этим применялась в Руанде. Опасаясь необходимости вмешательства американских вооруженных сил в Африке, Клинтон в апреле 1994 года попросил о выводе «голубых касок» MINAUR, когда резня уже в значительной степени началась и когда уже больше не было ни малейшего сомнения в ее геноцидальном характере. Несогласный с присутствием американских войск на боснийской территории, Клинтон предложение отвергает. Кофи Аннан, по-прежнему возглавляющий операции по поддержанию мира в Организации Объединенных Наций, оценивает французское предложение как «нереальное и неосуществимое». Париж сдается. Великие державы в очередной раз решили не делать ничего, несмотря на первоначальную информацию, подтверждающую начало систематических казней. С тех пор они не переставали оспаривать, несмотря на очевидную предсказуемость резни в Сребренице, и скрывать любые доказательства, подтверждающие факты, что они могли это предвидеть.

Спустя год после того, как был допущен геноцид в Руанде, Лондон, Париж, Вашингтон и их союзники вновь не смогли предотвратить акты геноцида не из-за нехватки средств, а из-за отсутствия политической воли. Тем более нехватка средств не была причиной того,

[1] Доклад о Сребренице парламентской наблюдательной миссии, выступление 30 января 2001 года Жана-Давида Левитта, дипломатического советника президента Ширака с мая 1995 года по декабрь 1999 года. www.assembleenationale.fr/dossiers/srebrenica.

чтобы упустить возможность передачи Караджича и Младича Трибуналу и принять все необходимые меры, чтобы заставить Сербию или любое другое государство произвести их арест. Преследование виновных в геноциде, в конце концов, является долгом, который взяли на себя государства на основе Устава МТБЮ, а также Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 года. В своем решении от 26 февраля 2007 года Международный Суд ООН об этом напомнил и осудил Сербию за то, что она не передала Ратко Младича МТБЮ. Франция ратифицировала Конвенцию в 1950 году, Великобритания - в 1970 году, США - в 1986 году, а Россия еще в 1949 году.

Мучимые «сребреницким позором» Париж, Лондон и Вашингтон не могут иметь других приоритетов, кроме как исправить несправедливость по отношению к жертвам, передав Караджича и Младича МТБЮ. Между тем великие державы немедленно и навсегда решили прикрыть стыд за двойной провал, оставив Караджича и Младича на свободе. Это двойное предательство «цивилизованных наций» бросает вызов разуму, если не служит сокрытию некоего еще большего позора, который нельзя исправить никакими дальнейшими действиями.

Сербия не выполнила своей обязанности по предупреждению и пресечению геноцида в Сребренице, потому что участвовала в его подготовке и осуществлении. Милошевич хотел на территории, сформированной на крови и ставшей этнически однородной, добиться признания нового сербского государства в рамках Боснии, которую тщетно пытался уничтожить. В начале 1993 года Сайрус Вэнс, американский участник переговоров, делегированный Организацией Объединенных Наций, сказал ему, что он никогда не добьется признания сербского государства, которое его тайные агенты самопровозгласили в завоеванных областях Боснии. Перед упрямством сербов отказаться от каких-либо мирных соглашений великие державы в начале 1994 года, однако, уступили. Милошевич тогда доверительно сказал своему окружению: «Поверьте мне, я не ожидал, что нам оно (международное сообщество; цитируется по архивным данным) отдаст половину территории». На заседании Высшего совета обороны 18 января 1995 года он уточнил в том же окружении: «Без военной победы международное сообщество никогда бы не позволило нам разделить на две части Боснию и Герцеговину, потому что на протяжении всей истории

на этой территории никогда не было какого-либо сербского государства». Милошевич выиграл пари, но Сребреница, анклав возле Жепы, и западная Горажда весной 1995 года являлись последним препятствием для завершения его плана. Без устранения анклавов Сребреница и Жепа политический субъект, который великие державы обещали в Боснии с тем, чтобы побудить его вступить в переговоры о мире, не мог стать реальностью. Он был бы разорван островком мусульманского населения в середине, с опасностью того, что за зеленым столом переговоров будет разделен на две отдельные части. Милошевич и сербские лидеры в Боснии требовали сербского государства, очищенного от всего мусульманского населения. После Дейтона Милошевич праздновал «историческую победу». «У нас есть половина Боснии! Республика! Из четырех (мирных; цитируется по архивным данным) планов, этот лучше всего подходит для сербов. У них есть все города вдоль Савы, три города в центре и вся долина Дрины, кроме Горажде. Это пятьдесят городов и двадцать пять тысяч квадратных километров! Нужно отправить им обратно всех (сербских; цитируется по архивным данным) беженцев, которые были с нами, чтобы было кем заполнить свою территорию», – заявил он членам Высшего совета обороны 6 декабря 1995 года в Белграде. После Милошевича Сербия стремилась сохранить главное наследие войны, подтвержденное в Дейтоне и пыталась не предпринимать ничего, что могло бы вызвать вопросы. Если одна часть политиков окончательно осудила резню в Сребренице, то все сербские чиновники отказались признать преступный характер плана, разработанного под руководством Милошевича, который сначала на территории, а потом за столом переговоров навязал политическое и этническое разделение Боснии и Герцеговины, заключительным этапом которого стала Сребреница.

Поскольку население Сребреницы было принесено в жертву на алтарь мирного плана, взамен которому западный оппортунизм не сумел предложить ничего иного, великие державы опять пренебрегли своими двусторонними обязательствами. «Моей главной инструкцией было принесение в жертву Сребреницы, Жепы и Горажде, и я думаю, что это было ошибкой» – доверительно сообщает Ричард Холбрук в ноябре 2005 года по случаю десятой годовщины Дейтонского соглашения. Через год после этого американец заберет свои слова обратно, но факты останутся: Сребреница и небольшой соседний анклав

Жепа, также заселенный боснийскими беженцами из первых волн этнических чисток, попали в руки генерала Младича в июле 1995 года и были отданы сербам после мирных переговоров в ноябре 1995 года, когда реальность преступления, благодаря первым расследованиям МТБЮ, уже была доказана и показана в деталях в совершенно новом обвинительном заключении против Радована Караджича и Ратко Младича от 16 ноября 1995 года.[1]

Франция, которая голосом своего президента призвала к принятию мер по предотвращению массовых убийств, в конце концов согласилась на бездействие и ради мира вместе со своими союзниками смирилась с последствиями геноцида в Сребренице. Великие державы позволили навязать себе условия мира и предоставили возможность тем, которые выразили свои геноцидальные намерения, реализовать их и завершить осуществление своего плана. Великие державы наградили в Дейтоне тех, кто за несколько недель до этого систематически депортировал и убивал мусульманское население анклава, выделив ему поля смерти, а затем заселив его территорию своими людьми, чтобы навсегда изменить этническую структуру. С тех пор они не переставали умалять геноцид, отказываясь судить главных обвиняемых и пытаясь помешать МТБЮ указать на прямую ответственность Милошевича, а также не принимая каких-либо эффективных мер для обеспечения возвращения выживших.[2] Через двенадцать лет после этих событий менее тысячи из них удалось вернуться в Сребреницу. Загадка Караджича и Младича покоится на отношениях, которые связывают преступление и мир. В ходе суда над ними можно было бы выявить их намерение уничтожить, истребить мужчин, боснийских мусульман из Сребреницы, в совокупности с тем, чтобы навсегда стереть их присутствие на желаемой территории, без чего Милошевич

[1] Ричард Холбрук, интервью для телевизионной сети «Hayat» из Сараево, транслировалось 19 ноября 2005 года.

[2] 3 мая 2007 года международное сообщество впервые назначило специального представителя для города Сребреница. На эту должность назначен Клиффорд Бонд, бывший посол США в Боснии и Герцеговине. Это решение было принято по просьбе представителей боснийской Сребреницы присвоить их городу особый статус, чтобы исключить его из сербского субъекта в Боснии и, таким образом, способствовать возвращению выживших. Великие державы до сих пор единодушно отказали в этой просьбе.

отказывался подписывать мирный договор. Осуждение перед МТБЮ местных командиров, участвовавших в резне в Сребренице, позволило бы установить истину о преступлении, которое закон квалифицирует как геноцид. Но этими судебными процессами с привлечением к ответственности только исполнителей не пролить свет на активное и пассивное соучастие, которое позволило совершить преступления. Суд над Караджичем и Младичем должен, напротив, поместить резню в июле 1995 года в общий контекст и предоставить подробную реконструкцию событий, которые привели к резне в Сребренице, точную и детальную, которая дала бы возможность доказать их намерения в геноциде, его ход и источники. Потому что в отличие от Милошевича и Младича, Караджич не только подозревается в том, что «планировал, способствовал и приказывал совершать» массовые убийства в июле 1995 года, но и в том, что еще до войны разработал план, который открыто был направлен на «полное или частичное уничтожение боснийских мусульман», затем его реализовывал или помогал его реализовывать «непрерывно, вплоть до 30 ноября 1995 года». Факты, накопленные с 1991 года, позволяют увидеть лучше, чем когда-либо, невероятные ошибки и упущения действующих лиц на международной арене, которые никогда не принимали мер для предотвращения этого плана, ибо его результаты окончательно подтвердили, что они знали, о чем идет речь. Более, чем что-либо другое, этот судебный процесс вновь поставил бы болезненный вопрос о моральной, политической и, возможно, уголовной ответственности великих держав.

Тщательная реконструкция всей последовательности событий, несомненно, наконец, подорвет необоснованный тезис, который уже десять лет предлагают и стабильно защищают военные аналитики МТБЮ во всех делах, касающихся Сребреницы: так как у сербских политических и военных руководителей не было никакого намерения занять анклав, решение о резне было принято после падения Сребреницы. Этот тезис разрушают признания некоторых из соучастников, таких, как Мирослав Деронич, и присутствие «эскадронов смерти», посланных на территорию ранее, чем за две недели до падения города. Но несмотря на все это, он поддерживается благодаря одному документу – приказу о нападении, в котором официально призывается не занимать анклав Сребреница, а только сузить оккупацию до размеров города таким образом, чтобы «условия выживания населения стали

невыносимыми» и «создать условия для прекращения существования анклава». План, известный под кодовым названием «Krivaja 95», как ни удивительно, не определял какую-либо новую цель, а точно описывал ситуацию, которая сложилась с зимы 1993 года, когда сербские силы первый раз попытались занять Сребреницу, но их первоначальный порыв остановил генерал Филипп Мориллон.[1] Военная операция в 1995 году, украшенная эвфемизмами, которые не должны были вызвать осуждения представителей Запада, все же требовала трех месяцев подготовки, в частности, для того, чтобы перерезать пути снабжения войск ООН, присутствовавших в анклаве, еще более ослабить осажденное население с помощью запрета гуманитарных конвоев и позволить Белграду осуществлять материально-техническую поддержку и координацию всех сил, которые принимают в ней участие. Коль скоро Белград и представители Запада так и не передали МТБЮ документы, которые они имели на подготовительном этапе наступления на Сребреницу, о котором в конце концов все знали, Прокуратура не заинтересована в истине о «Krivaja 95». Ободренная утверждениями аналитиков из американских военных и разведывательных служб, Прокуратура приняла без единого слова все те возражения, в которые хотели заставить ее поверить. Великие державы могли только веселиться, глядя на слепоту МТБЮ, который не задавал вопросов, веря в то, что они не могли предвидеть резню, что делала вероятным падение анклава. После этого им было достаточно оспаривать их второй провал и утверждать, что они сделали все, чтобы Караджич и Младич были переданы правосудию.

Караджич и Младич не предстали перед судом, чтобы не возродились воспоминания о позорном выборе великих западных демократий, которые пожертвовали населением Сребреницы, сознательно оставив его палачам, а затем лишив выживших их страны. Этот судебный процесс остановил бы их агонию и восстановил бы их достоин-

[1] Генерал Филипп Мориллон командовал силами ООН в Боснии и Герцеговине, когда в марте 1993 года силы ООН вошли в Сребреницу и обещали гражданам: «Мы вас не оставим». Силы Младича тогда были у ворот Сребреницы и рассчитывали, что ООН осуществит эвакуацию населения анклава. Мориллон заставил их отступить и потребовал, чтобы Совет Безопасности принял резолюцию, в которой Сребреница определялась как «зона, находящаяся под защитой Организации Объединенных Наций».

ство. Выбор, который не может быть оправдан и который, в силу ряда причин, делает наших лидеров соучастниками наихудшего кровопролития в Европе после Холокоста. Пока Караджич и Младич не предстанут перед судебной инстанцией, полностью независимой и достаточно сильной, чтобы противостоять всем попыткам вмешательства и цензуры, наши демократии только продлят позор. То, что их защищает, например, отказ судить Караджича и Младича или недавний отказ показать хоть часть правды, которая выплыла наверх на процессе Милошевича, только усиливает страдания жертв, углубляет их раны и разжигает ненависть. До тех пор, пока выжившие не освободятся от бремени своих страданий, Европа будет чувствовать на себе груз мертвых Сребреницы, которые, как призраки, бродят по Старому Свету в поисках правды.[1]

[1] 4 июня 2007 года почти восемь тысяч выживших и родственников жертв Сребреницы подали в голландский суд иск против Организации Объединенных Наций и Нидерландов об их ответственности за то, что оставили анклав, который были обязаны защищать. Целью иска является подтверждение серьезного провала Нидерландов и ООН при принятии ряда решений, которые способствовали трагедии. От двадцати пяти до тридцати тысяч мирных жителей укрылись в / или вокруг военных баз контингента голландских «голубых касок». Столкнувшись с тысячей сербских солдат, четыреста пятьдесят солдат голландского батальона позволили им отделить женщин от мужчин.

Глава IV.

КОНЕЦ ИГРЫ

Если мы не будем поддерживать правосудие,
правосудие не будет поддерживать нас
Ф. Бэкон

11 сентября рухнули башни-близнецы... Они погребли под собой множество надежд, ценностей, обещаний и планов, которые родились в результате падения Берлинской стены. Эпоха, которая началась с этого момента, меньше всего будет заботиться о фундаментальных правах человека, а больше о его безопасности. 11 сентября не объединило мир против варварства, но поляризовало его и превратило в поле боя, обозначив грубое вхождение в XXI век, в котором, по-видимому, можно обратить вспять ряд процессов, которые до сих пор казались необратимыми. Между мирным 9.11.1989 г. и воинственным 11.09.2001 г. проект международного правосудия успел пройти свой путь. МТБЮ, который готовится начать первый международный процесс в истории против главы государства, находится на пике славы. МУС, вдохновляемый осуществлением универсалистской мечты, почти готов начать работу. Глубокая динамика, которая позволила совершить международному правосудию эти исторические шаги, не может исчезнуть в горящих развалинах башен-близнецов. Но 11 сентября все же закрыло еще один этап в истории, изменило приоритеты, очередность расстановки последних. Международное правосудие скоро почувствует ударную волну от этого взрыва. МТБЮ, который находится на передовом рубеже, не избежит этой участи.

За восемь месяцев до этого, в суровую метель, Карла дель Понте прибыла в Давос. Представ перед самыми сильными личностями мировой политики и экономики на планете, собравшимися на Всемирном экономическом форуме, она стала защищать проблемы международной справедливости и важности того, чтобы положить конец безнаказанности сильных мира сего. «Если мы не сохраним хладнокровия, то диктаторы смогут бежать и скрываться, и нам потребуются, возможно, сотни лет, чтобы встать на ноги и установить силу права

над правом силы», – с такими словами она обратилась к слушателям 26 января 2001 года в то время, когда Милошевич был уже отстранен от власти, но все еще не арестован. Она ожидала неких общих слов и, без сомнения, осторожных ободрений. Однако трудно было завоевать аудиторию, для которой требования международного правосудия никогда не были приоритетом.

К большому удивлению Карлы дель Понте, после ее выступления зал кипит. Дискуссия была ожесточенной. Клинтон 31 декабря 2000 года, в последний день истечения своего президентского срока, перед тем, как передать ключи от Белого дома Джорджу Бушу-младшему, несмотря на сильное противодействие со стороны Конгресса и сдержанность своей Демократической партии,[1] подписал Римский статут, на основе которого был создан постоянный Международный уголовный суд. Оправдывая свои действия, он заявил: «Мы делаем это для того, чтобы подтвердить свою приверженность принципу международной уголовной ответственности, с целью передать в руки правосудия лиц, виновных в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Мы это делаем и для того, чтобы сохранить процедуру, которая в ближайшие годы позволит Международному уголовному суду стать беспристрастным и эффективным инструментом правосудия. Соединенные Штаты Америки имеют давнюю традицию действий в пользу уголовной юстиции, начиная со времен нашего участия в Трибунале в Нюрнберге и до главной роли в усилиях, которые привели к созданию Международных уголовных трибуналов для бывшей Югославии и по Руанде. Наши действия сегодня являются частью этой традиции». Один из лидеров Республиканской партии сенатор Джесси Хелмс немедленно ответил: «Сегодняшняя акция является очевидной попыткой уходящего президента связать руки своему преемнику. Это решение не будет иметь силы. Одним из моих приоритетов перед новой палатой представителей будет его отмена и защита американских военных от уголовного преследования этого

[1] В июле 1998 года сто двадцать стран подписали Римский статут Международного уголовного суда. Соединенные Штаты Америки и пять других присутствующих стран – Китай, Ирак, Израиль, Катар и Йемен – отказались его подписать. У них было время, чтобы изменить свое мнение до подписания его Клинтоном 31 декабря 2000 года.

международного популистского суда».[1] Дональд Рамсфелд, назначение которого предполагалось на пост министра обороны после победы Буша на президентских выборах в ноябре 2000 года, немедленно добавил: «Американское лидерство в мире может стать первой жертвой этого суда» из-за принуждения, вытекающего из международного гуманитарного права.

Их союзники используют возможность, которая возникает с прибытием Карлы дель Понте, чтобы в течение всего одного заседания превратить Давос в форум против МУС. Международное правосудие с универсальными мерками публично обвинено в угрозе национальному суверенитету, а тем более в качестве барьера для любых военных действий со стороны таких стран, как Соединенные Штаты Америки, участвующих во внешних операциях в почти ста странах, но не признающих, что их граждане или военнослужащие на данных территориях подчиняются правилам, процедурам, прокурорам и судьям международной судебной системы, которая «ни перед кем не отчитывается». В Давосе находится и сенатор-республиканец от штата Юта Оррин Дж. Хэтч. Как председатель сенатского комитета по судам он предупреждает, что Соединенные Штаты Америки не намерены ратифицировать соглашение. Он подчеркивает, что «Соединенные Штаты Америки не хотят такого международного суда, который бы судил президента за то, что он принял решение, целью которого является спасение жизней сотен американцев». Новая американская администрация решительно выступает против такой международной судебной системы, которая априори ускользает от любого государственного контроля и подвергает реальной судебной угрозе ее гражданских и во-

[1] Республиканский сенатор сдержал слово. По его инициативе Конгресс уже в ноябре 2001 года принял решение, согласно которому американскому правительству запрещается любое сотрудничество с Международным уголовным судом, в силу чего для участия в операциях по поддержанию мира требуется предварительное предоставление иммунитета в отношении любого преследования МУС. Кроме того, акт Конгресса уполномочивает президента США использовать любые подходящие средства, чтобы освободить американских граждан, которые могут быть задержаны МУС. По причинам, подобным вышеназванным, Джесси Хелмс голосовал в 1986 году, наряду с десятью другими сенаторами, против того, чтобы Соединенные Штаты Америки ратифицировали Конвенцию о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 года.

енных лидеров. Ситуация комичная. В отличие от Карлы дель Понте, которая черпает максимальную мощь от своей независимости, часть аудитории указывает на опасность самостоятельных решений постоянного Международного уголовного суда и его будущего прокурора, полномочия которого хотя гораздо более ограничены, чем полномочия швейцарки, но до сего времени в глазах американских республиканцев все еще «довольно большие», поэтому излишние.

Девять месяцев спустя США вступили в войну против терроризма. Удваивается недоверие к ограничениям, налагаемым международным правом, а также отвращение к идее, что это могло бы связать руки Соединенным Штатам Америки. Отправка американских войск в Афганистан усиливает неприятие того, что американских граждан может судить будущий МУС. Вашингтон сразу же начал недружественно относиться к судебной системе, которая формируется, чтобы нейтрализовать всю его власть над своим контингентом, участвующим во внешних операциях. 6 мая 2002 года, за два месяца до начала работы МУС, Соединенные Штаты Америки отозвали подпись президента Клинтона под Римским статутом. Попавший в бурю, пострадал и МТБЮ. И ему будут подрезаны крылья.

Закончить, как можно быстрее

Амбиции Гаагского Трибунала в течение некоторого времени беспокоят великие державы. Им хотелось бы остановить машину, которая мчится на полном ходу, но не знают, как это сделать. Они знают только, что для них было бы вредно любое политическое решение о резком ограничении деятельности Трибунала, лучше, чтобы он сузил свою стратегию наказаний до преследования наиболее ответственных должностных лиц. До этого они хотели пощадить Трибунал. Совет Безопасности ООН 30 ноября 2000 года принимает резолюцию 1329, которая призывает Гаагский Трибунал уделять больше внимания «преступлениям, которые являются наиболее опасными для международного порядка, особенно тем, которые совершили ответственные политические и военные чиновники самого высокого ранга». Принято также решение поддержать реформу, предложенную Председателем Трибунала французским судьей Клодом Жорда, которая заключается

в том, чтобы назначать судей *ad litem*, призванных помогать, по мере необходимости, в уменьшении нагрузки, что позволит Трибуналу выполнить свою миссию до конца начавшегося десятилетия. Великие державы по-прежнему тянут резину, чтобы не передавать Трибунал под более сильный контроль Совета Безопасности, удовлетворяясь поощрением его деятельности, дабы в разумные сроки привести к ее завершению.

Трибунал обвинил сотню человек, сумел арестовать две трети из них, вынес двадцать приговоров и планировал обвинить еще сотню. Это смешные цифры, учитывая количество участников, но чрезвычайно большие для международного сообщества, пойманного в сети своих собственных обязательств и желающего покончить с ними, как можно скорее.[1] Тайно отвлекая судей, пытающихся подниматься по цепочке ответственности, чтобы они не преследовали тех, с которыми вели переговоры великие державы, они сами внесли свой вклад в проблему, которую в настоящее время не знают, как решить. В 2000 году международное правосудие было очень далеко от выполнения своей миссии уголовного преследования наиболее видных деятелей как среди исполнителей, так и среди инициаторов преступлений. Оно находилось на полпути. После отстранения от власти Милошевича в конце 2000 года Балканы вступили в послевоенную эпоху. Меняются приоритеты. Западная дипломатия опасается, чтобы требования справедливости, которые заходят все дальше, не усложнили ей задачу постоянным копанием в прошлом, что приводит к разделению и раскрывает новые переломные факты, и это в то время, когда все хотят как можно быстрее все забыть и открыть новую страницу. Отсюда неприятие требования передать Милошевича Гаагскому Трибуналу.

Теракты 11 сентября смешали все карты на международной арене, всю политическую повестку дня. Они, безусловно, возвращают все кризисы, гуманитарные амбиции и добродетельные инициативы девяностых на столетие назад. Меняется и язык. Сомнения предыдущего периода теперь выражают четким и однозначным лозунгом: Трибунал

[1] По оценкам независимых экспертов, от восьми до пятнадцати тысяч человек, которые участвовали в многочисленных преступлениях, должны быть привлечены к уголовной ответственности, а другие – подвержены различным формам «восстановительной» юстиции, например, в рамках комиссий «правды и примирения».

должен без колебаний применять стратегию завершения. Вашингтон и Лондон первыми посылают сообщение: «Мы хотим, чтобы Вы завершили работу около 2007/2008 года». Париж не жалует Карлу дель Понте во время визита 30 ноября 2001 года. Ален Ришар, министр обороны, предупреждает ее: «Наша цель состоит в том, чтобы навсегда реинтегрировать Югославию (Сербию – Черногорию) в демократическое сообщество, но этого нельзя достичь, разжигая огонь... Вашей задачей является осуждение «лидеров», но если Вы один раз уже выдвинули против них обвинения, зачем идти дальше, когда теперь Вы можете преследовать нижестоящих, какая в этом логика?» Его советник настаивает: «Мы должны закончить это дело. Ваша настойчивость переносит дату начала демократического процесса». Тот же рефрен исходит и от Кэ д'Орсе: «Какая польза от продолжения, у вас есть тридцать три беглеца, и Вы хотите обвинить еще больше! Куда Вы хотите зайти?»

Перед Советом Безопасности 27 ноября 2001 года Карла дель Понте и Клод Жорда обязались завершить работу МТБЮ около 2008 года для судебных разбирательств первого уровня и около 2010 года - для апелляций. Они представили в общих чертах стратегию завершения, охотнее пользуясь этим термином, чем «стратегия выхода», которая предполагала снижение нагрузки на Трибунал путем передачи некоторых дел при определенных условиях национальному правосудию бывшей Югославии. Однако Карла дель Понте несущественно сократила список подозреваемых. Она представила сто дополнительных обвинительных заключений для каждого из двух трибуналов - для бывшей Югославии и по Руанде: «Некоторые говорят, что после событий 11 сентября мир изменился, и с тех пор приоритетом является терроризм, а не прошлые конфликты. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения на международное правосудие. У международного сообщества теперь еще больше оснований быть более решительным в преследовании лиц, ответственных за геноцид и преступления против человечности. Не будет ни почетно, ни правдоподобно поддерживать войну против терроризма, если мы не будем делать все, что необходимо, для того, чтобы привлечь к ответственности лиц, виновных в геноциде в Руанде, Сребренице и других массовых убийствах. Мы обманываем себя, как и в случае борьбы с терроризмом, если считаем, что есть простые и быстрые решения, чтобы правильно выполнить работу».

Она была не в состоянии их убедить. Великие державы хотят видеть решительные сокращения программы расследований, не желая сформулировать это более четко, нежели они это недвусмысленно сформулировали год назад в резолюции 1329. Они хотят быть уверены в том, что Трибунал не превысит рекомендованный срок. Карла дель Понте знает об этом, но у нее на горизонте такая справедливость, исторической вехой которой является не 11 сентября, а ночь с 28 на 29 июня и прибытие Милошевича в Гаагу. А это является событием, которое позволило Гаагскому Трибуналу подтвердить реальность того, что никто не должен им ни пренебрегать, ни насмехаться над ним. Ожидание начала работы постоянного Международного уголовного суда также превращает в реальность идеал международного правосудия с универсальными полномочиями, который не освободит от ответственности ни сильных мира сего, ни даже глав государств. Она верит в предначертание международного правосудия, что указывает на приход новой эры, эры отказа от безнаказанности, которую выдача Милошевича сделала более убедительной и достижимой, чем когда-либо прежде.

Великие державы, которые стремятся обуздать прокурора, скоро откажутся от своей иллюзии. Политическое давление в скором времени проявится в том, что будет изменен бюджет, а это менее заметно, чем новая резолюция Совета Безопасности. Ведь государства предъявляют свои собственные требования, но не хотят публично брать на себя ответственность за ограничение отправления правосудия. Проще всего принятие этого решения взвалить на плечи Трибунала. Французский посол при ООН Жан-Давид Левитт признает это в конце 2001 года в ходе встречи с Карлой дель Понте: «Совет Безопасности не может явным образом принять решение об уменьшении количества расследований, чтобы не подвергать себя опасности попасть в ловушку решений, которые будут вредить доверию к нам». А у Соединенных Штатов Америки, понимающих, что правосудие добровольно не подчинится принципу политической реальности, нет достаточно времени, если европейцы захотят обеспечить успешное завершение работы Гаагского Трибунала, что повысит авторитет Международного уголовного суда. Новая американская администрация равнодушна к идее справедливости. Она будет делать все возможное, чтобы устранить это правосудие, которое очень ослаблено из-за потрясений

на мировой арене и которое она хочет исключить из международной игры, чтобы вернуть государствам право поддерживать высший закон справедливости. Она за счет прямого вмешательства в судебные дела будет рушить идеалы, за которые заступаются международные уголовные суды.

Через несколько месяцев Карла дель Понте, которая форсировала союз между судебными и политическими органами и поставила Милошевича перед Гаагским Трибуналом, подверглась нападению политиков со всех сторон. Она была когда-то кошмаром финансовых махинаторов, торговцев наркотиками и их могущественных союзников. С тех пор, как она прибыла в Гаагу, стала ночным кошмаром Милошевича и всех военных преступников, против которых возбудила следствие от бывшей Югославии до Руанды. Ничего необычного для прокурора. Наоборот, удивляет недоверие влиятельных политиков, которые создали Гаагский Трибунал. Это вытекает из противодействия, которое де факто направлено против международного правосудия. Карла дель Понте портит им игру, она – враг их прагматизма. Чем больше война в бывшей Югославии бледнеет в европейских и американских воспоминаниях, тем сильнее Карла дель Понте раздражает международное сообщество, которое всегда в спешке перелистывает страницы истории. Прокуроры взвешивают, каковы шансы обновить будущее по меркам прошлого, по историям жертв и выражению их разочарования, по высказываниям палачей. Дипломаты заботятся о ближайшем будущем, не обременяя себя прошлым. Время правосудия не является временем политики. Карла дель Понте постоянно пересматривает требования справедливости, которые больше не находят своего места в политической повестке дня. Она вмешивается в политику, потому что политика постоянно вмешивается в судебный процесс. Ей нужны широкие полномочия, которыми обладают некоторые страны, потому что другие страны не выполняют своих юридических обязательств. Дом с распахнутой дверью призывает всех тех, у кого есть добрая воля, чтобы государства превратили в дела свою мощь установления справедливости, часть которой возложена на нее. При каждом посещении Карла дель Понте покидает своих западных коллег с горьким привкусом нечистой совести или по крайней мере разочарования, потому что они не могут избавиться от демонов, о которых она всегда напоминает. Никто этого не скрывает. Даже этот советник

европейского министра, который проговорился еще до того, как делегация Гаагского Трибунала уехала: «Мы не можем так просто уйти, она нам не даст!»

20 ноября 2001 года американская делегация в ходе публичного заседания Совета Безопасности проголосовала за постепенное прекращение деятельности двух международных уголовных трибуналов. Она сделала это на заседании во второй половине дня под председательством посла Джона Негропонте, который представляет США при Организации Объединенных Наций и который сообщил Карле дель Понте: «У Трибунала слишком большой аппетит, он должен умерить свои амбиции». Пьер Ришар Проспер, который отвечает за вопросы международного правосудия в американском правительстве, пытается убедить ее в значительном сокращении списка подозреваемых. Он не хочет, чтобы Трибунал продолжал свою деятельность таким образом, чтобы впоследствии загрузить работой национальные судебные органы: «Если мы им передадим слишком много дел, то создадим политические проблемы для Белграда и других столиц». И чтобы склонить прокурора на свою сторону, добавляет: «Это могло бы нанести ущерб усилиям, предпринимаемым, чтобы убедить Коштуницу сдать Караджича». Она сопротивляется. Сообщает, что уже сократила список подозреваемых и ограничила преследование до наиболее высокопоставленных ответственных лиц: «Теперь Совет Безопасности может взять на себя ответственность за каждое новое уменьшение объема моей работы». Американцы рассержены и дают знать советнику Карлы дель Понте несколько часов спустя: «Убедитесь, что прокурор поняла, что Соединенные Штаты Америки предписывают ей больше пользоваться своим правом принятия решений для того, чтобы значительно сократить список подозреваемых. (...) Может случиться так, что добровольные взносы Соединенных Штатов Америки не будут уплачены в бюджет (ООН для МТБЮ; цитируется по архивным данным) после ее отказа пользоваться своим дискреционным правом по отношению к списку подозреваемых», – предупреждает по телефону Майк Ньютон, помощник Проспера. 18 декабря во время своего визита в Гаагу Карла дель Понте отвечает Просперу: «Ваше сообщение не может быть истолковано иначе, как открытое давление, чтобы не сказать едва скрытая угроза».

Неделю спустя американская делегация во главе с Патриком Кеннеди попросила перед 5-й комиссией Организации Объединенных

Наций, отвечающей за административные и бюджетные вопросы, о задержке принятия бюджетов обоих трибуналов. Свой поступок она обосновывает «необходимостью получения дополнительной информации о двух учреждениях, которым грозит опасность из-за плохого управления, неэффективности и коррупции». Соединенные Штаты Америки заняли враждебную позицию по отношению к Трибуналу для бывшей Югославии и его близнецу – Трибуналу по Руанде. Их поход против постоянного Международного уголовного суда также распространяется на *ad hoc* созданные суды, несмотря на демонстративную американскую поддержку Гаагского Трибунала. Карла дель Понте, которая должна одновременно вести стратегию завершения работы в Гааге и Аруше, не сдается. Она не может противостоять воле государств ограничить отправление правосудия, потому что они создали Гаагский Трибунал и имеют право принять решение о его закрытии. Но никто не может требовать от нее плохо выполнить свою работу и провалить миссию, возложенную на нее. Она стремится уменьшить ущерб, требуя не разрушать того, что было достигнуто, и установить механизмы предотвращения того, чтобы стратегия завершения работы не благоприятствовала безнаказанности. Но Вашингтон будет толкать ее дальше в направлении этих ограничений. Лондон не отстает от него. Стремясь как бы подчеркнуть это, Тони Блэр пишет ей 19 декабря 2001 года: «Соединенное Королевство не отказалось от своих обязательств, чтобы военные преступники предстали перед судом. Я также приветствую шаги, которые Вы предприняли, чтобы вступить в диалог со странами с точки зрения стратегии завершения деятельности Трибунала и последствий, вытекающих из этого, в частности, для судебной системы бывшей Югославии. Я знаю, что Джек Стро будет обсуждать это с Вами во время встречи в начале будущего года. В связи с этим я хотел бы знать, что Вам кажется достижимым в рамках ресурсов, имеющихся в распоряжении Трибунала, и каким образом Вы намерены сократить свою политику наказаний и реализовать стратегию завершения?»

В начале 2002 года международная пресса устремляется в Гаагу в связи с началом судебного процесса против Милошевича. Несмотря на другие новости, Гаагский Трибунал всегда привлекал интерес средств массовой информации. Американское правительство использует это, как бы нанося контрудар. Но на этот раз открыто проявляется

враждебность. 28 февраля 2002 года, всего через две недели после начала процесса против Милошевича, желчное нападение Проспера в американском Конгрессе вызывает реакцию по ту сторону Атлантики. Бывший прокурор в Аруше, который добился в 1998 году первого приговора в истории за геноцид по «делу Жан-Поля Акайесу», теперь умаляет значение Международного суда, говоря о том, что он дорогой, неэффективный, слишком медленный и далекий от народов, к которым относятся и жертвы. Он обвиняет оба Трибунала в коррупции, исходя из практики недавно обнаруженного разделения гонорара между адвокатами защиты и обвинения.[1] Речь идет о недопустимом злоупотреблении, которое имеет мало общего с проведением судебного процесса. Между тем Проспер поливает грязью международные уголовные трибуналы с целью дискредитации международного правосудия, которое только начало доказывать свое право на существование и новая форма которого – постоянный Международный уголовный суд – скоро откроет свои двери. Он не хочет, чтобы МТБЮ прославился процессом по делу Милошевича, который может стать моделью. «Международные трибуналы не являются и не должны быть теми судами, в которые мы обращаемся в первую очередь, скорее крайним средством. Если не удается добиться справедливости на местном уровне, международное сообщество может работать через Совет Безопасности или по *ad hoc* договоренности. Политика (американской; цитируется по архивным данным) администрации состоит в поощрении государств создавать судебную систему, которая пользуется доверием, а не отказываться от своих обязанностей». Чтобы было ясно, нет больше смысла в существовании МТБЮ, но необходимо в ближайшее время передать пальму первенства внутренней системе правосудия. Вашингтон заявляет, что он готов помочь правительствам реформировать свои судебные системы, чтобы суды смогли рассматривать дела по военным преступлениям. Тем не менее поощрение их в некотором роде судебного национализма более свидетельствует о стремлении обуздать международное право, чем о поощрении госу-

[1] Оба международных уголовных трибунала имеют право назначать каждый одного следователя-эксперта по финансовым нарушениям, который бы выявлял злоупотребления, в частности путем осуществления проверки фактического финансового состояния обвиняемых, объявивших себя бедными и пользующихся бесплатной защитой, которую оплачивает Организация Объединенных Наций.

дарств в судебном порядке рассматривать свои споры с целью содействия национальному примирению. Совет Европы критикует призыв «военных преступников должны судить сами палачи».

Кампания против международных судов подготовила почву для сокращения бюджета. В главной штаб-квартире ООН в Нью-Йорке все делегации, участвующие в работе Бюджетной комиссии, были единодушны: «Американцы дали нам понять, что расходы увеличиваются, и никто не может повлиять на конечный результат». В кулуарах стеклянного здания на Ист-Ривер теперь считается, что международные суды наиболее дорогие в этом отношении и их трудно контролировать. Бюджет Трибунала еще не голосовали. Ханс Коррел, управляющий юридическими делами ООН, признается, что циркулируют сумасшедшие слухи о Трибунале. Никлас Росто, юридический советник американской делегации при ООН в Нью-Йорке, ведет клеветническую кампанию. Он открыто заявляет Карле дель Понте во время визита 20 марта 2001 года: «Никто не хочет поддерживать эти суды из чистого удовольствия, чтобы позволить неограниченное трудоустройство, в то время как у Трибуналов только единственная цель – продержаться как можно дольше, несмотря на астрономические затраты».

Правовая угроза со стороны Международного уголовного суда для США

После того, как бюджетное давление ослабило МТБЮ, Соединенные Штаты Америки могут лучше контролировать его деятельность. Но Вашингтон здесь, в первую очередь, видит возможность навязать ему свою волю. 18 марта Проспер повторяет в Министерстве иностранных дел требования своего правительства: «Вы должны составить приоритетный список подозреваемых. Мы хотели бы с уверенностью предсказать передачу работы в регион». Судебная власть в странах бывшей Югославии тогда была в ужасном состоянии и далека от того, чтобы принимать справедливые и заслуживающие доверия решения по делам о военных преступлениях или гарантировать безопасность свидетелей. Что касается жертв, то они не желают давать показания в суде своих палачей. Но Проспер спешит закрыть суды в Гааге и Аруше.

«По мнению этих людей, МТБЮ связан с постоянным Международным уголовным судом. Чем больше у вас успехов, тем больше прецедентов вы создаете, а у МУС будет больше возможностей для работы», – подытожил сенатор-республиканец Митч Макконнелл 19 марта 2002 года в ходе встречи с Карлой дель Понте. Даже Саддам Хусейн ощутил эти последствия. Администрация Буша серьезно думала, что однажды будет его судить, но исключала возможность создания нового международного уголовного трибунала по Ираку, предложенного Клинтоном в октябре 1998 года. Проспер перед Конгрессом в феврале предложил создание местного иракского суда. «Мы считаем, что Саддам Хусейн и его главные помощники должны ответить за свои действия (...). На самом деле, мы считаем, что они совершили великие злодеяния, и против них должно быть возбуждено следствие. Мы фактически начали собирать информацию об этих преступлениях. Но чтобы осуществилось правосудие, достойное своего имени, необходимы изменения в правительстве Ирака». 18 марта 2002 года на стене офиса Проспера в Государственном департаменте вывешена карта, усеянная красными звездочками, указывающими на главные места преступлений, совершенных по приказу Саддама Хусейна. В студии CNN в Вашингтоне такая же карта Ирака уже висит на задней части мобильных билбордов, на которых на первом плане карта Афганистана. На местных американских телеканалах разгораются дискуссии о зверствах, совершенных во время правления диктатора. Вашингтон хочет силой свергнуть режим Саддама Хусейна и превратить «государство-изгой» в стабильную демократию, которая не будет помогать террористам. Для Вашингтона это в настоящее время является гуманитарной целью, и он надеется, что сможет сформировать коалицию наподобие той, которой в 1999 году руководило НАТО во время вторжения в Косово. Таким образом, на повестке дня преступления, подпадающие под юрисдикцию международного уголовного права, а не оружие массового уничтожения.

Администрация Буша вскоре отказывается от гуманной аргументации. От идеи суда над Саддамом Хусейном не отказывается, но миссия Проспера в Афганистане вынуждена менять тактику. На этот поворот в некоторой степени влияет и опасность начала работы МУС. Вашингтон посылает своего молодого посла, ответственного за расследование военных преступлений, в Афганистан, чтобы тот занялся реальными преступлениями, совершенными во время интервенции в октябре и но-

ябре 2001 года, которые сейчас начинают выходить наружу. Проспер подтвердил существование захоронений и нарушения международного гуманитарного права, которые были совершены союзником Соединенных Штатов Америки, узбекским военачальником Абдул-Рашидом Дустумом, возглавляющим Северный альянс. Тем не менее наибольшую обеспокоенность вызывают события, которые последовали за падением Мазари-Шарифа, последнего препятствия для завоевания Кабула. Речь идет о событиях 25 ноября 2001 года в крепости под названием Калай-Джанги, куда была помещена группа талибов, которые сложили оружие после падения Мазари. Заключенные подвергались жестоким допросам, которые вели агенты ЦРУ, быстро прибывшие на место событий и уверявшие суд: все будет сделано. Поэтому заключенные подняли восстание и захватили оружейный склад в крепости. Восстание было подавлено в крови с помощью американских и британских сил. Было убито восемьсот военнопленных. Лишь несколько десятков, спрятавшихся в подвале, выжили. Проспер вернулся из своей миссии в расстроенных чувствах. Бывший прокурор понимает, что американские военнослужащие могут быть привлечены к ответственности за военные преступления. МУС еще не начал действовать, а следовательно, не имеет полномочий, но в войне с террористами, которая только началась, пугало международного суда с универсальными полномочиями представляет истинную правовую угрозу для Соединенных Штатов Америки и их контингента на этой территории. Проспер убирает свои карты Ирака со звездочками. 6 мая администрация Буша аннулирует подпись Клинтона под Римским статутом МУС. Ирак, в конце концов, начинают подозревать в том, что у него есть оружие массового уничтожения. Под давлением со стороны Вашингтона и Лондона Совет Безопасности голосует 8 ноября 2002 года за Резолюцию, которая одобряет работу наблюдательной миссии ООН в поисках оружия.

Слишком дорогие суды

Кампания против международного правосудия приобрела размах с началом работы Международного уголовного суда 1 июля 2002 года. Соединенные Штаты Америки не признают новую юрисдикцию и запускают весь правовой арсенал, чтобы исключить из него своих со-

трудников, работающих за рубежом. «Администрация свернула на кривую дорожку истории», – обвиняет Кеннет Рот, глава одной из самых мощных неправительственных организаций «Human Rights Watch». В это время Проспер посещает Белград и Кигали, как бы обещая скорое завершение работы международных трибуналов и предлагая возможные решения. Договор, предложенный американским представителем без ведома прокурора МТБЮ, очень прост. Сербию призывают к активному сотрудничеству с судом, чтобы она не противилась прекращению его работы, и, в свою очередь, она получит возможность осудить некоторых обвиняемых. Вашингтон в ближайшее время разблокирует 5 миллионов долларов для того, чтобы в Белграде был оборудован зал суда, в который в скором времени будет перенесен суд по военным преступлениям. Поступки Проспера явно демонстрируют призыв к аресту беглецов, особенно Караджича и Младича. Американцы хвастаются мнимой поддержкой МТБЮ для того, чтобы показать, что они противостоят не международному праву, а только МУС. За кулисами они не делают различия между ними, даже если их реальная неприязнь к МТБЮ замедляет его работу. Не обращая внимания на просьбы Трибунала о предоставлении доступа к записям, которые позволили бы быстрее завершить расследования, они лицемерят, утверждая, что у них нет никаких документов на подозреваемых албанцев или некоторых сербских чиновников, которые помогли отстранить Милошевича от власти, а ранее были его соучастниками в преступлениях. Они хотят завершить работу МТБЮ, но перед этим сформировать его практику по своему желанию. Они дают понять, что противятся некоторым преследованиям и все более открыто вмешиваются в уголовную политику Прокуратуры даже ценой жестокой борьбы. И во имя стабильности местных властей не хотят до конца оказывать давление, которое по-прежнему используется для того, чтобы арестовать Караджича и Младича.

Что касается Международного уголовного трибунала по Руанде, здесь американские гарантии другие, как и договоренности. Соединенные Штаты Америки хотят обеспечить поддержку руандийских союзников, чтобы закрыть Трибунал в Аруше, хотя по-прежнему далеко до окончания преследования самых высокопоставленных чиновников правительства хуту, которые явились подстрекателями геноцида в 1994 году, где за сто дней погибло около миллиона тутси и умеренных хуту. Когда в ноябре 2001 года объявили о скором закры-

тии Трибунала, руандийские власти протестовали, считая это намерение преждевременным. Тем не менее президента Поля Кагаме было нетрудно убедить. Карла дель Понте начала в декабре 1999 года следствие против тутси – офицеров армии Руандийского патриотического фронта (далее - РПФ), которым командовал Кагаме. Это следствие, названное «специальным», было связано не с геноцидом тутси, который был первым мандатом Международного уголовного трибунала по Руанде, но с массовыми убийствами, совершенными в отношении лиц, виновных в геноциде гражданских лиц хуту, которые массово бежали из Руанды перед наступлением армии Руандийского патриотического фронта. Уверенный в себе из-за военной победы, которая закончила геноцид, президент-генерал считал, что его люди не должны предстать перед судом международного сообщества, которое допустило резню тутси. Проспер обещал, что закрытие Международного уголовного трибунала по Руанде положит конец этим нежелательным расследованиям. Это одновременно позволит отменить требование судьи Жан-Луи Брюгьера, чтобы Международный уголовный трибунал по Руанде выдвинул обвинение против президента Кагаме. Французский судья еще с 1998 года был ответственным за расследование о покушении на самолет президента Руанды Жювеналя Хабьяриманы, сбитого 6 апреля 1994 года за несколько часов до начала геноцида. Его осаждали семьи трех французских членов экипажа, которые погибли вместе с руандийским и бурундийским президентами. Он убежден, что Поль Кагаме является инициатором этого убийства. Хотя результаты расследования подтверждают предположение о том, что нынешний руандийский президент является соучастником убийства, судья не сможет потребовать его уголовного преследования из-за иммунитета, который Франция предоставляет главам государств, исполняющим свои функции. Необходимо было просить ООН направить жалобу в МТР или прокурора использовать свое дискреционное право[1] инициировать судебный процесс. В ноябре 2001 года американцы

[1] 17 ноября 2006 года судья Брюгьер официально огласил результаты своего расследования, которое было завершено в 2004 году. Он указывает на Поля Кагаме в качестве заказчика убийства, вызвавшего геноцид. Девять международных ордеров на арест были выданы за «соучастие в убийстве» на людей, близких к президенту Руанды, среди них Джеймс Кабаребе, начальник Генерального штаба руандийских сил обороны, и Шарль Кавонга, начальник штаба армии. Руанда

заинтересовались деятельностью судьи Брюгьера в Международном уголовном трибунале по Руанде и расспрашивали Карлу дель Понте о том, что она знает о Кагаме. Тем не менее они еще не объявили о противодействии любому виду преследования своего союзника в районе Великих озер и людей из его окружения. В настоящее время американская стратегия с целью закрытия Международного уголовного Трибунала по Руанде сводится главным образом к давлению на африканские правительства, чтобы те выдали руандийских беглецов, которые укрылись на их территории. Эти действия – доказательство того, какой в реальности является американская поддержка двух Международных уголовных трибуналов, в результате чего арестованы только трое из двадцати четырех обвиняемых руандийцев, находящихся в бегах.

Международные уголовные трибуналы воспринимаются сугубо как препятствие на пути к организации послевоенного периода, как слишком дорогое правосудие, не имеющее влияния, которое может быть выражено количественно, и чьи действия дестабилизируют ситуацию как в Руанде, так и в странах бывшей Югославии. Американцы и европейцы согласны с тем, что следует оставить на усмотрение судов ведение процессов до 2008 года, но предупреждают Прокуратуру, чтобы та завершила расследования к концу 2004 года. Чтобы навязать свою волю, они проголосовали за сокращение бюджетных расходов, что в первую очередь влияет на работу Прокуратуры. Прижатая к стенке Карла дель Понте должна сократить свою программу уголовных преследований. Список из ста пятидесяти подозреваемых, обвиненных в течение 2000 года, сократился к концу 2001 года до ста восьми. Но их осуждение продлилось бы до 2015 года. К концу 2002 года список разделен на две категории. С одной стороны, имеются процессы, которые могут вестись непосредственно перед Международным судом, а с другой – те, которые могут быть переданы местной

немедленно разорвала дипломатические отношения с Францией и обвинила ее в отрицании геноцида и сокрытии своей роли в подготовке руандийских военнослужащих, замешанных в массовых убийствах. Франция была союзником правительства хуту, которое подготовило и осуществило геноцид в 1994 году. 19 апреля 2007 года Руанда подала иск против Франции в Международный Суд ООН, обвинив ее в нарушении международного права, когда та желала привлечь к ответственности президента Поля Кагаме и некоторых его соратников.

судебной системе. Команды Прокуратуры теперь будут сосредоточены на первом списке. Расследования, относящиеся к пятидесяти подозреваемым из другой категории, заморожены. Если позволит время, списки будут дополняться, прежде чем они будут доставлены в прокуратуры стран бывшей Югославии. Карла дель Понте не хочет их оставлять на произвол судьбы, потому что местные суды до сих пор не в состоянии гарантировать доверие к правосудию. Чтобы не отвратить их от любого сотрудничества, Карла дель Понте отказывается публично объявить о значительных сокращениях, которые она только что произвела.

30 октября 2002 года Карла дель Понте пытается убедить Совет Безопасности не позволить, чтобы стратегия завершения осуществилась вопреки справедливости. Если это вынудит Прокуратуру сократить количество возбужденных дел, а судей подготовить передачу судебных разбирательств, то необходимо параллельно с этим дать Боснии и Герцеговине такую судебную систему, которая сможет принять изменения. Кроме того, нужно оказывать давление, необходимое для ареста беглецов и предоставления доступа к архивам и свидетелям, в чем не только Белград, но и Загреб отказывают. «Очень важно, чтобы высокопоставленные гражданские лица и военнослужащие были немедленно арестованы, и создан специальный суд, без чего невозможно будет соблюсти сроки... Только при этом условии МТБЮ может представить себе окончание миссии с уверенностью, что достигнута справедливость», – объясняет Карла дель Понте. Хотя 10 октября президент международного трибунала официально представил доклад о недостаточном сотрудничестве Белграда, Совет Безопасности резолюцией отказывается заставить Сербию арестовать беглецов и прекратить препятствовать работе международного правосудия. Однако Младич находится в Белграде под защитой армии с согласия главы государства – Коштуницы. У сербского премьера Зорана Джинджича недостаточно сил, чтобы его арестовать. Обязывающая резолюция Совета Безопасности могла бы помочь образумить сербских политиков. Пьер Ришар Проспер успокаивает Карлу дель Понте. Финансовая помощь, которая ежегодно выделяется Белграду, обусловлена арестом беглецов: она не будет выплачиваться, если Младич не будет арестован до весны 2003 года. Обещание не будет выполнено.

Проспер остался глухим к рекомендациям Гаагского Трибунала. В начале 2003 года он более открыто, чем когда-либо, подчеркивает готовность американцев подтолкнуть Трибунал к политическому проведению стратегии завершения. Во время своего визита в Белград в январе он предлагает властям арестовать четырех обвиняемых из двадцати беглецов, живущих в Сербии: Караджича и Младича, а также Шливанчанина и Радича, которые преследуются по делу Вуковара. Взамен он обещает прекратить ведущиеся расследования, которые грозят отправить на скамью подсудимых значительную часть сербского руководства во время войны в Боснии и Косово, некоторые из которых все еще занимают свои посты. Белградская пресса сразу же отмечает, что американская сверхдержава покидает Гаагский Трибунал. Большинство заголовков выражают радость, а в американском поступке все видят признаки воли, чтобы не позволить МТБЮ управлять судьбой бывшей Югославии и связывать руки политикам. Карла дель Понте просит у американцев опровержения. Проспер присоединяется к ней несколько недель спустя на пресс-конференции в Гааге. Но на территории продолжаются тайные переговоры, на которых достигается отказ местных властей сотрудничать с МТБЮ, потому что они знают, что задерживающие их маневры могут окупиться.

Европейцы равнодушны к этому вмешательству, нарушающему принцип независимой судебной системы, которую они когда-то защищали. В середине 2003 года Карла дель Понте говорит им: «Я в тупике, у меня есть девятнадцать беглецов в Сербии, среди которых Караджич и Младич, но никто даже слышать не хочет о Гаагском Трибунале. Как будто после процесса Милошевича (конец которого планируется на начало 2005 года; цитируется по архивным данным), нужно закрыть дверь». У европейцев теперь только одно на устах: «Трибуналы являются дорогостоящими, и это капиталовложение не оправдывает себя». Некоторые заходят так далеко, что говорят: «Они не стоят ни времени, ни денег, потраченных на них». Постоянный Международный уголовный суд выбил Гаагский Трибунал из голов европейцев, которые не понимают, что его упразднение подготавливает почву для крестового похода американской администрации против международного правосудия великих держав. Последние теперь осторожно придерживают свои решения о закрытии Трибунала. Продолжаются неофициальные дискуссии в Совете Безопасности по принятию резолюции, в которой

будет намечен график закрытия обоих международных трибуналов, начиная с весны 2003 года. Именно этот год принесет основные проблемы международному правосудию в утверждении своих принципов перед политическими игроками.

Дискуссии по Ираку разделили членов Совета Безопасности. Стеклянное здание бурлит. На проблему МТБЮ, которая в данный момент решена, не стоит тратить времени. Подготовка резолюции является лишь формальностью, по крайней мере, для Франции, России и Китая. Соединенные Штаты Америки и Великобритания, хотя и заняты войной в Ираке, однако в то же время рассматривают это как возможность реализации своих дальнейших планов. В середине мая 2003 года Проспер настаивает на встрече руандийских лидеров и прокурора МТБЮ Карлы дель Понте. Отношения между Кигали и Арушей, местонахождением МТР в Танзании, целый год находятся на самом низком уровне. Летом 2002 года правительство Руанды остановило на несколько месяцев судебные процессы, связанные с геноцидом, мешая свидетелям-жертвам прибыть в Арушу. Карла дель Понте выступает с протестом в июле, а затем снова в октябре в Совете Безопасности ООН, но это заканчивается простой декларацией в декабре 2002 года, которая призывает государства к «безоговорочному сотрудничеству» с международной судебной системой. Проспер пытается использовать визит в Вашингтон для установления диалога с руандийскими лидерами, которые также находятся здесь проездом. Прокурор это охотно принимает, потому что препятствия Кигали для доступа свидетелей угрожают привести к освобождению обвиняемых в геноциде. Из Руанды прибывают почти все свидетели. Это страшное оружие в распоряжении правительства Руанды, по сути, контрмера Кигали, чтобы заставить Карлу дель Понте отказаться от расследований, кроме тех, которые относятся к геноциду и направлены против офицеров армии тутси Руандийского патриотического фронта. Коль скоро мандат Международного уголовного трибунала по Руанде не ограничивается геноцидом, который организовали и осуществляли экстремистские племена хуту, он распространяется на все серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в 1994 году. По мнению независимых экспертов, около 30 000 хуту были убиты на территории Руанды во время наступления армии Руандийского патриотического фронта. Прокуратура в Аруше запротоколировала четырнадцать мест резни и пытается восстановить цепочку субординации. Кагаме официально пообещал Карле дель Понте свою помощь, но президент-генерал никогда не собирался сдавать кого-либо из своих подопечных Международному уголовному трибуналу по Руанде. Отсюда давление в течение лета 2002 года. Карла дель Понте вынуждена тогда назначить трех своих следователей, чтобы закончить миссию в Руанде или даже временно прекратить расследования. Команда должна работать в Аруше с уже собранными доказательствами и выявлять свидетелей, бежавших из Руанды.

Без ее ведома американец Майкл Джонсон, который прибыл в Арушу в сентябре 2002 года в качестве временной замены, пока не будет занято место вспомогательного прокурора, вакантное уже в течение года, распоряжается прекратить «специальные расследования». Она узнает об этом только в декабре. Джонсону было предложено немедленно вернуться в Гаагу. Обязанность вести расследования тогда была поручена британскому заместителю Марксу Муру. Руандийские власти теперь знают, что Карла дель Понте не поддастся. Они обращаются к мощным американским и британским союзникам. Тогда Кигали официально попросил о встрече с прокурором при американском посредничестве, чтобы решить вопросы сотрудничества. Но война в Ираке постоянно задерживает ее проведение. Прибытие Карлы дель Понте в Вашингтон в середине мая предоставляет возможность встречи двух сторон. Проспер уверяет прокурора: Соединенные Штаты Америки предлагают свои услуги и не намерены вмешиваться в дебаты. Прокурор ни одной минуты не сомневается в том, что произойдет.

В среду, 14 мая 2003 года, в конце дня, в роскошном зале заседаний Государственного департамента, где, несомненно, уже решалась судьба многих стран, Карла дель Понте и ее советники сидят за столом напротив руандийской делегации.[1] В стороне от стола Пьер Проспер играет роль церемониймейстера. Он вмешивается в дискуссию и предлагает основную линию обсуждения. С самого начала игра является сомнительной. Она ведется по правилам, которые были предварительно установлены американцами и руандийцами. Карла дель Понте жалуется на руандийские уловки, направленные на то, чтобы

[1] Руандийская делегация состояла из генерального прокурора Руанды Джеральда Гахима, офицера связи по Руанде в МТР Мартина Нгога и посла Руанды при ООН Ричарда Сезибера.

парализовать Трибунал и отказаться от сотрудничества в «специальных расследованиях». Руандийцы отвечают на это, что Прокуратура никоим образом не выполнила свой мандат. В качестве доказательства они подготовили дискету с 350 именами высокопоставленных лиц, подозреваемых в геноциде, против которых международный трибунал еще не начинал уголовного преследования. Они нападают на стратегию завершения, полагая, что она позволит инициаторам геноцида избежать правосудия. Проспер приходит к выводу, что эта первая встреча дает возможность заключения соглашения об уступках в судебных делах по Руанде.

Четверг, 15 мая, 5 часов вечера – новая встреча в том же зале Государственного департамента. Обсуждение сразу переходит к «специальным расследованиям». Идея ясна: МТР не может оправдать расследований в отношении военнослужащих тутси, когда еще далеко до завершения работы по геноциду. Руандийцы не отрицают преступлений, но оспаривают любое, а особенно международного сообщества, право на уголовное преследование военнослужащих их армии. Они говорят, что сами позаботятся об этом, во всяком случае, твердо пытаются нейтрализовать Карлу дель Понте. Проспер вмешивается несколько раз, чтобы побудить прокурора прекратить «специальные расследования» в Руанде. Прокурор, которой запрещен доступ к местам резни и военным архивам, готова позволить руандийцам параллельно с МТР вести собственные расследования при условии, что следователи из Аруши получат доступ к руандийским протоколам расследований. «Я не могу полагаться только на доказательства, собранные за пределами Руанды в диаспоре хуту, чьи показания мотивированы политическими интересами, противоположными вашим. Я должна иметь возможность проверить информацию на месте. Я хочу работать с вами, но мне нужно ваше полное сотрудничество», – объясняет она. Прокурор готова дать несколько месяцев власти в Кигали, чтобы помочь ей доказать свою готовность осуществлять правосудие. «Эти преступления совершены, и я не могу об этом молчать. Их преследование будет элементом примирения», – настаивает она, но требует надзора за их расследованием. Проспер пытается ее отвлечь: «Руанда будет вести судебное преследование и судебное разбирательство».

Теоретически МТР может оставить действия на усмотрение судов Руанды, тогда бы расследование привело к обвинительным актам про-

тив должностных лиц, ответственных за массовые убийства, совершенные в дополнение к тем, которые классифицируются как геноцид. Но Руандой управляют военнослужащие тутси, которые освободили ее от геноцидных врагов, правосудие находится в их руках, а свидетели их преступлений приговорены к молчанию. Поэтому Карла дель Понте не может ни пустить их самих с заданием возможного преследования, ни отказаться от права приоритета в действиях, которые они бы начали, как настойчиво предлагает Проспер. В конце встречи не заключено никакого соглашения. Сделано несколько шагов, которые заслуживают дальнейшей проработки. Проспер предлагает, чтобы они были представлены в ближайшие дни в виде документа, который будет в состоянии стать основой предстоящих переговоров. Предусмотрена новая серия переговоров в середине июля в Кигали. Карла дель Понте призывает руандийцев во время дискуссии с судьями и секретарем суда решить вопрос о защите свидетелей, приглашенных в Арушу, и возможности перенесения процесса в другое место после завершения работы Международного уголовного трибунала по Руанде.

Пятница, 16 мая, 11 часов утра – руандийцев нет. У Карлы дель Понте очередная встреча в Государственном департаменте, чтобы обсудить проблемы МТР. Проспер и его советники ждут ее в небольшом офисе. Подсовывают ей документ, озаглавленный «Резюме договоренностей между правительством Руанды и МТР», который формулируется как план действий. Оказавшись в ловушке, Карла дель Понте, однако, соглашается взглянуть на текст. В плане искажено содержание вчерашней дискуссии. Предполагается, что Прокуратура прекратит все расследования в отношении подозреваемых членов армии Руандийского патриотического фронта (РПФ) и передаст их судебной системе Руанды без каких-либо гарантий, когда речь будет идти о результатах. От Прокуратуры Аруши требуется раскрытие информации о зарегистрированных местах резни. Но точно также «с руандийскими властями она поделится всеми доказательствами», несмотря на запрет передачи показаний свидетелей другой судебной инстанции без их согласия. Спорным является и пункт, в котором говорится, что «Прокуратура будет иметь возможность пересмотреть следственные материалы, когда они будут завершены и/или когда начнется уголовное преследование». Карла дель Понте протестует. Ссылается на свое

предложение вчера вечером. Проспер призывает переделать текст. А она вместо того, чтобы хлопнуть дверью, пытается избежать столкновения с американским представителем. Но все нужно изменить. Советники Государственного департамента пишут примечания, пытаются внести правки, которых она требует. Карла дель Понте торопится. Самолет в Гаагу улетает менее, чем через три часа. В первую очередь, она хочет вырваться из этой ловушки до того, как заявит американцам, что ничего подписывать не будет. Уходит с облегчением после того, как Проспер предлагает ей, чтобы новая версия была отправлена факсом в Гаагу.

Документ прибывает спустя неделю в гаагский офис. Американцы не внесли существенных изменений. На основе предполагаемого «соглашения» только правительство Руанды будет нести ответственность за «специальные расследования» и возможные преследования. Прокурор МТР больше не будет осуществлять какой-либо контроль ни за ведением расследования, ни за осуществлением каких-либо судебных процедур и будет вынуждена оставить всю имеющуюся информацию руандийским властям. Карла дель Понте отвергает документ и просит своих советников сообщить Просперу об отказе от его подписания. Сама информирует об этом офис Кофи Аннана, который осуждает американскую манипуляцию, но критикует Карлу дель Понте за то, что она поддалась давлению одного государства.

Карла дель Понте вытолкнута из Международного трибунала по Руанде

Проспер не принимает поражения, учитывая то, что его правительство обещало в Кигали, и уже предпринимает ответные меры. В обмен на гарантии, что Международный уголовный трибунал по Руанде не будет преследовать военнослужащих тутси, Кигали нужно в ближайшее время подписать с Соединенными Штатами Америки двустороннее соглашение, которое будет защищать американских граждан от преследования МУС. С начала 2003 года США стремятся заключить с как можно большим количеством государств, подписавших Римский статут, двусторонние соглашения о судебном иммунитете, направленные на предотвращение преследования американских граждан, которые будут переданы в МУС. После этого подписания для Кигали будет снято эмбарго на поставки оружия, наложенное американским Конгрессом, и будет оказана существенная военная помощь со стороны Соединенных Штатов Америки, в то время как по соседству, в Демократической Республике Конго, бушует война, которая уже унесла более трех миллионов жизней. Кигали, до сих пор не колеблясь, дестабилизировал обстановку в регионе Великих озер. Его армия не удержалась от войны в восточной части Конго, чтобы черпать оттуда минеральные и природные ресурсы, которые являются столь лакомым кусочком.

Вашингтон игнорирует отказы Карлы дель Понте, а Проспер распускает слухи, что она приняла «соглашение». Она напрасно это отрицает, терпит неудачу. Проспер приложил столько усилий, чтобы подорвать ее репутацию независимой «железной леди», которую она снискала у неправительственных организаций и журналистов, что контрмер недостаточно. Американцы просят британца взять инициативу в свои руки. Великобританию, которая оказывала посильную поддержку Международному уголовному суду, будет легче убедить в продолжении борьбы против международного правосудия. В конце июня Джек Стро проездом через Женеву вручает Кофи Аннану письмо, в котором требует разделения функций прокурора, которые до сих пор были общими для МТР и МТБЮ, и назначения нового прокурора Трибунала в Аруше. Свою просьбу он мотивирует озабоченностью об эффективности и снижении затрат. При поддержке Лондона Карла дель Понте будет исключена из МТР за то, что отвергла соглашение между Вашингтоном и Кигали.

Швейцарка, которая вступила в должность 14 сентября 1999 года, через несколько месяцев достигнет конца своего четырехлетнего срока. Она заявляет, что хочет продолжить службу. Для непрерывности стратегии завершения, первый этап которой относится к Прокуратуре, представляется, что продление мандата Карлы дель Понте подходит всем, кроме Лондона и Вашингтона, которые хотят вывести ее из игры вместе с некоторыми членами ее офиса, которые также хотели бы ее устранить. С осени 2002 года ее заместитель Грэм Блуитт ведет кампанию против ее переизбрания. Австралиец, мечтающий занять ее место, уже посетил Лондон, Сидней, Преторию и Тайбэй, и готов лететь в Нью-Йорк, чтобы дискредитировать ее перед Советом ООН, но ему в этом мешает сама Карла дель Понте, которая была проинформи-

рована о его кознях. Майкл Джонсон, чью миссию в Аруше она прервала, отправляется в Вашингтон, чтобы очернить ее перед американскими властями, заявляя, что она никогда не будет соблюдать своих обязательств по стратегии завершения работы Трибунала. Джеффри Найс приходит ему на помощь в начале 2003 года. Он лелеет надежду, что станет преемником Карлы дель Понте, но прежде всего исключит ее до конца процесса Милошевича. Все чаще и чаще он посещает Государственный департамент, иногда в сопровождении Майкла Джонсона, и не пропускает ни одной встречи с людьми из юридического и дипломатического мира, чтобы обозвать свою начальницу некомпетентным, плохим менеджером, которая больше заботится о своих собственных интересах и освещении своей деятельности в средствах массовой информации, чем о слаженной работе своего офиса. Он утверждает, что у нее есть только слабое представление о международном праве и что она постоянно угрожает Трибуналу, ведя себя как слон в посудной лавке. Но эти три юриста стремятся не только с внешней стороны поставить под сомнение репутацию швейцарки, но и поднять вопрос о ее авторитете в Прокуратуре. Они хотят иметь развязанные руки, чтобы организовать уголовные преследования так, как они хотят, вести процесс Милошевича по своему усмотрению и отвергать геноцид и другие части обвинения, которые им мешают.[1] Британские и американские высокопоставленные чиновники насмехаются над этим внутренним напряжением, которое все больше ослабляет Прокуратуру в то время, когда ей приходится сталкиваться с усиливающимся давлением государств и собирать все силы, чтобы завершить расследование в отношении высших должностных лиц, причастных к преступлениям в бывшей Югославии.

[1] В интервью сараевскому изданию «Dnevni Avaz» («Дневной голос») Грэм Блуитт признается, что он вместе с Джеффри Найсом выступал против уголовного преследования Милошевича за геноцид и контактировал с «большим количеством стран-членов Совета Безопасности», чтобы не допустить переизбрания Карлы дель Понте в 2003 году. Сейчас Блуитт по-прежнему утверждает, что у Прокуратуры не было достаточно доказательств для предъявления Милошевичу обвинения в геноциде, обходя таким образом предварительное решение МТБЮ от 16 июня 2004 года, которое в конце обвинительной фазы на основании доказательств, представленных в ходе судебного разбирательства, подтвердило обвинение в геноциде.

К проведению консультаций в начале июля 2003 года между членами Совета Безопасности о разделении функций, которые исполняет Карла дель Понте в МТР и МТБЮ, Лондон и Вашингтон умело подготовили почву с помощью Кигали. Чтобы обеспечить дипломатическую поддержку правительства Руанды, они в начале июня совместно с организациями жертв провели желчную кампанию против МТР. Кигали раскритиковал прокурора «за неполный рабочий день», который «оскорбляет жертвы геноцида». Карла дель Понте пытается ответить, но ее мощные недоброжелатели сразу же переходят в атаку. Американцы и британцы обвиняют ее в том, что она уделяет Аруше недостаточно времени, что ее поездки дорогие, что она слишком занята процессом Милошевича и арестом Караджича и Младича. Она не может одновременно вести две стратегии завершения. Причины кажутся убедительными, и большая часть членов Совета Безопасности принимает предложение, нисколько не сомневаясь в том, что этот маневр вызван желанием снять Карлу дель Понте, чтобы прервать «специальные расследования». Принцип разделения функций прокурора легко принимается, и Вашингтон пытается добиться свержения Карлы дель Понте. Но британцы считают, что эта инициатива слишком опасна. Они предпочитают показать, что разделение функций не вызовет ни сопротивления, ни нескромных вопросов. Американцы по-прежнему тестируют членов Совета Безопасности, предлагая продлить мандат Карлы дель Понте в МТБЮ всего на год. Они надеются, что прокурор, ограниченная в доверии, которым она пользовалась, развернется спиной и вернется назад в родной Тичино. Но от этого предложения, названного «абсурдным», быстро отказываются. Карла дель Понте задета за живое, ее часто считают опасной и такой, которая дестабилизирует обстановку на своем поприще. Но государства ценят ее смелость и не хотят отказываться от человека, который символизирует борьбу с безнаказанностью в то время, когда длится судебный процесс против первого главы государства, представшего перед международным судом.

В начале июля предложения по Резолюции начинают циркулировать, в первую очередь, среди пяти постоянных членов Совета Безопасности, а затем среди десяти непостоянных. Американцы и англичане дергают за ниточки, но до сих пор отрицают, что они участвуют в этом. Они заверили своих партнеров, что инициатива исходит от Кофи Аннана, для которого чрезвычайно важно это разделение функ-

ций, поскольку это будет на пользу руандийцам и будет способствовать большей эффективности МТР. Карла дель Понте прибывает 28 июля в Нью-Йорк, чтобы попытаться сорвать планы своих недоброжелателей. Она хочет просить Совет Безопасности выслушать ее, прежде чем будет принято решение, и объяснить опасность разделения своих функций и то, насколько абсурдно менять прокурора за год до окончания следствия и ставить под угрозу стратегию завершения на «решающем этапе». Она хочет также предупредить членов Совета Безопасности о скрытых намерениях Лондона и Вашингтона. Она опирается на Кофи Аннана, который в мае собирается рекомендовать ее для продолжения работы в двойной роли прокурора обоих Международных уголовных трибуналов. Она знает, что пользуется поддержкой государств, которые рассматривают ее в качестве гаранта узкой и целенаправленной программы, о которой попросило международное сообщество, заботящееся о том, чтобы она сразу заработала. Поэтому никто не рассматривает возможности замены прокурора. Карла дель Понте, кроме того, убеждена, что Генеральный секретарь не одобрит уловку, которая идет во вред правосудию. Однако Кофи Аннан не готов к новой конфронтации с американцами. Кризис, связанный с началом войны в Ираке, едва не стоил ему занимаемого места. Перемолотый американской машиной, он мечтает о мести, но овчинка выделки не стоит: «Существует опасность чрезмерных потрясений, если мы примем во внимание тенденцию Совета Безопасности». Карле дель Понте, проверяющей его вопросом, должна ли она выбирать между местом прокурора в Аруше и Гааге, он отвечает: «Я не верю, что Милошевич в ваших руках, Вы должны им заняться». В конце встречи она добавляет: «‘Специальные расследования’ никогда не будут вестись!» Кофи Аннан ей отвечает: «Нет, они этого не сделают». «Вот увидите», – парирует она, протягивая ему заметки: «Пожалуйста, сохраните их для истории». Разочарованный Икбал Риза доверительно сообщает Карле дель Понте в частном порядке: «Все это – политика. Так не должно быть, но все политизировано». А она отвечает: «Это несправедливо, что политика подрывает нашу работу. Мне больно смотреть, как издеваются над принципом международного правосудия, потому что Кагаме подписал двустороннее соглашение (с Соединенными Штатами Америки о МУС; цитируется по архивным данным), и, в свою очередь, было принято решение защитить

их военнослужащих». Руководитель офиса Кофи Аннана пытается ее успокоить: «Эти принципы сохраняются». Но она продолжает: «Нет, потому что разделение (функций; цитируется по архивным данным) означает конец специальных расследований». Икбал Риза заключает: «Да, я знаю. Я признаю силу Ваших аргументов, полностью (Вас) понимаю, но, пожалуйста, не цитируйте меня публично».

Американские и британские махинации заставили Францию вздрогнуть, потому что последняя после иракского кризиса не хочет им ни в чем уступать. Она осуждает вмешательство в работу Карлы дель Понте, но, помимо всего прочего, сама хочет урегулировать счета по вопросу о Руанде. С приходом к власти после геноцида Кагаме, Париж потерял еще одну из своих территорий в Африке - Руанда теперь находится под англосаксонским влиянием, и Франция посрамлена, потому что она поддерживала геноцидальный режим хуту. Вместе с тем ее реакция, мотивированная особыми интересами, имеет хорошую сторону, потому что руководствуется требованиями справедливости. Париж стремится к строгой программе, предложенной Международными уголовными трибуналами, которым вменено в обязанность завершить расследования к концу 2004 года, а судебные разбирательства в первой инстанции к концу 2008 года, что является обязательным, но не исчерпывающим. Она успешно борется за то, чтобы в Резолюции были упомянуты «специальные расследования». Окончательный текст призывает Руанду «активизировать сотрудничество с МТР, особенно в расследовании дела РПФ».

Парижу при поддержке нескольких членов Совета Безопасности также удалось отменить первоначальное предложение англичан и американцев немедленно прекратить расследования Гаагского Трибунала. Предложенная Резолюция от 10 августа содержит формулировку, что «каждое новое обвинительное заключение было бы несовместимо со стратегией завершения работы Трибунала». Маневры Карлы дель Понте в конце июля и ее появление за закрытыми дверями перед Советом Безопасности 8 августа, когда она перечислила все опасности, которым подвергаются оба Трибунала, принесли свои плоды. Инициатива Лондона и Вашингтона потеряла всякий смысл, кроме предложения об исключении Карлы дель Понте из МТР.

В то время, как все страны настаивают на том, чтобы соблюдать сроки, большинство из пятнадцати членов Совета Безопасности не хо-

чет брать на себя ответственность за немедленное прекращение преследований, что привело бы к безнаказанности чиновников высшего ранга, которые сейчас находятся под прицелом Прокуратуры. Таким образом, для них будет лучше, если еще немного сузятся полномочия Гаагского Трибунала. В соответствии с резолюцией 1503 Совета Безопасности от 28 августа 2003 года Гаагский Трибунал теперь обязан сосредоточить свои действия на «наиболее важных должностных лицах, ответственных» за преступления, совершенные на территории бывшей Югославии. Как известно, Трибунал был создан в 1993 году, чтобы уголовно преследовать «нарушителей международного гуманитарного права». Резолюцией 1329 от 30 ноября 2000 года он был призван больше заниматься «высокопоставленными политическими и военными чиновниками». Он должен ограничиться «самыми видными должностными лицами, ответственными» за преступления, и отказаться от всех других расследований в пользу местных судебных органов. Страны региона призывают сдать беглецов «в частности, Радована Караджича, Ратко Младича и Анте Готовину». Европейцы и американцы не смогли преодолеть российский протест, чтобы это было внесено в резолюцию, но утверждают, что Гаагский Трибунал не закроет двери прежде, чем ему будут переданы Радован Караджич и Ратко Младич. Англичане и американцы одержали победу, когда речь шла о разделении функций прокурора. Карла дель Понте немедленно исключена из Прокуратуры Международного уголовного трибунала по Руанде. С помощью того же хода она была переизбрана на четыре года в МТБЮ. Вашингтон и Лондон, разочарованные слабыми результатами по другим пунктам, занимаются коррекцией своей тактики.

Совет Безопасности для ускорения процесса передачи расследований местным судам постановил внести предложение о немедленном создании специального суда в Боснии и Герцеговине. В течение двух лет Гаагский Трибунал стремится к созданию структур, которым можно было бы передать эстафетную палочку, но великие державы отказываются от посягательств на их карман. Наконец, под руководством американцев 30 октября 2003 года проводится конференция в Гааге для того, чтобы собрать деньги. Собрано 17 миллионов для обеспечения финансирования смешанной судебной системы в Сараево в течение первых трех лет. Она должна быть в состоянии провести десяток судебных дел, которые должны были быть проведены в Гааге, и положить конец расследованиям против пятидесяти подозреваемых к 2002 году, которые Карла дель Понте вынуждена заморозить. Палата по военным преступлениям в Боснии и Герцеговине начала свою работу в начале 2005 года после реформы Уголовного кодекса, которую провели англосаксы, введя систему «common law» («общего права») в стране и регионе с континентальным правом. Этот выбор в ближайшее время станет препятствием для судебного сотрудничества национальных юрисдикций бывшей Югославии, а специальный боснийский суд окажется почти таким же дорогим, как Гаагский Трибунал.[1] В конце 2003 года благодаря сумме в пять миллионов долларов, полученных от Соединенных Штатов Америки, а также дополнительной помощи европейцев, Белград за два года до Боснии создает специальный суд для осуждения своих палачей. Это местный суд без иностранного персонала, который власти наконец-то, но неохотно создали в надежде, что он будет судить высокопоставленных лиц, разыскиваемых Гаагским Трибуналом. Хорватия, которая уже реформировала свою правовую систему, в этом не отстает.

Гаагский Трибунал инициировал этот процесс как единственный вариант, чтобы предотвратить безнаказанность подозреваемых. Потому что за этими цифрами административного, а не только судебного характера, навязанного великими державами и все больше и больше воздействующими на международную юстицию под предлогом «стратегии завершения», скрываются сотни тысяч погубленных человеческих жизней. Дела, от которых Гаагский Трибунал вынужден отка-

[1] Различные факторы влияют на высокую стоимость судебных процессов по военным преступлениям и судов, которые их ведут. Независимо от того, являются ли они смешанными или полностью международными, эти суды должны обеспечить перевод документов и синхронный перевод судебного разбирательства на английский язык, на что уходит половина их бюджета. Они должны, кроме того, иметь и финансировать свои камеры предварительного заключения и, как правило, оплачивать расходы на защиту. Они должны также принимать конкретные меры безопасности, оплачивать прибытие свидетелей, приезжающих издалека (иногда из-за границы), а также обеспечивать их защиту и защиту их семей. Кроме того, они оплачивают международный персонал по международным расценкам. Короче говоря, цена правосудия не является низкой даже для обычных преступлений, принимая во внимание количество людей, вовлеченных в процесс с самого начала расследования до приговора.

заться, содержат факты о неистовых преступниках, которые убивали, насиловали, пытали и депортировали; указывают на персональную ответственность тех, кто совершал или заказывал преступления. Выжившие жертвы ожидают, что эти факты будут правдиво изложены и подтверждены, а виновные будут наказаны. Гаагский Трибунал не случайно выбрал имена, которые постоянно кочуют из списка в список и от которых отказываются, но неизмерим ужас преступлений, которые им ставятся в вину. Это единственный приемлемый критерий, по которому прокуратура должна и впредь применять холодные мерила экономической и политической реальности. В случаях, подпадающих под действие международного гуманитарного права, есть, конечно, «мелкие исполнители» и «крупные рыбы», но никогда не бывает маленьких преступлений.

Гамбургский счет и закрытие МТБЮ

Резолюция 1503 нанесла большой ущерб бывшей Югославии. Несмотря на некоторые попытки помешать работе МТБЮ, великие державы больше не пытаются сохранить подобие независимой и бескомпромиссной судебной системы. У них в приоритете решить этот вопрос и обеспечить фактическое завершение работы Трибунала в 2008 году. Местные власти в этом не обманываются. Если политика преобладает над правосудием, до сих пор глухим и безжалостным, если календарь стал более важным, чем миссия Трибунала, то теперь возможен и торг. Создается впечатление, что Совет Безопасности не хочет ни продолжать оказывать поддержку МТБЮ, ни финансировать его. Иногда кажется, что он отдает предпочтение национальным судам. Постановления Трибунала, лишенные поддержки великих держав, теперь больше действуют как рекомендательные. Сотрудничество, которое до сих пор было незначительным, полностью прекращается. Все чаще и чаще используются уловки для задержки процессов. Логика проста: чем меньше местные власти будут сотрудничать, тем меньше МТБЮ будет обвинять и судить. Высшие должностные лица, которым, как ожидается, должен быть выставлен счет, все еще могут надеяться избежать когтей правосудия или, в худшем случае, что их у себя дома будут судить свои.

С 2002 года Карла дель Понте в несколько заходов уменьшает список основных «целей». Если она не хочет провалить свою миссию, то, безусловно, должна обвинить «главных должностных лиц» из своего списка в течение последних пятнадцати месяцев следствия, сколько их осталось до конца 2004 года. Твердая сердцевина в настоящее время состоит из тридцати подозреваемых, только тех, кто уже давно должен был быть обвинен, если бы Прокуратура не углубилась в стратегию «мелких рыбешек», которую поощряли представители Запада. МТБЮ, вероятно, будет не в состоянии рассмотреть все судебные дела, несмотря на передачу некоторых из них в национальные суды. Но отказаться от уголовного преследования тех, кто находится в верхней части иерархической цепи ответственности, организовал и продумал самые страшные зверства, означало бы обречь Трибунал на неуспех. Карла дель Понте думает о передаче большого количества старых дел в местные суды, но не хочет допустить безнаказанности главных виновников.

Проспера это беспокоит. В конце лета он спрашивает: «Как эта цифра (тридцать; цитируется по архивным данным) может быть включена в стратегию завершения?» «Вы предвидите слишком много новых обвинений. Мы не сможем завершить новые дела в утвержденные временные сроки», – говорит еще более решительно в сентябре 2003 года американец Теодор Мерон, который с весны сменил Клода Жорда на посту президента МТБЮ. В течение многих лет англичане и американцы пытались ограничить МТБЮ в преследовании подчиненных. Сейчас также активно пытаются помешать Прокуратуре спасти несколько дел, необходимых для выполнения ее мандата. Резолюция 1503, по их мнению, оставляет прокурору слишком много простора для маневров. Они передают в Совет Безопасности дополнительный текст, в котором не только окончательно определяется календарь этапов закрытия, но и возможность установить надзор за Карлой дель Понте с тем, чтобы иметь возможность контролировать количество новых обвинений к концу 2004 года.

9 октября 2003 года Президент МТБЮ Мерон в Совете Безопасности вновь заявляет: «Прокурор намерена представить около четырнадцати новых обвинительных заключений, касающихся тридцати лиц. Четыре или пять из этих новых обвинений можно будет соединить в одно судебное дело, но восемь или девять других требуют про-

ведения новых судебных процессов. (...) По нашим текущим прогнозам невозможно обработать эти новые дела в сроки, установленные Советом Безопасности». Но, как отметил Мерон, у судей нет никакой возможности, чтобы помешать прокурору инициировать новые уголовные преследования. В первоначальном тексте речи Президента МТБЮ было написано: «Было бы оправданно, если Совет Безопасности пропишет для прокурора цели, которые должны быть достигнуты в течение последних месяцев расследования». Поскольку это противоречит статье 16 Устава, которая гарантирует независимость прокурора, он видоизменил это предложение: «Прокурор имеет право выбрать лицо, против которого хочет выдвинуть обвинение, и если Прокуратура убедит нас в том, что она имеет причины возбудить уголовное преследование, мы должны, как судьи, подтвердить новое обвинительное заключение. Устав МТБЮ и резолюции Совета Безопасности, включая Резолюцию 1503, не дают судьям права проверять, соответствуют ли на самом деле лица, к которым относятся эти обвинительные заключения, условиям, установленным Советом, то есть относятся ли они к наиболее важным должностным лицам, которые несут самую суровую ответственность за преступления. Очевидно, что этот вопрос будет решать Совет (Совет Безопасности ООН; цитируется по архивным данным) и прокурор».

Американский судья, возглавляющий МТБЮ, призвал великие державы отобрать у прокурора солидную часть полномочий, чтобы ограничить количество новых обвинений. Хорошо известно, что тех, кого готова обвинить прокурор, никогда не будут преследовать в своей собственной стране, если МТБЮ не начнет уголовное преследование. Но причиной существования какого-либо международного правосудия является не только преследование высокопоставленных чиновников, но и дисквалификация преступных практик и властей, которые осуществляли эти практики, для того, чтобы добиться ощутимого восстановления и политической стабилизации в регионе. Мерон, переживший нацистские концентрационные лагеря в Польше, профессор международного права, работал когда-то в посольстве Израиля в Соединенных Штатах Америки, прежде чем он стал работать в посольстве Соединенных Штатов в Израиле. Он также был на конференции в Риме в 1998 году в качестве члена американской делегации, которая до конца пыталась уменьшить полномочия Международного уголовного суда, основанного там. Он действует скорее как американский представитель, нежели как Президент МТБЮ, поскольку целью американской администрации, как это открыто объясняет Проспер, является то, чтобы «судьи следили за тем, работает ли прокурор в соответствии с мандатом, который он получил от Совета Безопасности». Подвергающаяся все более усиливающемуся давлению с целью ограничения числа обвинительных заключений Карла дель Понте потеряет в скором времени свое дискреционное право.

Бдительно наблюдающая Франция сопротивляется осенью 2003 года, в то время как в кулуарах Совета Безопасности уже циркулирует проект нового текста. Англичане и американцы предлагают, чтобы Президент МТБЮ имел полномочия проверять совпадение нового обвинительного заключения с запросом на имя прокурора, в соответствии с которым необходимо сосредоточиться только на подозреваемых в верхней части иерархической цепи ответственности за наиболее тяжкие преступления. Другие страны решительно выступают против инициативы о внесении изменений в Устав Трибунала и предоставлении полной свободы действий Президенту, который как раз является американцем. Франция, которая ведет ожесточенную битву, получает поддержку нескольких стран среди пятнадцати членов Совета Безопасности, в том числе Германии и России. Неудивительно, что Москва решительно выступает против пункта, который подчеркивает «настоятельную необходимость судить Караджича и Младича перед МТБЮ». Но россияне подозревают, что англичане и американцы хотят помешать Карле дель Понте преследовать последних подозреваемых косовских албанцев. В то время, когда спешат закрыть МТБЮ, отказываются от первоначального проекта, в котором еще раз говорится о запрете всех новых обвинительных заключений. По требованию американцев версия начала ноября полностью написана языком, характерным для резолюций Совета Безопасности, а также «отмечает с особой озабоченностью тезисы, провозглашенные Президентом и прокурором МТБЮ в своих выступлениях (9 октября 2003 года; цитируется по архивным данным), в связи с невозможностью завершения судебного разбирательства по делам уже обвиненных лиц до конца 2009 года, и что любые дополнительные обвинительные заключения и далее будут оттягивать завершение работы Трибунала». Под давлением со стороны нескольких стран эта версия трансформи-

ровалась в версию от 21 ноября: «…с особой озабоченностью отмечая тезисы, провозглашенные в выступлениях 9 октября, которые, в частности, касаются МТБЮ и в соответствии с которыми невозможно осуществить стратегию завершения, утвержденную резолюцией 1503 (2003), особенно, если появится значительное количество новых обвинительных заключений».

Франция борется на одном поле вместе с русскими, но только для того, чтобы защитить «специальные расследования» МТР, которые направлены против окружения Кагаме. Предложение 21 ноября призывает Руанду сотрудничать с МТР в расследованиях по геноциду. Убежденный, что этот компромисс смягчит французское рвение и будет содействовать принятию резолюции, Пьер Ришар Проспер срочно летит в Кигали в середине ноября. Он хочет успокоить Кагаме, которому обещал, что после вытеснения Карлы дель Понте в качестве продолжения будет отступление от тех оговорок, которыми отменили их соглашение. Он уверяет его в том, что не стоит беспокоиться о тексте будущей резолюции, поскольку гамбиец Хассан Бобакар Джаллоу, назначенный в начале сентября на место Карлы дель Понте, принял обещание правительства Соединенных Штатов Америки властям Руанды касательно того, что МТР остановит преследования в отношении военнослужащих тутси. В конце встречи перед руандийской прессой Проспер выражает удовлетворение в связи с возобновлением отношений между МТР и Кигали.

Изменения, которые были включены в проект, не являются достаточными для достижения консенсуса. Британцы до конца отвергали компромисс, предложенный Францией и Германией, чтобы Трибунал убедился в соответствии обвинительного заключения критерию «все главные ответственные», а не только тому, что предлагается судьям Прокуратурой. Спорный в этих основных пунктах американо-британский проект кажется в середине декабря подброшенным. Вашингтон по-прежнему пытается протолкнуть его до Рождества 2003 года. Судьи МТБЮ проводят пленарное заседание только перед праздниками, а Соединенные Штаты Америки хотят, чтобы Президент Мерон немедленно одобрил их решение, поставив на голосование необходимые изменения в процедурных правилах. Уверенный в англо-американской победе в Нью-Йорке Мерон в Гааге спешит сообщить Карле дель Понте о внесении изменений в Устав, которые будут приняты на

пленарном заседании с тем, что они наделят его полномочиями принимать или отклонять новые обвинительные заключения. «С этого момента я решаю сам», – бросает он ей. Но Мерону придется взять свои слова обратно – русские отказались включить это предложение в повестку дня.

Американцы и британцы не сдаются. В начале 2004 года они прилагают совместные усилия в деле возрождения предложения, которое в феврале вновь появляется в кулуарах Совета Безопасности. Параллельно с этим посланники Министерства иностранных дел прибывают в Гаагу сказать Карле дель Понте, что «не может идти и речи о 2008 годе». «Если Вы не можете реализовать стратегию завершения, придется пожертвовать чем-то и думать о стратегии выхода», - угрожают они в начале 2004 года. Помощник Генерального секретаря ООН по правовым вопросам британец Ральф Заклин приглашен в качестве подкрепления. Высокопоставленный чиновник Организации Объединенных Наций никогда не переставал изливать желчь на оба трибунала в кулуарах стеклянного здания на Ист-Ривер, утверждая, что их невозможно контролировать. В июле 2003 года он четко разъяснил Карле дель Понте правила игры: «Совет Безопасности является политическим органом, а так как МТБЮ и МТР являются органами Совета Безопасности, то и они подлежат определенному контролю или политическому давлению». Но на этот раз он публично бросил на них пятно в начале 2004 года в престижном международном правовом журнале, который редактирует бывший Президент МТБЮ Антонио Кассезе. Заклин в нем обвиняет оба Трибунала в том, что они стали «мастодонтной бюрократией», очень дорогой, неэффективной, но прежде всего чрезмерно независимой. Британец переносит буквально дословно критику американских неоконсерваторов в адрес ООН на оба Трибунала, которые называет «мастодонтными бюрократическими проржавевшими суперструктурами», чья независимость должна быть ограничена. «Децентрализация власти и ответственности, которая проистекает из независимости трех столпов суда (Секретариата, Судебной палаты и Прокуратуры; цитируется по архивным данным), к чему добавляется необходимость уважать судебную и уголовную независимость, является хронической проблемой, которая не находит каких-либо решений», – пишет Заклин. Завершая текст провалами Международных уголовных трибуналов, он добавляет: «Это правда,

что сегодня невозможно представить себе создание суда по образцу МТБЮ в других ситуациях независимо от того, насколько явным было нарушение норм международного уголовного права в Либерии, Демократической Республике Конго или Береге Слоновой Кости. Это, однако, не помешало бы гражданским обществам или правительствам совершать попытки отправления правосудия в странах, переживших войну. Для этого необходимо найти альтернативу, которая будет отвечать их требованиям».[1] Однако Ральф Заклин не только стремится защитить намерение установить контроль над двумя Международными уголовными трибуналами.

Его статья о признании поддержки национальных юрисдикций выходит в то время, когда США создали Иракский специальный Трибунал, чтобы судить Саддама Хусейна, который был арестован американскими войсками 13 декабря 2003 года - местный суд, легитимность которого до сих пор оспаривают в ООН из-за смертной казни и отсутствия гарантий, что будет обеспечено справедливое судебное разбирательство. Но Заклин выдвигает на первый план следующий аргумент: оба Трибунала не должны служить образцом для подражания, а тем более суды в Сьерра-Леоне, Камбодже и других странах, которыми вдохновляются. Если выразиться более ясно, международное правосудие не должно содействовать лишению суверенного права страны судить своих военных преступников. Заклин публично занимает позицию точно в соответствии с американской агрессивной политикой, которая отдает приоритет преследованию на национальном уровне, а также ограничивает распространение международного уголовного права, провоцируя жестокие реакции. Заклин – высокопоставленный представитель ООН, к тому же британец. Его страна, которая ратифицировала Римский статут, является подписантом МУС.

Совет Безопасности, не колеблясь, превращает это состояние в действие. В полукруглом зале, в котором вместе заседают великие державы, окопные войны являются более распространенными, чем открытые атаки. Государства не желают конфликтовать, как это было в самом начале войны в Ираке. Охотнее неделями ведут переговоры, пытаясь отнять смысл у какой-нибудь резолюции, чем остановить предложение уже на первых неофициальных консультациях. Решения

[1] Journal of International Criminal Justice, II vol, Oxford University Press, spring 2004.

принимаются не спеша, пока все не перетрется после отдельных стычек, которые иногда могут длиться несколько месяцев. Это одна из форм игры силой. Лондон и Вашингтон намерены преодолеть сопротивление «старой Европы» в течение двух недель. Однако им потребуется более двух месяцев, чтобы выиграть этот раунд.

Никаких больше новых обвинений

Для реализации этого проекта американцы и англичане, однако, не дожидаются, пока от него откажутся их союзники. В Кигали, а также бывшей Югославии обещают, что больше не будет обвинений. Когда 3 ноября 2003 года Карла дель Понте отправилась в Белград, чтобы представить новое обвинительное заключение, в котором содержались имена четырех генералов сербской армии и полиции, правительство отвергло этот документ. Прокурор уже несколько месяцев назад сообщила властям, что готовит неминуемое уголовное преследование для четверки, которая в Косово вела кампанию депортации, расстрелов и уничтожения. Она хотела подготовить почву, чтобы более почтительно относились к документам, которые их не радуют. Тем более, что один из обвиняемых - Сретен Лукич, занимавший тогда должность начальника сербской полиции в Косово. Правительство протестует, говорит, что Карла дель Понте обещала отказаться. Швейцарка это отрицает. Она не понимает жесткости их реакции. Правительство не сдается, и прокурор уходит после очень напряженного дня, оставляя на столе обвинительное заключение и ордер на арест. Через несколько недель премьер-министр Сербии Зоран Живкович объясняет в белградском еженедельнике «Vreme» («Время») причины своей реакции: «Карла дель Понте разрушила мой договор с американцами, одобренный Брюсселем, в соответствии с которым не будет больше никаких новых обвинительных заключений, если мы сможем доказать, что прилагаем все необходимые усилия, дабы найти Младича. Я уже говорил, что мы находимся на пороге представления доказательств наших усилий. Тогда было оговорено, что генералов будут судить в Сербии. Когда сообщили, что прокурор выдвинула новые обвинения, высшие должностные лица в Вашингтоне и Брюсселе позвонили мне, чтобы извиниться и сказать, что она сумасшедшая». Блокирование новой ре-

золюции Совета Безопасности привело к провалу нового секретного договора, заключенного за спиной МТБЮ. Из-за вмешательства американской администрации правосудие, чьи дни были сочтены, потеряло полтора года. Сретен Лукич, Владимир Лазаревич и Небойша Павкович прибудут в Гаагу только в 2005 году. Четвертый обвиняемый, Властимир Джорджевич, бежал в 2001 году в Россию под защиту семьи Милошевича и российских секретных служб. По прямому указанию Милошевича он руководил акцией по переброске тел албанских жертв, чтобы скрыть их в массовых захоронениях в Сербии. Он был арестован только после возвращения в 2007 году.

Целью американского обещания не было использование четырех генералов в обмен на арест Младича. Это признал и сам Живкович: он готовился объявить в конце 2003 года о провале розыска, который велся вместе с ЦРУ, и заключить, что Младич покинул Сербию. Американская администрация намерена поддерживать ложь. С момента убийства Джинджича в марте Пьер Ришар Проспер пытается успокоить рвение Карлы дель Понте, обещая ей Младича до конца года, как это делал покойный премьер-министр Джинджич. Сам Живкович, преемник Джинджича, оказывает на нее давление, чтобы она отказалась от ареста четырех генералов во имя «политической стабильности в стране», и чтобы сделать невозможными любые формы сотрудничества с МТБЮ, в том числе арест ряда беглецов, которые до сих пор скрываются в стране, в чем может помочь один из обвиняемых, Сретен Лукич, начальник полиции. Роли прекрасно распределены. США до сих пор не прекращают требовать лидерства в усилиях по обеспечению ареста Младича, а Европа остается на задворках. В июне 2003 года Вашингтон пригрозил прекратить выплату ежегодной помощи Сербии и Черногории, если Младич не будет передан в МТБЮ. Тогда, накануне истечения срока, он удовлетворился арестом одного из обвиняемых, который находится в бегах с 1998 года, - Веселина Шливанчанина, разыскиваемого за резню пациентов в вуковарской больнице в ноябре 1991 года. Этот же сценарий повторяется в следующие годы. Младич является условием, раскрученным в средствах массовой информации, но который превращается в обычное средство давления для получения других беглецов или иных уступок.

Для Карлы дель Понте Младич является только оправданием, чтобы она прекратила писать новые обвинительные заключения. Прокурор отклоняет запрос Живковича, но весной предоставляет отсрочку сербским властям, ослабленным смертью премьер-министра. По окончании лета и англо-американской попытки с помощью новой резолюции запретить любые новые обвинения, ее снисходительность будет все более рискованной. Расследование завершено: она подписывает обвинительное заключение и передает его судьям.

На следующий день после ее визита в Белград сербские власти и их могущественные союзники не отказываются от попытки принудить швейцарку отозвать обвинительное заключение. Для облегчения ареста Карла дель Понте получила одобрение судей в том, что обвинительное заключение и ордер на арест будут опечатаны, чтобы о них не знали до понедельника 6 ноября. Даже если эта временная мера никоим образом не останавливает процесс, Вашингтон усматривает в этом возможность спокойно продолжать свои козни. Проявляя заботу о спасительной иллюзии, американцы не требуют явного отказа от уголовного преследования. Они предпочитают предложить Карле дель Понте, чтобы та его заморозила. Посол США в Белграде Уильям Монтгомери передает это сообщение в конце визита Карлы дель Понте 3 ноября: «Мое правительство просит Вас не ломать печати в течение полутора лет для Сретена Лукича и в течение года для других». Она соглашается продлить меру конфиденциальности обвинений в течение пятнадцати дней, но и слышать не хочет об отсрочке ареста. Через несколько дней после этого новость просочилась в некоторые газеты, близкие к сербским спецслужбам, и стало известно о существовании уголовного преследования против четырех генералов. Печати больше не нужны. Судья подписал распоряжение об обнародовании документов. Сделка между Белградом, Вашингтоном и Лондоном не удалась. Джек Стро пишет Карле дель Понте, что ее обвинительное заключение «угрожает кровопролитием» в Сербии. В конце ноября 2003 года в Гааге Пьер Ришар Проспер бушует: «Мы просили Вас об отсрочке, чтобы Вы держали при себе запечатанный обвинительный акт. Мы не просили слишком многого. А когда глава американской дипломатии что-то говорит, это должно быть воспринято серьезно (...) Все (в американской администрации; цитируется по архивным данным) хотят пересмотреть отношения с МТБЮ, чтобы увидеть, к чему нас вынуждают, а что зависит от нашей доброй воли». Карла дель Понте ему отвечает: «Когда Ваши пожелания не услышаны, они ста-

новятся приказами. Но Вы не можете отдавать приказы судьям, ведь только они несут ответственность за эти решения». Проспер ей угрожает: «Никто не говорит, что это приказ, а не просьба. Вы должны быть осторожны, прежде чем такое говорить. Ваш отказ от послушания вызовет последствия. Мы недовольны. Мы проводили политику открытых дверей, теперь Вам, возможно, придется постучать, чтобы войти».

Великие державы последовательно предпринимают шаги для других подозреваемых. Стратегия завершения открыла дверь политическому отправлению правосудия. Каждый имеет свои претензии. Только американцы и британцы превращают их в требования и твердо настаивают на своем. Другие предпочитают предъявлять их, не прибегая к давлению. Тем не менее все оправдывают свое вмешательство во имя прагматизма и необходимости уступками поощрить сербскую власть, облегчить ей доступ к архивам и арест наиболее неуловимых беглецов таких, как Младич и Караджич. МТБЮ в настоящее время насчитывает двадцать беглецов, из которых девятнадцать являются сербами. Двадцатым является хорват Анте Готовина, бывший французский легионер, осужденный во Франции за вымогательство, которого МТБЮ в 2001 году обвинил за преступления против сербов Краины в августе 1995 года. Загреб отказывается выдать своего генерала, «героя Отечественной войны». И хорватские власти надеются на урегулирование. Один бывший американский специальный посланник на Балканах в мае 2003 года уговаривает Карлу дель Понте отступиться от этого дела. Множество других международных деятелей посредничает от его имени. У Готовины есть союзники во Франции, где он жил, и Соединенных Штатах Америки. Американские военные специалисты консультировали его во время военных операций в Краине в 1995 году. Он может рассчитывать на поддержку американских неоконсервативных кругов, которые в «Washington times» начинают газетную кампанию против МТБЮ и призывают к снятию обвинений против него. Но в Лондоне у него есть свирепые враги, которые любой ценой хотят видеть его в тюрьме. Вашингтон переходит на ту же сторону в середине 2003 года после отказа Хорватии подписать двустороннее соглашение о правовом иммунитете, которое будет защищать американских граждан от уголовного преследования перед Международным уголовным судом. Загреб сдался под обличениями

Европейского Союза, в который Хорватия хочет вступить в один прекрасный день. Это ей будет стоить отказа от американской военной помощи.

Британцы будут защищать требования справедливости столь же эффективно, как они сопротивлялись, и будут заставлять Хорватию выдать Готовину судьям МТБЮ. Загреб начал процесс вступления в ЕС и в скором времени могут начаться переговоры о кандидатуре Хорватии. По инициативе Великобритании Европа выдвигает условием начала этого процесса полное сотрудничество с МТБЮ. В начале 2004 года Загреб сдает без задержки восемь новых обвиняемых, двух хорватских генералов и шестерых боснийских хорватов, живущих в Хорватии. Когда 14 апреля 2004 года в Брюсселе спросили о ее мнении, Карла дель Понте могла только приветствовать усилия Загреба, сожалея, однако, что не арестован Готовина. Это позитивное мышление позволит начать переговоры. Карла дель Понте надеется, что эта заслуженная помощь облегчит выдачу Готовины. Двадцать минут спустя британский посол в Гааге прибывает в офис Карлы дель Понте, чтобы выразить ей глубокое несогласие Лондона. Через час прибывает советник американского посольства, чтобы осудить «поведение» прокурора в европейском деле, которое, строго говоря, не касается Вашингтона. Американский дипломат бессмысленно обвиняет ее в том, что таким поведением она погубит все усилия, направленные на арест Караджича и Младича. Он утверждает, что ее жест в сторону Хорватии угрожает отходом Белграда от сотрудничества. Лондону не удается блокировать начало переговоров. Но, с другой стороны, удается помешать достижению результатов: рассмотрению кандидатуры Хорватии на вступление в Европейский Союз до конца 2005 года и до ареста Анте Готовины на Канарских островах.

Очевидное несоответствие политики Лондона, который по другим обвиняемым готов торговаться за кулисами и менее всего готов прекратить безнаказанность Караджича и Младича, вызывает много вопросов. Они остаются без ответа. Средства массовой информации предполагают, но не уверены в том, что это старый спор о поставках оружия из Хорватии Ирландской республиканской армии (далее – ИРА), в чем мог участвовать Готовина, которое в 2000 году использовалось для нападения на помещения МИ-6 в Англии. Связи хорватского генерала с ИРА, между тем, подтверждены: ирландские наемни-

ки воевали вместе с ним в 1991 году во время войны в Хорватии. Но и требование справедливости, без сомнения, также предоставило Великобритании возможность блокировать в течение некоторого времени путь к вступлению Хорватии в Европейский Союз, тем самым давая возможность Сербии компенсировать задержку, что позволило бы Европе рассмотреть возможность совместного вступления двух соседей из бывшей Югославии в ЕС.

Еще два хорватских генерала в течение некоторого времени надеялись избежать правосудия. Обвинительные заключения против Младена Маркача и Ивана Чермака, уголовно преследуемых по тому же делу, что и Анте Готовина, оставались несколько месяцев на столе у Мерона. Когда он их получил в декабре 2003 года, Президент МТБЮ ставил на карту скорейшее принятие новой Резолюции, которая дала бы ему власть, чтобы отклонить их, и отказался назначить судью для их подтверждения. В феврале 2004 года его обструкция угрожала вызвать скандал в МТБЮ. Он вынужден передать судьям эти два обвинительных заключения, которые были окончательно завизированы 8 марта 2004 года.

Взять Карлу дель Понте под контроль

В середине марта по инициативе англичан новый проект Резолюции имеет шанс, что все его одобрят. По просьбе России необходимость суда над Караджичем и Младичем в Гааге, даже после установленных сроков, вновь была отменена. Франция добилась нового ослабления статьи, которая наводит на мысль о том, что прокурор больше не предъявляет обвинений. Одним прилагательным меньше, выброшена часть предложения, но теперь в резолюции говорится: «Отмечая с озабоченностью показатели, представленные 9 октября, в соответствии с которыми было бы невозможно претворить в жизнь стратегию завершения, утвержденную резолюцией 1503 (2003)…» Парижу также удалось навязать упоминание о «специальных расследованиях» против членов армии РПФ, в чем Кигали должен оказывать помощь.

Преодолено декабрьское сопротивление англичан. Вместо «от президента» в окончательной редакции требуется «от Трибунала», что

является расплывчатой компромиссной формулой для обеспечения соответствия новых обвинительных заключений критериям, установленным в августе 2003 года. Когда она будет голосовать 26 марта 2004 года за резолюцию 1534, Франция, которая председательствует в Совете Безопасности, уверена в том, что нейтрализовала американское горячее желание взять под контроль оба трибунала. С этой целью она составляет письмо, в котором уточняет, что новая резолюция «ни в коем случае не может толковаться таким образом, чтобы обеспечить возможность изменения мандата и процедурных правил».

Вашингтон не признает эту неудачу и пытается вымогать то, в чем ему было отказано. Прокурор МТР спокойно опускает «специальные расследования», которые Кигали самостоятельно никогда не сможет возбудить. В МТБЮ Теодор Мерон немедленно созывает экстренное заседание судей, чтобы взять Карлу дель Понте под свой контроль. 6 апреля 2004 года внесены изменения в статью 28 Правил процедуры МТБЮ, чтобы нынешний президент, судья Мерон, контролировал последние обвинения. Лишенная дискреционного права в нарушение статьи 16 Устава МТБЮ швейцарка оспаривает право судей отклонять обвинения по другим критериям, кроме как доказательства. Напрасно. Затем угрожает обнародовать имена подозреваемых, обвинительные заключения в отношении которых были отклонены, поскольку в значительно сокращенном списке остаются некоторые имена, известные по злодеяниям. Между тем два дела могут рассыпаться после расследования. Она решает передать одно в Белград, а второе в Загреб, чтобы проверить готовность местных органов власти разрешить своим судебным органам осудить заведомо явные преступления.[1] Но она, напротив, не может отказаться от обвинения, которое только что подписала, даже если не уверена в том, что оно будет принято. Обвиняемого Горана Хаджича, бывшего смотрителя складов, Слободан Милошевич поставил во главе сербов в хорватской части Вуковара. Обвинительное заключение сдает экзамен, потому что Горану Хаджичу его наставник присваивает звание «президент» Восточной Славонии, приграничной части Хорватии, предназначен-

[1] Белградский прокурор по военным преступлениям будет продолжать расследование без задержек. У Хорватии будет больше трудностей из-за политического влияния подозреваемого, но в конце концов и она начнет уголовное преследование в 2007 году.

ной для присоединения к соседней Сербии. Критерии расплывчаты, поэтому произвольны. Судьи не хотят обвинить другого хорватского генерала Мирко Нораца в преступлениях, совершенных против сербов в 1993 году, но, наконец, приступают к делу после получения гарантий, что он предстанет перед судьями своей страны. Вместе с тем месяцами не хотят обвинять одного исполнителя, который явился сам, чтобы признать свою причастность к резне в Сребренице, но в конце концов соглашаются, опасаясь нарушить судебные правила в случае таких серьезных признанных преступлений. На суде в Аруше судьи отказываются слушать судью Мерона, хотя он прибыл для того, чтобы убедить их принять ту же поправку. Но покорность нового прокурора позволяет МТР пренебречь формальным взятием под контроль.

Стратегия завершения

Чтобы надежнее захватить Прокуратуру в Гааге, великие державы душат МТБЮ и сокращают его финансирование. При принятии бюджета на 2004 год бюджет Прокуратуры был уменьшен на 29 миллионов долларов, а других судов увеличен. Но МТБЮ был особенно поражен постановлением, принятым в мае 2004 года, о приостановлении любого нового трудоустройства, в котором это мотивировалось остановкой платежей Китаем, Японией, Бразилией и Соединенными Штатами Америки в бюджет Организации Объединенных Наций. Предстоящее закрытие МТБЮ вызвало уход сотен людей, в основном из Прокуратуры. От этого оттока больше всего пострадал Следственный отдел. Лучшие следователи уходят, чтобы усилить МУС, также находящийся в Гааге. Некоторые другие откликаются на манящий призыв Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, от которого в июле затребовали поторопиться с расследованием случаев мошенничества, которое совершили члены этой организации в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» в Ираке: им была предложена в три раза большая зарплата, чем в МТБЮ. ООН, однако, выступает против попытки США забрать в середине 2004 года двадцать юристов из МТБЮ в целях создания Иракского специального Трибунала. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций не хочет поддерживать суд, который применяет

смертную казнь. Поскольку она не может компенсировать вакансии новыми рабочими местами, Прокуратура должна работать с пониженной мощностью в момент завершения последнего расследования. Без необходимых средств она окончательно вынуждена ограничить задачи следователей на территории, уменьшая таким образом свою способность собрать дополнительные доказательства, чтобы вовремя подготовить дела. Судьи, однако, не подвергаются такому давлению.

Когда президент Мерон пожаловался на замораживание трудоустройства, что угрожает ограничить его способность к программированию судебных разбирательств, Нью-Йорк поторопился предоставить ему чрезвычайные меры, так как задержка процесса могла бы продлить жизнь Трибуналу. Осенью 2004 года Карла дель Понте предостерегает европейцев: «Я потеряла около 50 % сотрудников среди прокуроров и 40 % среди следователей. Замораживание трудоустройства, решение о котором принял Секретариат Организации Объединенных Наций, не дает мне возможности заменить их. Самым простым решением для меня было бы остановить расследования, прекратить бороться за то, чтобы добиться ареста всех беглецов, и сосредоточиться на текущих делах. Это то, чего многие хотят, как внутри, так и за пределами бывшей Югославии. Но это привело бы к мрачному будущему региона в течение нескольких десятилетий. Это был бы очень зловещий знак и для международного правосудия. Очень важно, чтобы все обвиняемые, находящиеся в бегах, особенно Караджич, Младич и Готовина, были переданы МТБЮ. Если международное сообщество позволит одному из них избежать наказания, все другие могли бы навсегда поверить в свою безнаказанность».

Финансовый кризис продолжался до конца 2004 года. На МТБЮ тогда накладывают новые бюджетные ограничения на 2005 год. Однако решающий секвестр 10 % от общего числа сотрудников суда является несбалансированным. Натиск по сокращению, в первую очередь, относится к Прокуратуре, которая теряет 35 % рабочих мест. Американцы пытаются навязать МТБЮ наблюдательный совет, но эту новую уловку отвергают многие страны, которые видят в этом систематическом желании американской администрации попытку подорвать авторитет и эффективность международных уголовных трибуналов, а также ослабить постоянный Международный уголовный суд. Перед Советом Безопасности в конце 2004 года Франция подчеркивает «раз-

рушительный эффект» сокращения финансирования, которое парализует работу МТБЮ, и замечает: «Есть что-то парадоксальное в том, что государства, с одной стороны, поддерживают стратегию завершения, а с другой - сокращают средства для выполнения работы. Миссия международных уголовных трибуналов должна продолжаться до тех пор, пока Радован Караджич, Ратко Младич или Кабуга (в Руанде; цитируется по архивным данным) не будут осуждены. Резолюции 1503 и 1534 не должны быть безопасным пристанищем для безнаказанности».

Посол Иордании при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке является единственным, кто указал на неискренность великих держав. На Совете Безопасности принц Зейд аль-Хусейн, который также является председателем Ассамблеи государств-участников Римского статута, говорит 6 октября 2004 года: «Прекратите жаловаться на высокую стоимость международных уголовных судов, которые не стоят ничего по сравнению с войной. Когда международное сообщество готово потратить близко одного триллиона долларов США в год на вооружение – этого исторического спутника войны – как мы можем сказать, что суммы, израсходованные на справедливость – величайшего компаньона мира – слишком высоки?» Официально паралич Трибунала является просто печальным совпадением, что вызвано плохими платежами. Неофициально, как доверительно сообщает в середине сентября 2004 года один из членов Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, «решение о замораживании трудоустройства в МТБЮ приняли чиновники, дабы поддерживать давление на Гаагскую Прокуратуру таким образом, чтобы можно было снизить количество результатов расследований по новым обвинениям в этой заключительной фазе уголовного преследования». Чиновники в Нью-Йорке выполняют приказы, подобно, например, британцу Ральфу Заклину - гроссмейстеру этой стратегии прекращения притока денежных средств.

Право не может править миром

Великие державы попытались сломить независимость МТБЮ, растереть его в порошок, чтобы он стал просто игрушкой политиков в

соответствии с первоначальными намерениями, в то время как в полной мере он не может быть удален, прежде чем ему удастся с честью завершить свой мандат. Их безжалостная манипуляция направлена в первую очередь на Прокуратуру, единственный орган судебной машины с дискреционным правом. Он имеет право принимать решения о целесообразности проведения расследований или судебных преследований, что является и его силой, и его слабостью. Великие державы не могли вмешиваться в право судей судить.[1] Если бы они из международного правосудия сделали пародию на справедливость, то тем самым ограничили бы и свое собственное право вершить справедливость. Они хотели ограничить международное правосудие, не дать ему развиваться без контроля, не позволить ему чувствовать себя свободным и неподотчетным, постоянно напоминая, что оно не может работать независимо от дипломатии, и навязать свою логику политического процесса. Они должны были сломать иллюзию того, что закон может править миром, но все же не умалить авторитет судебной угрозы - оружия, которое они намерены продолжать использовать в соответствии со своими интересами. Таким образом, задача государств заключается в том, чтобы до предела уменьшить пространство для маневра МТБЮ, одновременно доказывая, что они располагают, когда хотят, органами, способными эффективно защищать международное право с помощью легальных юридических процедур, к которым все имеют доверие. Международное правосудие может функционировать: проводить серьезные расследования и доходить до средоточия власти, несомненно, вести длинные и трудные, но справедливые дела, гарантируя справедливость, достойную этого имени. Но оно остается оружием сильных мира сего. Карла дель Понте знает горький урок

[1] Судьи также подвержены политическому давлению, но оно главным образом связано с необоснованными аспектами судебных дел, такими, как временное освобождение или приказы государств утверждать показания высокопоставленных западных чиновников. Нельзя, однако, исключать, что великие державы решительно поощряли введение запрета на передачу Международному Суду ООН части архивов Высшего совета обороны, которые подтверждают участие Белграда в войне и зверствах в Боснии и Герцеговине. В любом случае, решение не возобновлять судебные слушания после того, как приговоры уже вынесены, что имело место в случае с Тихомиром Блашкичем или Биляной Плавшич, более обусловлено установленным лимитом времени, нежели судебными аргументами.

этого жестокого поединка между правосудием и политикой. 27 января 2007 года, выступая перед студентами юридического факультета Католического университета в Лилле, она говорит: «Существует золотое правило, которое каждый прокурор, национальный или международный, должен иметь в виду: политика для правосудия - все равно, что вода для металла. Разъедает его, съедает, повреждает и, в конечном итоге, уничтожает!»

Лозунг штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке «если государство не платит, значит, у него нет политической воли» подразумевает Балканы. Правительства знают, что они подвергаются все меньшей опасности, избегая своих юридических обязательств. В 2004 году у МТБЮ есть двадцать два обвиняемых, большинство в Сербии. Воислав Коштуница, который стал премьер-министром в феврале 2004 года, отказывается от любых арестов. В июле Белград позволяет бежать еще одному обвиняемому, Горану Хаджичу, бывшему наместнику Милошевича в Вуковаре. Но Карла дель Понте его локализовала, прежде чем подписала ордер на арест и показала сербской полиции, где его найти. Это сцена снята скрытыми камерами, размещенными вокруг виллы, с помощью одной европейской разведслужбы.

«Некоторых людей в Лондоне раздражает подход МТБЮ, который отказался от составления новых обвинительных заключений, чтобы сосредоточиться на уже имеющихся судебных разбирательствах», – объясняет 16 июля 2004 года Карле дель Понте советник британского посольства в Гааге. Британский дипломат добавляет: «Белград будет требовать от Вас, чтобы четырех сербских генералов не считали очень высокопоставленными чиновниками и разрешили их передачу сербскому правосудию». Пьер Ришар Проспер также пытается уговорить швейцарку, чтобы она сделала шаг назад. Так как давление на Белград не действует, он требует от нее 28 сентября 2004 года отказаться от некоторых императивов справедливости: «Будьте реалисткой. Вы получите все документы, которые Вы просили, всех беглецов... Вам этого недостаточно?» А она ему отвечает: «Это опасно!» Сообщение, которое Проспер перешлет через год, убедит лидеров бывшей Югославии в необходимости обеспечения благосклонности мощных союзников с тем, чтобы не подчиняться международным правилам.

В конце 2004 года Карла дель Понте выдвигает обвинение против Рамуша Харадиная, бывшего командующего Армией освобождения

Косово (далее - АОК) в районе Печа, против которого она инициировала проведение следствия еще в 2001 году. С тех пор расследование фактов столкнулось с многочисленными препятствиями. Все англосаксонские помощники прокурора, которые по очереди назначались по этому делу, просили снять их с него. Одни потому, что считали подозреваемого «рядовым исполнителем» и, следовательно, недостойным команды, которая работает над преступлениями АОК, другие - потому, что свидетели отказались от своих показаний или «доказательства, вероятно, искажены сербскими спецслужбами». США и Великобритания позволили себе забыть просьбы о помощи, которые им высылал МТБЮ в течение многих лет, и под их влиянием миссии Организации Объединенных Наций в Косово отказались сотрудничать по этому делу с МТБЮ, хотя создали правозащитную коллегию по Косово и располагали протоколами, относящимися к делу. Рамуш Харадинай подозревался в том, что приказывал похищать албанцев другой политической ориентации, сербов и цыган, держать их под арестом, где они подвергались пыткам, а затем были казнены. С осени Карла дель Понте предупреждала великие державы, что Харадинай будет обвинен до конца года, и что она будет требовать, чтобы его арестовали силы НАТО, развернутые в Косово. С недоверием высокопоставленный чиновник Государственного департамента воскликнул: «Как Вы могли собрать достаточно доказательств для обвинительного заключения, когда Вам ничего не дали?» И поспешил объяснить: «Конечно, у нас ничего и не было». 22 ноября в Нью-Йорке Пьер Ришар Проспер предупредил Карлу дель Понте: «Моя администрация считает это обвинительное заключение источником проблем. Многие страны хотят, чтобы США приняли решение о том, чтобы сказать Вам, можно или нет предъявлять обвинение. Я их разуверил и сказал, что Вы сами оповестите нас вовремя». Она ответила: «Это будет статья 7, часть 1 (личная уголовная ответственность; цитируется по архивным данным), потому что он был непосредственно причастен к преступлениям». На следующий день Кэтлин Стивенс, ответственная за европейские дела в Государственном департаменте, спросила Карлу дель Понте: «Происходят ли Ваши доказательства из документов, предоставленных Белградом? (...) Рамуш очень оскорблен. Он шокирован. Не знает, что теперь делать». Ушедшего после войны в политику Харадиная планируют назначить на пост премьер-министра Косово. Его партия, которая на парламентских

выборах в октябре заняла третье место, получила лишь 8 % голосов, но она нужна лидеру-миротворцу Ибрагиму Ругове, чтобы сформировать правительство. Американцы пытались отговорить его от принятия этого предложения, но Харадинай это решительно отверг в письме на имя Филиппа Голдберга, представителя США в Приштине, в котором обвинил Карлу дель Понте в преследовании политических целей. Вашингтон, который опасается новых волнений в Косово, маневрирует в тени, а Кэтлин Стивенс бросает: «Я думаю, что он предпочел бы прибыть в Гаагу в качестве премьер-министра. Он хотел бы, чтобы обвинительное заключение осталось запечатанным (не обнародованным; цитируется по архивным данным) в течение года, чтобы впоследствии быть переданным в Трибунал». В то же время Харадинай надеется стать «отцом независимости Косово». Переговоры об окончательном статусе Косово в стадии открытия. Изначально прогнозируется, что они завершатся в конце 2005 года.

Последний заместитель прокурора по этому делу американец. В конце ноября он убежден, что есть достаточно доказательств, чтобы обвинить Харадиная в личной ответственности (статья 7, часть 1) и ответственности как вышестоящего начальника (в соответствии со статьей 7, частью 3 Устава МТБЮ). Но в начале декабря, за три недели до истечения срока, после чего Прокуратура не может выдать обвинительного заключения, он отказывается от этого дела. Не хочет составлять обвинительное заключение, которое прокурор ждет на столе 8 декабря. Карла дель Понте была поражена изменением отношения в последний момент. Американец уклоняется и находит обычный предлог, чтобы остановить преследование: «Свидетели не заслуживают доверия». Карла дель Понте срочно назначает нового заместителя. После трех недель лихорадочного просмотра всех доказательств по делу обвинительное заключение наконец-то готово. Оно будет последним, которое подпишет Карла дель Понте. Судья чрезвычайно подробно его изучивший, дабы найти в нем хотя бы малейшую ошибку, которая могла бы дать основание отклонить обвинение, утвердил его в начале марта 2005 года. Ордер на арест был немедленно передан силам НАТО. В то же время, в середине декабря, Рамуш Харадинай назначен на пост премьер-министра Косово с согласия международного сообщества, которое было проинформировано о готовящемся обвинении в совершении преступлений против человечности. После его отставки

и добровольной сдачи в Гаагу в начале 2005 года он был выпущен на свободу в ожидании процесса. Письмо поддержки Робина Кука, бывшего главы британской дипломатии, убедило судей, несмотря на ожесточенное противодействие со стороны Прокуратуры, которая указывала на ряд случаев запугивания свидетелей. До открытия его процесса 5 марта 2007 года Харадинай более или менее скрытно продолжал политическую деятельность в Косово при поддержке западных союзников, несмотря на запрет судей МТБЮ. В зале суда 5 марта Карла дель Понте подчеркнула, что поступки, которые совершил тот, кого называют «военным лидером», вовсе не были «благородными, героическими, патриотическими или честными». Она добавила: «Тем не менее некоторые люди не хотели этого обвинения (цитируется по архивным данным), немногие его поддержали, как среди иностранцев, так и среди местного населения». Указывая на новые угрозы свидетелям, которые все еще боятся давать показания, она предупредила: «Если свидетели не предстанут перед судом, я буду вынуждена прекратить уголовное преследование». Убийство, по крайней мере, двух ключевых свидетелей, смерть при подозрительных обстоятельствах третьего и отказ в даче показаний большинства из них уже позволяют сомневаться в возможности вынесения приговора.

Гонка со временем за счет справедливости

После завершения расследования великие державы все же не решили проблему. Двадцать обвиняемых по-прежнему на свободе, слишком много, чтобы без проблем закрыть Трибунал в установленные сроки. Вашингтон повышает тон в отношении Белграда, который в конечном итоге выдает пятнадцать беглецов в конце 2004 и начале 2005 года. В Брюсселе заботятся о Хорватии, которая в декабре 2005 года выдает Анте Готовину. Караджича, Младича, Толимира и еще троих сербских обвиняемых до сих пор недостает. Несмотря на открытый отказ Белграда сдать последних обвиняемых, находящихся в бегах, великие державы в конце 2006 года ослабляют давление и постепенно продолжают процесс сближения с Сербией. После вступления Сербии в программу НАТО «Партнерство ради мира» Европейский Союз объявил в середине мая 2007 года о возобновлении

переговоров по кандидатуре Сербии. Белград благодарит европейцев за отказ от ареста Младича в качестве условия, передавая им двух обвиняемых, находившихся в бегах. Здравко Толимир был арестован в конце мая – бывшая правая рука Младича, он разыскивался за геноцид в Сребренице и жил в течение многих лет в Сербии, но его никто никогда не беспокоил. В конце июня в Черногории задержан Властимир Джорджевич с помощью спецслужб Сербии. Бывший глава полиции Милошевича во время преступлений в Косово пять лет скрывался в России, прежде чем вернуться весной 2006 года. Снабженный фальшивым паспортом, выданным в Белграде на имя Новицы Караджича, он с тех пор жил в Будве, на черногорском побережье. Перед Советом Безопасности 18 июня 2007 года Карла дель Понте приветствует усилия Сербии. Несколько дней назад в Белграде сербские власти снова пообещали передать Младича до конца года. Прокурор хватается за эту надежду, в то же время увещевая Брюссель не подписывать соглашение о стабилизации и ассоциации с Сербией, пока Младич не будет передан в Гаагу. Но ее призывы не имеют отклика. В обмен на признание независимости Косово, чему Белград до сих пор противится при поддержке Москвы, Европа обещает Сербии статус кандидата до конца 2007 года.

По просьбе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций южнокорейца Пан Ги Муна, Карла дель Понте принимает предложение продолжить свой мандат, который должен был закончиться 14 сентября до конца 2007 года. Последние месяцы пребывания в должности прокурора МТБЮ будут посвящены принуждению Белграда и Брюсселя сдержать обещание. Но каким бы ни был исход этой схватки, посыл великих держав не изменится: Трибунал должен быть закрыт в соответствии с установленными сроками, с или без Караджича и Младича. У преемника Карлы дель Понте в январе 2008 года[1] задача будет способствовать закрытию Трибунала с риском продемонстрировать беглецам безнаказанность, а тем, которые ждут процесса, – предлог от него уклониться. Обещания в конце концов попытаться судить Караджича и Младича перед МТБЮ, данные представителями Запада в 2004 году, больше ничего не стоят. А ведь только их осуждение было в центре внимания миссии Трибунала.

[1] Есть два кандидата: Серж Браммерц был заместителем прокурора Международного уголовного суда с 2003 по 2007 годы. В январе 2006 года Кофи Аннан назначил его главой Международной комиссии по расследованию дела об убийстве бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири. Это его назначение будет продлено до января 2008 года, а в МТБЮ он должен прийти в начале 2008 года. Вторым кандидатом является нынешний помощник Карлы дель Понте американец Дэвид Толберт.

Чтобы попытаться вовремя завершить судебные разбирательства, суд переоборудовал зал заседаний. Теперь можно собрать до семи обвиняемых по одному и тому же делу. Да и судьи ускорили процесс. Но эта гонка со временем идет в ущерб справедливости. В марте 2007 года защита и обвинение на процессе хорватских лидеров в Боснии и Герцеговине, которые обвиняются в преступлениях, совершенных в районе Мостара в 1993 году, вместе выступили в знак протеста против несправедливости системы, которая стала «рабом» сроков, навязанных «людьми из Нью-Йорка». Обе стороны обвиняют судей в том, что им больше не дают времени для допроса свидетелей. В рамках стратегии завершения работы МТБЮ статья 73 Правил процедуры, которая была пересмотрена в 2006 году, уполномочивает судей «сократить прямой допрос некоторых свидетелей» обвинения или защиты. По другим делам кажется, что судьи никак не стремятся к предстоящему закрытию Трибунала. В третьем процессе (по Сребренице) по делу, в котором собрано семь обвиняемых, судьи потребовали, чтобы обвинение доказало существование сербской совместной преступной деятельности, целью которой с 1992 года было с помощью этнической чистки образовать сербское государство в Боснии. А это как раз те факты, которые неоднократно были установлены и осуждены перед Трибуналом. Из-за таких требований теряется драгоценное время, которое можно было бы использовать иначе. Процесс, запланированный сначала на ноябрь 2006 года против Воислава Шешеля, ультранационалиста, военизированные части которого сеяли смерть в Боснии и Хорватии, был отложен на неопределенный срок. Обвиняемый требует перевода на сербский язык всех документов Трибунала, в которых упоминается его имя, и оплату счета в шесть с половиной миллионов долларов за уже понесенные расходы в рамках подготовки его защиты. Он решителен в намерении парализовать работу МТБЮ и высмеивает правила. Воислав Шешель выигрывает после объявления голодовки.

МТБЮ не сможет осудить по состоянию на конец декабря 2008 года всех подсудимых, находящихся под стражей. В докладе Сове-

ту Безопасности в июне 2007 года президент МТБЮ Фаусто Покар объявляет о намерении продлить судебные разбирательства первого уровня до середины 2009 года, таким образом, переступая через границу фазы, которая в принципе предназначена для апелляционных процедур. Его программа, в которой нет ни Караджича, ни Младича, ни судебного процесса по делу двух других беглецов,[1] все равно представляется нереальной. Девять дел в отношении обвиняемых, которые уже находятся в заключении, даже не начинались, а два были отложены. Великие державы должны, следовательно, сделать выбор или в пользу как можно более быстрого закрытия МТБЮ, или дать еще шесть-двенадцать месяцев, чтобы попытаться спасти последние дела в стадии разбирательства. Но возможности могут быть ограничены. Политические лидеры, которые в 2003 и 2004 годах слишком торопились отнять у прокурора право уголовного преследования, сами себе связали руки. Резолюцией 1534, принятой в марте 2004 года, введен априори фиксированный календарь. Продление срока работы после 2008 года потребовало бы принятия новой резолюции, которую будет блокировать Россия. Для такого продления нужно также голосовать за бюджет 2008/2009 года, в котором бы предусматривались дополнительные расходы, связанные с превышением срока работы, бюджет, который должны рассмотреть государства-члены ООН до осени 2007 года. У великих держав в «загашнике» имеется зависящая от них судьба МТБЮ. Но пытаясь ослабить международное правосудие, они ослабляют и собственную мощь, а также свою способность судить. Даже если бы они и хотели, то будут, безусловно, не в состоянии достичь необходимого консенсуса для планирования потребностей в течение двухлетнего периода, отделяющего окончание процедур первого уровня (2008) от окончательного закрытия МТБЮ (2010). Требования в пользу продления срока мандата МТБЮ, который установлен весной 2007 года, многими неправительственными организациями, в том числе «Amnesty International», кажутся с самого начала обреченными на провал. Без сильной мобилизации международного общественного мнения великие державы, возможно, решат изменить критерии для передачи судебных дел в органы национальных судеб-

[1] К четырем обвиняемым МТБЮ, которые находятся в бегах, кроме Радована Караджича и Ратко Младича (геноцид), относятся также Горан Хаджич и Стоян Жуплянин (преступления против человечества).

ных систем, и тем самым заставят Трибунал отказаться от осуждения последних высокопоставленных должностных лиц, ожидающих суда. Что касается беглецов, то они воспользуются безнаказанностью, которая уже больше не будет считаться таковой.

За несколько месяцев до окончания своего мандата Карла дель Понте стала любимой мишенью некоторых бывших соратников. Грэм Блуитт, Джеффри Найс и некоторые следователи пытаются через прессу в странах бывшей Югославии обвинить ее во всех грехах, которые совершает МТБЮ. По их мнению, прокурор несет ответственность за ослабление Трибунала, потому что уступила под давлением, приняла стратегию завершения и приостановила преследование соучастников Милошевича, она виновата в провале арестов Караджича и Младича и во вредоносной политизации Трибунала, которая находит свое отражение в ее настойчивости обвинить Милошевича в геноциде в Сребренице, «несмотря на заверения своих заместителей» и несмотря на «недостаточность доказательств». К тому же они утверждают, что она договорилась с Белградом ограничить доступ для Международного суда ООН к хваленым архивам Высшего совета обороны сербско-черногорского государства. В середине апреля 2007 года Джеффри Найс в письме, опубликованном по его просьбе хорватской ежедневной газетой «Jutarnji list» («Утренняя газета»), выдвинул обвинения, потрясшие весь регион. Премьер-министр Хорватии пригрозил поднять вопрос перед Советом Безопасности и потребовать от Карлы дель Понте объяснений. «Ассоциация жертв Отечественной войны» в конце апреля потребовала от Председателя Совета Безопасности немедленно отозвать швейцарку. Босния наконец-то нашла кого-то, кому можно приписать причины всех своих несчастий. Как и когда-то, когда судью Антонио Кассезе коллеги обвинили в том, что он позволил Караджичу избежать правосудия, не сумев пойти на компромисс, истинные виновники онемели от удивления. Она является единственным виновником того, что в международном правосудии разочаровались, что она дала обещание жертвам восстановить их достоинство. Нужно раздавить Карлу дель Понте как символическую фигуру, чтобы было легче убить мечту о всеобщей справедливости, которая шаг за шагом боролась бы с безнаказанностью, когда национальная судебная система не в состоянии выполнить свои обязательства. Дабы лучше стереть из памяти достижения МТБЮ, на сегодняшний день доволь-

но скромные, но которые в исторической перспективе могут оказаться решающими.

25 апреля 2007 года Карла дель Понте ответила только на один вопрос: утаивание доказательств. Эта афера пошатнула доверие к МТБЮ в глазах жертв и международного общественного мнения и грозила, безусловно, нарушить баланс в МТБЮ. Карла дель Понте требует, чтобы Трибунал пояснил этот ужасный эпизод, который облегчил отказ в предъявлении правды перед Международным судом ООН. Поэтому она просит, чтобы судьи обнародовали свое решение, которое привело к сокрытию от общественности части документов ВСО, раскрывающих связи между югославской армией и армией боснийских сербов, что доказывает прямую ответственность Белграда за преступления, совершенные сербской стороной в Боснии и Герцеговине, в том числе Сребренице. Ее просьба была подана в Апелляционную палату президенту итальянскому судье Фаусто Покару, который 6 апреля 2006 года, после смерти Милошевича, решил содержать архив ВСО только для нужд МТБЮ, в то время как их коллеги из Международного Суда ООН, в двух километрах отсюда, рассматривали иск Боснии против Сербии. Как и любое решение Апелляционной палаты, это, которое Карла дель Понте хотела бы сделать достоянием общественности, содержит обзор всех предыдущих решений с перечислением аргументов Сербии, мотивов судей, участвовавших в процессе принятия решения в ноябре 2003 года и, конечно же, принятое в апреле 2006 года пятью судьями Апелляционной палаты решение о продлении срока действия запрета на предоставление документов другим пользователям. Действуя в общих интересах и заботясь о прозрачности правосудия, Карла дель Понте выступала за то, чтобы общественность была проинформирована об обстоятельствах, при которых к архиву ВСО начали применяться чрезвычайные защитные меры. Чтобы оправдать свою просьбу, она привела сотни газетных статей, опубликованных только в апреле 2007 года, в которых спекулируют по этому вопросу или ищут объяснений. 27 апреля президент Покар приказал пяти судьям, которые входят в Апелляционную палату, рассмотреть упомянутую просьбу. От позиции президента МТБЮ Покара, который будет также председательствовать в Апелляционной палате, зависит, следует ли раскрыть или хранить в тайне решения, которые он сам же принял как

конфиденциальные год назад. Игра, таким образом, еще далеко не закончена.[1]

Тем более, что обнародование решений, целью которых была защита самых темных страниц Сербии Милошевича, подтвердило бы новые попытки снять печати с архивов ВСО, а эти требования, если бы они были удовлетворены, вынудили бы Международный Суд ООН повторно рассмотреть дело Боснии против Сербии. Международный же Суд хочет этого избежать. Он доказал это, отказавшись просить от Белграда документы, которые МТБЮ не мог ему дать, зная с уверенностью, что это могло бы привести к ситуации, в которой нужно было осудить Сербию за соучастие в геноциде или геноцид. Необъяснимое в глазах жертв, несправедливое отношение судей Международного Суда вызвало бурную реакцию на следующий день после принятия решения в феврале 2007 года. Но яростные выпады Джеффри Найса против Карлы дель Понте весной привели к тому, что все забыли об ответственности судей Международного Суда и прекратили задавать вопросы о политическом давлении, которому те подвергались.

Справедливость как символ

Трибунал проработает пятнадцать лет, прежде чем закроет свои двери. За тринадцать лет были осуждены или все еще находятся под судом сто сорок шесть обвиняемых МТБЮ, из которых пять были оправданы. Четырнадцать обвиняемых были переданы судам национальных юрисдикций, еще одиннадцать умерли до или во время процесса, а для двадцати пяти обвиняемых было принято решение о прекращении уголовного преследования. Из пятидесяти обвиняемых, которых Прокуратура сочла необходимым судить перед МТБЮ, только двадцать преследуются. Одиннадцать из них еще ожидают процессуальных действий, а четверо обвиняемых все еще в бегах. В общей сложности перед ста шестьюдесятью одним обвиняемым МТБЮ представлял справедливость как символ, священный знак отказа от того, что преступления останутся безнаказанными, а главные вино-

[1] В начале сентября 2007 года Апелляционная палата, в конечном итоге, отклонила просьбу Прокуратуры.

вники продолжат нормально жить. В отличие от МТР[1] на скамье подсудимых были представители всех сообществ. МТБЮ обвинял сербов, хорватов, боснийцев, албанцев, македонцев. Это позволило признать преступления, чьими жертвами были представители всех этнических групп. Некоторые винят МТБЮ за эту заботу о балансе. Другие приветствуют готовность напомнить о том, что легитимность борьбы не защищает от уголовного преследования. Судебная квалификация преступлений, признание массовой преступной политики, количество обвиняемых с одной или другой стороны все еще подчеркивают пресловутые различия в ответственности. Эти нюансы, которые некоторые считают слишком мелкими, выходят наружу для широкой общественности, которая, не осознавая этого, неизбежно приходит к выводу о гражданской войне, в которой различные сообщества убивают друг друга. Этот тезис, настолько ошибочный, насколько и распространенный, отрицает, что уничтожение путем изгнания или преследования гражданских лиц является организованным процессом, который затрагивает как людей, так и материальные ценности, что, в свою очередь, характерно для преступлений против человечности или преступлений геноцида. Эти преступления не являются отклонениями, которые приносят войну, а наоборот: война является средством, избранным для успешной реализации массовой преступной дискриминационной политики, чей неприемлемый способ был бы слишком очевидным в мирное время. Кроме того, многие опасаются, что преследование солдат тутси перед МТР подпитывалось негативными тезисами о двойном геноциде, которые защищали и в самой Европе. Отсюда трудность для международного правосудия в определении целостной судебной политики, которая будет казаться беспристрастной,

[1] МТР обвинил девяносто лиц в связи с геноцидом тутси и умеренных хуту, который произошел в период с апреля по июль 1994 года в Руанде. Восемнадцать обвиняемых по-прежнему в бегах. Тридцать три были осуждены, но пять были оправданы. В период с 1997 по 2002 годы в Руанде перед ее судами предстали девять тысяч человек, из которых 20 % освобождены. Чтобы решить проблему около ста тысяч обвиняемых, находящихся в то время в тюрьмах Руанды, Кигали принял решение о создании народных судов, называемых «судами гачача», которые начали работу весной 2005 года. В общей сложности семьсот пятьдесят тысяч человек, обвиненных в участии в геноциде, или каждый десятый руандиец должны были предстать перед судами общинного правосудия.

поскольку она не может применять, вопреки внутренней системе правосудия в отношении наиболее серьезных преступлений в условиях мирного времени, принцип равенства перед уголовным преследованием. Как найти хрупкую границу, которая отделяет тех, кто принимает решения, от исполнителей, как умолчать о преступлениях одних, чтобы было легче указать на большую ответственность других, как сделать более прозрачными критерии выбора преследования, когда этот выбор зависит от случая, чтобы удовлетворить наибольшее количество жертв, в то время как международное правосудие всегда будет символической справедливостью?

Вслед за МТБЮ страны региона также сделали выбор вершить правосудие как символ. Три судебные инстанции, которые судят за совершение военных преступлений в Сараево, Загребе и Белграде, обещают сотрудничать и эффективно осуществлять международное правосудие. По умолчанию высшие должностные лица тоже должны будут нести ответственность. Таким же образом будут судить исполнителей и участников промежуточного уровня. Это усилие является благотворным, но существует риск того, что будут наказывать большое количество участников, а не клеймить и отвращать от любой массовой преступной дискриминационной политики, осуждая тех, кто ее придумал – как раз тех, которые действовали во имя национальных проектов, все еще прославляющих свои победы, хотя их достижение неизбежно являлось плодом преступления. Между тем такой выбор может препятствовать подлинному примирению. Сообщества, уничтоженные массовыми преступлениями, не могут быть снова построены на лжи, искажении истории, забвении и безнаказанности. Чтобы восполнить пробелы правосудия как символа, нужно будет приложить усилия, дабы укрепить признание преступлений, создать общую память, на основе которой можно снова построить и вести эффективную борьбу против отрицания фактов, а также положения дегуманизированных жертв, чувствующих потребность «вернуться к человечеству» и найти свое место в качестве полноправных граждан в обществе. В отличие от МТР, МТБЮ не был актом покаяния ни когда создавался, ни когда наступил мир. Западные державы, которые присутствовали там, не предприняли ничего во время резни в Сребренице, которую две судебные инстанции объявили геноцидом, а потом в Дейтоне подарили палачам страну, усеянную массовыми захоронениями, при

этом имея прекрасную возможность выразить свое сожаление не только словами. Но отказались, несмотря на множество своих грехов. Их недавний отказ судить Караджича и Младича перед МТБЮ кажется попыткой окончательно запечатать свой гнусный выбор.

Боснийские мусульмане, оказавшиеся в самом большом проигрыше от войны, которой они заплатили самую тяжелую дань, в отличие от Кагаме не использовали цену своей крови для достижения своих интересов на международной арене. В отличие от Кагаме у них не было оружия, чтобы остановить развитие событий, которые с самого начала имели геноцидальные намерения, у них не было победы, в результате которой они бы выдвинули условия мира в Дейтоне, не было мощных союзников, которые бы препятствовали тому, чтобы в центре Европы, пережившей Холокост, был осуществлен акт геноцида в Сребренице.[1] Подобно тому, как после войны они не пытались упрекнуть великие державы в том, что те не намеревались за насилие над ними ни арестовать Караджича и Младича, ни напомнить о своем грехе, что оставили боснийских мусульман в беде, как ранее оставили тутси. Без сомнения, по этим причинам боснийцы проиграли и войну, и мир.

Скорее всего, боснийцы не потеряли надежды, что получат компенсацию за свои страдания, надежды, что будет восстановлено их право иметь права. Такие заявления не содержат ни политических требований, ни шантажа в адрес великих держав, но только требуют правосудия - самого праведного и миролюбивого способа, изначальным смыслом которого является простая остановка логики мести. МТБЮ в 2001 году способствовал признанию преступления в Сребренице, назвав его геноцидом («дело Радислава Крстича»), и это решение было подтверждено апелляционной палатой в апреле 2004 года. Тогда он обвинил два десятка человек в связи с величай-

[1] Теоретически пережившие геноцид в Сребренице, а также все перемещенные лица могут вернуться на родину в соответствии с Дейтонским соглашением. На практике какое-либо массовое возвращение откладывается уже в течение двенадцати лет из-за боязни актов возмездия и присутствия на месте событий участников преступления. Менее тысячи выживших вернулись, чтобы жить в Сребренице. Одинокие, преследуемые остальной частью населения, они требуют специальных мер, чтобы иметь возможность развивать экономическую активность и попытаться остаться здесь. Но коль скоро их крики не слышны, они подумывают о новом исходе.

шей резней на европейской земле с 1945 года. Тем не менее высшие должностные лица не были осуждены: Караджич и Младич все еще на свободе, а Милошевич умер в тюрьме, не дождавшись решения суда. Решением от 26 февраля 2007 года, после жалобы Боснии и Герцеговины, Международный суд ООН освободил, однако, Сербию Милошевича от ответственности за соучастие в геноциде в Сребренице. Снимая таким образом вину с Милошевича, его преступной политики и режима, этот суд занял место МТБЮ. В силу того, что он оправдал окружение Милошевича в сербском руководстве за геноцид в Сребренице (Перишич, Станишич, Симатович), МТБЮ также отказался от поиска истины. А та другая истина, уже с самого начала искаженная и по этой логике сфальсифицированная в финале, сформулированная Международным Судом о самом смертоносном режиме, который Европа узнала со времен бездны Холокоста, передается потомству с опасностью того, что будет искажен способ подачи документальных и неоспоримых фактов, установленных во время первого международного процесса против главы государства.

Если правосудие является дорогим, сколько еще будет длиться этот отказ остановить безнаказанность геноцидального хозяина и убить зародыши будущего насилия? Международное уголовное правосудие не только своей силой, но и тем, что наказывает, доказало свою превентивную функцию, сдерживая систематическое насилие в отношении гражданского населения во всем мире. До тех пор, пока государства среди своих приоритетов не впишут золотыми буквами борьбу с безнаказанностью, сдерживающий потенциал международного правосудия будет весьма ограниченным. В то же время, возможно, его способность сдерживать желание мести должна долгосрочно измеряться в ограниченном пространстве, там, где международное правосудие могло бы действовать и заставлять признавать преступления и ответственность. Но отсрочка наказания Караджича и Младича серьезно отягощает эти инвестиции в будущее Балкан с риском удваивать перенесенное насилие до тех пор, пока жертвы остаются закрытыми в прошлом своего сообщества, которое правосудие еще не очистило от несправедливости. В этой ситуации вряд ли можно надеяться на примирение. Трудно себе представить, чтобы жертвы геноцида и их потомки считали, что получили компенсацию самим признанием этого акта и наказанием некоторых исполнителей, в то время как те, кото-

рые сформировали это намерение, остались на свободе, а тех, которые разделяли это намерение и из него делали политику, освободил от ответственности Международный Суд, и пока их право иметь права, среди которых право на возвращение домой, все еще зависит от воли палачей при попустительстве великих держав.

МТБЮ не отказался от своей миссии, хотя политическая воля сильных мира сего не позволила выполнить ее наилучшим образом и довести до конца, резко отказав ему в средствах, лишая его доступа к доказательствам и беглецам, которых он сам не мог арестовать, допустив его закрытие, а также не позволив осудить Караджича и Младича. МТБЮ не был непогрешимым, скорее даже далеким от этого. Западные державы по-прежнему несут основную ответственность за объявленный провал первого международного уголовного правосудия со времени Трибуналов в Нюрнберге и Токио. Но правда заключается в том, что они не желают взять ее на себя и быть первыми, которые заплатят цену, чтобы остаться с жертвами, дабы сделать международное правосудие таким, с которым можно было бы связать последнюю надежду. Без полиции, без исполнительной власти, еще в большей степени зависимый от доброй воли государств и ограниченный их политической волей, чем оба международных уголовных трибунала, Международный уголовный суд сталкивается и еще долго будет сталкиваться с теми же опасностями и тем же сопротивлением.

ЭПИЛОГ
НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

Никто не сомневается в том, что теперь гораздо труднее быть диктатором в отставке, чем десять лет назад, гораздо труднее удержать власть после совершения преступлений или закончить какую-либо войну амнистией. Но воля подтвердить право и наказать преступников, которую выражает более десяти лет все большее количество судебных органов, до сих пор не искоренила старые привычки. Проще говоря, борьба с безнаказанностью, особенно тех, кто находится при власти, далека от того, чтобы победить, несмотря на исторический поворот, который ознаменовался предъявлением МТБЮ обвинения и арестом Слободана Милошевича. Старые рефлексы противостояли рождению международного правосудия, рефлексы, диктуемые «высшими интересами», из-за которых государства, если это необходимо, будут оспаривать законность правового наследия человечества, или, по крайней мере, забывать об ограничениях, которые оно устанавливает. Начавшееся столетие проигнорировало уроки недавнего прошлого, отмеченные самыми чудовищными формами варварства, которые встречались в истории, а также нечувствительностью к международному насилию и разрушительной силе авторитарных режимов. Оно заковывает само себя в собственные противоречия: проповедует защиту пострадавшего населения, но не хочет действовать там, где необходимо спасти простую человеческую жизнь, или хочет действовать, но не для защиты прав человека. Чаще предпочтение отдается выживанию страны перед выживанием нации, приоритету порядка ценой неправды перед правдой, ценой смены власти.

Казалось, что МТБЮ, наконец, подал идею, что не может быть никакого национального примирения, пока жертвам не будет компенсирована несправедливость. Это должен гарантировать постоянный Международный уголовный суд. Амнистия, конечно, больше не является ключевым словом дипломатии, но она остается одним из видов оружия в ее арсенале. 2007 год вдруг напомнил нам о реальности этого мира, который находится в смятении, но не меняется. В начале марта 2007 года президент Афганистана Хамид Карзай одобрил проект закона, разработанный парламентом, в котором преобладают бывшие военачальники, и скроенный по такой мерке, что лица, наиболее ответственные за зверства, освобождаются от правосудия. Это была самоамнистия, за

которую проголосовали во имя примирения и стабильности, против воли подавляющего большинства населения, ищущего справедливости в стране, где с 1979 года погибло более полутора миллиона человек. В Кот-д'Ивуаре амнистия, которую 12 апреля 2007 года подписал глава государства Лоран Гбагбо в согласии со своим вчерашним противником Гийомом Соро, открывает путь к полной безнаказанности лиц, виновных в совершении преступлений против человечности и военных преступлений, допущенных в ходе конфликта, потрясавшего страну с 2000 года. С 2006 года угандийские повстанцы отказываются подписывать мир, пока не будет прекращено уголовное преследование, которое начал МУС против их лидера Джозефа Кони и четырех лидеров движения LRA. Эти призывы вносят смятение, но остаются одной из возможностей для западной дипломатии, которая стремится закрепить перемирие и остановить двадцатилетнюю войну в Уганде.

Параллельно с этим идея «ответственности по защите» уязвимых групп населения прогрессирует и выражена в торжественном тексте Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В феврале 2007 года около шестидесяти стран подписали новую международную конвенцию, которая направлена на предотвращение насильственных исчезновений, жертвами которых стали десятки тысяч людей во всем мире. Она означает успех двадцатипятилетней борьбы и вступит в силу в качестве обязывающей после ратификации двадцатью странами. Шестьдесят стран обязались, наряду с этим, бороться с вербовкой детей и их использованием в вооруженных конфликтах. Это торжественное обязательство в настоящее время не имеет никакой юридической силы для международного права, но все-таки является шагом вперед. В период после 11 сентября 2001 года государства не отвернулись от желания расширить правовое регулирование. Как ни парадоксально, больше, чем когда-либо прежде, это оказалось необходимостью. Но государства по-прежнему не хотят согласовывать свои слова и поступки.

Все участники международных договоров и конвенций, которые должны устанавливать для человечества правила ведения войны, чтобы уменьшить страдания, приносимые ею, на которых и основано международное гуманитарное право, в настоящее время имеют судебные органы, которые не принимали участия в создании МТБЮ в 1993 году. С тех пор международные уголовные суды и другие судебные инстанции, международные или смешанные, которые возник-

ли в последнее десятилетие, усовершенствовали правовую практику в области международного гуманитарного права. Впервые дошло до осуждения по обвинению в геноциде. В настоящее время насилие как средство ведения войны является составляющей частью преступлений против человечности, а равно убийства, принудительные депортации, пытки, присвоение или уничтожение имущества. Все больше стран включают международное гуманитарное право в свое уголовное законодательство, чтобы иметь возможность самостоятельно санкционировать преследование за нарушения этих прав, как это рекомендовала в 1949 году Женевская конвенция. Это юридическое наследие в мире в настоящее время использует постоянное международное учреждение универсального характера - МУС.

Возникновение международного правосудия и международная дискуссия, которую вызвало создание МУС, способствовали принятию во внимание норм этого закона, до сих пор существовавшего на бумаге в виде красивых слов и торжественного обещания, а не обязательств, которые государства должны выполнять. Международное гуманитарное право спустя годы получило бесспорную легитимность в общественном мнении. Оно стало стандартом, и международное общественное мнение оценивает конфликты и осуждает поведение государств или военачальников по масштабом его норм. Администрация Буша заплатила за это, когда во имя более неотложной борьбы с терроризмом заявила, что закон «устарел» и стала сомневаться в его эффективности. Не отказываясь тем самым от чрезвычайных мер борьбы, задержаний, допросов, в том числе с применением пыток, она была вынуждена признать легитимность прав, горячими сторонниками соблюдения которых были в свое время Соединенные Штаты Америки, и сделать вид, что соблюдает правила, осуществляя преследование перед своими судами. Открыто отвергать это право сейчас кажется невозможным благодаря бдительности неправительственных организаций и общественного мнения, даже если оно продолжает нарушаться гораздо чаще, чем прежде. Даже если те, кто его нарушает, не всегда останавливаются в своих действиях и не всегда несут ответственность за свои поступки.

Международному правосудию пока не удалось убедить общественное мнение. Несмотря на реальные успехи и осуществление значительной части своих мандатов, международные уголовные трибуналы создают впечатление незаконченной миссии. Многие прихо-

дят к выводу, что они потерпели неудачу по причине того, что «долго действовали и мало достигли». От них ожидали ни больше, ни меньше, устранить безнаказанность и тем самым не допустить повторения массовых преступлений, пролить свет на историю и тем самым способствовать примирению. Они не могли сами выполнить эту задачу, которая является большей частью вопросом политического действия, а не справедливости. Постоянный МУС, которому серьезно мешает тот факт, что его не признает большинство стран, в том числе некоторые из самых могущественных на планете, теперь вызывает столько разочарований и сомнений, сколько когда-то вызывал надежд.

И в этом нет ничего удивительного. Международная юстиция сегодня находится на переломном этапе своей короткой истории. Между прошлым и будущим. «Между революцией и эволюцией», как сказали бы некоторые юристы в Гааге. «Между взлетом и падением», - подхватили бы наибольшие пессимисты. Ее возникновение, конечно же, является революцией, которая сломала многие табу, создала новые обязательства для стран, возродила право, которое уже давно было мертвой буквой на бумаге без системы санкционирования, и вывела нового участника на международную арену. Но после эйфории того периода, когда главным считалось объявить скорый конец безнаказанности и усилить защиту уязвимых групп населения, международное правосудие теперь должно вооружиться терпением, чтобы выдержать долгий путь через пустыню, который его ждет. Ликвидация двух международных уголовных трибуналов вызовет, вне всяких сомнений, глубокий кризис доверия. Оппоненты будут торопиться похоронить международное правосудие или, что означает то же самое, оставить его в обычной колее, в которую сами же его и завели. Его защитникам будет трудно отражать атаки недоброжелателей, потому что, несмотря на бесспорные успехи, оба трибунала оставили за собой более двух десятков беглецов, разыскиваемых за преступления геноцида,[1] а постоянный Международный уголовный суд, у которого в середине 2007 года было только восемь обвиняемых, из которых лишь один выдан, не сможет до конца этого десятилетия похвастаться какими-либо большими успехами.

Чтобы достижения его предшественников не были краткосрочными, чтобы вновь подтвердилась легитимность всемирного правового наследия в конкретных действиях, МУС должен доказывать свою эффективность и вызывать доверие, а, следовательно, обеспечивать законность, которая рождается в больших муках. Он должен прилагать всяческие усилия и укрепиться на международной арене, пока не станет ее участником, к которому будут прислушиваться. МУС не должен стать только судебной палатой для регистрации преследований, которые государства начинают без реальной способности и готовности к осуждению как военачальников, так и тех, кто их в этих странах, возможно, поддерживал. Вспомогательная юрисдикция по отношению к системе внутреннего правосудия, которая была возложена на МУС, ведущую роль уступила государствам. Эта юрисдикция может ссылаться на обязанность судить, отдавать под суд каких-либо должностных лиц, ответственных за зверства. Но она может способствовать и достижению компромисса во имя политического баланса, ограничивать поиск истины и ответственности. Но МУС не всегда будет в состоянии обнаружить сбои внутреннего правосудия и оказать давление на то, чтобы исправить ошибки, потому что у него нет никаких полномочий для расследований на территории, если государство этого не позволяет или это не санкционировано Советом Безопасности. Его полномочия распространяются только на надзор за тем, в состоянии ли государства судить самостоятельно или это может зависеть от случая, особенно если этим государствам оказывают поддержку возможные сильные союзники, решившие любой ценой отдать приоритет внутренней системе правосудия. Баланс между политическим реализмом и идеалами справедливости будет тяжело найти в суде, в котором государство продолжает играть главную роль и в котором сила принуждения значительно слабее, чем та, которая была у обоих трибуналов.

[1] Только МТР насчитывает восемнадцать беглецов.

В настоящее время международное правосудие не может навязывать свои императивы и освобождаться от политической логики. Желание скомпрометировать правосудие, поставив его на службу политических процессов, вытолкнуть на задний план, а не сделать партнером, утверждать, что нужно помогать «в нужное время», оставляя место для компромисса, не совсем пропало у великих держав. Как решающие факторы на международной арене, великие державы по-прежнему хотят справедливости для того, кого они хотят и когда они хотят. Будет трудно ввести независимое правосудие. Его пламенные сторонники напоминают, что и внутреннему правосудию потребовались века, чтобы этого достичь. Связь между правосудием и

политикой всегда была противоречивой, но простор для конфликта существенно уменьшен в демократических государствах. На международной арене, напротив, ограничения, налагаемые верховенством права, быстро стираются. Именно на этот вызов должен будет отвечать МУС. Но он может быть успешным только тогда, когда присоединится к великим державам, способствуя развитию чувства реальной политики так, чтобы слово больше не означало, как это часто бывает, трусость и предательство основных ценностей. МУС уже выиграл первый бой и не маленький: против наиболее могущественной державы в мире, чьи лидеры были убеждены в том, что он не сможет функционировать без их поддержки. Отсутствие поддержки МУС со стороны Соединенных Штатов Америки, конечно же, подрывает его масштабы и доверие. Вряд ли будет доминировать международное право, если США бросили вызов Международному уголовному суду, тому, чтобы право стало составной частью международных правил игры, - правил, которые США привыкли устанавливать сами.

В ближайшей перспективе будущее МУС, как представляется, под серьезной угрозой. Но международное уголовное право остается языком, который является общим для всех людей, языком, который заслуживает это имя для того, чтобы участвовать в постоянной политической борьбе. Если мы можем рассчитывать на то, что права поднимутся непосредственно над преступлениями, недоверие государств к ограничениям международного права наложит свой отпечаток на будущее правосудия. Между тем это принуждение не стремится ограничить власть государств, оно существует для того, чтобы устанавливать границы для мощного рулевого механизма, который не будет соблюдать международные правила и защищать человечество. Сторонники баланса сил и военной силы, чтобы обеспечить этот баланс в дальнейшем, перестанут соблюдать нормы международного права. Будут ли интервентами американцы или другие, они всегда почувствуют в международном правосудии преграду к действию. Сторонники ожидания, будь то европейские или любые другие, будут видеть в международном правосудии средство для оправдания своего бездействия. Чтобы выйти из этого тупика, политики должны найти возможность сосредоточить в том же направлении государственные интересы и основные ценности, а не противопоставлять их или действовать так, как будто они исключают друг друга.

Мысль о том, что нужно защищать человека от самых жестоких намерений, берет свое начало в XVIII веке. XX век тем не менее прошел под знаком «дегуманизации», неизмеримого равнодушия к человеческим существам. Кровопролитие во время Первой мировой войны, Холокост, разрушительный тоталитаризм в сталинском Советском Союзе, китайская и северокорейская культурные революции являются наиболее характерными примерами того, что Тереза Делпек так точно назвала «одичанием».[1] XXI век начался громогласным выражением отрицания ценности жизни 11 сентября 2001 года. Хотя минувший век зашел слишком далеко в человеческих страданиях и гибели человечества, международные конвенции показали необходимость устранения невероятного регресса современного мира. Мир сегодня не может отказаться от предписаний, которые он выработал в полете мудрости, вызванном наиболее мрачными страницами нашей истории, и должен использовать средства, которыми окончательно можно подавить варварство. Поэтому необходимо срочно поставить принцип выживания наций на первое место в международных отношениях, как это указано в Уставе ООН. Необходимо вернуть человеческое сознание и его выживание в центр проблем, защиту государства понимать, в первую очередь, как защиту людей, а порядок и безопасность во всем мире как неотделимые от справедливости и уважения к правилам, ибо выживание государства не должно происходить за счет ущерба для всего населения. Нужно встать на сторону народов, а не продлевать их агонию во имя баланса и соотношения сил, спасать государства, которые топчут универсальные ценности вместо того, чтобы их защищать. До тех пор, пока ценности, которые катастрофический XX век ввел как необходимость, будут ослаблены отсутствием поддержки государств, мир и дальше будет страдать. Если защита человеческой жизни и человечества станет главной заботой государств в международных отношениях, тогда международное правосудие найдет достойное место, которое для него предназначено.

[1] Delpech Therese, L'Ensauvagement, Le Retour a la Barbarie в XXIe Siecle, Grasset, Paris, 2005.

Научно-публицистическое издание

Florence Hartmann

MIR I KAZNA

TAJNI RATOVI MEDUNARODNE POLITIKE I PRAVOSUDA

Флоренс Хартманн

МИР И НАКАЗАНИЕ

ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВОСУДИЯ

Автор вступительной статьи и научный редактор перевода
кандидат юридических наук, доцент
А. П. Евсеев

Перевод с сербско-хорватского языка
кандидата филологических наук **В. В. Близнюка**

Ответственный за выпуск Н. М. Ярошенко
Корректор В. В. Лукъянчук
Компьютерная верстка и дизайн И. В. Москалюк
Подписано в печать 21.08.2018 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. лист. 16,83. Тираж 100 экз. Зак. №2108/1
Напечатано с оригинал-макета,
изготовленного Издательством “Юрайт”
(Свидетельство о внесении в государственный реестр субъектов
издательской деятельности: серия ДК № 4236 від 22.12.2011 г.),
в типографии ФЛ-П Дуюнова Т. В.